

Российская
академия наук

Институт
славяноведения

Исследования по славянской диалектологии

24

Российская академия наук
Институт славяноведения

**Исследования по славянской
диалектологии**

24

Москва • 2023

УДК 811.16
ББК 81.41
И 88

Авторы:

*М. М. Алексеева, Н. Е. Ананьева, С. А. Борисов, И. А. Букринская,
Ж. Ж. Варбот, А. Д. Васюков, И. А. Горбушина, П. И. Долгополов,
С. В. Дьяченко, А. Ф. Журавлёв, О. Е. Кармакова, Н. И. Киреев,
С. В. Князев, М. М. Кондратенко, С. А. Мызников, С. Л. Николаев,
Г. П. Пилипенко, Биляна М. Савич, М. Н. Саенко, С. С. Скорвид,
М. Н. Толстая, Дияна М. Црняк, Т. В. Шалаева*

Редколлегия:

*д.ф.н. А. Ф. Журавлёв (отв. редактор серии),
к.ф.н. М. М. Алексеева, М. Н. Толстая (отв. редакторы выпуска),
к.ф.н. М. Н. Саенко*

Рецензенты:

к.ф.н. И. И. Исаев, к.ф.н. М. М. Валенцова

Исследования по славянской диалектологии. Вып. 24. – М.: Ин-т славяноведения РАН, 2023. – 314 с.

Коллективный труд «Исследования по славянской диалектологии» (вып. 24) содержит статьи на основе докладов, прочитанных на XXIII Круглом столе по славянской диалектологии в Институте славяноведения РАН 7–8 июня 2022 года, и публикации диалектных текстов, записанных в экспедициях разных лет.

Издание представляет интерес для широкого круга языковедов — специалистов по славянской диалектологии, лингвогеографии, лексикографии, истории языка, этимологии, социолингвистике.

The collective work contains articles based on reports presented at the XXIV Round table on Slavic dialectology at the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences on June 7–8th, 2022 as well as publications of dialectal texts, recorded during field researches over the years. The book is addressed to a wide range of linguists—specialists in Slavic dialectology, linguistic geography, language history, etymology and sociolinguistics.

ISBN 978-5-7576-0493-0
ISSN 2618-8589

DOI: 10.31168/2618-8589 (серия)
DOI: 10.31168/2618-8589.2023.24 (выпуск)

© Институт славяноведения РАН, 2023

Содержание

<i>М. Н. Саенко.</i> Праславянские «редуцированные» и гласные <i>и</i> и <i>і</i> в словенском говоре Валбурги: некоторые параллели.....	5
<i>Ж. Ж. Варбот.</i> Об одном балто-славянском лексическом соответствии ..	40
<i>А. Ф. Журавлёв.</i> Восточнославянские этимологии (3. Укр. диал. <i>батюта</i> . 4. Русск. <i>барахло</i> . 5. Укр. диал. <i>рахо́м'је</i> , белорус. диал. <i>рахамо́цье</i>)	43
<i>П. И. Долгополов, Н. И. Киреев.</i> Праславянское * <i>goľь</i> в зеркале некоторых дериватов	51
<i>М. М. Кондратенко.</i> Заимствования в славянских народных обозначениях времени	76
<i>А. Д. Васюков.</i> Литературный стандарт и диалекты: реакции этнических кашубов на процесс языковой кодификации	88
<i>С. С. Скорвид.</i> О международном проекте по созданию интернет-карты чешских говоров за пределами ЧР.....	101
<i>Н. Е. Ананьева.</i> YouTube как дополнительный источник изучения периферийных и островных польских говоров	122
<i>Диана М. Црняк, Биляна М. Савич.</i> Из синтаксиса глаголов в речи жителей района Слатины близ Баня-Луки	132
<i>М. М. Алексева.</i> Детский лексикон в карпатоукраинских говорах	152
<i>Т. В. Шалаева.</i> О суффиксе существительных <i>-ой-</i> в русских диалектах ...	173
<i>И. А. Букринская, О. Е. Кармакова.</i> Среднерусские говоры: сравнительное описание центра и периферии	181
<i>С. А. Мызников.</i> Некоторые аспекты изучения русских говоров Приладжья и Обонежья	194
<i>С. В. Князев, С. В. Дьяченко.</i> Тональный контур общего вопроса в белозерских говорах	205

<i>И. А. Горбушина. Отражение межъязыковых контактов в диалектизмах (на примере рус. диал. бутор)</i>	<i>229</i>
<i>Г. П. Пилипенко, С. А. Борисов. Тексты на украинском и чешском языках из Воеводины (Сербия)</i>	<i>236</i>
<i>С. Л. Николаев, М. Н. Толстая. Диалектные тексты из закарпатского села Русская Мокрая. 2. Традиционная культура</i>	<i>246</i>

*М. Н. Саенко
(Москва)*

Праславянские «редуцированные» и гласные *и* и *і* в словенском говоре Валбурги: некоторые параллели

Литература о славянских эрах огромна, и изучение того, как менялись взгляды на эти звуки, могло бы стать темой отдельного монографического исследования. В данной статье мы попробуем осветить лишь некоторые спорные моменты теории «редуцированных» и представить собственную трактовку. Наши взгляды будут подкреплены материалом словенского гореньского говора деревни Валбурга. На некоторые параллели между судьбами праславянских «редуцированных» и словенских *и* и *і* ранее уже, конечно, обращали внимание в литературе, однако подробного сопоставления не проводилось.

Ключевые слова: праславянский язык, редуцированные гласные, словенский язык

1.1. Постановка проблемы

За двести лет своей истории славистика накопила огромный объём данных о праславянских гласных *ъ и *ь и их судьбе в языках-потомках. Однако некоторые вопросы по сей день являются предметом дискуссии:

- 1) каково было качество *ъ и *ь?
- 2) были ли они фонетически более краткими, чем прочие краткие гласные?
- 3) какими факторами определялось выпадение или сохранение континуантов *ъ и *ь в языках-потомках?

Далее мы попробуем коротко рассмотреть историю взглядов на эти вопросы и определить, какие из них являются наиболее аргументированными.

1.2. Каково было качество *ъ и *ь?

1.2.1. Как известно, *ъ и *ь и восходят к праиндоевропейским кратким *u и *i. В то же время в славянских языках их рефлексy в так называемой «сильной» позиции варьируются от *e* и *o* до *a* (не считая позиций

рядом с j^1 , r , l), что породило значительное многообразие взглядов на фонетическое качество еров. Чуть ли не каждый уважающий себя слаvist в той или иной форме высказал собственное мнение на этот счёт, но, поскольку в рамках данной работы у нас нет возможности сделать подробный обзор, далее мы опишем лишь некоторые из этих взглядов.

1.2.2. А. Х. Востоков, который первым установил, что буквы ъ и ь в рукописях обозначали звуки, а не были просто графическими разделителями слов, называл их полугласными и описывал следующим образом: «Полугласные ъ и ь не что иное суть, как стремление воздуха из гортани, потребное для образования всякой из пяти гласных a , e , u , o , y , но не достигающее сего полного изглашения, потому что на половине пути остановленное ударяется в нёбо, вместо того, чтоб устремиться в отверстие рта. — ь ближе подходит к полным гласным оттого, что гортанный воздух для произношения его совершает в устах более пути и ударяется в переднюю часть нёба, почти к деснам; ъ, напротив того, при самом исходе из гортани в нёбо ударяется». Далее Востоков сравнивал ъ с русским y и польским y^2 , а ь вопреки собственному описанию — с согласным $\ddot{y}/j/y$ [Востоков 1865: 18].

1.2.3. А. Лескин определял старославянский ъ как краткий \ddot{o} -образный звук, похожий на ъ из современных болгарских диалектов. По его мнению, ь звучал как краткое закрытое e , приблизительно как первый или второй гласный звук в немецком *bitte* [Leskien 1905: 5]³.

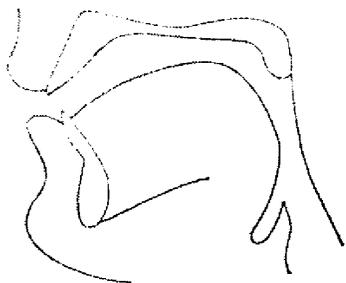
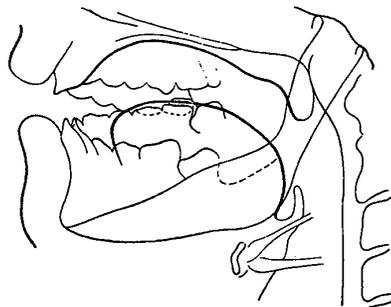
Идентификацию первого звука, который имел в виду Лескин, затрудняет то, что в современных болгарских диалектах качество континуантов *ъ широко варьируется: ъ, \acute{a} , \acute{e} , \acute{o} [Стойков 2002: 202]. Если Лескин понимал тот звук, который характерен для современного болгарского литературного языка, то, хотя его нередко описывают как шва ([ə]), видимо, это не совсем точно. Согласно описанию Э. Тернеса и Т. Владимировой-Буц, под ударением это [ɤ], в безударном положении — [ɐ] [Ternes, Vladimirova-Buhtz 2007: 56].

Следующие артикуляционные профили показывают разницу между болгарским ъ и словенским \acute{a} , которое ближе к «прототипическому» шва:

¹ Вопрос о качестве так называемых «напряжённых редуцированных» выходит за рамки данной работы.

² Которые на самом деле являются разными звуками.

³ Здесь и далее мы приводим случаи, когда исследователи описывали не только праславянские *ъ и *ь, но и старославянские ъ и ь, которые являются непосредственным продолжением праславянских гласных.

 Рис. 1. Болгарский *ъ* [ГСБКЕ 1: 30].

 Рис. 2. Словенский *э* [Toporišič 2000: 48].

В. Вондрак присоединялся к описанию *ъ* у Лескина, сравнивая его, однако, с гласным в английском *bird*. В свою очередь, *ъ* он определял как очень закрытый звук, краткий *i*, приближающийся к *e* [Vondrák 1912: 159]. В очень близком ключе высказался Г. А. Ильинский: «Он [ъ] произносился как звук, средний между закрытым *й* и закрытым *e*, тогда как *ъ* звучал в прасл. яз. приблизительно как *ö* (ср. аналогичный звук в англ. *bird*), но так, что губы оставались при его произношении в пассивном положении; язык же оттягивался немного назад, приподымаясь к заднему нёбу» [Ильинский 1916: 62–63]⁴.

1.2.4. Р. Ф. Брандт писал, что **ъ* звучал как первый гласный в *помогать*, а **ъ* как в *берегъ* [Брандт 1915: 7], то есть как [э] и [i] при икающем произношении. Вероятно, так же следует понимать описание Шахматова, который определял *ъ* как «гласную редуцированную среднего ряда среднего образования», а *ь* — как «гласную редуцированную переднего ряда среднего образования» [Шахматов 1915: 14]. Похожую мысль высказал Дурново, который описывал **ъ* как слабо- или нелабиализованный гласный среднего ряда и среднего подъёма, а **ь* — как гласный переднего ряда, близкий к *e* [Дурново 2000: 114].

Сюда же примыкает мнение Е. Д. Поливанова, который сравнивал **ъ* с казахским *i* (МФА [i]), а **ь* — с *ы* (МФА [э]) и *у* (МФА [y]) [Поливанов 1928: 27]⁵.

⁴ Отметим, что Ильинский заблуждался: немецкое *ö* (МФА [œ] и [ø:]) и английское *ir* в *bird* (МФА [z:]) неравнозначны.

⁵ Казахские звуки мы приводим в современной кириллической записи, у Поливанова они даны в арабской графике и транскрипции. Касательно фонетического значения казахских звуков см. [McCollum, Chen 2021].

Позже к этой идее присоединился Р. Нахтигал, который сопоставил с ерами русские гласные в *часовой, старики, горечь, город* [Нахтигал 1963: 49].

Р. Вечерка определял старославянские ѣ и ѣ как «гласный среднего ряда среднего подъёма нелабиализованный с ограниченной долготой» и «гласный, в произношении очень подобный [i] с ограниченной долготой» [Večerka 1984: 43], что также можно понимать как [э] и [i].

1.2.5. Ф. Ф. Фортунатов писал о редуцированных следующее: «Буква ѣ обозначает очень краткое, т. е. иррациональное, у открытое или, что то же, о закрытое. Буква ѣ обозначает очень краткое, т. е. иррациональное, і открытое или, что то же, е закрытое» [Фортунатов 1957: 12].

Сложно сказать, какое именно качество гласных имел в виду Фортунатов, поскольку «i открытое» — это всё же не совсем то же самое, что «e закрытое». Рискнём предположить, что имелись в виду о и е средне-верхнего подъёма.

В дальнейшем такое или близкое видение редуцированных получило значительную поддержку среди учёных [Соболевский 2005: 41; Борковский, Кузнецов 2006: 48; Milewski 1969: 324; Długosz-Kurczabowa, Dubisz 2006: 96; Moszyński 2006: 218].

1.2.6. Широко представлено мнение, что *ѣ и *ѣ были гласными среднего подъёма (непереднего/заднего и переднего рядов соответственно) и отличались от *о и *е только количеством [Бернштейн 2005: 180; Stieber 2005: 28; Горшкова, Хабургаев 1981: 45; Иванов 1990: 69–70; Галинская 2004: 48].

1.2.7. Предыдущие две точки зрения сведены вместе В. В. Колесовым, который считал, что редуцированные первоначально были средне-верхнего подъёма, потом снизились в средний ряд, отличаясь от о и е только количеством [Колесов 1968: 84].

1.2.8. Ю. Шевелёв определял *ѣ как гласный л-типа (э) для тех идиомов, где он дал *э, и как гласный э-типа для идиомов, где он совпал с о [Shevelov 1964: 432]. Аналогичную проекцию современных рефлексов на праславянский уровень можно найти у В. Н. Чекмана, который полагал, что в разных позднеславянских диалектах *ѣ звучал как ѣ^е, ѣ^е, э, а *ѣ — как ѣ^е, ѣ^а, э [Чекман 1979: 191]. Подобные гипотезы являются типичными решениями ad hoc, полностью игнорирующими то, что все современные рефлексы еров в славянских языках можно объяснить без введения таких сложных промежуточных ступеней (см. ниже).

1.2.9. В чешской славистике существует представление о том, что разница между *i и *у с одной стороны и *ѣ и *ѣ с другой была чисто

квантитативной в фонологическом отношении, хотя фонетически она была и качественной, поскольку долгие гласные верхнего подъёма часто произносятся выше, чем их краткие пары, а долгие гласные нижнего подъёма — ниже, чем их краткие корреляты [Mareš 1956: 446; Marvan 1971: 251–252; Bauer, Lamprecht, Šlosar 1986: 46–47].

1.2.10. Американский учёный Х. Лант приравнял старославянские *ъ* и *ь* к английским гласным в словах *put* и *pit*, то есть [ʊ] и [ɪ] соответственно [Lunt 2001: 24]. Позже это мнение в том числе в применении к праславянскому было поддержано и другими учёными [Конески 2001: 29; Попов 2020].

1.2.11. Если попытаться перевести вышеизложенные мнения, или, точнее, догадки, на язык современного МФА, что в связи с приблизительностью многих описаний является задачей нетривиальной, то получится примерно следующая картина:

Таблица 1. Гипотезы о качестве праславянских еров

	*Ъ	*Ь
Востоков	ɨ	ɨ̇
Фортунатов	ǫ	ǫ̇
Лескин	ʊ	ɪ или ə
Вондрак	ʊ или ɜ	ɪ
Брандт	ə	ɪ
Ильинский	œ или ɜ	ɪ
Поливанов	ə или ʊ	ɪ
Бернштейн	ǫ̇	ǫ̇
Шевелёв	ə или ɔ	
Мареш	ɨ̇	ɨ̇
Лант	ʊ	ɪ

1.3. Были ли еры фонетически сверхкраткими и редуцированными гласными?

Представление о том, что еры были количественно и качественно редуцированными гласными, широко распространено в науке, что получило отражение и в терминологии («редуцированные гласные», «сверхкраткие гласные»). Приведём несколько цитат:

— «Редуцируясь, эти звуки становились, во-первых, короче кратких, иначе полукраткими звуками, во-вторых, утрачивали свойственное им верхнее образование» [Шахматов 1915: 14];

— «гласные *ъ* и *ь* в о.-сл. были короче других кратких гласных и, вероятно, менее звонки» [Дурново 2000: 113];

— «короче, нежели обычные краткие гласные» [Нахтигал 1963: 49];

— «это были гласные неполные в своем образовании. Их неполнота выражалась в особой краткости их: они были короче нормально-кратких гласных *о*, *е*. С их неполнотой в количественном отношении была связана неполнота и в работе органов речи. Наиболее характерной чертой в отношении работы органов речи при образовании этих редуцированных гласных было то, что голосовые связки вибрировали короче, чем при гласных полного образования» [Селищев 2006: 138]⁶;

— «очень краткие, короче нормальных кратких *о* и *е*, с нечёткой артикуляцией» [Черных 1952: 96];

— «произносились, по-видимому, очень кратко, ослабленным голосом» [Борковский, Кузнецов 2006: 48];

— [о ь] «редуцированный гласный с незначительным открытием рта» [Arumaa 1: 57];

— «по своей длительности они были короче нормальных кратких» [Горшкова, Хабургаев 1981: 58];

— «ослабленные гласные, произносившиеся, вероятно, неполным голосом», «они звучали слабее, чем гласные полного образования» [Иванов 1990: 70].

Отдельным вопросом является наличие или отсутствие количественных различий между «сильными» и «слабыми» ерами. Так, Н. Н. Дурново считал, что сильные редуцированные были менее краткими, чем слабые [Дурново 2000: 114]. Поддержку этого мнения можно найти в [Галинская 2004: 48–49]. Л. Мошинский полагал, что еры в сильной позиции длились полморы, а в слабой — четверть [Moszyński 2006: 219]. Иного взгляда придерживалась О. В. Малкова, которая считала, что различие было градуальным, и выделяла «переходные» редуцированные, якобы сохранявшие древнейший тип произношения [Малкова 1981].

Точность некоторых из этих описаний поражает. Тем не менее серьезными аргументами они, как правило, не подкреплены и основываются на

⁶ «Редуцированный» *ъ Селищев описывал как «краткий гласный нелабиализованный высокого подъёма задне-среднего ряда» [Селищев 2006: 139].

представлении о том, что выпадать могут только сильно редуцированные в качественном и количественном отношении гласные (что, как показывают типологические данные, не так). При этом существуют аргументы против сверхкраткого характера еров. Во-первых, в позднем праславянском ещё сохранялось противопоставление кратких гласных (**e*, **o*) долгим (**i*, **ě*, **ę*, **y*, **a*, **u*, **o*). Позиционирование еров как сверхкратких означало бы трёхчленное противопоставление по долготе, что типологически довольно редко (хотя и встречается, например, в эстонском).

Во-вторых, в чешском в результате контракции после выпадения йота два ера стягивались в долгий гласный (**rěšьjь* > чеш. *pěší*, **dobгьjь* > чеш. *dobrý*), давая тот же результат, что и стяжение двух кратких или двух долгих гласных [Marvan 1971: 251].

В-третьих, как указывал Ю. В. Шевелёв, «прояснившиеся» еры могут быть долгими в славянских языках с противопоставлением по долготекраткости: **čьstь* ‘честь’ > схр., слвн. *část*, **lьžь* ‘ложь’ > схр., слвн. *lāž* (удлинение связано с акцентуацией); **dьžьjь* ‘дождь’ > чеш. *děší*, слвц. *dážd*, **stьblo* > чеш. *stěblo* ‘стебель’ (но слвц. *steblo*)⁷, **šьdlь* ‘шёл’ > слвц. *šiel* (но чеш. *šel*) в результате заменительного удлинения [Shevelov 1964: 436]. К этим примерам можно добавить чеш. *měně* ‘менее’ < **mьn’e* и *děle* ‘дольше’ < **dьl’e*.

Напротив, в качестве аргумента в пользу особой краткости «редуцированных» использовалось наличие заменительного удлинения у *o* и *e* в украинском, но его отсутствие у *ь* и *ь*: **kop’ь* > *kinь*, **re’ь* > *niч*, но **сьпь* > *сон*, **рьсь* > *пес*. На это Шевелёв возражал, что на момент заменительного удлинения *o* и *ь*, а также *e* и *ь*, скорее всего, отличались ещё и качественно, поэтому *o* и *e* подвергалось сужению, а *ь* и *ь* — нет [Shevelov 1964: 436].

1.4. Какими факторами определялось выпадение или сохранение континуантов **ь* и **ь* в языках-потомках?

Как давно установлено, в большинстве случаев сохранение или выпадение редуцированных в славянских языках определяется законом Потебни – Гавлика: в последовательной цепочке слогов с ерами нечётные (считая от конца слова) еры исчезают, а чётные переходят в гласные «полного образования». Однако известно множество исключений.

⁷ Закономерным рефлексом **stьblo* является др.-чеш. *stblo* (ср. пол. *źdźbło*), а *-é-* в *stěblo* перенесено из формы gen. pl. **stěbl*, как справедливо указывал А. Лампрехт [Lamprecht 1987: 138].

В первую очередь сюда относятся случаи сохранения ера в односложной форме: *ѣ > схр. чак. *ѣа*; *ть > слвн. *та* 'этот'; *пъ > рус. *но*.

Кроме того, в южнославянских языках континуанты «слабых» еров хорошо сохранились в целом ряде слов, преимущественно в начальном слоге.

В литературном болгарском в ряде слов мы находим ъ на месте праславянского ера в «слабой» позиции: *гѣна* 'гнуть', *дѣно* 'дно', *дѣска* 'доска', *дѣхам* 'дышать', *дѣщеря* (при разг. *щѣрка*) 'дочь', *жѣна* 'жать', *звѣня* 'звонить', *къдѣ* 'где', *лѣжа* 'лгать', *лѣжица* 'ложка', *лѣскав* 'блестящий', *лѣстя* 'лестить', *лѣхам* 'веять', *лѣця* 'сверкать', *мѣгла* 'мгла', *мѣзда* 'возмездие', *мѣна* 'мять (лѣн)', *мѣничѣк* 'малюсенький', *пѣздя* 'рѣдо', *пѣна* 'препятствовать, мешать', *пѣстѣрва* 'форель', *пѣхам* 'пихать', *рѣжда* 'ржавчина', *стѣбло* 'стебель', *стѣкло* 'стекло', *сѣхна* 'сохнуть', *тѣка* 'ткать', *тѣма* 'тьма', *тѣца* 'тѣща'⁸. Гласный *е* обнаруживается в словах *ечемѣк* 'ячмень', *начѣна* 'начать', *четѣ* 'читать'. Учёт диалектных данных позволяет привлечь ещё больше примеров [Duma 1974: 169–171]. С другой стороны, в говорах в некоторых из этих случаев представлены формы с отсутствием гласного, ср. обобщающие карты *лѣжица*, *дѣно/дно*, *тѣкае/ткае*, *жене/жне* Болгарского диалектного атласа [БДА 2001, карты 2, 18, 19, 20].

Часть этих форм можно объяснить как результат аналогии в рамках парадигмы (например, *дѣно* вместо *дно*, *мѣгла* вместо *мгла* по аналогии к gen. pl. *дѣн, *мѣгл) или к однокоренным словам (*тѣца* по аналогии к *тѣст* 'тесть', *дѣхам* — к *дѣх* 'дух, дыхание'), однако в ряде примеров аналогия исключена (*лѣжица*, *къде*), а в ряде маловероятна (сомнительно, чтобы слово *рѣжда* 'ржавчина' часто использовалось в gen. pl.). Кроме того, само количество таких форм делает объяснение через аналогию сомнительным.

Альтернативная гипотеза утверждает, что слабые еры сохранялись в начальном слоге под ударением [Мирчев 1955: 79]. Однако в целом ряде вышеприведённых примеров начальный слог не был ударным в праславянском и не является таковым в современном болгарском.

⁸ В части этих форм ъ стоит на месте этимологического *ь: *жѣна*, *лѣскав*, *лѣстя*, *лѣця*, *мѣгла*, *мѣзда*, *мѣна*, *мѣничѣк*, *пѣздя*, *пѣна*, *пѣстѣрва*, *пѣхам*, *стѣбло*, *стѣкло*, *тѣма*, *тѣца*. Однако это не свидетельствует об анаптикическом характере этого звука, а является результатом двойного развития *ь > е/ь в болгарском литературном языке (например, *дошѣл* 'пришёл', *лѣв* 'лев', *лѣст* 'лесть', *мѣст* 'месть', *пѣкъл* 'ад', *пѣн* 'пень', *пѣстѣр* 'пѣстрый', *тѣмен* 'тёмный', *тѣнѣк* 'тонкий', *тѣст* 'тесть') и большей части говоров, ср. [Кочев 1959; Стойков 2002: 203; БДА 2001, карты 12, 13, 16].

Куда более вероятное, на наш взгляд, объяснение состоит в том, что «редуцированный» мог не выпасть в случае, если при его исчезновении возникал сложнопроизносимый кластер согласных [Duma 1974].

Список сербохорватских примеров невыпадения «слабого» ера ещё длиннее. Можно назвать такие случаи, как *bàzdeti*⁹ ‘вонять’, *cvàsti* ‘цвети’, *čàtiti* ‘читать молитвы при православном религиозном обряде’, *dàhnuti* ‘дохнуть’, *dàljī* ‘более далёкий’, *dànas* ‘сегодня’, *dàska* ‘доска’, *gànuti* ‘растрогать’, *làgati* ‘лгать’, *làštiti se* ‘блестеть’, *làznuti* ‘лизнуть’, *màgla* ‘туман’, *màknuti* ‘двинуть’, *màzda* ‘плата (пейор.)’, *pàstrva* ‘форель’, *sàhnuti* ‘сохнуть’, *snàha* ‘сноха’, *stàblo* ‘ствол’, *stàklo* ‘стекло’, *stàza* ‘тропинка’, *svànuti* ‘рассвести’, *šàljēm* ‘я шлю’, *tàknuti* ‘коснуться’, *tàma* (при поэт. *tmà*) ‘тьма’, *tàrēm* (наряду с *trēm*) ‘я тру’, *tàšta* ‘тёща’, *žànjēm* ‘я жну’. При выходе за пределы литературного языка можно найти формы без континуанта редуцированного: *ckà* ‘доска’ [RHiSJ 1: 814], *sklò* ‘стекло’ [RHiSJ 15: 243].

Особого внимания заслуживает окончание gen. pl. *-ь > -ā, которое, предположительно, было обобщено из акцентных парадигм (b) и (c), в которых на него, вероятно по аналогии, было перенесено ударение, что могло способствовать его сохранению [Matasović 2008: 185–186].

В некоторых случаях, когда ер в сербохорватском выпал, получившийся сложный кластер подвергся метатезе: *žlica* ‘ложка’, *tkò* ‘кто’, *svè* ‘всё’.

Согласно П. Ивичу, в сербохорватском еры сохраняются вопреки закону Поттебни – Гавлика в следующих случаях: 1) в первом слоге под вторичным (метатоническим) ударением; 2) в первом слоге после сонанта (*l*, *m*) и перед шумным согласным; 3) в первом слоге, если при выпадении ера возникала бы группа из трёх или четырёх согласных, не соответствующая формуле «фрикативный + взрывной + плавный»; 4) в начальном слоге перед *j* [Ивић 1998].

В литературном словенском известно множество случаев сохранения «слабого» ера¹⁰: *bàdēti* ‘бдеть’, *čàbēla*¹¹ ‘пчела’, *dànas* ‘сегодня’, *dàhnuti* ‘дохнуть’, *dàskà* ‘доска’, *gànuti* ‘растрогать’, *jàmet* ‘начинаю, принимаю’.

⁹ Поскольку эта форма восходит к *ryzdēti, начальный звонкий *b*- как будто указывает на то, что «редуцированный» в данном слове выпал, а затем кластер был разбит новым анапиктическим гласным, однако в данном случае мы имеем дело со звукоподражательным по происхождению глаголом, в котором озвончение могло произойти и без выпадения гласного, ср. лит. *bezdēti*, лтш. *bezdēt* ‘pēdere’.

¹⁰ В словенской орфографии фонема *ə* записывается при помощи буквы *e*.

¹¹ С метатезой, аналогичной *səmānj* < *sьп’ьмь.

юсь', *katēri* 'который', *kədāj* 'когда', *ləgāti* 'лгать', *mánem* 'я мну', *mànj* 'меньше', *māno* 'мною', *māša* 'месса', *mə̀dəl / mə̀dəl* 'вялый', *məglà* 'туман', *məkníti* 'двинуть', *mə̀nìh* 'монах', *mēstəce* 'городок', *məzdà* 'плата', *pəhníti* 'пихнуть', *rəjə* 'ржавчина', *sə̀dāj* 'сейчас', *səmən̄j* 'ярмарка', *səsāti* 'сосать', *snàha* 'сноха', *stəklò* 'стекло', *šəpətāti* 'шептать', *tàrem* 'я тру', *tásča* 'тёща', *tə̀dāj* 'тогда', *təkníti* 'коснуться', *təmà* 'тьма', *žàmet* 'я жму', *žánjem* 'я жну'. Для ряда этих примеров можно найти дублиеты с выпадением «редуцированного». Ф. Рамовш полагал, что *ə/a* в этих примерах — гласный вторичный, возникший после исчезновения редуцированного, чтобы разбить образовавшийся консонантный кластер, или в результате аналогии к родственным словам [Ramoš 1936: 159–162]. Это объяснение, безусловно, имеет право на существование, более того, известно множество примеров возникновения таких вторичных гласных в различных славянских языках (например, в континуантах слов *ognь 'огонь', *sedьмь 'семь', *osьмь 'восемь'), однако нельзя не заметить, что в случае *gəníti* (1 sg. *gánem*)¹² 'растрогать' и *tàrem* 'я тру'¹³ постулировать вторичный гласный затруднительно: кластеры *gn-* и *tr-* были известны праславянскому (*gnězdo 'гнездо', *trьje 'три') и вряд ли могут считаться сложными для произношения.

Уникальной является ситуация в полабском, где еры в начальном ударном или предударном слоге не утрачивались, отражаясь как *â/a/ê*: *bràvoij* 'брови', *catà*¹⁴ 'считает', *dāmə* 'дует', *dānū* 'дно', *danəc* 'денёк', *drāvə* 'дрова', *dvaraj* 'двери', *gramə* 'гремит (гром)', *kātū* 'кто', *klanə* 'ругается', *krāsaijnə* 'крошка (хлеба)', *lāzaic* (m.) 'ложка', *lāzə* 'лжёт', *marə* 'умирает', *mazə* 'моросит', *māglə* 'туман', *pasaj* 'псы', *pastraicə* 'гадюка', *pazdə* 'рēдит', *rāvət* 'рвать', *sāpət* 'спать', *sāsə* 'сосёт', *slāzə* 'слеза', *sarət* 'сacare', *stažə* 'тропинка', *stābliū* 'стебель', *stāpaicə* 'спица колеса', *tarə* 'трёт', *tākat* 'ткать', *tāmə* 'тьма', *trāstaijnə* 'тростник', *t'èd* 'где', *t'ènqz* 'король, дворянин', *vānə* 'снаружи', *zaròdlə* 'зеркало', *zarət* 'зреть', *zavət* 'жевать', *zvanə* 'звонит'. Выпадение происходило только в предпредударном слоге¹⁵: *cělə* 'пчела', *cerə* 'вчера', *törə* 'второй', *skrūpə* 'опрыскивает'

¹² В современном литературном словенском для этого глагола и прочих ранее перечисленных глаголов на *-niti* характерно выравнивание основы инфинитива по основе настоящего времени, то есть замена *-ə-* на *-a-*: *ganiti*.

¹³ Наряду с этой формой существует также вариант *trēm*.

¹⁴ Здесь и далее мы следуем записи Лера-Сплавиньского с одним «новым редуцированным» (*ə*), а не с тремя (*ə, ě, ā*), как в работах более поздних авторов.

¹⁵ Но ср. *рътеньсь > плб. *pātīnəc* 'птенец' [SEJDP 3: 491–492].

[Lehr-Splawiński 1929: 52–55]. Особенно показательны в этом отношении формы слова *dъwa: *dāvo* ‘два’, *dāvōj* ‘двое’, *dāve* ‘две’, *dāvūx* ‘двух’, но *dvemā* / *dveto* ‘двумя’ [SEJDP 1: 100].

Прочие западнославянские языки, особенно польский, довольно терпимо относились к возникающим при падении редуцированных кластерам, ср. пол. *brnąć* ‘брести’, *ćma* ‘ночная бабочка’, *czci* ‘честь’ (gen. sg.), *czczy* ‘пустой’, *drwa* ‘дрова’, *dżdżu* ‘дождя’ (gen. sg.), *lgąć* ‘лгать’, *mdły* ‘вялый’, *mknąć* ‘мчаться’, *mniej* ‘меньше’, *pchnąć* ‘пихнуть’, *pstrąg* ‘форель’, *ssać* ‘сосать’, *rdza* ‘ржавчина’, *schnąć* ‘сохнуть’, *tchnąć* ‘дохнуть’, *tchórz* ‘хорёк’, *tkać* ‘ткать’, *trwoga* ‘тревога’, *trzcina* ‘тростник’, *żdźbło* ‘стебель’ и т. д. В нескольких случаях новый необычный кластер устранялся метатезой согласных: чеш. *mlha* ‘туман’, словц. *hmla* ‘туман’, пол. *drzwi* ‘двери’, *pchła* ‘блоха’, иногда он упрощался: пол. *córka* ‘дочь’, *łza* ‘слеза’, *szkło* ‘стекло’.

Восточнославянские языки занимают промежуточное положение: в них не так много примеров прояснения «слабого» ера, как в южнославянских, но больше, чем в западнославянских (без учёта полабского). Перечислим ряд русских примеров: *дебри*, *доска*, *дохнуть*, *дочь*, *жевать*, *звенеть*, *ноне*, *серебро*, *сноха*, *сосать*, *сохнуть*, *стезя*, *стекло*, *тёща*, *цветсти*. Л. Э. Калнынь считала также, что диалектные случаи вроде *моx* — *моха* объясняются не выравниванием основы, а невыпадением ера [Калнынь 1996: 46]. Отличительной чертой русского является рефлексация еров после плавных *p* и *l* как в обычной «сильной» позиции: *блоха*, *глохнуть*, *дрова*, *слеза*, *слепнуть*, *тревога*, *яблоко* (но *лгать*, *рдеть*, *ржавый*). А. А. Шахматов пытался объяснить случаи сохранения «слабых» еров тем, что якобы на начальный «редуцированный» в некоторых случаях переносилось ударение, что способствовало их сохранению. Однако, как было показано А. А. Зализняком, ударение здесь роли не играло, что заставляет обращаться к другим факторам — выравниванию по аналогии и сохранению или восстановлению «редуцированного» внутри кластера согласных [Зализняк 1985: 168–172]. Отметим, что сценарий сохранения ера предпочтительнее сценария его вторичного появления по двум причинам: во-первых, во всех процитированных выше примерах гласный имеет качество, соответствующее этимологии (*o* на месте *ъ, *e* на месте *ь); во-вторых, он находится на этимологически правильном месте. Другими словами, на месте *zъwьпѣти мы находим именно *звенеть*, а не *зевнеть, *зовнеть или *звонеть.

Качество или позиция в слове в некоторых случаях указывают на вторичность гласных на месте еров. Например, в русских диалектах на

месте **myġla* имеются формы *мыгlá*, *мугlá* и *мауlá* с явно вторичными гласными [Калнынь 1996: 42]. Известным примером является центральнословацкий «третий рефлекс», когда наряду с закономерными **ь* > *е* и **ъ* > *о* в части слов наблюдается -а-: *dážd* ‘дождь’, *lan* ‘лён’, *mach* ‘мох’, *raž* ‘рожь’. Вероятнее всего, он возник в формах косвенных падежей, разбивая сложные кластеры [Krajčovič 1971: 51–51]. Несмотря на сомнения Крайчовича, высказанные в отношении этого сценария, его правильность подтверждается тем, что именно для этих слов характерно устранение беглости гласного — *dážd* (gen. sg. *dažd'a*), *lan* (*lanu*), *mach* (*machu*), *raž* (*raže* / *raži*). Возможность использования гласного -а- как анаптиктического в словацком доказывают формы gen. pl. *dosák* / *dosiek* ‘досок’, *jedál* ‘блюд’, *sestár* / *sestier* ‘сестёр’, ср. чеш. *desek*, *jidel*, *sester* < **dьskъ*, **jědlъ*, **sestrъ*. Появление вторичного гласного на неэтимологическом месте можно наблюдать в случае верхнелужицкого *ert* ‘рот’, где **гть* (gen. sg. **гъта*) закономерно дало *rót* (*rta*), после чего в формах косвенных падежей возник протетический *e*- — *rót* (*erta*)¹⁶. Случаи протезы представлены в восточнославянском материале, ср., например, белорусские формы *ар-жаны* ‘ржаной’, *амшанік* / *імшанік* ‘мшаник’, *ікол* ‘клык’, *ілгун* ‘лгун’, *ільдзіна* ‘льдина’, *ірваць* ‘рвать’, *іржа* ‘ржавчина’, *іржаць* ‘ржать’.

Резюмируя, можно сделать вывод, что «слабые»¹⁷ еры в составе потенциального консонантного кластера нередко нарушали закон Потемби – Гавлика (часть вышеперечисленных случаев можно объяснить аналогией, но, безусловно, не все), причём разные славянские языки и диалекты по-разному определяли, какие новые кластеры допустимы, а какие нет¹⁸.

¹⁶ Вторичный гласный можно заподозрить в польском *teść* ‘теть’ (gen. sg. *teścia*) вместо ожидаемого и засвидетельствованного в памятниках *cieść*. Однако судьба этого слова объясняется иначе: праславянское **тъсть* (gen. sg. **тъсти*) дало древнепольское *cieść* (*ćścia*), впоследствии в формах косвенных падежей произошла диссимилиация — *ćścia* > *tścia*, и, наконец, первый согласный формы именительного падежа выровнялся в соответствии с остальными формами — *cieść* > *teść* [Boryś 2005: 630].

¹⁷ Кажущиеся случаи выпадения «сильных» еров (например, чешское *mudrc* ‘мудрец’), напротив, легко объясняются аналогией.

¹⁸ Привлечение диалектных данных рисует ещё более сложную картину, чем та, что описана выше. В этом отношении очень полезны данные двух томов фонетико-грамматической серии «Общеславянского лингвистического атласа» [ОЛА 4а; ОЛА 4б].

1.5. Типологические параллели к выпадению, редукции и централизации гласных верхнего подъёма

Выпадение *и*/или редукция кратких гласных верхнего подъёма *i* и *и* — широко распространённый феномен, известный как в диахронной, так и синхронной перспективе. Так, Е. Д. Поливанов указывал на наличие схожих явлений в японском¹⁹, маратхи, казахском, узбекском, китайском, персидских говорах, бурятском, монгольском, калмыцком и корейском [Поливанов 1928: 29]²⁰.

Характерна редукция гласных верхнего подъёма и для арумьнского, а также северных греческих говоров. В арумьнском, в отличие от прочих балкано-романских языков, конечные *-и* и *-і* сохранились после группы согласных (*albu* ‘белый’, *ṭiṅṭi* ‘пять’), но после одиночных согласных реализуются как неслоговые призвуки — *lup^u* ‘волк’, *lukⁱ* ‘волки’ [Нарумов 2001: 642].

В случае северных греческих говоров исследователи выделяют три типа редукции гласных верхнего подъёма и связанных явлений. При первом все старые безударные *i* и *и* исчезли, а их место заняли безударные *e* и *o*, т. е. *e* > *i*, *o* > *и* (Θεσσαλονίκη /θesalo'niki/ > /θisalu'nik/). В говорах второго типа безударные *i* и *и* выпали только на конце слова и есть переход *e* > *i*, *o* > *и*. В третьем типе безударные *i* и *и* также выпали только на конце слова, но *e* и *o* не изменили места артикуляции [Trudgill 2003: 53].

В сербских посавских говорах редуцируется *и* в части случаев полностью выпадает звук *i* в заударном слоге, чаще всего в положении рядом с сонантом. Звук *и* в этих говорах исчезает лишь в исключительных случаях [Козомара 2016: 618–622, 624–625].

Пожалуй, самыми полезными для славянской исторической фонетики оказываются уроки японского. В этом языке в определённых позициях краткие /i/ и /ʉ/ (в транскрипции Хэпбёрна записывается как *и*) оглушаются, что на спектрограмме проявляется в отсутствии первой форманты и так называемой «голосовой полосы». В аллегро-речи это приводит к полному выпадению гласного, что происходит в двух позициях: безударном слоге после глухого согласного перед паузой (烏 [karasu] > [karas] ‘ворона, ворон’; 秋 [aki] > [aki] ‘осень’); между двумя глухими согласными

¹⁹ Сопоставлению славянских и японских фонетических процессов, в том числе падения «редуцированных», посвящена специальная статья Ю. В. Шевелёва и Дж. Чу [Shevelov, Chew 1969].

²⁰ Описание Поливанова сделано очень крупными мазками, и, конечно, желательно в будущем проанализировать эти случаи более тщательно.

ми, как в безударном, так и ударном слоге (月 [tsuki] > [tski] ‘луна’; 下 [ceta] > [eta] ‘внизу; под’). Реже и в более ограниченных условиях синкопа может затрагивать остальные краткие японские гласные (*a*, *o*, *e*). Долгие /i:/ и /u:/ никогда не выпадают. При этом даже при выпадении гласного оставшийся согласный с ритмической точки зрения продолжает считаться за одну мору, таким образом, выпадение происходит на фонетическом, но не фонологическом уровне. Для сопоставления со славянскими «редуцированными» также важно, что в японском засвидетельствован сдвиг ударения с глухого гласного вправо или влево. Ещё один интересный момент — поведение слов с несколькими глухими гласными. Так, 爆竹 [bakuteiku] ‘петарда’ может произноситься как [bakuteku] или даже [bakteku], но не *[bakteik], что прямо противоположно условиям закона Потебни – Гавлика [Labrune 2012: 34–39]. Важно отметить, что оглушение и выпадение гласных зависит от темпа: в ленто-речи его не происходит [Kondo 1994: 62].

Подчеркнём также, что оглушение гласных не равно их редукции и/или выпадению. Это явление известно во многих языках, например, в корейском [Kondo 1994: 63], где редукции гласных не происходит, и французском, где оглушающиеся конечные гласные не редуцируются и находятся под ударением [Smith 2003].

Таким образом, японский пример показывает, что гласные *i* и *u* могут выпадать без значительной качественной и количественной редукции, а формы с выпадением и без выпадения могут синхронно сосуществовать в аллегро- и ленто-речи.

В научной литературе можно столкнуться с мнением, что редукции и выпадению гласных верхнего подъёма способствует их большая краткость по сравнению с неверхними. Но нельзя не заметить, что в русском языке редукции подвергаются именно неверхние гласные. Кроме того, латышский пример показывает, что противопоставление выпадающих и невыпадающих гласных может проходить по иной линии, чем верхние/неверхние. В латышском в неодносложных словах в конечном слоге краткие гласные *i*, *a*, *e* — но не *u* — выпадали. Ср. литовские и латышские формы: *akis* — *acs* ‘глаз’, *neši* — *nes* ‘ты несёшь’, *nēša* — *nes* ‘он несёт’, *nāgas* — *nags* ‘ноготь’, *širdis* — *sirds* ‘сердце’, *višas* — *viss* ‘весь’, *nēšame* — *nesam* ‘мы несём’, *nēšate* — *nesat* ‘вы несёте’, но *ledūs* — *ledus* ‘лёд’, *medūs* — *medus* ‘мёд’, *lietūs* — *liētus* ‘дождь’.

Понижение артикуляции *i* и *u* до *e* и *o* или централизация в *ə* встречается довольно часто — в литовских говорах, поздней латыни, кельтских

языках, прагерманском, кашубском, словинском, словенских говорах, иранских и индийских языках [Чекман 1979: 180–190].

В кашубском краткие *i* и *y* — а также в меньшем ареале *и* — перешли в *ə*. Бывшие долгие гласные сохраняют своё качество. Ср. польские и кашубские формы: *siwy* — *səvi* ‘седой’, *zima* — *zəma* ‘зима’, *cicho* — *cəxo* ‘тихо’, *dziki* — *zəki* ‘дикий’, *czysty* — *čəsti* ‘чистый’, *ryby* — *rəbə* ‘рыбы’, *mysz* — *məš* ‘мышь’, *czuć* ‘чувствовать’ — *čəc* ‘слышать’, *drugi* — *drəgi* ‘второй’, *ludzie* — *ləze* ‘люди’ (см. анализ явления и карты в монографии [Ropowska-Taborska 1961]).

В резьянских словенских говорах централизация устроена значительно более сложно, централизованных гласных четыре — *ī, ŷ, e, o*. Интересно, что они возникли из ударных гласных, в том числе таких, на которые ударение было оттянуто вторично [FO 1981: 38–39], таким образом, это явление сложно называть редукцией.

1.6. Наш взгляд на проблему «редуцированных»

В современных славянских языках можно выделить два основных типа рефлексации. При первом языки-потомки сохраняют разницу между рефлексами еров, при втором оба ера дали одинаковый рефлекс, вероятно, слившись в какой-то момент в *ə*. В свою очередь, в каждом типе можно выделить несколько подтипов.

Таблица 2. Типы рефлексации еров в славянских языках

	рефлексы		идиомы
	*Ъ	*Ь	
1a	*ə > ɤ	e/ɤ	болгарский (большая часть диалектов, на части территории в дальнейшем переходит в <i>a</i> -образные звуки), восточная часть эгейских македонских говоров
1b	o	e	восточнославянские языки, словацкий (центральные диалекты), македонский (большая часть диалектов), говоры юго-запада Болгарии
2a	ə		говоры северо-запада Болгарии, севера Македонии и торлакские
2b	*ə > e		польский, чешский, лужицкие, словацкий (западные и восточные диалекты)
2c	*ə > ɛ		кайкавский
2d	*ə > ē / ə		словенский (часть диалектов)
2e	*ə > ā / ə		словенский (часть диалектов)
2f	*ə > a		штокавский и чакавский

По нашему убеждению, нет почти никаких сомнений, что именно [ɪ] и [ʊ] были отправной точкой в истории праславянских «редуцированных». Как известно, *ь и *ъ продолжают праиндоевропейские краткие *i и *u. В то же время для языков с долготной корреляцией очень характерно сопровождение количественного противопоставления гласных качественным. Для гласных верхнего подъёма это часто [i:] — [ɪ] и [u:] — [ʊ]. Такова ситуация в английском, ср. пары: *sit* [sit] ‘сидеть’ — *seat* [si:t] ‘сидение’; *full* [fʊl] ‘полный’ — *fool* [fu:l] ‘дурак’. То же в немецком [Kohler 2007: 87]: *bitten* [ˈbɪtŋ] ‘просить’ — *bieten* [ˈbi:tŋ] ‘предлагать’; *in* [ʔɪn] ‘в’ — *ihn* [ʔi:n] ‘его’ (acc. sg.); *Rum* [rʊm] ‘ром’ — *Ruhm* [ru:m] ‘слава’; *Schuss* [ʃʊs] ‘выстрел’ — *Schuhs* [ʃu:s] ‘туфли’ (gen. sg.). Аналогично в литовском [Jaroslavienė 2017: 200]: *ausis* [aʊˈsɪs] ‘ухо’ — *aĩsys* [aĩsɪːs] ‘уши’; *sūnūs* [suːˈnʊs] ‘сын’ — *sūnūs* [sūːnuːs] ‘сыновья’²¹. Вероятно, так обстояли дела и в позднем праславянском.

Известно, что гласные верхнего подъёма в абсолютном измерении бывают более краткими, чем гласные среднего или, тем более, нижнего подъёма, как, например, в современном литературном русском [Дьяченко 2015: 257]. Однако жёсткой корреляции между малой длительностью и редукцией нет — в русском не редуцируются именно гласные верхнего подъёма.

Таким образом, праславянские *ь [ʊ] и *ъ [ɪ] могли быть несколько короче других кратких гласных фонетически, но не фонологически. Во всяком случае на особую сверхкраткость *ь и *ъ ничего не указывает. Сам процесс падения «редуцированных» аргументом в пользу сверхкраткости не является: как было описано выше, выпадению могут подвергаться и обычные краткие гласные.

С нашей точки зрения, ключевой вопрос истории «редуцированных» звучит следующим образом: были ли между исходными [ɪ] и [ʊ] и засви-

²¹ Оговоримся, что качественная дифференция может сопровождать количественную в случае только части пар гласных или же не сопровождать вовсе. Показательным является пример чешского языка. В литературном чешском из всех пар гласных качественно отличаются только *i* и *i* (графически *í/y* — *i/y*), которые реализуются как [i:] и [ɪ] соответственно (*byt* [bit] ‘квартира’ — *být* [bi:t] ‘быть’, *kolik* [kɔlɪk] ‘сколько’ — *kolík* [kɔli:k] ‘прищепка’). Однако в моравском диалекте качественной дифференциации нет и в случае этой пары: *i* и *i* отличаются здесь только длительностью [MSČ 2013: 43–44]. Интересна также разница между литературными литовским и латышским. В обоих языках имеется количественное противопоставление гласных, однако в литовском ему сопутствует значительное качественное различие в случае каждой пары, а в латышском качественной разницы почти нет [Jaroslavienė 2017: 212–213].

детельствованными в отдельных языках континуантами *ъ и *ь какие-либо промежуточные ступени и если да, то какие?

Важным аргументом в данной ситуации является отражение *ъ и *ь в славянских заимствованиях (включая топонимы) в различных языках.

В древнейших заимствованиях греки стабильно передавали *ъ и *ь через *u* и *i*, в то время как в более поздних — уже через *o* и *e*²². Это подтверждается богатым материалом, собранным М. Фасмером (приводим примеры лишь на древнейшую передачу через *u* и *i*): *awoγnιca > Αβαρινίτσα, *awoγnъ > Αβαρίνος, *bezъnъ > Μπεσδοῦνι, *bĕlъskъ > Βελισκός, *bolъtko > Βάλτουκα, *bolъčъno > Βαλτσινόν, *bъzъ > Μπούζι, Βούζι, *bъzowa > Μπουζοβά, *čъnъčewo > Τζηρνίτζοβο, *dъbrica > Δίβριτσα, *dъbrъ > Δίβρη, *gabrowъnikъ > Γαβροβνίкеια, *gabъna > Γαύρινη, *gordъсь > Γαρδίτσα, *gordъкъ > Γαρδίκι, *gromadъna > Γραμμάτινα, *grebenъska > Γρεβενισκά, *klokotъnica > Κλοκοτινίτζα, *kobyлъna > Κοβίλινα, *kopъьska > Κονίσκα, *kopъьsko > Κονισκός, *kotъсь > Κοτίτσα, *kriwъska > Κριβησκα, *kupъna > Κουννά, *lĕšъnica > Λεσινίτσα, *lobodъna > Λομποτινά, *lykowъсь > Λυκοβίτσι, *mostъсь > Μοστίτσι, *mъtъnica > Μουντινίτζα, *ostrowъсь > Στροβίτσι, *ostrožъnikъ > Όστροζηνίκου, *ozъna > Όσδίνα, *pešъnikъ > Μπεστινίкеια, *rĕčъna > Ρέτσινα, *selъca > Σελίτσα, *selъnica > Σελίνιτσα, *selъčane > Σελιτσάνη, *sliwъnica > Σκλιβνίτσα, *sorotъna > Σαμπατίνα, *trĕbъna > Στρεβίνα, *wĕtъna > Βέτρινα, *wĕtъnica > Βιτρινίτσα, *(w) oбъсь > Βομπλιτσοῦ, *zakonъna > Ζακονίνα, *zagowъna > Ζароβίνα. То же и в случае апеллятивов: *bъzъ > βούζιον ‘бузина’, *xъmelъ > χουμέλη ‘хмель’, *къbъль > κούβελος, κουβέλ ‘сосуд; плетённый улей’, *lapъть > λαπούδι ‘чулок’ [Vasmer 1970: 278–282].

Несколько примеров предоставляет румынский: *metъla > *mătură* ‘метла’, *stъklo > *sticlă* ‘стекло’, *sъto > *sută* ‘сто’ [Stieber 2005: 21].

То же (передачу *ъ и *ь через *u* и *i*) мы находим в баварской передаче словенских топонимов: *čъstanъ > *Zistanesfeld* (977 г.), *lomъnica > *Lominicha* (1155), *rъbъno > *Liubina* (890), *mъšъnica > *Muhsnitz* (1170), *mъsti-boγъ > *Mistibor* (1181), *pъsowitъ > *Pisuic* (1090), *rъbъnica > *Rubinicha* (1082), *sĕmъtko > *Zemicho* (1060), *trĕbъno > *Trebina* (860), *žabъnica > *Sabiniche* (1110) [Ramovš 1936: 35]. В немецкой записи древних лужицких топонимов *ъ = *e*, а *ь = *i*: *wysъpica > *Vuissepici* (951 г.), *гърът- > *Repeti* (980), *pъšenica > *Pizinizi* (973) [Schaarschmidt 1998: 63–64].

²² Исключением является позиция перед плавным, ср. Вероу́тѣ = *въроу́ччи у Константина Багрянородного. То же в топонимах: *сыгкъwъjane > Τσερκούβιана, *wъγbo-вьсь > Βερβοβίτσι, *wъγbъna > Βελβίνα, *wъγšewъсь > Βερσοβίτσι, *wъγšъсь > Βερσίτσι.

В самых старых финских заимствованиях из древнерусского регулярным отражением «редуцированных» являются *i* и *u* (в более новых уже *e* и *o*): *bьrdo > *pirta* ‘бёрдо’, *дъхогь > *tuhkuri* ‘хорёк’, *гумьно > диал. *kuomina* ‘гумно’, *кгьсть > *risti* ‘крест’, *лъжка > *lusikka* ‘ложка’, *окьно > *akkuna* > *ikkuna* ‘окно’, *полтьно > *palttina* ‘полотно’, *сьгръ > *sirppi* ‘серп’, *толкъно > *talkkuna* ‘толокно’, *тълкь > *tulkki* ‘переводчик’, *търгъ > *turku* (устар.) ‘рынок’, *тъска > *tuska* ‘боль, мѹка’, *wьрста > *virsta* ‘верста’, *wьгть > *virta* ‘течение, поток’, возможно, также *сьмель > *kimalainen* ‘шмель’ и *жьрдь > *hirsi* ‘бревно’. То же справедливо и для финских заимствований в древнерусском: *musta* ‘чёрный’ > (*Мьста >) *Мста*, *purje* > *пуря* ‘парус’ [Mikkola 1938: 22–25; Kiparsky 1: 78; Shevelov 1964: 437–438; ОФУЯ 2: 119–120; Stieber 2005: 21–22; Kallio 2006].

Так же себя ведут и скандинавизмы в древнерусском: *Birka* (торговый город) > *бьрковьскъ пждь ‘бирковский пуд’ > *берковец* ‘десять пудов’, *biti* ‘поперечная балка’ > др.-рус. *бьгь > *беть* ‘бревно, которое кладётся и закрепляется поперёк барки, с борта на борт’ [СлРЯ XI–XVII 1: 182], *brūftuga дословно ‘приводящая невесту’ > *брютъга > рус. диал. *брюдга* ‘сваха, сестра жениха, крёстная мать жениха, провожатая жениха и т. д.’, *Guðleifr* > *Гьльбьбь*, *sigla* ‘мачта’ > *шьгла* ‘лестница в одно бревно с вырубками’, *sild* ‘сельдь’ > *сьльд > *сельдь*²³ [Shevelov 1964: 438; Аникин 3: 132–134, 159–161; 4: 306–307; 10: 284–285].

Наконец, балтийские языки демонстрируют всё те же соответствия: *грька > лит. *grikiiai*, лтш. *griķi* ‘гречка’, *крьсть > лит. *krikštas* ‘крещение’, лтш. диал. *kristis* ‘крест’, *Павьль* > лит. *Põvilas*, *Пльсковь* > лтш. *Pliskava* ‘Псков’ [Shevelov 1964: 438].

Получается, что на тот момент, когда славяне, расселившись с территории своей прародины, вступили в контакт с греками, румынами, немцами, финнами, скандинавами и балтами, *ь и *ъ в их языке звучали достаточно близко к *u* и *i* в языках этих народов. Однако если мы считаем окончанием праславянской эпохи именно расселение с территории прародины (V–VI вв.), то следует признать, что в течение всей праславянской эпохи *ь = *u*, *ъ = *i*, а какие-либо изменения в месте артикуляции этих звуков начались вряд ли раньше конца общеславянского периода (X–XI вв.) и являются уже скорее фактами истории отдельных славянских языков.

В определённый момент качественное противопоставление в славянских языках становится основным, а количественное — дополнительным,

²³ В данном случае долгий *-i-* не мог быть передан при помощи *-u-*, поскольку сочетание *-илT-* (в отличие от *-ьлT-*) было невозможно в древнерусском до падения еров.

после чего последнее постепенно утрачивается. Аналогичные процессы хорошо известны нам из истории народной латыни, а также польского языка.

Получившаяся после утраты количества система гласных оказывается довольно сложной (*i – i – e* в переднем ряду, *u – u – o* в заднем), что ожидаемо привело к упрощению в отдельных языках, как правило путём понижения артикуляции *i* и *u*. Аналогичным образом в романских языках после утраты количественного противопоставления новые системы гласных тем или иным образом упрощались. Например, в итальянском *i* и *u* совпали с *e* и *o* (лат. *bucca* ‘щека’ > ит. *bocca* ‘рот’, лат. *pilus* > ит. *pelo* ‘волос’), что очень напоминает то, что мы видим в славянских языках.

Понижение артикуляции еров можно схематически представить следующим образом (гласные среднего подъёма даны как *ɛ* и *ɔ*, а не *ɛ̃* и *ɔ̃*, как было бы правильнее):

Схема 1b (восточнославянские языки)

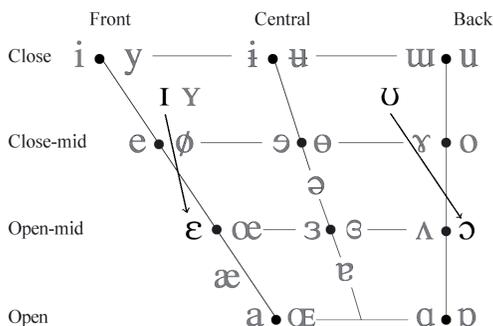

Схема 2b (западнославянские языки)

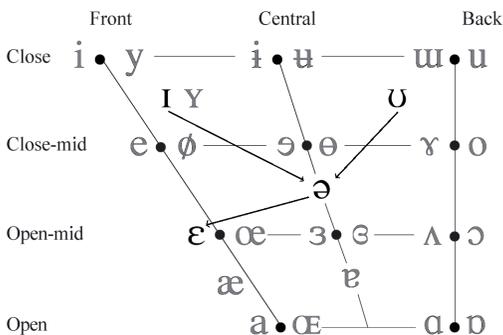
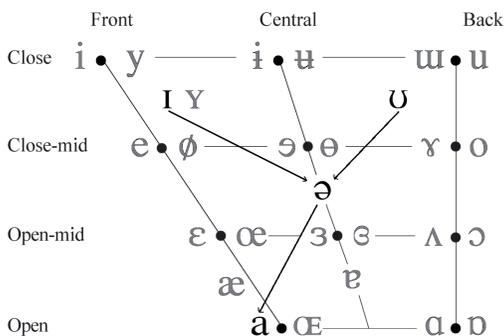

Схема 2f (сербохорватский)

Деление еров на «сильные» и «слабые», на наш взгляд, вряд ли имеет существенные фонетические основания, а скорее базируется на их судьбе в языках-потомках. Учитывая, что эта судьба могла серьёзно различаться, то и это деление вряд ли имеет смысл.

2. Говор Валбурги

2.1. Общая характеристика

Некоторые особенности истории праславянских «редуцированных» можно понять значительно лучше, если привлечь в качестве типологической параллели судьбу кратких *u* и *i* в словенских горенских говорах. Поскольку конкретная реализация описываемых ниже явлений варьируется от говора к говору, мы ограничились описанием говора одного населённого пункта в качестве конкретного примера. Речь идёт о говоре деревни Валбурга (близ Смледника), которая находится в примерно 15 километрах от центра Любляны. Говор был обследован М. Тавчаром в 1975 году в рамках сбора материала для Общеславянского лингвистического атласа (Валбурга является пунктом атласа 009). В качестве информанта выступила М. Енко 1910 г. р.

Валбурга также является пунктом (212) Словенского лингвистического атласа, материал был собран в 1959–1960 гг. Миленой Енко, студенткой Философского факультета Люблянского университета [SLA 1: 16].

Ниже мы будем использовать преимущественно материалы ОЛА, за доступ к которым мы сердечно благодарим Йожицу Шкофиц из Института словенского языка Франа Рамовша.

2.2. От праславянского вокализма к современному состоянию

Основные фонетические изменения, преобразовавшие позднепраславянский вокализм в систему говора Валбурги, выглядят следующим образом:

а) совпадение **у* и **і* в *і*;

б) переход **ь* и **ь* в сильной позиции в **э*;

в) исчезновение носовых гласных: **ę* > *e*, **ǫ* > *o*;

г) дифтонгизация **ě* (под ударением) > *eĭ* > *ę*;

д) переход **э*: > *a*::;

е) становление оппозиции закрытых и открытых гласных среднего подъёма (появление новых открытых *e* и *o* в результате оттяжки акута с последнего слога на предыдущий; старые долгие ударные *e* и *o* становятся более закрытыми; старые ударные *ę* (<**ě*) и *e* (<**ę*, **e*) совпадают в *ę*);

ж) ударные краткие *i*, *u*, *ę*, *a* в последнем закрытом слоге переходят в *э*;

з) выпадение кратких *i* и *u*;

и) исчезновение оппозиции по долготе/краткости: в отличие от литературного языка и многих диалектов, ударные — долгие, безударные — краткие (удлинившиеся краткие ударные *e* и *o* сохраняют своё открытое качество: *zələ:n* ‘зелёный’, *snò:p* ‘сноп’);

к) переход безударного *o* > *u* в предударной позиции;

л) редукция безударных *e*, *a*, *o* > *э*.

Современная система ударного вокализма говора Валбурги выглядит следующим образом [FO 1981: 87]:

подъём \ ряд	передний	средний	задний
верхний	і:		u:
средне-верхний	ę:	э:	o:
средне-нижний	e:		o:
нижний		a:	

Безударные гласные [FO 1981: 87]:

подъём \ ряд	передний	средний	задний
верхний	і		u
средний	e	э	o
нижний		a	

При этом полный набор безударных гласных появляется только в задарном слоге, а в предударном возможны лишь *i*, *ə*, *u*. Ударение тоническое, представлены два тона — восходящий (*á*) и нисходящий (*à*).

2.3.1. Судьба старого *ə* (< *ъ и *ь)

Как и в большинстве прочих словенских диалектов²⁴, в говоре Валбурги долгий (циркумфлектированный) *ə*: переходит в *a*: (слева формы литературного словенского в стандартной орфографии, справа — Валбурги):

- *čâst* — *čà:st* ‘честь’;
- *dân* — *dà:n* ‘день’;
- *mâh* — *mà:x* ‘мох’;
- *lân* — *và:n* ‘лён’;
- *vâs* — *và:s* ‘деревня’;
- *lâž* — *và:š* ‘ложь’.

Краткий *ə* под ударением первоначально сохраняет своё качество, а впоследствии, как и все ударные гласные, удлиняется (в квадратных скобках приведена транскрипция форм литературного языка):

- *děž* [dǝš] — *də:š* ‘дождь’;
- *hrbět* [xərbət] — *xərbə:t* ‘спина’;
- *pès* [pəs] — *pə:s* ‘собака’;
- *rž* [rš] — *rə:š* ‘рожь’;
- *sëm* [səm] — *sə:m* ‘я есть’;
- *vèn* [vən] — *və:n* ‘наружу’;
- *žebelj* [žebəl] — *žəbəl:l* ‘гвоздь’.

Безударный *ə* выпадает в позиции перед *u* с одновременной вокализацией *u* > *i*:

- *kisel* [kísəu] — *kí:su* ‘кислый’;
- *mîsel* [mîsəu] — *mì:su* ‘мысль’;
- *órel* [órəu] — *ó:ru* ~ *vó:ru* ‘орёл’;
- *pónev* [pónəu] — *pó:nu* ‘сковородка’;
- *obútev* [obûtəu] — *ubù:tu* ‘обувь’;
- *prišël bi* [prišəu bi] — *pəršù: bə* ‘пришёл бы’.

Безударный *ə* выпадает в составе суффикса *-əc*, если ему предшествует сонант:

²⁴ *ə*: переходил в *e*: в резьянских, паннонских и части штирийских говоров (см. карты SLA 1/126 ‘tast’, 1/127 ‘tašča’, 1/127 ‘snaha’).

- *kozârec* [kozâɾɛç] — *kuzà:rc* ‘стакан’;
- *stârec* [stâɾɛç] — *stà:rc* ‘старик’;
- *brâtranec* [brâtranɛç] — *brâ:tranc* ‘двоюродный брат’;
- *piščâneg* [piščânɛç] — *pšâ:nc* ‘цыплёнок’;
- *svîneg* [svînɛç] — *svî:nc* ‘свинец’;
- *krâjec* [krâjɛç] — *krâ:ȳc* ‘горбушка’;
- *pâlec* [pâlɛç] — *pâ:ȳc* ‘большой палец’;
- *tkâlec* [tkâlɛç] — *tkâ:ȳc* ‘ткач’;
- *vdóvec* [vdóvɛç] — *vdò:ȳc* ‘вдовец’.

Между двумя шумными, а также если первый из согласных — сонант, но находится в анлауте, *ə* сохраняется:

- *čebêla* [čəbɛla] — *čəbɛ:la* ‘пчела’;
- праслав. *dъxorъ²⁵ — *dəxú:r* ~ *dəxó:r* ‘хорёк’;
- *dežjā* [dɛžjā] — *dəžjā:* ‘дождя’;
- *meglā* [mɛglā] — *məɣvā:* ‘туман’;
- *stezā* [stɛzā] — *stɛzā:* ‘тропинка’;
- *tèmen* [tɛmɛn] — *tɛmɛ:n* ‘тёмный’;
- *zôbek* [zɔbɛk] — *zò:bək* ‘зубик’;
- *pôpek* [pɔpɛk] — *pò:pək* ‘пупок’;
- *dêdek* [dɛdɛk] — *dɛ:dək* ‘дедушка’;
- *krátek* [krátɛk] — *krá:tək* ‘короткий’;
- *vôtek* [vɔtɛk] — *vò:tək* ‘уток’;
- *môzeg* [mɔzɛk] — *mò:zək* ‘мозг’;
- *ózek* [ɔzɛk] — *vózək* ‘узкий’;
- *zvêzek* [zvɛzɛk] — *zvɛ:zək* ‘тетрадь’;
- *nôsek* [nɔsɛk] — *nò:sək* ‘носик’;
- *pêsek* [pɛsɛk] — *pɛ:sək* ‘песок’;
- *striček* [stričɛk] — *stri:čək* ‘дядюшка’;
- *ôček* [ɔčɛk] — *ú:čək*²⁶ ‘глазок’;
- *slépec* [slɛpɛç] — *slɛ:pɛç* ‘слепец’;
- *želôdec* [žɛlɔdɛç] — *žəvò:dɛç* ‘желудок’;
- *brátec* [brátɛç] — *brà:tɛç* ‘братец’;
- *sûhec* [sûhɛç] — *sù:xɛç* ‘худощавый человек’;

²⁵ Словенское литературное *dihūr* объясняется как гиперкорректный пересчёт диалектного *thôr* [Snoj 2016: 139], воспринятого как диалектная горенская форма с выпадением *-i*.

²⁶ Вокализм корня, видимо, из формы *uči*: ‘глаза’.

- *mēsec* [mēsɛc] — *mɛ:sɛc* ‘месяц’;
- *plēšec* [plēšɛc] — *plɛ:šɛc* ‘лысый человек’.

Если учесть, что большинство перечисленных выше случаев — существительные и прилагательные, у которых *ə* в формах косвенных падежей исчезает, можно утверждать, что фонетического выпадения *ə* в говоре Валбурги нет, и речь идёт скорее о выравнивании парадигмы по аналогии, но эта аналогия затрагивает в первую очередь те слова, где исчезновение *ə* в форме *nom. sg.* не приведёт к появлению труднопроизносимого кластера согласных.

Аргументом в пользу того, что это морфологический процесс, а не фонетический, может служить следующая пара слов: *dēdec* [dêdɛc] — *dɛ:tc* ‘мужчина’, но *želôdec* [želôdɛc] — *žəvô:dɛc* ‘желудок’. Как мы видим, в аналогичных фонетических условиях в одном слове *ə* исчезает, а в другом — нет. Важный вывод, который из этого следует, заключается в том, что фонетически *ə* в говоре Валбурги не выпадало (за исключением, возможно, позиции перед *ʝ*).

2.3.2. Судьба кратких *u* и *i*

В говоре Валбурги долгие ударные *u* и *i* сохраняют своё качество:

- *krí* — *krì:* ‘кровь’;
- *nosníca* — *nusní:ca* ‘ноздря’;
- *nosú* — *nusù:* ‘носа’;
- *očí* — *učí:* ‘глазá’ (*nom. pl.*);
- *očí* — *učí:* ‘глаз’ (*gen. pl.*).

Краткие ударные *u* и *i* переходят в *ə* на конце слова:

- *vsǐ* — *usə:* ‘все’;
- *na hrbtǔ* — *na xərtə:* ‘на спине’;
- *nə məsə:* ‘на мясе’²⁷;
- *žəblǐ* — *žəblə:* ‘гвозди’.

То же происходит с краткими ударными *u* и *i* в конечном закрытом слоге²⁸:

- *bík* — *bə:k* ‘бык’, при *bíkɛc* [bíkɛc] — *bì:kɛc* ‘бычок’;
- *dǐm* — *də:m* ‘дым’;
- *klǐn* — *klə:n* ‘клин’;

²⁷ В литературном языке мы обнаруживаем иное ударение — *na mēsua*.

²⁸ Это явление затронуло также *ě* и *a* (но не *e* и *o*): *xrə:n* ‘хрен’, *ərdə:č* ‘красный’, *brə:t* ‘брат’, *ɣə:t* ‘гадюка’, *kə:t* ‘кадка’, *prə:x* ‘порог’, *ubrə:s* ‘лицо’, *zrə:k* ‘воздух’.

- *mǐš* — *mǝ:š* ‘мышь’;
- *nǐč* — *nǝ:č* ‘ничто’;
- *nǐt* — *nǝ:t* ‘нить’;
- *rǐt* — *rǝ:t* ‘culus’²⁹;
- *sǐr* — *sǝ:r* ‘сыр’;
- *sǐt* — *sǝ:t* ‘сыт’;
- *tǐč* — *tǝ:č* ‘птица’, при *tǐček* [tǐčǝk] — *tǐ:čǝk* ‘птичка’;
- *krǐh* — *krǝ:h* ‘хлеб’.

Краткие безударные *u* и *i* выпадают или переходят в *ǝ*³⁰. Показательным примером являются парадигмы глаголов ‘молотить’ и ‘видеть’:

- *mlátim* — *mvá:tǝm* ‘я молочу’;
- *mlátiš* — *mvá:tǝš* ‘ты молотишь’;
- *mlátimo* — *mvá:tǝmo* ‘мы молотим’;
- *mlátijo* — *mvá:tǝjo* ‘они молотят’;
- *vǐdim* — *vǐ:dǝm* ‘я вижу’;
- *vǐdi* — *vǐ:t* ‘он видит’;
- *vǐdite* — *vǐ:tǝ* ‘вы видите’;
- *vǐdijo* — *vǐ:dǝjo* ‘они видят’.

Эти гласные выпадают в ауслaute не под ударением (тон и качество корневого гласного литературного языка иногда не совпадают с аналогичными характеристиками в говоре Валбурги):

- *mǐši* — *mǐ:š* ‘мышь’ (gen. sg.);
- *bǐdi* — *bǐ:t* ‘будь’;
- *brátu* — *brá:t* ‘брату’;
- *čákali smo* — *čǝká:l smo* ‘мы ждали’;

²⁹ В материалах ОЛА эта форма записана как ответ на вопрос 1386 (континуант праславянского *гъть, давший *řt* ‘мыс’ в словенском литературном), но это, по всей вероятности, является ошибкой, на что указывает ответ на вопрос 1387 (loc. sg. того же слова), где мы обнаруживаем *nǝ ři:t*, очевидно соответствующее литературному *na řiti*, а не *na řtu*. Дополнительным подтверждением является форма *rǝt* ‘culus’ из SLA [SLA 1, карта 56].

³⁰ Это характерно также для *ě*, а именно: выпадение в заударном или предударном слоге рядом с сонантом: *čvǝ:uk* ‘человек’, *ǝlsǝ:n* ‘деревянный’, *pǝrxvǝ:du se je* ‘он простудился’, *ǝrcǐ:* ‘вещи’ (gen. sg.), *vǐ:du* ‘видел’, *vǐ:dva* ‘видела’; редукция в шва в составе кластера: *drǝvǝ* ‘дерево’, *tǝstǝ* ‘тесто’, *vǐ:dǝt* ‘видеть’. Но есть и случаи сохранения в заударном положении: *mǝ:dvet* ‘медведь’, *sǝ:set* ‘сосед’. Лишь в отдельных словах полностью исчезают (а не редуцируются в *ǝ* и *u*) безударные *e* и *o*: *dná:r* ‘деньги’, *nǝrdǝ:t* ‘сделать’, *kupvǝ:t* ‘покупать’, *ǝncǝ:ǐ* ‘сегодня ночью’, *stǝ:ǝn* ‘бедро’.

- *láni* — *vá:n* ‘в прошлом году’;
- *míši* — *mí:š* ‘мышей’;
- *míši* — *mì:š* ‘мыши’ (ном. pl);
- *nísi* — *ní:s* ‘ты не есть’;
- *otróci* — *utró:c* ‘дети’;
- *prágu* — *prá:x* ‘порогу’;
- *pri kónju* — *pər kò:n* ‘при коне’;
- *pri vólu* — *pər vò:l* ‘при воле’;
- *prósi* — *pró:s* ‘он просит’;
- *s svínjami* — *s svi:nam* ‘со свиньями’;
- *slīši* — *slì:š* ‘он слышит’;
- *svínji* — *sví:n* ‘свинье’ (dat-loc. sg.);
- *tébi* — *té:p* ‘тебе’ (dat-loc.);
- *v vódi* [v vódi] — *u vó:t* ‘в воде’;
- *vīdi* — *vì:t* ‘он видит’
- *vólu* — *vò:l* ‘волу’;
- *zmóti se* — *zmó:t se* ‘он ошибётся’;
- *žrebētu* — *žbè:t* ‘жеребёнку’.

После консонантного кластера на месте *u* и *i* мы обнаруживаем *ə*:

- *pónvi* — *pó:nvə* ‘сковородке’ (dat.sg.);
- *zājcu* — *zà:icə* ‘зайцу’;
- *na pālcu* — *nə pà:ucə* ‘на большом пальце’;
- *pri vōlku* — *pər vòucə* ‘при волке’;
- *pri zājcu* — *pər zà:icə* ‘при зайце’;
- *órlī* — *ó:rlə* ‘орлы’;
- *pālcī* — *pà:ucə* ‘большие пальцы’;
- *zājci* — *zà:icə* ‘зайцы’;
- *dvōjčki* — *dvò:icə* ‘близнецы’;
- *brātski* — *brá:tskə* ‘братский’;
- *člověški* — *čəvə:škə* ‘человеческий’;
- *kōnjski* — *kò:nskə* ‘конский’;
- *móški* — *mó:škə* ‘мужчина’;
- *míslī* — *mì:slə* ‘он думает’;
- *jedli* — *jé:dlə* ‘ели’ (глагол);
- *mógli* — *mò:ylə* ‘могли’;
- *plétli* — *plé:dlə* ‘плели’.

При этом мы наблюдаем восстановление *ə* на месте исчезнувшего окончания по аналогии, ср. многочисленные колебания:

- *kljúči* — *klú:č̣* ~ *klú:č̣ə* ‘ключи’;
- *mléku* — *mlé:k* ~ *mlé:kə* ‘молоке’ (loc.sg.);
- *nóži* — *nó:ṣ̌* ~ *nó:ṣ̌ə* ‘ножи’;
- *prági* — *prá:x* ~ *prá:yə* ‘пороги’;
- *pri mōžu* — *pər mó:ṣ̌* ~ *mò:ṣ̌ə* ‘при муже’;
- *sīnu* — *sì:n* ~ *sì:nə* ‘сыну’.

Кроме того:

- *bôki* — *bô:kə* ‘бока’;
- *bráti* — *brá:tə* ‘братья’;
- *cvēti* — *cvè:tə* ‘цветы’;
- *golôbi* — *γulò:bə* ‘голуби’;
- *jelēni* — *jələ:nə* ‘олени’;
- *mōžu* — *mò:ṣ̌ə* ‘мужу’;
- *pri golôbu* — *pər γulò:bə* ‘при голубе’;
- *ráki* — *rá:kə* ‘раки’;
- *vóli* — *vólə* ‘волы’.

Выпадение *u* и *i* в консонантном кластере не под ударением:

- *bilī* — *bli:* ‘были’ (m.);
- *bódite* — *bò:tte* ‘будьте’;
- *glávica* — *γvá:ɥca* ‘головка’;
- *gosēnica* — *γusè:nca* ‘гусеница’;
- *govēdina* — *γuvè:dna* ‘говядина’;
- *kobilica* — *kubi:lca* ‘кузнечик’;
- *kōlik* — *kò:lk* ‘сколько’;
- *krávica* — *krá:ɥca* ‘коровка’;
- *piščánec* [piščánɛs] — *pšá:nc* ‘цыплёнок’;
- *pozábila* — *puzá:bla* ‘забыла’;
- *rókica* — *ró:kca* ‘ручка’;
- *sinica* — *sni:ca* ‘синица’;
- *sirôta* — *srò:ta* ‘сирота’;
- *svinētina* — *svinè:tna* ‘свинина’;
- *telētina* — *tələ:tna* ‘телятина’;
- *vídite* — *vi:tte* ‘вы видите’;
- *vránica* — *vrá:nca* ‘селезёнка’;
- *živim* — *žvi:m* ‘я живу’;
- *živina* — *žvi:na* ‘скот’;
- *živòt* — *žvò:t* ‘туловище’.

Выпадение *u* и *i* в безударном слоге рядом с сонантом (*l, r, n, m, w, v, j*), если при выпадении образуется слоговый сонант, имеет следующий вид: #RiC, #RuC > #əRC (только *r, l*); CiR#, CuR# > CəR#, CRiC, CRuC > CəRC, напр.:

- *ljudjē* — *əldjə:* ‘люди’;
- *ljudi* — *əldi:* ‘людей’;
- *lisica* — *əlsi:ca* ‘лисица’;
- *ruměn* — *ərmè:n* ‘жёлтый’;
- *družina* — *dərži:na* ‘семья’;
- *strupēna* — *stərpə:na* ‘ядовитая’;
- *māvrca* — *mà:vərca* ‘радуга’;
- *prišəl bi* [prišəɫ bi] — *pəršù: bə* ‘пришёл бы’;
- *séstrica* — *sé:stərca* ‘сестрица’;
- *trijē* — *tərjə:* ‘три’ (m.);
- *lěšnik* — *lě:šənk* ‘фундук’;
- *pāšnik* — *pà:šənk* ‘пастбище’;
- *perīlnik* — *pəri:vənk* ‘валёк для стирки’;
- *práznik* — *prá:zəjk* ‘праздник’;
- *sòpnčnica* — *sò:pčəncə* ‘подсолнух’;
- *trəpālnice* — *trəpà:vənce / trəpà:lənce* ‘ресницы’;
- *ústnice* — *ù:stənce* ‘губы’;
- *pélin* — *pé:lən* ‘попынь’;
- *petélin* — *pəté:lən* ‘петух’;
- *míslim* — *mì:sləm* ‘я думаю’;
- *ōčim* — *vò:čətm ~ ó:čətm* ‘отчим’;
- *vídím* — *vì:dətm* ‘я вижу’.

Вероятно, факультативно в этих случаях могут появляться слоговые сонанты, ср. *z ničēmer* [z ničətməɾ] — *z ničə:mər* ‘ни с чем’³¹.

Отдельно приведём примеры на выпадение *u* и *i* рядом с сонантом *w, v, j*:

- *visòk* — *usò:k* ‘высокий’;
- *nósil* — *nó:su* ‘носил’;
- *cvílil* — *cví:lu* ‘скулил’;
- *dívji* — *dí:vi* ‘дикий’;
- *pásji* — *pá:si* ‘пёсий’, при *pásja* — *pá:sja* ‘пёсья’.

³¹ У Т. Логара форма ‘люди’ фигурирует как *ldjə:* [Logar 1993: 25–26], однако, поскольку в записанных им текстах нет других похожих примеров, нельзя сказать, является ли это особенностью записи или характерно для речи конкретного носителя.

Лишь в одном случае ожидаемого *-u#* не обнаруживается: *pozábil* — *puzá:p* ‘забыл’.

Краткие *u* и *i* сохраняются в начале слова:

- *igrâm* — *iyrà:m* ‘я играю’;
- *imâm* — *imâ:m* ~ *imà:m* ‘я имею’;
- *imê* — *imè:* ~ *imè:* ‘имя’;
- *iskáti* — *iskà:t* ‘искать’;
- *ubîj* — *ubi:j* ‘убей’;
- *uhô* — *uxò:* ‘ухо’;
- *ušî* — *uši:* ‘вши’ (gen. sg.).

Нами также был обнаружен ряд примеров, когда *u* и *i* вопреки ожиданию не выпадают:

- *ključavnica* — *klučá:vəpca* ‘замок’;
- *pljuváti* — *pluvà:t* ‘плевать’;
- *právljica* — *prá:ulica* ‘сказка’;
- *ríbič* — *rì:bič* ‘рыбак’;
- *rumenják* — *rumená:k* ‘желток’, несмотря на однокоренное *ərmè:n* ‘жёлтый’;
- *sinôvi* — *sinò:u* ‘сыновья’;
- *svîčnik* — *svì:nčnik* ‘карандаш’;
- *svinětina* — *svinè:tna* ‘свинина’;
- *višina* — *viši:na* ‘высота’, несмотря на однокоренное *usò:k* ‘высокий’.

В односложном слове выпадения не происходит:

- *bi* — *bə* ‘бы’;
- *jih* — *jəx* ‘их’;
- *jim* — *jəm* ‘им’;
- *pri* — *pər* ‘при’;
- *ti* — *tə* ‘тебе’ (dat.);
- *so šli* — *so šlə* ‘они шли’.

Формы *jəx*, *jəm* и *šlə* ярко демонстрируют, что мы имеем дело не с полным исчезновением *u* и *i* и последующей вставкой шва (в этом случае ожидалось бы **ix*, **im* и **šəl*), а с переходом *u* и *i* > ə.

С таким же переходом мы сталкиваемся в консонантном кластере не под ударением:

- *bózič* — *bó:žəč* ‘Рождество’;
- *diši* — *dəši:* ‘нюхает; пахнет’;
- *jěsih* — *jé:səx* ‘уксус’;
- *jézik* — *jé:zək* ‘язык’;

- *na kolénih* — *nə kulɛːnəx* ‘на коленях’;
- *pri kolěsih* — *pər kulɛːsəx* ‘при колёсах’;
- *pri kónjih* — *pər kɔːnəx* ‘при конях’;
- *kóžuh* — *kóːžəx* ‘кожух’;
- *minīl* [minīɫ] — *mənuːɫ* ‘минул’³²;
- *mójih* — *móːjəx* ‘моих’;
- *mudī se (mu)* — *mədiː se* ‘он торопится’;
- *mustáče* — *məstáːce* ‘усы’;
- *prásič* — *préːšəč* ‘боров’;
- *pri telétih* — *pər təlɛːtəx* ‘при телятах’;
- *studénec* [studɛnɛc] — *stədəːnc* ‘родник’;
- *širòk* — *šəroːk* ‘широкий’;
- *trébuh* — *tréːbəx* ‘живот’;
- *pri ušěsih* — *pər ušɛːsəx* ‘при ушах’;
- *vélik* — *véːlək* ‘большой’.

Формы *jéːzək* и *tréːbəx* также свидетельствуют о том, что полного исчезновения гласного не было, поскольку тогда бы ожидалась ассимиляция согласных, то есть **jéːsk* и **tréːpx*, и такие формы широко представлены в словенских говорах, особенно ровтарских (в редких случаях отмечена прогрессивная ассимиляция *-zg* и отсутствие ассимиляции *-bx*) [SLA 1/145, 1/49]³³.

Отметим, что выпадение или сохранение (в виде *ə*) *i* и *u* в консонантном кластере осуществляется непоследовательно. Так, в *véːlək* и *šəroːk* обнаруживается *ə*, а в *kòːlk* и *žvòːt* — ноль звука. Этот факт, а также наличие говоров, где гласный в словах *jezik* и *trebuh* выпадает, свидетельствует о том, что консонантный кластер выступает в роли своеобразной «серой зоны», где выпадение гласного возможно, но не обязательно. Нельзя не увидеть сходства этой «серой зоны» с поведением еров в начальном слоге, когда в одних славянских языках они в составе сложных кластеров сохранялись, а в других исчезали, причём выбор «сохраняющих» кластеров от языка к языку разнится.

Резюмируя вышесказанное, судьбу кратких *i* и *u* в говоре Валбурги можно описать следующим образом:

³² В литературном языке формант **-nǫti* отражается как *-niti* с *-i-* аналогического происхождения.

³³ В то же время вставное шва в говоре Валбурги отмечено: *smrěka* — *səmrɛːka* ‘ель’, *střm* [stəřm] — *stɛːrəm* ‘крутой’.

1. краткие *i* и *и* сохранялись в начальной позиции;
2. краткие *i* и *и* переходили в *ə* в неначальной позиции:
 - а) под ударением;
 - б) в односложном слове;
 - в) на конце слова после консонантного кластера;
 - г) в некоторых консонантных кластерах;
3. краткие *i* и *и* выпадали в неначальной позиции:
 - а) на конце слова не под ударением после одного согласного;
 - б) рядом с сонантом;
 - в) в некоторых консонантных кластерах.

Нельзя не заметить прямую зависимость судьбы *i* и *и* от того, насколько сложно было произносить слово в случае их полного выпадения.

3. Выводы

Вернёмся к вопросам, поставленным нами в начале статьи:

— каково было качество **ь* и **ь*?

— были ли они фонетически более краткими, чем прочие краткие гласные?

— какими факторами определялось выпадение или сохранение континuantов **ь* и **ь* в языках-потомках?

По нашему мнению, в течение всей истории праславянского языка **ь* и **ь* имели качество [ʊ] и [ɪ] соответственно. Понижение артикуляции невыпавших еров до *o*, *ɤ*, *ə*, *e* является фактом истории уже отдельных славянских языков. Нет серьёзных доказательств того, что еры были сверхкраткими. Основным условием выпадения или сохранения «редуцированных», вероятно, было то, насколько сложные и непривычные для говорящих сочетания согласных появлялись в результате этого выпадения. При этом разные славянские идиомы по-разному проводили границу между допустимыми и недопустимыми новыми кластерами.

Почти ту же картину мы наблюдаем в словенском говоре Валбурги: краткие *и* и *і* в нём исчезали без значимой количественной или качественной редукции, а в случае сохранения гласного его артикуляция понижалась до *ə*. Сохранение гласного определялось прежде всего тем, насколько сложный кластер создавало его выпадение, причём в соседних говорах с аналогичными процессами допустимых кластеров может быть больше. Настолько точная параллель серьёзно подкрепляет высказанные нами выше соображения по поводу судьбы **ь* и **ь*.

Литература

- Аникин 1–15 — *А. Е. Аникин*. Русский этимологический словарь. Вып. 1–15. М.; СПб., 2007–2021.
- БДА 2001 — Български диалектен атлас. Обобщаващ том. 1–3. Фонетика. Акцентология. Лексика. София, 2001.
- Бернштейн 2005 — *С. Б. Бернштейн*. Сравнительная грамматика славянских языков. М., 2005.
- Борковский, Кузнецов 2006 — *В. И. Борковский, П. С. Кузнецов*. Историческая грамматика русского языка. М., 2006.
- Брандт 1915 — *Р. Ф. Брандт*. Краткая сравнительная грамматика славянских языков. М., 1915.
- Востоков 1865 — *А. Х. Востоков*. Филологические наблюдения. СПб., 1865.
- Галинская 2004 — *Е. А. Галинская*. Историческая фонетика русского языка. М., 2004.
- Горшкова, Хабургаев 1981 — *К. В. Горшкова, Г. А. Хабургаев*. Историческая грамматика русского языка. М., 1981.
- ГСБКЕ 1 — Грамматика на съвременния български книжовен език. Т. 1. Фонетика. София, 1998.
- Дурново 2000 — *Н. Н. Дурново*. Очерк истории русского языка // Н. Н. Дурново. Избранные работы по истории русского языка. М., 2000.
- Дьяченко 2015 — *С. В. Дьяченко*. Гласные первого предударного и ударного слогов в архаическом южнорусском говоре. Количественный анализ // Исследования по славянской диалектологии. Вып. 17. М., 2015. С. 244–297.
- Зализняк 1985 — *А. А. Зализняк*. От праславянской акцентуации к русской. М., 1985.
- Иванов 1990 — *В. В. Иванов*. Историческая грамматика русского языка. М, 1990.
- Ивић 1998 — *П. Ивић*. О условима за чување и испадање полугласа у српскохрватском // П. Ивић. Целокупна дела. Књ. X/1. Расправе, студије, чланци. О фонологији. Нови Сад, 1998.
- Ильинский 1916 — *Г. А. Ильинский*. Праславянская грамматика. Нежин, 1916.
- Калнынь 1996 — *Л. Э. Калнынь*. Рефлексация *ъ, *ь перед слогом с гласным полного образования по материалам ОЛА // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследование. 1991–1993. М., 1996. С. 40–57.
- Козомара 2016 — *Д. Козомара*. Фонетске и морфолошке особине српских посавских говора између Врбаса и Украине // Српски дијалектолошки зборник. 2016. Књ. 63. С. 579–731.
- Колесов 1968 — *В. В. Колесов*. К фонетической характеристике редуцированных гласных в русском языке XI в. // Вопросы языкознания. 1968. № 4. С. 80–86.
- Конески 2001 — *Б. Конески*. Историска фонологија на македонскиот јазик. Скопје, 2001.
- Кочев 1959 — *И. Кочев*. Застъпници на меката ерова гласна в българския език // Статъти и материалы по болгарской диалектологии. Вып. 9. М., 1959. С. 51–90.
- Малкова 1981 — *О. В. Малкова*. О принципе деления редуцированных гласных на сильные и слабые в позднем праславянском и в древних славянских языках // Вопросы языкознания. 1981. № 1. С. 98–111.

- Мирчев 1955 — *К. Мирчев*. Историческа граматика на българския език. София, 1955.
- Нарумов 2001 — *Б. П. Нарумов*. Арумынский язык/диалект // Языки мира. Романские языки. М., 2001. С. 636–656.
- Нахтигал 1963 — *Р. Нахтигал*. Славянские языки. М., 1963.
- ОЛА 1–9 — Общеславянский лингвистический атлас. Серия фонетико-грамматическая. Вып. 1–9. Београд; Москва; Wrocław; Warszawa; Zagreb; Скопје; Praha, 1988–2019.
- ОФУЯ 2 — Основы финно-угорского языкознания (прибалтийско-финские, саамский и мордовские языки). М., 1975.
- Поливанов 1928 — *Е. Д. Поливанов*. Введение в языкознание для востоковедных вузов. Л., 1928.
- Селищев 2006 — *А. М. Селищев*. Старославянский язык. М., 2006.
- СЛРЯ XI–XVII — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–31. М.; СПб., 1975–2019.
- Соболевский 2005 — *А. И. Соболевский*. Лекции по истории русского языка. М., 2005.
- Стойков 2002 — *С. Стойков*. Българска диалектология. София, 2002.
- Фортунатов 1957 — *Ф. Ф. Фортунатов*. Лекции по фонетике старославянского /церковнославянского/ языка // Ф. Ф. Фортунатов. Избранные труды. Т. 2. М., 1957.
- Чекман 1979 — *В. Н. Чекман*. Исследования по исторической фонетике праславянского языка. Минск, 1979.
- Черных 1952 — *П. Я. Черных*. Историческая грамматика русского языка. М., 1952.
- Шахматов 1915 — *А. А. Шахматов*. Очерк древнейшего периода истории русского языка. Петроград, 1915.
- Arumaa 1 — *P. Arumaa*. Urslavische Grammatik. I. Band. Heidelberg, 1964.
- Bauer, Lamprecht, Šlosar 1986 — *J. Bauer, A. Lamprecht, D. Šlosar*. Historická mluvnice češtiny. Praha, 1986.
- Boryś 2005 — *W. Boryś*. Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków, 2005.
- Długosz-Kurczabowa, Dubisz 2006 — *K. Długosz-Kurczabowa, S. Dubisz*. Gramatyka historyczna języka polskiego. Warszawa, 2006.
- Duma 1974 — *J. Duma*. Wokalizacja jerów słabych w sylabie nagłosowej w dialektach bułgarskich // Studia z filologii polskiej i słowiańskiej. T. 14. Warszawa, 1974. S. 167–174.
- FO 1981 — Fonološki opisi srpskohrvatskih/hrvatskosrpskih, slovenačkih i makedonskih govora obuhvaćenih opštoslovenskim lingvističkim atlasom. Sarajevo, 1981.
- Jaroslaviėnė 2017 — *J. Jaroslaviėnė*. Different IPA Equivalents for some Lithuanian and Latvian vowels // Acta Linguistica Lithuanica. 2017. Vol. 77. P. 196–218.
- Kallio 2006 — *P. Kallio*. On the earliest Slavic loanwords in Finnic // Slavica Helsingiensia. 2006. Vol. 27. P. 154–166.
- Kiparsky 1 — *V. Kiparsky*. Russische historische Grammatik. Band 1. Heidelberg, 1963.
- Kohler 2007 — *K. Kohler*. German // Handbook of the International Phonetic Association. Cambridge, 2007. P. 86–89.
- Kondo 1994 — *M. Kondo*. Mechanisms of vowel devoicing in Japanese // Third International Conference on Spoken Language Processing. Yokohama, 1994. P. 61–64.

- Krajčovič 1971 — *R. Krajčovič*. Náčrt dejín slovenského jazyka. Bratislava, 1971.
- Labrone 2012 — *L. Labrone*. The Phonology of Japanese. Oxford, 2012.
- Lamprecht 1987 — *A. Lamprecht*. Praslovanščina. Brno, 1987.
- Lehr-Splawiński 1929 — *T. Lehr-Splawiński*. Gramatyka połabska. Lwów, 1929.
- Leskien 1905 — *A. Leskien*. Handbuch der altbulgarischen Sprache. Weimar, 1905.
- Logar 1993 — *T. Logar*. Slovenska narečja. Ljubljana, 1993.
- Lunt 2001 — *H. Lunt*. Old Church Slavonic Grammar. Berlin; New York, 2001.
- Mareš 1956 — *F. V. Mareš*. Vznik slovanského fonologického systému a jeho vývoj do konce období slovanské jazykové jednoty // *Slavia*. 1956. Vol. 25. S. 443–495.
- Marvan 1971 — *J. Marvan*. Some structural aspects of the development of jers // *Scando-Slavica*. 1971. Vol. 17/1. P. 249–258.
- Matasović 2008 — *R. Matasović*. Poredbenopovijesna gramatika hrvatskoga jezika. Zagreb, 2008.
- McCollum, Chen 2021 — *A. G. McCollum, S. Chen*. Kazakh // *Journal of the International Phonetic Association*. 2021. Vol. 51/2. P. 276–298.
- Mikkola 1938 — *J. J. Mikkola*. Die älteren Berührungen zwischen Ostseefinnisch und Russisch. Helsinki, 1938.
- Milewski 1969 — *T. Milewski*. Ewolucja prasłowiańskiego systemu wokalicznego // *T. Milewski*. Z zagadnień językoznawstwa ogólnego i historycznego. Warszawa, 1969. S. 309–326.
- Moszyński 2006 — *L. Moszyński*. Wstęp do filologii słowiańskiej. Warszawa, 2006.
- MSČ 2013 — *Mluvnice současné češtiny*. Díl 1. Praha, 2013.
- Popov 2020 — *M. B. Popov*. Jer // *Encyclopedia of Slavic Languages and Linguistics Online*. http://doi.org/10.1163/2589-6229_ESLO_COM_032048
- Popowska-Taborska 1961 — *H. Popowska-Taborska*. Centralne zagadnienie wokalizmu kaszubskiego. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1961.
- Ramovš 1936 — *F. Ramovš*. Kratka zgodovina slovenskega jezika. Ljubljana, 1936.
- RHiSJ 1–23 — *Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika*. Knj. 1–23. Zagreb, 1880–1976.
- Schaarschmidt 1998 — *G. Schaarschmidt*. A Historical Phonology of the Upper and Lower Sorbian Languages. Heidelberg, 1998.
- SEJDP 1–6 — *Słownik etymologiczny języka drzewian połabskich*. Zesz. 1–6. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1962–1994.
- Shevelov 1964 — *G. Y. Shevelov*. A Prehistory of Slavic. Heidelberg, 1964.
- Shevelov, Chew 1969 — *G. Y. Shevelov, J. J. Chew*. Open Syllable Languages and their Evolution: Common Slavic and Japanese // *Word*. 1969. Vol. 25/1–3. P. 252–274.
- SLA 1–2 — *Slovenski lingvistični atlas*. D. 1–2. Ljubljana, 2011–2016.
- Smith 2003 — *C. Smith*. Vowel Devoicing in Contemporary French // *French Language Studies*. 2003. Vol. 13. P. 177–194.
- Snoj 2016 — *M. Snoj*. Slovenski etimološki slovar. Ljubljana, 2016.
- Stieber 2005 — *Z. Stieber*. Zarys gramatyki porównawczej języków słowiańskich. Warszawa, 2005.
- Ternes, Vladimirova-Buhtz 2007 — *E. Ternes, T. Vladimirova-Buhtz*. Bulgarian // *Handbook of the International Phonetic Association*. Cambridge, 2007. P. 55–57.

Toporišič 2000 — *J. Toporišič*. Slovenska slovnica. Maribor, 2000.

Trudgill 2003 — *P. Trudgill*. Modern Greek dialects // Journal of Greek Linguistics. 2003. Vol. 4. P. 45–64.

Vasmer 1970 — *M. Vasmer*. Die Slaven in Griechenland. Leipzig, 1970.

Večerka 1984 — *R. Večerka*. Staroslověnština. Praha, 1984.

Vondrák 1912 — *V. Vondrák*. Altkirchenslavische Grammatik. Berlin, 1912.

Summary

Mikhail N. Saenko

Proto-Slavic “reduced” sounds and the vowels *u* and *i* in the Slovenian dialect of Valburga: some parallels

The literature on Slavic jers is vast, and the history of change in views on these sounds could be a topic of a separate monographic study. In this article, we will try to shed light only on some controversial aspects of the theory of “reduced” sounds and present our own interpretation. Our view will be supported by material from the Slovenian Upper Carniolan dialect of the village of Valburga. While some parallels between the fates of Proto-Slavic “reduced” sounds and Slovenian *u* and *i* have already been noted in the literature, to date a detailed comparison has not been made.

Keywords: Proto-Slavic language, reduced vowels, Slovenian language

Ж. Ж. Варбот
(Москва)

Об одном балто-славянском лексическом соответствии

Чеш. *klamol* ‘обломок, кусок’ давно признается родственным с др.-прусс. *kalmus* ‘палка, пень’, лит. *kelmas* ‘пень, обрубок’, лтш. *celms* ‘то же’. Балтийская группа возводится к **kalmas* (*/*kelmas*) как производное с суфф. *-ma-* от и.-е. **kel-* ‘колоть, рубить’. Соответственно чеш. *klamol* < праслав. **kolmolъ*. Некоторые сомнения в праславянской реконструкции обусловлены отсутствием фиксации славянской производящей основы **kolm-*, соответствующей балтийской **kalmas* (*/*kelmas*). В настоящей статье как продолжения праслав. **kolm-* рассматриваются русск. диал. влад. *колома́* ‘столб, на который опирается колодезный журавль’, волог. *колома́* ‘шишка, опухоль, нарост на теле’ с производными новг. *коломе́ц* ‘небольшой стог сена’, *коломо́к* ‘небольшая укладка сена’, новг. *около́миться* ‘умереть, успокоиться; устать от работы; искалечиться; подрасти; располнеть; окрепнуть после болезни’ и селигер. *пооколо́миться* ‘окрепнуть’.

Ключевые слова: этимология, праславянская реконструкция, балто-славянское родство, диалектная лексика

Чеш. диал. *klamol* ‘обломок, кусок’ давно признано родственным с др.-прусс. *kalmus* ‘палка, пень’, лит. *kelmas* ‘пень, обрубок’, лтш. *celms* ‘то же’, что стало обоснованием праслав. **kolmolъ* с несколько противоречивым определением «праславянский диалектизм не совсем ясного происхождения» в [ЭССЯ 10: 139, с литературой]. Балтийская же группа **kalmas* (*/*kelmas*) убедительно введена в и.-е. этимологическое гнездо с корнем **kel-* ‘колоть, рубить’ как производное с суфф. *-ma-* [Рокоту I: 546; Топоров. ПрусЯз I–K: 171–175; Mažiulis. PrEtimŽod 2: 89–90]. Соответственно принадлежность к гнезду и.-е. **kel-* ‘колоть, рубить’ распространяется и на праслав. **kolmolъ* > чеш. *klamol* [Machek²: 250–251; Топоров ПрусЯз I–K: 174]. Тем не менее происхождение **kolmolъ* Трубачев счел неясным [ЭССЯ 10: 139]. Возможно, сомнения Трубачева связаны с суффиксальной структурой славянского **kolmolъ*, в отличие от балтийских соответствий, при отсутствии фиксации славянской производящей основы **kolm-*. Вопрос о степени реальности этой производящей основы весьма существен с точки зрения реконструкции диалектизма индоевропейского происхождения для праславянского лексического фонда.

Представляется, что в поиске потенциальных продолжений праслав. **kolm-* (производящей основы для праслав. **kolmoľь*) следует обратить внимание на некоторые лексемы севернорусских говоров. Это влад. *колома́* ‘столб, на который опирается колодезный журавль’, волог. *колома́* ‘шишка, опухоль, нарост на теле’ [СРНГ 14: 168], новг. *коло́м* ‘укладка снопов ярового хлеба вытянутой, продолговатой формы, скирда’: «весь овес сгнил в этом *коломе*» [НовгОблСл 4: 88; СРНГ 14: 168] с производными новг. *коломе́ц* ‘небольшой стог сена’, *коломо́к* ‘небольшая укладка сена, малая укладка снопов ржи на поле’ [НовгОблСл 4: 88–89], пск. *коломовьё* ‘нижняя часть снопа, противоположная той, где колосья’ [Пск ОблСл 15: 82]. Семантику этих слов объединяет составляющая ‘обколотое, обрубленное’, ср. значения балтизмов. Относительно обозначения формы стога (или размера) новг. *коло́м* и производными ср. иркут. *коло́к* ‘укладка сена, имеющая форму конуса, копна’ [СРНГ 14: 163], а также яросл. *кол* ‘палка, жердь определенной длины, употребляемая для измерения земельных участков’ [СРНГ 14: 109]. Производными от диал. *коло́м* являются, очевидно, глаголы новг. *около́миться* ‘умереть, лишиться жизни; успокоиться; устать от работы; искалечиться; подрасти; стать толстым, располнеть; окрепнуть после болезни’ [НовгОблСл 6: 154] и селигер. *пооколо́миться* ‘окрепнуть’: в контексте «...заулочек, держим там теленочка, пока он маленько *пооколо́мится*» [Селигер 5: 26]. Очевидная антонимичность глаголов может толковаться как аргумент в пользу гипотезы об исконности для праслав. **kolm-* семантики ‘обрубок’ и происхождении из гнезда **kel-* ‘колоть, рубить’ при родстве с праслав. **kolь*: ср. производный от **kolь* глагол праслав. **obkolěti* с исходной семантикой затвердения — см. ст.-русск. *околѣти* ‘оцепенеть, утратить чувствительность, гибкость’ [СлРЯз XI–XVII вв. 12: 331]. Отвердение, затвердение может означать в определенных ситуациях как омертвление, так и укрепление = оздоровление.

Реконструкция **kolmь* / **kolma* как праславянского диалектизма индоевропейского происхождения допускает для чеш. *klamol* более позднее образование.

Литература

НовгОблСл 4, 6 — Новгородский областной словарь / авт.-сост. А. В. Клевцова, В. П. Строгова; отв. ред. В. П. Строгова. Новгород: изд-во НГПИ, 1993, 1994. Вып. 4, 6.

- ПскОблСл 15 — Псковский областной словарь с историческими данными / под ред. Б. А. Ларина, А. С. Герда, С. М. Глускиной, Л. А. Ивашко, И. С. Лутовиновой, М. А. Тарасовой. СПб., 2004. Вып. 15.
- Селигер 5 — Селигер. Материалы по русской диалектологии. Словарь / под ред. А. С. Герда. СПб., 2013. Вып. 5.
- СлРЯз XI–XVII вв. 12 — Словарь русского языка XI–XVII вв. / гл. ред. Д. Н. Шмелев. М., 1987. Вып. 12.
- СРНГ 14 — Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин. Л., 1978. Вып. 14.
- Топоров. ПрусЯз I–K — *Топоров В. Н.* Прусский язык. Словарь. М., 1980. [Вып.] I–K.
- ЭССЯ 10 — Этимологический словарь славянских языков / под ред. О. Н. Трубачева. М., 1983. Вып. 10.
- Machek² — *Machek V.* Etymologický slovník jazyka českého. Druhé vyd. Praha, 1997.
- Mažiulis. PrEtimŽod 2 — *Mažiulis V.* Prūsų kalbos etimologijos žodynas. Vilnius, 1993. T. 2.
- Pokorny I — *Pokorny J.* Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern, 1949–1959. Bd. I.

Summary

Zhanna Varbot

On one Balt.-Sl. lexical correspondence

Czech. *klamol* ‘scrape’ for a long time is regarded as cognate with Old-Pruss. *kalmus* ‘cane, stub’, Lit. *kelmas* ‘stub, trunc’, Latv. *celms* the same. Baltic group is reflex of **kalmas* (/ **kelmas*) — I.-E. *-ma*-derivative from **kel-* ‘chop’. Accordingly Czech. *klamol* < Pr.-Sl. **kolmoľь*. Although absence of Slav. reflexes of Pr.-Sl. **kolmas* as corresponding to Balt. **kalmas* (**kelmas*) seemed doubtful. In the article some Russ. dialectisms are regarded as reflexes of Pr.-Sl. **kolm-*: vlad. *коломá* ‘pillar in well building’, volog. *коломá* ‘bump, swelling’, with derivatives novgor. *коломéц*, *коломók* ‘small haystack’, *околóмиться* ‘die; calm down; grow stronger’, seliger. *пооколóмиться* ‘grow stronger’.

Keywords: etymology, Pr.-Sl. reconstruction, Balt.-Slav. relationship, dialectisms.

А. Ф. Журавлёв
(Москва)

Восточнославянские этимологии

- (3. Укр. диал. *батю́та*. 4. Русск. *барахло*.
5. Укр. диал. *рахо́м'је*, белорус. диал. *рахамо́цье*)

В статье рассматривается деривационное устройство нескольких восточнославянских слов, в составе которых возможно вычленение исконных по происхождению редких префиксов *ба-* и *ра-*.

Ключевые слова: словообразование, этимология, восточнославянские диалекты, непродуктивные префиксы

Предлагаемые заметки касаются деривационного устройства нескольких слов, в составе которых возможно вычленение исконных по происхождению приставок, не входящих в продуктивные и малопродуктивные (*ко-*, *па-*, *су-*) единицы, образующие базовый префиксальный фонд восточнославянских языков в их письменных вариантах (см. список таких приставок для русского языка в [Кузнецова, Ефремова: 575–576]). Несмотря на давний, хотя и сдержанный интерес к этого рода словообразовательным элементам, их трудно отнести к обследованным в достаточной мере, что, помимо прочего, сказывается на невыработанности общепринятой терминологической их характеристики: «редкие», «нестандартные», «непродуктивные», «низкоупотребительные», «архаичные», «неактуальные», «утраченные» и под.¹

¹ Заведомо неточен, например, термин «архаичные»: живые и высокоупотребительные приставки *на-* или *про-*, например, ничуть не менее архаичны, чем **jь-* > *и-* (*и-верень* ‘клок; щепка; осколок’, гидроним *И-долга*; из примеров О. Н. Трубачёва) или *шу-* (укр. *шу-плоття* ‘вид одежды’). Не всегда оправдываются и оценки «неактуальности» тех или иных префиксальных единиц; так, А. И. Кузнецова и Т. Ф. Ефремова в указанном словаре, который опирается на сравнительно небольшой материал литературного языка (в работе анализируется «около 52 000 слов»), приставку *пра-* находят выполняющей функцию словопроизводства в настоящее время «чрезвычайно редко», тогда как одни только лингвисты-диахронисты в опровержение цитированного суждения могут предъявить десятки адекватных и субстантивов с этим префиксом, рождённых и рождаемых буквально на глазах: *прафинноугорский*, *прапермский*, *пракоми*, *пралезгинский*, *прачукотско-корякский*, *праяпонский*, *прамалайско-*

Более подробное рассмотрение редких восточнославянских префиксов (главным образом на диалектном материале) и беглый обзор необходимой литературы о них предусматривается в работе «Непродуктивные префиксы в восточнославянских диалектах (этимологическая эвристика; трудности идентификации)» [Журавлёв /в печати/]. В настоящей же публикации в качестве примеров предлагается предварительный анализ некоторых образований с двумя такими приставками — *ба-* и *ра-* (с попутным упоминанием иных).

3. Укр. диал. *батю́та*

Выделение непродуктивных префиксов сталкивается со значительными техническими трудностями, преодолению которых могут помочь некоторые распространённые приёмы анализа.

Распознаванию редкого префикса может способствовать нахождение словообразовательно-семантических параллелей. Взять, например, укр. диал. *батю́та*, которое как апеллиатив мне известно только по словарю Е. Желеховского, но встречается в украинско-белорусской антропимии (фамилии *Батюта* и *Батюто*). Желеховским оно толкуется как ‘kindischer Jüngling’ [Желеховський, Недільський I: 15], то есть ‘юнак з особливостями дитини’. ЕСУМ характеризует слово как «новотвір афективного характеру, можливо пов’язаний з *батько* (порівняй) вираз *батьків синок*)».

Думаю, что дело обстоит иначе. Отделив предполагаемый префикс *ба-*, мы получим основу *-тют’-*, подозрительным образом напоминающую ономастические названия детёнышей животных, чаще щенков: *тюттик*, *тютёк*, *тютька*, *цуцик* (они встречаются и в переносных значениях: полесскоукр. *т’ют’ік* — соединительная деталь в ткацком стане [Никончук 1986: 170], ср. разного рода скобы, блокираторы, спусковые крючки, иначе, заметим, называемые *собачками*, см. [СРНГ 39: 149–150; Никончук 1979: 243, 244, 246]), ср. русск. диал. *тютёк* ‘щенок’ и «презрит.» ‘молодой человеке, молодой парень’ [Даль, IV: 896], сев.-русс. *тютя* ‘человек тихий, застенчивый, неразговорчивый’ [Дилакторский: 516, 48 (ст. **Вахлюй**)], ‘бестолковый увальень’ («Ванька-то ходит у нас — тютя, ничё ни к чему мужик»), *тютя (да) ляпа* ‘неумеха’ [Пермский словарь 2: 1566], кубан. *цуценя* о молодом невоспитанном человеке [Бо-

полинезийский, праафразийский, прабанту, прабалтизм, пракартвелизм, прадиалект, прасемья, прасистема...

рисова: 164]. У пейоратива *тютя* ‘недотёпа, инфантил’ есть звонкий вариант — *дюдя* (см. о психосоматической «недоделанности» персонажа в рассказе Т. Толстой «Петерс»: «Да это не мужчина, а дюдя. Дундук какой-то эндокринологический»)².

С другой стороны, в префиксе *ба-*, который допустимо вычленять в имени *батюта*, усматривают звонкий аналог приставке *па-* (А. Е. Аникин не исключает, что это фонетические варианты: [Аникин РЭС 1: 23]) со значением ‘«недо-»’ [Даль, III: 1].

В этом случае семантико-словообразовательными параллелями к имени *ба-тютя* могут рассматриваться слова *па-щенок* и *недо-пёсок* (ср. названия молодых, «недошлых», по Далю, пушных зверей *недокунок*, *недолисок*, *недособоль*)³.

Отношения между словами укр. *батюта*, с одной стороны, и русск. *ветютя*, *ветютень*, *вятютя*, *вятютень* ‘угрюмый и глупый человек’, ‘вялый, неуклюжий, медлительный человек’ [Даль, I: 830; СРНГ 4: 207; 6: 80; Моисеев: 33], с другой, остаются для меня непрояснёнными.

4. Русск. *барахло*

Множественная отмеченность экспрессивного префикса *ба-* (*ба-хвалиться*, диал. *ба-дерюга* ‘одежда из грубого домотканого полотна’...), см. [Горячева 1982: 107–109], наталкивает на не привлекавшую до сих пор внимания возможность этимологического истолкования слова *барахло*.

Речь о включении его в гнездо *рух-/рых-(л)-*, к чему есть необходимые поводы. Прежде всего — это засвидетельствованность у Даля и в Словаре Академии 1822 г. слов *рухло* ‘домашняя утварь, вещи, пожитки’, ‘старая, изношенная, сломанная вещь’ [СРНГ 35: 276] (которому, зная и упомянув его, не придал никакого веса Ю. В. Откупщиков и назначил слову *барахло* неубедительную монгольскую этимологию, см. [Откупщиков 2001]), *рухло* ‘неопрятный, неряшливый человек’ [Словарь Низовой Печоры 2: 238], *рыхло* ‘опилки, стружки, щепки’ [Элиасов: 362] (ненадёжно: словарь переполнен фальсификациями и некорректными дефинициями), олон. *рохло* (*говорить с рохла* ‘...резко, грубо’ [СРНГ 35: 207];

² В сдвинутом значении — «о человеке, совершенно пьяном, или о таком, который каким-л. свойством или манерой поведения вызывает такие же отрицательные эмоции» — ряз. *дюдя* [Деулинский словарь: 160] ближе к словам вроде *зюзя*.

³ Слова *пёсик*, *пёсик*, *пёшико* применяются как брань или ласковое обращение к детям, см. [СРНГ 26: 301; 33: 99].

сюда же *рухлядь, рыхлядь, рыхлятина* (оценочное именование и вещи, и человека), *рохля, рохледь*... О правомерности предлагаемого сближения говорит и диал. *барахлѣть* 'рыхлить, взрыхлять' [Псковский словарь 1: 115; Архангельский словарь 1: 111].

Думаю, что слово нужно членить на префикс *ба-*, дестимологизованный корень *-рах-*, вокализм которого объясняется редукцией безударного *о*, и суффикс *-л(о)*. Вокализм корня объясняется редукцией в безударной позиции (но с дальнейшим выравниванием и в подударном положении: *ра́хлить* 'рыхлить' — наряду с *ро́хлить* [Пермский словарь 2: 283, 301], *ра́хля* 'рохля, разиня; нерасторопный человек; неопрятный человек' [Даль, III: 1660; СРНГ 34: 341; Словарь Мордовии 2: 1074]).

Из пунктуальности следует сказать, что в словаре Даля слово мечено ударением на втором слоге: *барáхло*, вопреки тому, что [Опыт: 7] (в 1852 г.) даёт только нафлекссионную акцентовку ([Vasmer I: 54; Фасмер I: 124] цитирует далевскую форму как преимущественную по сравнению с другой). Ни более ранних регистраций слова, ни иных случаев ненакорневого ударения в русском слове мне не встретилось.

А. М. Селищев считает слово *барахло* новоприобретением «в течение жизни «русских» в Сибири» [Селищев 1968: 372], но упускает из виду упомянутое свидетельство [Опыта], относящего слово к шенкурскому архангельскому говору, как и более поздние [Подвысоцкий: 22 (1885); Дилакторский: 16 (1902)] архангельские, вологодские регистрации слова, ещё воспринимавшегося как диалектное. Предложенное объяснение корневого вокализма редукцией /о/ в окающем наречии выглядит ошибочным допущением, но и приписывать слову исключительно севернорусское хождение оснований нет. Оно скорее производит впечатление диалектизма, который уже вырвался за начальные территориальные пределы и осваивается просторечием через аргю. В описаниях быта каторжников Сахалина у А. Чехова и В. Дорошевича (1890-е гг.) слово воспроизводится как ещё мало знакомое носителю литературного идиома, нуждаясь в пояснениях и отчуждающих кавычках. Получив же общеязыковую распространённость, слово могло усваиваться окающими говорами уже в ином фонетическом облике.

Что же до ударения *барáхло*, то не нужно забывать, что русское аргю тесно соприкасалось с польским, к обоюдным для них приобретениям. Можно предположить, что приведённый Х. (Г. В.) Улашиным в очерке польского криминального аргю русизм *barachło* [Ułaszyn 1951: 35–36] (проникший также в кашубский: *baraxło* 'сброд', 'дешёвая игральная

карта' [Sychta VII: 6], см. [Popowska-Taborska 1987: 223; SEK I: 85]) и стал источником странного ударения у Далая.

Не безусловно ясной для меня остаётся только непосредственная смысловая мотивированность лексемы: поскольку *рушить* — это и 'двигать' и 'портить', то *барахло* — это 'движимое имущество' или 'ненужные, траченные вещи'? Имея в виду, что *рухлядью* называются и весьма ценные предметы (*мягкая рухлядь* — 'мех'), я больше склоняюсь к идее 'движимости'.

5. Укр. диал. *рахо́м'т'је*, белорус. диал. *рахамо́цье*

В украинском и белорусском Полесье были зарегистрированы слова *рахо́м'т'је* 'хлам, барахло' [Никончук 1968: 89]; *рахамо́сьце, рахамо́цье* 'барахло, непатрэбныя рэчы' [Тураўскі слоўнік 4: 286] (произносительные, акцентные и прочие варианты — *рохо́мосці, крахо́му́дде* и др. — в [ЛМТ: 67]). По версии [ЕСУМ 5: 33], украинское слово представляет собою видоизменение формы *лахміття*⁴. В этом следует усомниться. Составители словаря прошли мимо чрезвычайно близкого смол. *рахо́ботье* 'тряпье, рухлядь' [СРНГ 34: 346], основное отличие которого от полесского слова — в наличии корневого (и коренного!) -б-; мена билабиальных *б* и *м* в этимологически тёмных словах — явление вполне обычное. В смоленской и полесской лексемах мы усматриваем утратившую актуальность приставку *ра-* (которую предполагаем также в словах *рагоза́, рогоза́* 'раздор, ссора', 'вздор, чушь', 'неуживчивый человек' и др., ср. *егоза*; смол. *рахло́дка* 'неряха, замарашка', ср. *нехло́да* то же; новг. *рахмы́жа* 'невоспитанный, неотёсанный человек', ср. арханг. *гмы́за* бранное слово, волог. *гмы́зить* 'сердиться, ворчать, брюзжать', вост.-ср.-русск. *хмы́здать* 'трепать, хлестать', 'ходить без дела', 'суетиться' и др.; перм., уральск., сибир. *ра́чкну́ть* 'ударить', ср. *чкнуть, чкать* 'бить, стучать'⁵). Основанием для этого служит целый куст диалектных слов

⁴ Трансформация, как предполагается в словаре, случилась под влиянием слова *ра́м'я* 'барахло'. Это последнее соответствует русскому диал. *реме́* (далее обширное гнездо разносуффиксных слов с начальным *рем-* 'лоскуты, тряпье и под.' [СРНГ 35: 52–63]); выбор его словарём в качестве субъекта влияния не очень понятен. Объединение в [ЕСУМ 5: 22] лексем *рам'я* и *реме́* с локальным грецизмом *рама́т* 'тряпка' очевидно ошибочно: славянские слова исконны и выводимы из **remy* 'лоскут, ремень'.

⁵ Этимологизацию глагола *чкать, чкнуть* см. в [Варбот 2012: 400]. Ср. ещё *ба́чкнуть* (*бачкону́ть*), *бу́чкнуть, чу́чкнуть, лочкону́ть, лёчкнуть, лечну́ть, бичну́ть, ко́чнуть* [СРНГ 2: 162, 304; 3: 331; 15: 135; 17: 29, 164; Тимофеев: 116; Словарь

близкого строения, включая беспрефиксное: *хобóтье* (белорус. *хабóцце*, укр. *хабóття*), *охóбóтье*, *похобóтье*, *ухобóтье*, *ухобóдье*, *шу́хоботь*, *шу́хобот*, *шехобáт*, испорченные формы *шу́хопоть*, *сухобот* (вряд ли с приставкой *су-*) и др. — все они несут значения ‘всякая дрянь’, ‘отходы от зерна’, ‘отбросы’, ‘негодные люди, сброд’, ‘ссора, распря’... Формальной базой для них является общеславянский глагольный корень **хаb-*, многочисленные производные от которого несут широкий круг значений, группирующихся вокруг идеи ‘ущерба, вреда, порчи, пагубы’ (см. [ЭССЯ 8: 7]). Стоит заметить, что слово *хобот* (в котором сегмент *-от* — суффиксальной природы) имеет также значение ‘хвост’ (в старо- и церковнославянском, старочешском, старопольском, древнерусском, в русских диалектах; см. [ЭССЯ 8: 46–47; СРНГ 50: 323]), а с устройством и значениями слова *охоботье* целиком совпадают деривационная схема и семантика, включая метафорику, слова *охвóсье*. В этой связи повторим уже упоминавшийся глагол *барáхвостить*, где также просматривается наша приставка *ра-* (в парной упряжке с *ба-*), морфный статус которой подчеркнут ударностью. Морфемная конструкция, которая вскрывается в слове **ра-хоб-от-ье*, окончательно затемняется в консонантных метатезах типа *охранотье*, *охробóтье* ‘старьё’, ‘щепки, обломки досок’, ‘сорняки’, *охропóтье* ‘старьё’, *охропóтки* ‘объедки’, ‘черепки’ и под. (яросл., волог., вятск., перм., уральск. — северо-восточная диалектная зона, в конечных усечениях вроде курск. *рохóба* ‘суета’ [СРНГ 35: 209] и зап.-брян. *раху́ба* ‘возня, хлопоты’ [Расторгуев: 230]). Состав согласных в перм. *марэхóтье* ‘имущество; хлам’ [СРНГ 17: 370], как и в смол. *ру́хомоть* ‘лохмотья всякого рода’ [Добровольский: 803], брян. *бархомóтье* ‘верхнее длиннополное платье, лапсердак’ [Брянский словарь 1: 33], метатетически совпадает с консонантным составом приведённых выше полесских регистраций и показывает наблюдаемую в них подверженность взрывного звонкого билабиального колебаниям (*б ~ м*), в двух последних случаях, видимо, вследствие сближения с глагольным корнем *мот(ать)*.

Русского Севера 7: 84] — все ‘ударить’ (также ‘выстрелить’), но все ли эти глаголы с зачинами, напоминающими редкие приставки *ба-*, *ра-*, а также *ко-*, *би-*, *бу-*, *чу-*, *ло-/ле-* (о которых см. [Журавлёв /в печати/]), связаны именно с *чкать/чкнуть*? К субстантивным вхождениям в гнездо *лó-чкать*, *лё-чкать*, *лё-чкнуть* нужно относить пинежск. *ли-чуёк* ‘шлепок’ [Словарь Русского Севера 7: 109].

Источники и литература

- Аникин РЭС — *А. Е. Аникин*. Русский этимологический словарь. Вып. 1–. М., 2007–. Архангельский словарь — Архангельский областной словарь. Вып. 1–. Изд-во Московского ун-та, 1980–.
- Борисова — *О. Г. Борисова*. Словарь кубанских говоров: проект, материалы к словарю. Краснодар, 2004–2005. [Электронная версия.]
- Брянский словарь — Словарь брянских говоров. Вып. 1–. Л., 1976–.
- Варбот 2012 — *Ж. Ж. Варбот*. Исследования по русской и славянской этимологии. М.; СПб., 2012.
- Горячева 1982 — *Т. В. Горячева*. Этимологические заметки // Этимология. 1980. М., 1982. С. 103–114.
- Даль₃ — *В. И. Даль*. Толковый словарь живого великорусского языка. 3-е изд., под ред. И. А. Бодуэна де Куртенэ. Т. I–IV. СПб.; М., 1903–1909.
- Деулинский словарь — Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области). М., 1969.
- Дилакторский — Словарь областного вологодского наречия. По рукописи П. А. Дилакторского 1902 г. СПб., 2006.
- Добровольский — *В. Н. Добровольский*. Смоленский областной словарь. Смоленск, 1914.
- ЕСУМ — Етимологічний словник української мови. Т. 1–6. Київ, 1982–2012.
- Желеховский, Недільский — *С. Желеховский, С. Недільский*. Малоруско-німецкий словарь. I–II. Львів, 1886. [Пагинация единая.]
- Журавлёв /в печати/ — *А. Ф. Журавлёв*. Непродуктивные префиксы в восточнославянских диалектах (этимологическая эвристика; трудности идентификации). /В печати/.
- Кузнецова, Ефремова — *А. И. Кузнецова, Т. Ф. Ефремова*. Словарь морфем русского языка. М., 1986.
- ЛМТ — Лінгвістичні мікраатлас Тураўшчыны. Мінск, 2016.
- Моисеев — *Б. А. Моисеев*. Оренбургский областной словарь. Оренбург, 2010.
- Никончук 1968 — *Н. В. Никончук*. Из лексики полесского села Листвин // Лексика Полесья. Материалы для полесского диалектного словаря. М., 1968. С. 79–92.
- Никончук 1979 — *М. В. Никончук*. Матеріали до Лексичного атласу української мови (Правобережне Полісся). Київ, 1979.
- Никончук 1986 — *Н. В. Никончук*. Эндемическая лексика Полесья // Этимология. 1984. М., 1986. С. 167–171.
- Опыт — Опыт областного великорусского словаря. СПб., 1852.
- Откупщиков 2001 — *Ю. В. Откупщиков*. *Барахло* // *Ю. В. Откупщиков*. Очерки по этимологии. СПб., 2001. С. 81–86.
- Пермский словарь — Словарь пермских говоров / ред. А. Н. Борисова, К. Н. Прокошева. Вып. 1–2. Пермь, 1999 [электронная версия].
- Подвысоцкий — *А. О. Подвысоцкий*. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. М., 2009.

- Псковский словарь — Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1–. Л., СПб., 1967–.
- Расторгуев — П. А. *Расторгуев*. Словарь народных говоров Западной Брянщины (Материалы для истории словарного состава говоров). Минск, 1973.
- Селищев 1968 — А. М. *Селищев*. Диалектологический очерк Сибири // А. М. Селищев. Избранные труды. М., 1968. С. 223–389.
- Словарь Мордовии — Словарь русских говоров на территории Республики Мордовии / сост. Т. В. Михалева, Р. В. Семенкова, Л. К. Чикина. Ч. 1, 2. СПб., 2013.
- Словарь Низовой Печоры — Словарь русских говоров Низовой Печоры. Т. 1, 2. СПб., 2003, 2005.
- Словарь Русского Севера — Словарь говоров Русского Севера. Т. I–. Екатеринбург, 2001–.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров. Вып. 1, 2. М.; Л., 1965–1966; Вып. 3–. Л., СПб., 1968–.
- Тимофеев — В. П. *Тимофеев*. Диалектный словарь личности. Шадринск, 1971.
- Тураўскі слоўнік — Тураўскі слоўнік. Т. 1–5. Мінск, 1982–1987.
- Фасмер — М. *Фасмер*. Этимологический словарь русского языка. Т. I–IV. М., 1964–1973.
- Элиасов — Л. Е. *Элиасов*. Словарь русских говоров Забайкалья. М., 1980.
- ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 1–. М., 1974–.
- Popowska-Taborska 1987 — H. *Popowska-Taborska*. Skizce z kaszubszczyzny. Dzieje. Zabytki. Słownictwo. Gdańsk, 1987.
- SEK — W. *Boryś*, H. *Popowska-Taborska*. Słownik etymologiczny kaszubszczyzny. Т. I–VI. Warszawa, 1994–2010.
- Sychta — B. *Sychta*. Słownik gwar kaszubskich na tle kultury ludowej. Т. 1–7. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1967–1976.
- Ułaszyn 1951 — H. *Ułaszyn*. Język złodziejski. Łódź, 1951.
- Vasmer — M. *Vasmer*. Russisches etymologisches Wörterbuch. Bd. I–III. Heidelberg, 1953–1958.

Summary

Anatoly F. Zhuravlev

East Slavic etymologies

(3. Ukr. dial. *батю́та*. 4. Rus. *барахло*.)

5. Ukr. dial. *пахомо́т'je*, Belarus. dial. *пахамо́цьве*)

The article discusses the derivational structure of several words with unproductive prefixes *ба-* (*ba-*) and *па-* (*ra-*).

Keywords: word-formation, etymology, East Slavic dialects, unproductive prefixes

П. И. Долгополов,
Н. И. Киреев
(Москва)

Праславянское **golь* в зеркале некоторых дериватов¹

В статье предлагается уточнение семантики праславянского корня **gol-* / прилагательного **golь* с помощью лингвогеографического анализа нескольких производных слов. Основная часть работы посвящена слову **golьсь* в значении ‘безбородый юноша’. Обнаруживается, что континуанты этого существительного наиболее распространены в чешском и лужицких языках, а также зафиксированы в некоторых польских, хорватских и словенских диалектах. Привлекается внимание к ранее не замеченному наукой белорусскому слову *голец*, неоднократно встречающемуся в поэзии Якуба Коласа; выдвигается гипотеза о польском происхождении этого существительного в белорусском. Разбирается традиционно считающийся тёмным контекст из новгородской грамоты Ивана Тойвита начала XV века, для слова *голец* предлагается интерпретация ‘голый участок земли’. Впервые подробно рассматривается история рус. *оголец* ‘сорванец’, делается вывод, что его исходное значение связано с бедностью; далее аргументируется идея, что оно этимологически не связано с **golьсь*. В следующем разделе публикации на основе хронологического анализа отстаивается старая гипотеза, что значение ‘брить’ у глагола *голити* в восточнославянских диалектах возникло под польским влиянием; отмечается, что в болгарском и македонском у когнатов этого глагола такая семантика также не отмечается. В заключении выдвигается тезис, что значения корня **gol-*, связанные с безволосостью, не были известны предковым диалектам восточнославянской и болгаро-македонской зон. Таким образом, наш анализ свидетельствует, что семантика корня **gol-* могла быть различной уже в праславянских диалектах, и иллюстрирует значение диалектологических изысканий для семантической реконструкции.

Ключевые слова: семантическая реконструкция, лингвогеография, диалектная лексика, этимология, диалекты праславянского языка, деривационная семантика, словообразование.

¹ Авторы благодарят за ценные советы и замечания А. О. Зубелевича, О. А. Остапчук, В. А. Плунгяна, М. Пташинского, М. Н. Саенко.

І. Введение

Как отмечалось в литературе, значение праслав. **nagъ*, судя по континуантам, сфокусировано вокруг неодетости, а **golъ* — «это прежде всего безволосая, лишённая растительности и как бы гладкая поверхность» [ЭССЯ 7: 15; ЭССЯ 22: 7–72], что в общем подтверждается предполагаемыми когнатами за пределами славянских языков [Аникин 11: 171].

Мы утверждаем, что в действительности ситуация несколько более сложная: семантика корня **gol-* различалась уже в праславянских диалектах. Мы предлагаем для прояснения этого вопроса обратиться к лингвогеографии некоторых производных слов с этим корнем.

Для праслав. **golъсь* ‘что-то голое’ (‘coś gołego’) (давшего в языках-потомках слова с разнообразной семантикой, в частности русский ихтионим *голец*) восстанавливается диалектное значение ‘безбородый юноша’ (‘młodzieniec bez zarostu’) [SP 8: 76–77] (ср. [Miklosich 1886: 71; Первольф 1886: 131; Брандт 1889: 122]).

Особняком стоит мнение Г. Шустер-Шевца, который предполагал «изначальное значение ‘новорождённое существо’ или ‘лысый, голый объект’» («urspr[ü]ngliche] Bed[eutung] ‘junggeborenes Wesen’ bzw. ‘kahler, nackter Gegenstand’») [Schuster-Šewc 5: 315, s. v. *hólč*]. Эта идея кажется недостаточно обоснованной в свете того, что от значения ‘новорожденное существо’ (или ‘неоперившийся птенец’) естественен скорее переход к значению ‘младенец; мальчик, девочка’, которое слабо зафиксировано у рефлексов праслав. **golъсь* (предположительно — только в лужицких; вопреки реконструкции [SP 8: 76–77]). Идея Шустер-Шевца более подходит для объяснения праслав. **golę*, особенно в свете укр. *голя*, р. п. *голяти* ‘неоперившийся птенец’ [SP 8: 24; ЭССЯ 6: 204], поэтому неразделение этих путей семантического развития у Ж. Ж. Варбот [1976: 118], возможно, является некоторым упрощением ситуации.

Основная часть статьи посвящена континуантам праслав. **golъсь*. Далее разбирается география значений праслав. **goliti*. В заключении подводятся итоги.

II. **golъсь*

В разделах 1–3 разбирается предположительно связанный с интересующим нас словом западнославянский материал, в разделах 4 — южнославянский, 5–8 — восточнославянский.

1. Чешские и словацкие лексемы

Рассмотрим слова со значением типа ‘парень’ и корнем *hol-*, распространённые в чешско-словацкой зоне. Заметно, что в чешском языке они весьма разнообразны, в том числе стилистически. Чеш. *holec*, *holeček* ‘юноша’ в словаре [SSJČ] считаются устаревшими (однако в [PSJČ] без помет). *Holek* с тем же значением мы нашли в [KLA] и в [Šumavský 1851: 145]. В то же время *hoch* ‘парень’ — нейтральное слово, образованное, однако, с помощью экспрессивного суффикса *-ch* [Rejzek: 210] (о суффиксе подробнее см. [Stankiewicz 1986: 259–263]). От *hoch* в свою очередь образуются разговорные варианты *hoša*, *hošan*, *hošánek* (с негативным оттенком, ‘малец’), *hošek*, *hošíček*, *hošík* (по [SSJČ]).

Отметим существование однокоренных слов, означающих ‘девушка, девочка’: в чешском это *holka*, *holčička* [SSJČ]².

В литературном словацком языке нет простых (не составных) слов с корнем *hol-*, означающих парня, однако [Káral 1923: 175] фиксирует диалектное словацкое *holec* ‘парень’. Диалектный словарь [SSN] приводит слово *holec*, но только в значении ‘наголо стриженный парень’. Также не находим обозначений девушки с корнем *hol-*. Любопытна в свете исследуемых лексем этимология слова *paholok* ‘(молодой) слуга; парень’, предложенная в [Králik 2015]. Оно возводится к праславянскому **paoholь* (ср. польск. *pachol* ‘слуга’, в.-луж. *pachol* ‘парень’; см. [ЭССЯ 40: 212]), а мена исходного *-ch-* на *-h-* объясняется влиянием диалектного *holec*.

2. Польские лексемы

Основные значения слова *golec* в современном польском языке — ‘голый человек’ и ‘бедняк’; свидетельства значения ‘парень’ или ‘мальчик’ довольно скудны. [SP 8: 76] приводит это значение со ссылкой на диалектные словари [SGP 1901] и [DPŚ 1939].

[SGP 1901: 100] ссылается на [Malinowski 1893: 36]. Там фигурирует слово *holec*, объяснённое как *chłopak*, причём явно указывается, что оно является чешским заимствованием.

В [DPŚ 1939: 199] находим *γolec* с толкованием «*dorastający parobczak, około 18-letni*» (т. е. ‘молодой слуга, примерно 18-летний’). При этом автор отмечает [там же: 84–85], что звук, обозначаемый буквой *γ*,

² Устоявшаяся в литературе точка зрения на такие обозначения девушек заключается в том, что они вторичны — образованы после дестимологизации лексем со значением ‘парень’, см. [Miklosich 1886: 71; Первольф 1886: 131; Брандт 1889: 122].

встречается в силезских говорах только в заимствованиях из чешского или из немецкого через чешское посредство.

В общих толковых словарях интересующее нас значение отсутствует.

В старопольских текстах это слово не зафиксировано [SSp 2/6]. Удаётся найти несколько употреблений *golec* в интересующем нас значении, которые относятся к XVII веку:

1. Nie ledaczego się ten pewnie złąknie *golec*;
Wždy przed najmniejszą zwadą wprzód idzie na stolec. [Potocki 1987: 403]
2. Ach trudnoż się to z grzybka przetworzyć na *golca*
I myśleć o kobiercu, komu trzeba stolca. [Potocki 1907: 184]
3. Stary *golec* w komendy (заглавие) [там же]
4. Gdy widzę przy udatnej Maworsa Cyprydzie,
Czemu temu *golcowi* tak się siłę zejdzie,
Wulkan zasię, a czemuż? Bo już siły mało,
Dosyć chęci, cóż po tem, niedołążne ciało. [Kochowski 1859: 124]
5. Staremu *golcowi*.
Młodyś, lecz z starą twarzą, aleć przecię znaczy,
Lata twe ta gorczyzka, żeś po starej klaczy. [Там же: 64]

Отметим, что авторы процитированных стихотворений родились в южной Польше, поэтому не стоит исключать чешское происхождение слова *golec*.

В [SGP 1901: 101] приводятся слова *golka* (со ссылкой на [Kolberg 1877: 34]), *holka* (со ссылкой на [Bystroń 1887: 32] и [Kosiński 1891: 23]) — ‘девушка’. Второе написание явно свидетельствует о чешском заимствовании. И действительно, статья В. Косинского называется «Niektóre właściwości mowy pisarzowickiej» (Писажовице — деревня на юге Польши), и в статье *holka* здесь упоминается чешское и словацкое (!)³ *holka*. Напротив, слово *golka*, как сообщается в [Kolberg 1877: 34], было записано в городе Вельнь на великопольской территории (ср. также *golka* в [SGP 2013: 598]), так что чешское влияние здесь практически исключено; это свидетельство слишком изолированно, но, возможно, *golka* является каким-то независимым образованием.

3. Лужицкие лексемы

Очень распространены разнообразные слова со значением ‘парень, мальчик’ и корнем *hol-/gol-* в лужицких языках: в верхнелужицком мы

³ Других следов этого слова нами не обнаружено.

находим *hólc*, *hólčik* ‘мальчик, парень’; *hólčec* ‘паренёк, довольно большой мальчик’; *hólčo*, *hólčatko* ‘маленький мальчик’; *hólčisko* ‘большой или невоспитанный мальчик’ [Soblex; Pfuhl 1866]. В нижнелужицком: *gólc*, *gólcyc*, *gólcycyck*, *gólack*, *gólick*, *gólcysko*, *gólcyščo* [Starosta 1999]. Так же разнообразны и аналогичные слова, называющие девушек (девочек): в верхнелужицком *holca*, *holčka*, *holčička*, *holčatko*, *holičo*, *holečo*, *holčo* [Soblex], *holička* (в лексикографии не отмечено, однако хорошо представлено в корпусе [hotko_v2]); в нижнелужицком *gólca*, *gólcycycka*, *gólica*, *gólicka* [Starosta 1999]. В [Starosta 1999] у слов *gólica*, *gólicka* отмечены также диалектные значения ‘geschälte Rübe’ и ‘getrocknete Möhre’ (т. е. ‘чищенная репа или свёкла’ и ‘сушёная морковь’).

Морфемная структура некоторых из этих слов довольно необычна. Так, кажется нестандартной пара в.-луж. *hólc* — *holca*, н.-луж. *gólc* — *gólca*, так как существительные с суффиксом *-ьca*, обозначающие людей, в славянских языках мужского рода [Halla-aho 2006: 86]. Однако Гинц Шустер-Шевц предложил воспринимать в.-луж. *holca* и н.-луж. *gólca* как **golica* с выпавшим из-за редукции *i* (ударение во всех этих словах инициальное, так что редукции может подвергаться любой непервый слог) [Schuster-Šewc 5: 315] (это решение имплицитно принято в [ЭССЯ 6: 207]).

В немецких глоссах лужицкое *hólc* / *gólc* фиксируется уже в начале XVI века [Eichler 1965: 39–40]. Слова *holz*, *hulczo* (= *hólc*, *hólčo*) встречаются в верхнелужицком переводе Нового Завета 1706 года (в параллельном немецком тексте в обоих случаях *Knabe*) [Frenzel 1706: 552].

4. Южнославянские лексемы

Слова с корнем *gol-*, обозначающие юношей и девушек, распространены в некоторых южнославянских идиомах, хотя они отсутствуют в южнославянских литературных языках и, по-видимому, не зафиксированы в средневековой южнославянской письменности (во всяком случае, их нет в словаре [Даничић 1863]). Так, и в [RHSJ 3: 249, 252], и в [РСКНЈ III: 430, 436, 438] есть следующие хорватские лексемы: *gòlac* (*gólca*) ‘юноша’ (другие значения: ‘молодая птица без перьев’, ‘скумбрия’, ‘плод с кожурой’ и др.), *gòlica* ‘девушка’ (другие значения: ‘голая девочка’, ‘рыба *Ammorleurops lacteus*’, ‘вид пшеницы без ости’, ‘вид груши, персика, абрикоса с гладкой кожей’), аугментатив *gòličina* ‘девушка’. Только [RHSJ 3: 250] фиксирует аугментатив *golčina* ‘юноша’, только [РСКНЈ

III: 438] — диминутив *gòličica* ‘девушка’. Как можно понять по пометам в словарях, все эти слова в интересующих нас значениях распространены примерно в одной области чакавских диалектов: Истрия, острова залива Кварнер, северо-запад Хорватии.

Словенское *gòlz* (= *golec*) зафиксировано уже в словаре [Pohlin 1781: 68] с нем. *Unmannbar* и лат. *impubes* (‘не возмужалый’) в качестве параллелей.

Словенские слова *gòlec* ‘безбородый юноша, мальчик’ и *gòlica* ‘девочка’ записаны в [Pleteršnik I: 227]. Там же приводятся другие значения этих слов: *golec* ‘ещё неоперённый птенец’, ‘голая, малолесная гора, заснеженная гора’ и др.; *gòlica* ‘голый склон’, ‘палка без сучков или молодое дерево’, ‘пшеница без зерна’ и др. Словенское *golec* ‘юноша’ встретилось нам также в [Robinson mlajši]:

6. Potem je hotel Robinson vardeti — izkùsiti, če bi mogla s Petkom Španijéla k čolnu dovesti — pripeljati, pak mladi Petek, močni junoh — junak — mladenec — golec, je vzel Španijéla, kor gde kako maličkost na ramena, ino ga je sam k Čolnu donesel. [Robinson mlajši, 1849]

Это перевод произведения чешского писателя Вацлава Матея Крамериуса «Mladší Robinson». Издание предназначалось для словенской молодёжи, говорящей на разных диалектах, поэтому в нём часто встречаются ряды синонимичных слов, распространённых в разных частях словеноязычной территории. Как видим, *golec* стоит именно в таком ряду.

Свидетельств существования значения ‘парень’ или ‘мальчик’ у слова *golec* в болгаро-македонской зоне мы не обнаружили.

5. Об одном уникальном слове у Якуба Коласа

В творчестве белорусского поэта Якуба Коласа (1882–1956) трижды встречается слово *голец*:

7. А гэты ветрык дураслівы
Траве зялёнай чэша грывы,
Ў садку жартуе з верабінай,
Як *голец*-хлопец той з дзяўчынай,
І валасы зялёным стрэхам
У лесе гойдае са смехам. [Колас 6: 16] («Новая зямля»); соответствующая глава была написана в 1911 году, см. [Колас 1952: 490]
8. Не — тут не гэтая прычына,
Хоць ён і *голец*-малайчына,

Прыгожы, з сэрцам залатым,
 А проста ёй было цікава
 Пазнаць крыху бліжэй яго,
 Ну хоць як ворага свайго... [Колас 10: 244] («На шляхах волі», 1926–1935, 1955–1956)

9. Лён-валосікі ды ў кольцы

Пазакручаны.

Пазайздросцяць хлопцы-гольцы

Такой штучыне. [Колас 3: 231] («Міхасёвы прыгоды», не позже 1935)

Никаких других следов употребления этого слова в белорусском нам не удалось найти; оно полностью игнорируется в лингвистической литературе и отсутствует даже в словаре [Арашонкава, Чабатар 2003], в котором документируется специфическая лексика Коласа (издан Институтом языкознания имени Якуба Коласа!)⁴.

Судя по контексту, это некий эпитет юноши, близкий к словам, рассмотренным в предыдущих разделах. Однако трудность представляет ударение: образование от прилагательного исторической акцентной парадигмы *b* с этим суффиксом должно иметь ударение на последнем слоге; или, в других терминах, правоударная морфема *-гол-* плюс правоударная морфема *-ыц-ь* даёт по общему правилу ударение на втором слоге (см. [Зализняк 2019: 34, 439])⁵, ср. *мудрэц, мярцьвёц, удавёц* ‘вдовец’ и т. д.

Это, а также соседство со словом *хлопец* в двух употреблениях⁶, наводит на мысль о заимствовании из польского⁷.

6. К семантической истории русск. *оголёц*

О. Н. Трубочёв [1963: 170] выдвинул тезис, что русское просторечное *оголец* ‘озорник, сорванец’ является таким же продолжением праслав. **golvьsь*, как и словен. *golec* или чеш. *holec*; в дальнейшем эту идею подержали Ж. Ж. Варбот [1976: 118] и (без ссылки на Трубочёва) Л. В. Кур-

⁴ Это *tris legomenon* осталось незамеченным и в [ЭССЯ 7: 17–18; SP 8: 76–77].

⁵ Ср. болг. топоним *Голёц* [БЕР 1: 262], словен. диал. *golec* и *golica* [Pleteršnik I: 227], хрв. *gòlac* [RHSJ 3: 249].

⁶ Ср. примеры употребления *хлопец* с другими полонизмами в словаре эпитетов [Гаўрош 1998: 506].

⁷ Вызывает удивление знание Коласом не самого распространённого польского диалектного слова, однако трудно предложить другие объяснения. Возможно, в дальнейшем обнаружатся свидетельства существования этого полонизма в белорусских говорах.

кина [1992: 134–135], но это слово не фигурирует s. v. **golʹsʹ* в обоих праславянских словарях [ЭССЯ 7: 17–18; SP 8: 76–77]⁸.

Попробуем уточнить историю этой лексемы, никогда подробно не обсуждавшейся в литературе. Её нет в словарях древне- и старорусской письменности [СДРЯ 6; СРЯ XI–XVII 12], не засвидетельствовано оно и в XVIII веке [СРЯ XVIII 16]. Судя по поиску в Google Books (<https://books.google.com/>) и NathiTrust (<https://www.hathitrust.org/>), в XIX веке это слово иногда фигурирует для обозначения рыбы голец, чаще в диалектных записях.

В [НКРЯ] первый пример ихтионима — 1908 г., первый надёжный пример на обозначение мальчика — 1916 г.

Самые ранние обнаруженные нами употребления относятся к рубежу XIX–XX веков, и все предельно конкретны — они относятся к нищим детям, живущим на Хитровском рынке в Москве⁹:

10. Еще хуже питание детей, живущих на Хитровке, так называемых «*огольцов*». Обедать им приходится в редких случаях, когда благотворители заказывают обеды в харчевнях. Большею частью *огольцы* едят то, что другими выбрасывается, и зачастую отнимают у пьяных нищих собранные ими куски хлеба; вообще же они бывают вечно голодными. [Курнин 1898: 45]

Далее это слово начинает активно употребляться в многочисленных публикациях об этом месте. Например, в докладе о Ляпинском ночлежном доме¹⁰, прочтённом 4 мая 1900 года:

11. Преобладающий контингент ночлежников — профессиональные нищие; очень много мальчиков-подростков, так называемых «*огольцов*», которых нередко можно встретить по двое на одной койке. [На интересующее нас слово дана сноска:] Местное прозвище — «Гуревичева шпанка»; большую часть дня *огольцы* проводят в местном трактире «Гуревича», пропивая собранную милостыню и часто верхнее платье [Ляпинский 1901: 45].

Слово фиксируется в первых словарях тюремного и воровского жаргона: «*Голéц*. “Блатной” мальчишка; несовершеннолетний пре-

⁸ См., впрочем, [ЭССЯ 26: 229–230], s. v. **obgolʹsʹ*, о котором в следующем разделе.

⁹ С обитателей которого Горький писал «На дне» (ср. [Дернова-Пигарева б/д] с библиографией). Ныне на этом месте находится небезызвестный университет.

¹⁰ Близ Хитровки, в Трёхсвятительском переулке.

ступник. Называется также “огольцом”, “гольчиком”» [Трахтенберг 1908: 18]¹¹.

Вне подобных контекстов это слово впервые появляется, по-видимому, в конце 1910-х.

12. Потом сбросил кацавейку и покарабкался на печку. — Куда ты делся-то, *оголец?* — спросила вернувшаяся в избу хозяйка. — Я здесь, — отозвался с печки Тараска. [С. Т. Семенов. Огнепоклонники (1916)]¹²
13. Кидай, *оголец!* — кричал рулевой мальчишке. Пароход замедлил ход. (К. Г. Паустовский [1: 109], «Романтики», 1916–1923)
14. У горелого исполкомского места он сел в каталку и, гулко вертясь, покати́лся вниз, и никто из других мальчиков не мешал ему в этом. Мальчик вскрикивал от удовольствия, — и деревья, и избы, и снег, и воздух, все со свистом кружилось вокруг его одного. На подкате к мосту он увидел солдата над собой, пугливо выскочил из решета и собирался ударить. — Ты не беги, *оголец,* — сказал солдат, беря его за плечо. — Я тебя не съем. [Л. М. Леонов. Барсуки (1924)]

Слово подхватили послереволюционные литераторы с «народным» пафосом. Так, во вводной статье к первому собранию сочинений Демьяна Бедного этот поэт многократно назван *огольцом*:

15. *Оголец* Ефимка благодаря смышленности, а также крепкими кулаченкам [sic] был заводиловкой [sic!] и предводителем среди ватаги сельских мальчишек. За проказы и озорство ему здорово попадало вообще, а особенно от матери. [Ермеев 1924: 8]
16. ...*оголец* Ефимка, пастырь свиней и коней, бедовый парнишка, которому знакомый конокрад пророчил блестящую воровскую будущность... [Там же: 10]
17. Итак, волшебные мечты херсонского *огольца* Ефимки, пастушенка свиней и коней, сбылись. [Там же: 24]

Обратим внимание на упоминание воров.

По-видимому, именно пролетарская литература оказалась увлечена этим словом. Тогдашний критик пишет о рассказе «Оголец» С. М. Беляева (1883–1953), позже ставшего известным благодаря своей научной фантастике: «Скучная ура-агитационная книжка. <...> К парню, улично-

¹¹ Таким образом, утверждение, что это «слово употребляется [в блатном жаргоне] с начала 1960-х годов» в [Зугумов 2015: 13] является одной из многих грубых ошибок этого издания.

¹² Здесь и далее неоговорённые примеры из [НКРЯ].

му вору с большим кабацким стажем, нежной любовью проника<етс>я когда-то наблюдавший его детское озорство рабочий, теперь партиец, и благополучно занимается его обращением на истинный путь. <...> Стилизация под народную речь... определённо не удалась Беляеву» [Красильников 1926: 210]. Подобным образом употребляется оно у А. Ф. Насимовича [1927: 70, 109, 171].

Колоритно частое использование этого слова в повести Сергея Григорьева «С мешком за смертью», насыщенной воровским жаргоном, действие которой происходит во время Гражданской войны:

18. Стасик окрикнул одного из мальчишек:
— Эй ты, *оголец*, поди сюда. Конта не видел? Ну, что лупетки таращишь? Мухарта на блок... [Григорьев 1925: 86; а также 89, 105 et passim]

Аналогично в поэзии:

19. Взубушевалась рекою шпана,
заввенели оконца в решетках.
Огольцы все за «фаргом» пошли,
«Погулять» на Московский бан. [Воздвиженский 1925: 98]

Деятельность, которой эти *огольцы* занимались, описана у Гиляровского в главе «Хитровка»:

20. А еще совсем недавно круглые сутки площадь мельтешила толпами оборванцев. Под вечер метались и галдели пьяные со своими «марухами». Не видя ничего перед собой, шатались нанюхавшиеся «марафету» кокаионисты обоих полов и всех возрастов. Среди них были рожденные и выращенные здесь же подростки-девочки и полуголые «*огольцы*» — их кавалеры. «*Огольцы*» появлялись на базарах, толпой набрасывались на торговков и, опрокинув лоток с товаром, а то и разбив палатку, расхватывали товар и исчезали врассыпную. [В. А. Гиляровский. Москва и москвичи (1926–1934)]

Это слово регулярно упоминается в инструкциях по работе с беспризорными и подобным контингентом:

21. Они презирают школу, презирают нового учителя... я решила ответить ребятам подробно и добилась тишины, сначала сравнительной, а потом, когда они увидали, что я говорю серьезно и искренно, полной. И вот, уже неделю как мы говорим, но говорим по-хорошему. Их вопросы все глубже и глубже затрагивают меня, и все больше и больше убеждают меня в том, что передо мной новый ребенок: ни ребенок, ни взрослый. Уже

не *огольцы* доминируют, а все спрашивают, все задают вопросы. [В. В. 1922: 6] (дневник преподавательницы трудовой школы, относящийся к 1918 году).

22. Не бойтесь за инструменты и материал. Если то или другое исчезнет вместе с вашим клиентом, виноват только инструктор: он не сумел настолько заинтересовать *огольца*, чтобы он захотел притти второй раз и закончить начатую работу. Представление о крайней недисциплинированности беспризорных сильно преувеличено: если создать такую обстановку, что в чайной, клубе, ночлежке они почувствуют себя как дома, если функции поддержания порядка будут доверены им самим, — порядок и дисциплина обеспечены, в особенности если дело идет с шайкой, с атаманом во главе. [Б. П. Плюснин-Кронин. Новый этап (1925)]

Ср. также:

23. Из ночлежки в Трудкоммуну,
Ускоряя ход шагов,
На понюшку, карты плюнув,
Шло двенадцать *огольцов*. [Воздвиженский 1925: 108]

Ср. в словаре жаргона преступников: «Оголец — несовершеннолетний преступник; дачный вор» [Потапов 1927: 106] — и «Оталец — начинающий вор, вор подросток» [там же: 108], которое И. Г. Добродомов [2012: 226] справедливо считает опечаткой. Приведённые [там же] материалы (в т. ч. А. М. Селищева) свидетельствуют, что слово *оголец* (с ударением на последний слог) к середине 1920-х распространилось в молодёжном жаргоне в разных регионах.

Характерно использование у Маяковского:

24. Нефть —
это значит:
 усядья роскошно,
аэрокрылья расставив врозь.
С чистого неба
 черным коршуном
наземь
 бомбу смертельную брось.
Это
 миллионщиком стал *оголец*,
если
 фонтан забьет, бушуя
[В. В. Маяковский. «Это что ж за такая за нефть?..» [Баку, 2] (1927)]

Контекст не позволяет однозначно интерпретировать смысл слова, но мы полагаем, что поэт использует его в том же значении ‘беспризорник’, что позже Горький в киносценарии «Преступники» (1932):

25. *Лисица*. Ну что, *оголец*? Обидели тебя. Идем-ко со мной. Ловко ты дрался с ними. [Горький 1973: 453]
26. *Лисица*. Верно. Теперь распрекрасно можно работать с *огольцами*, с беспризорными, их — сотни.
Козел. Учить их трудно.
Лисица. Помучишь, так научишь. [там же: 456]

В 1930-е и 1940-е оно употребляется уже в более нейтральных контекстах:

27. Мастер протянул руку и поймал за ухо вертевшегося у ворот мальчонку: — На перекресток ступай, *оголец*! Во-он туда... За углом стань. Как хозяйскую упряжку завидишь, гони сюда духом, оповести. [С. Д. Мстиславский. Грач — птица весенняя (1937)]
28. Он слышал разговор, но еще не понимал всего, вернее — не смел понять всего про Петра. Только бы мимо него, сироты, пронесло скорее эти дела! Но Петр не уходил, вертел в пальцах талоны. — Эй, *оголец*!.. Завтра один слетаешь, не заплутаешься, чай? Туда же, куда нынче с дядей Иваном ходил. Держи! [А. Г. Малышкин. Люди из захолустья (1938)]
29. Милиционер выскочил — старенький уже, усатый — и кричит: «Марш отсюда! Я вас, *огольцов*, всех позабираю!» (К. Г. Паустовский [6: 290], «Дорожные разговоры», 1943)
30. Зашел за ларек, вытащил дрянненький портсигар из кармана, почистил его песочком и, выйдя на толкучку, продал за 9 рублей какому-то *огольцу*... Я с остервенением протолкался к продавцу в ларьке, получил и тут же оплел бутерброд: 100 гр. хлеба и 100 гр. колбасы — 8 р. 70 к... [В. А. Чивилихин. Дневники, письма (1947)]
31. Как поезд подойдет, так бабы, девчонки, *огольцы* — прямо в окна ползут. Кто с чем. Кто, понимаешь, с яблоками, кто с яичками калеными, кто с варенцом... [Александр Галич. Матросская тишина (1945–1956)]

Впервые в общем словаре слово удостоивается толкования «Мальчишка-озорник» с пометой «простореч., бран.» [Ушаков 1938: стб. 750], что, как представляется, не отражает всей полноты коннотаций этого слова. В 1950-е и дальше связь слова с воровским и бродячим миром уже либо неявна, либо даже вообще отсутствует:

32. И день, полный трудных дел и необыкновенных приключений, обычно заканчивался для ребят у теплой и такой уютной стены старой бани, где бабушка рассказывала бесконечную сказку про молодца-*огольца*, который никогда не плакал, не жаловался, но и в обиду никому не давался. [А. И. Мусатов. Большая весна (1957)]
33. Много я вашего брата в расход пустил, много на мне крови господской, офицерской, и хоть бы что. Числа, имени не помню, вся вода растеклась. *Оголец* у меня один из головы нейдет, *огольца* одного я стукнул, забыть не могу. За что я парнишку погубил? Рассмешил, уморил он меня. Со смеху застрелил, сдуру. [Б. Л. Пастернак. Доктор Живаго (1945–1955)]
34. Потом участковый вылез из машины, похлопывая себя по бокам, как после купания, подошел к середке стана и проговорил: — Здорово-здорово, бабоньки, здорово-здорово, мужики, здорово-здорово, *огольцы*! [Виль Липатов. Деревенский детектив (1967–1968)]
35. Когда все сошлись, топая по крыше, приглядываясь друг к другу в полутьме самого раннего рассвета, нервно и устало посмеиваясь над своими запачканными копотью лицами, Губан потянулся, снял рукавицы, положил за трубу клещи. — Все! Концерт окончен, пошли, *огольцы*, покурим! Ах ты, моя ягодка! — опять заорал он и лапанул Фаину. [Юрий Казаков. Из повести «Две ночи» («Разлучение душ») (1960–1970)]

К 1970-м это слово окончательно становится просто обозначением для детворы:

36. Я вспомнил, как два года назад, когда мы были в пионерском лагере близ Вереи и я там был пионервожатым у третьеклассников, — как однажды на берегу Протвы я читал им, своим *огольцам*, книжку Януша Корчака «Король Матиуш Первый». [Александр Рекемчук. Мальчики // «Юность», 1970]
37. Ребята заходили, смотрели на Левкину мать, она лежала в гробу. Потом какой-то мужчина вышел из дома, стал всех прогонять, ругался негромко, но сердито: «Вы что тут не видели? А ну, марш отсюда, *огольцы*!» [Ю. В. Трифонов. Время и место (1980)]
38. Он потрется возле кона, помнется, поставит пару рюх и царапает затылок, соображает, ждет, а ты переживай: бабочки новенькие, беленькие, ни разу еще на кон не ставленные, не битые, не колотые, вот они, под рубахой, брюхо надуешь или тряхнешься — и заговорили, заворочались, телом твоим согретье, родимые тебе, живые, а на кон их выставишь, так неизвестно, что с ними будет, могут к тебе и не вернуться. Хлестанет *оголец*-удалец панком, весь кон свалит, никому и ударить больше не достанется... [Виктор Астафьев. Последний поклон (1968–1991)] — про игру в городки.

39. Двор был котлом, общиной, судилищем, голодным и справедливым. Мы были мелюзгой двора, *огольцами*, хранителями его тайн, законов, его великого фольклора. Мы знали все. [Андрей Вознесенский. На виртуальном ветру (1998)]

При этом слово продолжало существовать и в лагерном жаргоне, см., например, [Городин 2021: 159]. Впрочем, особые коннотации всплывают и ныне:

40. Мат, «феня», наколки, фиксы, малокозырки, тельники, прохаря, чубчики, особая походка и манера сплевывать слюну — все это было обычными атрибутами не только сирот-«огольцов» и профессиональных воров, а и обычных пионеров-школьников из обычных семей. [Алексей Козлов. Козел на саксе (1998)]
41. Десятилетний *оголец* из города Городок Витебской области угнал машину «Ауди», чтобы навестить друзей. Был жив папка — не раз давал порулить. Но Толькин отец умер в прошлом году, успев научить сына главному: сцепление, газ, первая... [Вячеслав Ткач. («КП» — Минск»). Толька сказал: «Поехали!» // Комсомольская правда, 2003.10.08]

В современной речи это слово довольно редкое, но существующее. Так, в [ГИКРЯ] обнаружилось 245 вхождений (среди которых, правда, есть фамилии и прочий шум) на 20 млрд словоупотреблений. Пример оттуда:

42. Вообще, все эти «танки по телевизору» для восьмилетнего *огольца* были весьма занятным зрелищем. В то же время, Жириновский, Ельцин, Макашов, желтушно-восковые ГКЧП и их речи мной не воспринимались никак, чего нельзя сказать о взрослых: картинка их интересовала куда меньше того, что им говорили всякие эмоциональные дядьки с экрана телевизора. (19/08/2011, https://m.livejournal.com/read/user/shingo_tln/756253)

Особняком стоит уголовное/воровское *огольць* ‘ключи’ и ‘пальцы рук’ [Скляр, Малаховский 1993: 159; Городин 2021: 159], нуждающееся в дополнительном изучении (возможно, не связаны с интересующим нас гнездом).

7. К происхождению слов круга *огольца*

Прежде всего позволим себе сразу отклонить высказанную между делом в [Скворцов 1974: 142–143] идею, что ‘молодой или мелкий воришка’ является лишь переносным значением слова *оголец* ‘рыба голец’ (в

качестве параллели приводится слово *salaga*, якобы в морском жаргоне из *salaka* ‘рыба *Clupea harengus membras*’).

Для подтверждения идеи Трубачёва об общей этимологии рус. *оголец* и инославянских слов со значением ‘мальчик, юноша’ разумно было бы искать происхождение изначального, «хитровского» *огольца* в диалектах. Однако источники XIX века ничего не дают; в [СРНГ 22: 334] нет соответствующих значений. Последнее, однако, может быть связано не с тем, что русским говорам чуждо интересующее нас слово, а с тем, что диалектные лексикографы воспринимают его не как локальное, а как общепотребительное просторечие. Ср. пометы в [ССРЛЯ 8: 626] s. v. *оголец*: «обл.» для ‘рыба голец’ и (вслед за Ушаковым) «простореч. бранно» для ‘озорник, сорванец’¹³. В словаре говоров [СРГК 4: 138] *оголец* даётся с пометой «экспр.» и значением ‘сорванец’, с фиксациями в разных районах. Ср. также употребления у авторов (или персонажей), ориентированных на «деревенский» стиль.

Заметим также, что кроме фамилии *Огольцов* (отмеченной в [ЭССЯ 26: 229–230] своим белорусским соответствием *Агальцоў*) существует и фамилия *Огольцев*. В частности, фамилия филолога В. М. Огольцева переводится в белорусскую графику как *Огальцаў*. При этом ударения на первом слоге у нарицательного *оголец* в диалектологии не отмечено [СРНГ 22: 334]¹⁴. Приведённое в [ЭССЯ 26: 229–230] без ударения блр. *агалец* — явный русизм. Несколько нестандартно записанное в [РСВ 1: 32] блр. *ага́лец* ‘свавольнік’, но, впрочем, не противоречит нашему тезису о русском происхождении белорусских форм — см. записанное на великорусской территории в молодёжном жаргоне *агалёц*, *ага́льчик* с толкованием «мальчишка» [Копорский 1928: 49]; *-á-* лишь свидетельствует, что внутренняя форма слова уже непрозрачна (ср. также фамилию *Агальцев*).

¹³ В новом издании словаря [БАС 13: 477] основным значением указано ‘мальчишка, подросток’, а помета «бранно» снята, что представляется вполне оправданным для современного языка, однако такое толкование делает непонятным употребление Горького и т. п.

¹⁴ Ударение **оголец* объяснялось бы так наз. перемаркировкой по модели «засуха», см. об этом [Зализняк 1985: 154]. Заметим, что это едва ли не единственное формальное свидетельство, что *о-* в данном слове — префикс. Ср. ихтионим: «...никогда не забуду свою милую говорливо-журчащую речонку, где ловил *огольцев* и пескарей» [А. С. Новиков-Прибой. Цусима (1932–1935)] — не подразумевает ли такая орфография инициального ударения?

В [ЭССЯ 26: 229–230] сюда же отнесено взятое из деулинского словаря *огólка*, толкуемое как «то же, что *огóлтуи* [“о непутевом, непослушном человеке”], но по отношению к женщине или девушке» [Оссовецкий 1969: 362]. Это слово, хотя и живо напоминает западнославянские слова со значением ‘девушка, девочка’, которые мы связываем с континуантами праславянского **golvьsь*, не имеет к интересующему нас гнезду никакого отношения, что явствует уже из толкования первоисточника: оно вместе с *огóлтуи* связано¹⁵ с глаголом *оголтѣть* ‘ошалеть, одуреть’ (калуж., тульск., ряз. и т. д.), ср. *оголтень* ‘неслух’ (курск., ряз. и др.) и соответствующее диалектное значение слова *оголтѣлый* ‘озорной, непоседливый’ [СРНГ 22: 336–337] — для всех этих слов можно восстанавливать в качестве корня только **gьlt-* (о котором см. [ЭССЯ 27: 52; Журавлёв 2005: 213–214]), так что предложенная в [ЭССЯ 26: 229] реконструкция **obgolvьka* совершенно фантастична.

Далее, выведя из числа *comparandorum* белорусские формы и *оголку*, в качестве продолжений предполагаемого праславянского **obgolvьsь* согласно [там же: 229–230] остаётся только ст.-слвц. *oholec* ‘лысый’ и рус. *оголец* с разными значениями — как кажется, это независимые образования, так что реконструкция их общего предка в высшей степени сомнительна¹⁶.

Если же связывать, вслед за Трубачёвым, рус. *оголец* ‘сорванец’ с инославянскими параллелями типа словен. *golec* ‘парень’, то обращает на себя внимание различие в ассертивной зоне значения: если для рус. *оголец* ключевым является озорство, непоседливость, то для предполагаемых когнатов — сам факт молодости.

Однако, как мы надеялись показать в предыдущем разделе, исходно семантика интересующего нас слова связана с нищими и беспризорниками. В этом отношении обращает на себя диалектное *оголѣчество* ‘беднота’, представленное в [СРНГ 22: 334] единственным примером из Псковской губернии, которое может свидетельствовать о том, что изначальная мотивировка лексемы *оголец* связана с хорошо известными словами типа *гольтьба*, *голь* ‘бедняк(и)’ и т. п. [СРНГ 6: 346–348] (ср. также белорусское *галѣча* ‘нищета’ [slounik.org]).

¹⁵ Насколько нам известно, никто до сих пор не обращал на это внимания.

¹⁶ Ср. невероятную реконструкцию **obgolimь(jь)* в [ЭССЯ 26: 218] на основе единственной (!) русской диалектной записи *оголимый* ‘сплошной’, связанной со словом *голимый* [Киреев 2018].

Надо думать, что Трубачёв имплицитно предлагает видеть в *огольце* нерегулярный протетический гласный. Если же считать *о-* «нормальным» префиксом, то это слово должно быть дериватом глагола **оголѣти* ‘сделать голым, т. е. неимущим’ (ср. диал. *оголеть* ‘обнищать’ [СРНГ 22: 334]). Если такое предположение верно, то это тоже могло бы свидетельствовать в пользу сепаратного происхождения *огольца*. Однако оно уязвимо, поскольку в таком случае скорее ожидалась бы форма **оголенец*, ср. *оборванец*, *ободранец* (модель как в *переселенец*, *уроженец* и т. д.).

Впрочем, возможно и иное решение: мы действительно имеем дело с асемантической протезой, но этимоном в любом случае следует предполагать диал. *голец* ‘нищий’ [СРНГ 6: 292], которое нельзя счесть континуантом праслав. **gōľьсь* ‘юноша’. Сильным свидетельством в пользу такой трактовки является приведённая выше статья из словаря блатного жаргона [Трахтенберг 1908: 18], которая отождествляет слова *голец* и *оголец*. Однако эти данные остались изолированными: нам не удалось обнаружить контекстов *гольца*, в которых была бы предпочтительна интерпретация ‘ребёнок’ или ‘парень’. Употребление того времени проиллюстрируем примером из Горького:

43. Потом шатается со стороны на сторону *голец*, бедняк, обессиленный, крепко злой, ни во что не верующий и запьянцовский народ: им, главное, угоститься бы вином, и за стакан — они идут на всё. А в стороне — подростки, человеки всё больше серьёзные, хмурые, вдумчивые, они ну-тром понимают силу грамоты и на отцов смотрят косо, неодобрительно. [Максим Горький. Лето (1909)]

8. О старорусском *голець*

В восточнославянской письменности XI—XIV веков слова **гольць* не обнаружено [СДРЯ 2]. В более позднее время фиксируются *голцы* мн. ‘рыба голец’ с XVI века, *камень голець* ‘не покрытые растительностью камни’ в XVII веке [СРЯ XI—XVII 4: 61]; все эти значения находят продолжение в языке XVIII века [СРЯ XVIII 5: 152], частично и в современных диалектах [СРНГ 6: 292]. Отметим также староблр. *голець* ‘дубец’ (т. е. ‘прут’) [ГСБМ 7: 32].

Все эти слова не имеют интересующей нас семантики. Однако в исторической лексикографии ещё со Срезневского [1: 541] помечается как неясный один контекст из духовной грамоты Ивана Тойвита о вкладе в Михайловский Архангельский монастырь и о состоянии его финансо-

вых обязательств [СРЯ XI–XVII 4: 61]. В [ЭСРЯ МГУ 1/4: 51] предлагается видеть здесь ихтионим, на неверность чего указано в [Аникин 11: 121].

Прежде всего отметим, что, согласно В. Л. Янину, интересующий нас документ написан не позже начала 1420-х годов [Янин 1990: 304] (хоть и дошёл в списке XVII века), так что мы имеем дело с древнейшей фиксацией слова *голець* в восточнославянской зоне.

Приведём грамоту целиком по публикации [ГВНП 1949, № 234] (нынешнее место хранения оригинала — Рукописный фонд БАН, шифр: Арханг. 1192, л. 151–152):

Во имя отца і сына і свягата духа. Се язъ рабъ божии Иванъ Тоивитъ пишу сие рукописание при своемъ животѣ своимъ дѣтемъ. А что земли участокъ Тоивитовъ три полца, опричь деловой земли, что дѣти делились, а то святому Михаилу; да сѣнникъ, да клѣтъ на подклѣте, да четверть хмелника, і то все святому Михаилу в вѣки. А что порубили Тоивита в поралье, выдале *голець* Ѡдоду Тимоѡвеву в семи сорокехъ, в Кургонемскои да в Низовскои трети. А что заплатилъ Пугва десять рублевъ в Курьи за низовцевъ, [и то] без розруба Тоивитъ далє. І далъ есмь Савелью Іевлевичю два рубля за низовцовъ, и то на низовцахъ на крестьянехъ. А коли заняли у Савелья, и я, к занимамъ не ходя, далъ есмь три рубли свою. Коли заняли у Пугвы, и я, не ходя к занимамъ, далъ есмь рубль свои. А коли послали ест с тѣмъ в Новгородъ, тогды доспѣлося мнѣ убытку двенатцать рублевъ; а ходилъ с Микитою тогды. А тутъ сидѣлъ у рукописания: Юрье Даниловичъ, да дяконъ михаиловскои Демидъ, да Самыла. [А на то богъ] послухъ да свягый Михаилъ і отецъ мои душевной игумень Аѡнасен.

Фрагмент вызывает устойчивые трудности у лексикографов: в [СРЯ XI–XVII 17: 135] употребление глагола *порубити* в этой грамоте выделено в отдельное значение, вместо толкования — знак вопроса.

К тому моменту уже вышла работа А. А. Зализняка о древнерусском глаголе *рути* ‘подвергать кого-либо конфискации имущества’, в которой указывалось, что по крайней мере начиная с XIV века слово (*но*)*рубити* могло употребляться в том же значении [Зализняк 1986: 169].

Представляется, что ничего не противоречит соответствующей интерпретации в данном контексте. Причём, думается, в *поралье* (‘пóдать посаднику’, см. [Янин 1990: 304]) следует читать именно как аккумулятив, а не локатив: ср. про управление *рути* и *рубити* ‘конфисковать’: «возможно, *въ* с винительным значило здесь ‘за кого, за что’, а *въ* с местным — ‘на какую сумму’» [Зализняк 1986: 172]. Таким образом, пассаж *А что порубили Тоивита* (асс.) в *поралье* (скорее асс.), *выдале голець* (асс.)

Фёдору Тимофееву в семи сорокахъ (скорее loc.), по нашему мнению, следует переводить примерно как ‘а что касается конфискации имущества Тойвита за неуплоченную пошлину, (то я, Тойвит,) передал голец Фёдору Тимофееву в семь сороков’. На то, что в *семи сорокахъ* — это стоимость *гольца* (и сумма долга, очевидно), указал ещё А. А. Шахматов [1903: 49].

[Там же] слово *голецъ* предлагается понимать как имя собственное — указывается на остров *Голец* в устье Северной Двины. Не оспаривая такой трактовки, заметим, что указанная лексема здесь может быть интерпретирована и как апеллатив со значением ‘голый участок земли’, засвидетельствованным в русских диалектах [СРНГ 6: 292].

Итак, единственный возможный след значения ‘мальчик, парень’ у слова *голец* в восточнославянской зоне — употребления Якуба Коласа.

III. *goliti

Обратим внимание на семантику рефлексов глагола **goliti*: значение ‘брить’ отмечено в чешском, словацком, лужицких, польском, словенском, русском, украинском, белорусском, а в болгарском и македонском зафиксировано только ‘обнажать, грабить’ и т. п. [ЭССЯ 6: 207; SP 8: 41–42].

В связи с этим кажется перспективной старая идея, что значение ‘*radere*’ у рефлексов **goliti* в восточнославянском происходит из польского, неуверенно высказанная в [ЭСБМ 3: 31]. Там же указано, что вопрос может быть разрешён только дополнительными хронологическими изысканиями. Приведём доступные нам данные: в [СРЯ XI–XVII 4: 61] единственный пример датирован концом XVII века; в старобелорусском и староукраинском соответствующее значение отмечается с XVI века (в словаре [ССМ XIV–XV] не фиксируется), см. [Аникин 11: 122] с библиографией; в старопольском же — по крайней мере с XV века, т. е. с самых ранних употреблений глагола *golić* [SStp 2/6: 451; Boryś 2005: 170–171]. Эти данные, как нам кажется, позволяют принять гипотезу [ЭСБМ]; осторожность А. Е. Аникина [11: 123] чрезмерна.

IV. Заключение

Итак, значение ‘парень’ у предполагаемых рефлексов праслав. **golvьsь* ограничено западно- и южнославянскими идиомами. Прихотливое распространение такого значения привлекало внимание исследователей внутриславянских изоглосс. Так, Иван Попович относил **golvьsь* ‘юно-

ша' к словенско-чакавско-чешским изолексам [Роровіс 1960: 33]¹⁷, Гинц Шустер-Шевц [1976: 77] — к лужицко-чешско-сербохорватским. Как видим, вышеприведённый материал свидетельствует о более широком распространении соответствующего слова.

При этом значение 'брить' у рефлексов **goliti* не засвидетельствовано в болгарском, македонском и неисконно в восточнославянских языках (т. е. в тех языках, где у континуантов **golъсь* не отмечено значения 'парень')¹⁸.

Это позволяет предположить, что значения корня **gol-*, связанные с безволосостью, не были известны предковым диалектам восточнославянской и болгаро-македонской зоны.

Источники

- В. В. 1922 — В. В. Из дневника педагога // Вестник просвещения. М., 1922. № 1 (январь). С. 4–8.
- Воздвиженский 1925 — *Воздвиженский Д.* В кепарке — Рукавниках (Из быта беспризорных) // Вестник просвещения. М., 1925. № 9 (сентябрь). С. 97–108.
- ГВНП 1949 — Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Ин-т истории АН СССР, Ленингр. отд-ние; подгот. к печати В.Г. Вейман и др.; под ред. С.Н. Валка. М.; Л., 1949.
- ГИКРЯ — Генеральный интернет-корпус русского языка. <https://int.webcorpora.ru/drake/>
- Горький 1973 — *Горький М.* Полное собрание сочинений. Художественные произведения в 25 томах. Т. 19. М., 1973.
- Григорьев 1925 — *Григорьев С. Т.* С мешком за смертью (Железный путь). Повесть. 2-е изд. М.; Л., 1925.
- Ермеев 1924 — *Ермеев К. С.* К первому изданию // *Демьян Бедный*. Собрание сочинений: В 1 т.: 1909–1923; 2-е изд. М.: Рабочая газета, 1924. С. 3–24. Беспл. прил. к «Рабочей газ.».
- Колас 1–14 — *Колас Я.* Збор твораў у 14 тамах. Мінск, 1972–1978.
- Колас 1952 — *Колас Я.* Збор твораў у 7 тамах. Т. IV. Мінск, 1952.

¹⁷ Трубачёв [1963: 170] же, относивший сюда и рус. *оголец*, — к словенско-чакавско-чешско-русским.

¹⁸ Вообще оговоримся, что в разных частях славянского ареала зафиксированы слова с корнем **gol-*, близкие по значению к интересующим нас лексемам, однако возникшие, по-видимому, независимо; иногда их семантическая мотивация связана с раздетостью (болг. диал. *голка* 'която ходи гола' [БЕР 1: 261]), иногда, вероятно, — с бедностью (рус. *оголец*).

- Красильников 1926 — *Красильников В.* [Рец. на] Сергей Беляев. Пожар. Рассказы. Изд. «Земля и Фабрика». М.; Л., 1926 // Печать и революция. М., 1926. Кн. 4, июнь. С. 210.
- Курнин 1898 — *Курнин С. В.* Отчет Комиссии по вопросу о Хитровом рынке // Отчет Городского попечительства о бедных 2-го и 3-го участков Мясницкой части за 1897 год. М., 1898. С. 39–59.
- Ляпинский 1901 — Ляпинский ночлежный дом в Москве // Записки Московского отделения Императорского Русского технического общества. 1900 г. Вып. 5–6 / под ред. К. К. Мазинга. М., 1901. С. 45–48.
- Насимович 1927 — *Насимович А.* Топор. Рассказы. М., [1927].
- НКРЯ — Национальный корпус русского языка: ruscorpora.ru
- Паустовский 1–9 — *Паустовский К. Г.* Собрание сочинений в 9 томах. М., 1981–1986.
- Frenzel 1706 — *Das neue Testament unsers Herrn Jesu Christi.* In die Oberlausitzische Wendische Sprache übersetzt, von Michael Frenzel. Zittau, 1706
- hotko_v2 — Hornolužický textový korpus. https://www.korpus.cz/kontext/query?corpname=hotko_v2
- Kochowski 1859 — *Wespazyana Kochowskiego wojskiego Krakowskiego pisma wierszem i prozą.* Wydanie Kazimierza Józefa Turowskiego. Kraków, 1859.
- KLA — Kartotéka lexikálního archivu, 1911–1991. <https://bara.ujc.cas.cz/psjc/search.php>
- Potocki 1907 — *Potocki W.* Ogród fraszek. Wydanie zupełne Aleksandra Brücknera. Lwów, 1907.
- Potocki 1987 — *Potocki W.* Dzieła. T. 1. [Warszawa:] Państwowy Instytut Wydawniczy, 1987.
- Robinson mlajši — Robinson mlajši. Iz českega prepisal Oroslav Cafov. Gradec, 1849.
- slounik.org — Беларускія слоўнікі і энцыклапедыі. <http://slounik.org/>

Словари

- Аникин 11 — *Аникин А. Е.* Русский этимологический словарь, Вып. 11 (глюки — грайка). М., 2017.
- Арашонкава, Чабатар 2003 — *Арашонкава Г., Чабатар Н.* Тлумачальны слоўнік адметнай лексікі ў творах Якуба Коласа. Мінск, 2003.
- БАС 13 — Большой академический словарь русского языка: В 30 т. Т. 13: о — опор / Гл. ред. А. С. Герд. М.—СПб, 2009.
- БЕР 1 — Български етимологичен речник. Т. I (А–З) / съставили: Вл. Георгиев, Ив. Гълъбов, Й. Заимов, Ст. Илчев; редактор: Вл. И. Георгиев. София, 1971; фототипно издание: София, 2007.
- Гаўрош 1998 — *Гаўрош Н. В.* Слоўнік эпiгэтаў беларускай мовы. Мінск, 1998.
- Городин 2021 — *Городин Л. М.* Словарь русских арготизмов. Лексикон каторги и лагерей императорской и советской России. М., 2021.
- ГСБМ 7 — Гiстарычны слоўнік беларускай мовы. Вып. 7. Мінск, 1986.
- Даничић 1863 — *Даничић Ђ.* Рјечник из књижевних старина српских. Дио 1: А–К. Београд, 1863.

- Зализняк 2019 — *Зализняк А. А.* Древнерусское ударение: Общие сведения и словарь. 2-е изд., расширенное и переработанное. М., 2019.
- Зугумов 2015 — *Зугумов З. М.* Русскоязычный жаргон. Историко-этимологический, толковый словарь преступного мира. М., 2015 (Серия «Библиотека профессиональных словарей»).
- Копорский 1928 — *Копорский С. А.* Воровской жаргон в речи ярославских школьников // Ярославский край. Сб. 1. Ярославль, 1928 [на обл. — 1929].
- Оссовецкий 1969 — Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области) / под ред. И. А. Оссовецкого. М., 1969.
- Потапов 1927 — Словарь жаргона преступников (блатная музыка) / составил по новейшим данным С. М. Потапов. М., 1927.
- РСВ 1 — Рэгіянальны слоўнік Віцебшчыны. Ч. 1. Віцебск, 2012.
- РСКНЈ — Речник српскохрватског књижевног и народног језика. Књ. III. Београд, 1965.
- СДРЯ — Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. I–. М., 1988–.
- Скляров, Малаховский 1993 — Словарь современного жаргона преступного мира / сост. Э. Л. Скляров, А. С. Малаховский. Архангельск, 1993.
- СРГК 4 — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. Вып. 4 / гл. ред. А. С. Герд. СПб., 1999.
- Срезневский 1 — Материалы для словаря древнерусского языка. Труд И. И. Срезневского. Т. I. СПб., 1893.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров. Вып. 1–. Л., СПб.: 1965–.
- СРЯ XI–XVII — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–. М., 1975–.
- СРЯ XVIII — Словарь русского языка XVIII века. Вып. 1–. Л., 1984–.
- ССМ XIV–XV — Словник староукраїнської мови XIV–XV ст. Т. I: А–М / ред. Л. Л. Гумецька та ін. Київ, 1977.
- ССРЛЯ 8 — Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. Т. 8. М.; Л., 1959.
- Трахтенберг 1908 — *Трахтенберг В. Ф.* Блатная музыка («жаргон» тюрьмы) / под ред. и с предисл. проф. И. А. Бодуэна-де-Кургенэ. СПб., 1908.
- Ушаков 1938 — Толковый словарь русского языка: В 4 т. Т. 2. Л.—Ояловеть. М., 1938.
- ЭСБМ 3 — Этымалагічны слоўнік беларускай мовы. Т. 3. Г–І / [Р. У. Краўчук [і інш.]; рэдактар В. У. Мартынаў]. Мінск, 1985.
- ЭСРЯ МГУ 1/4 — Этимологический словарь русского языка. Т. I, вып. 4: Г / под ред. Н. М. Шанского. М., 1972.
- ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков. Вып. 1–. М., 1974–.
- Boryś 2005 — *Boryś W.* Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków, 2005.
- DPŚ 1939 — *Nitsch K.* Dialekty polskie Śląska. Kraków, 1939.
- Eichler 1965 — *Eichler E.* Etymologisches Wörterbuch der slawischen Elemente im Ost-mitteldeutschen. Bautzen, 1965.
- Kálal 1923 — *Kálal K., Kálal M.* Slovenský slovník z literatúry aj nárečí (slovensko-český diferenciálny): na základe slovníkov, literatúry aj živej reči. Banská Bystrica, 1923.
- Králik 2015 — *Králik L.* Stručný etymologický slovník slovenčiny. Bratislava, 2015.

- Miklosich 1886 — *Miklosich F.* Etymologisches Wörterbuch der Slavischen Sprachen. Wien, 1886. <https://bookree.org/reader?file=670410&pg=3>
- Pfuhl 1866 — *Pfuhl C. T.* Łużiski serbski słownik. Lausitzisch Wendisches Wörterbuch. Budyšin, 1866.
- Pleteršnik — *Pleteršnik M.* Slovensko-nemški slovar. Del I, II. Ljubljana, 1894, 1895.
- Pohlin 1781 — *Pohlin M.* Tu malu besedishe treh jesikov. Laibach, 1781.
- PSJČ — Příruční slovník jazyka českého. Praha, 1935–1957.
- Rejzek — *Rejzek J.* Český etimologický slovník. Leda, 2001.
- RHSJ 3 — Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Dio 3. Zagreb, 1887–1891.
- Schuster-Šewc 5 — *Schuster-Šewc H.* Historisch-etymologisches Wörterbuch der ober- und niedersorbischen Sprache. Bd. 5: Hlub–Hwězda. Bautzen, 1978.
- SGP 1901 — *Karłowicz J.* Słownik gwar polskich. T. 2: F–K. Kraków, 1901.
- SGP 2013 — Słownik gwar polskich. T. 8, z. 4 (27): Gnać (się) — Gościnka. [Kraków:] Instytut Języka Polskiego PAN, 2013.
- Soblex — Hornjoserbsko-němski słownik. <https://soblex.de/>
- SP 8 — *F. Ślawski* (red.). Słownik prasłowiański. T. 8: Goda–Gyža. Wrocław, 2001.
- SSStp 2/6 — Słownik staropolski. T. II, z. 6 (12): Gdyż–Górny. Wrocław; Kraków; Warszawa, 1958.
- SSJČ — Slovník spisovného jazyka českého. Praha, 1960–1971.
- SSN — Slovník slovenských nářečí. Zv. 1: A–K; zv. 2: L–P. Bratislava, 1994, 2006.
- Starosta 1999 — *Starosta M.* Niedersorbisch-deutsches Wörterbuch. Bautzen, 1999.
- Šumavský 1851 — *Šumavský J.* Česko-německý slovník. Praha, 1851.

Литература

- Брандт 1889 — *Брандт P.* Дополнительные замечания к разбору этимологического словаря Миклошича (продолжение) // Русский филологический вестник. 1889. Т. 22, [№ 3]. С. 112–144.
- Варбот 1976 — *Варбот Ж. Ж.* О некоторых продолжениях гнезда слав. *goľьъ в русских диалектах // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1974 / отв. ред. Р. И. Аванесов. М., 1976. С. 117–120.
- Дернова-Пигарева б/д — *Дернова-Пигарева О. И.* Каталог книжно-иллюстративной выставки из серии «Исторический квартал» / Государственная публичная историческая библиотека. 14 с. https://www.shpl.ru/images/cms/data/hitrovka_katalog_vystavki.pdf
- Добродомов 2012 — *Добродомов И. Г.* Из истории двух жаргонизмов: *пацан* и *шкет* на лексикографическом фоне // Политическая лингвистика. 2012. № 2. С. 224–238.
- Журавлёв 2005 — *Журавлёв А. Ф.* Язык и миф. Лингвистический комментарий к труду А. Н. Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу». М., 2005.
- Зализняк 1985 — *Зализняк А. А.* От праславянской акцентуации к русской. М., 1985. Репринт в: Труды по акцентологии. Т. I. М., 2010.
- Зализняк 1986 — *Зализняк А. А.* [§ 74–77.] *рути* «подвергать конфискации имущества» // В. Л. Янин, А. А. Зализняк. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 гг.). М., 1986. С. 168–174.

- Киреев 2018 — *Киреев Н. И.* К истории слова *голимый* // Русский язык в научном освещении. 2018. № 2 (36). С. 148–158.
- Куркина 1992 — *Куркина Л. В.* Диалектная структура праславянского языка по данным южнославянской лексики. Ljubljana, 1992 (Opera / Academia scientiarum et artium slovenica. Classis II: Philologia et litterae; 38).
- Первольф 1886 — Славяне: их взаимные отношения и связи. Сочинение Иосифа Первольфа. Т. I: Очерк истории Славян до XVIII века. Варшава, 1886.
- Скворцов 1974 — *Скворцов Л. И.* Орфография просторечных и жаргонных слов // Нерешённые вопросы русского правописания / отв. ред. Л. П. Калакуцкая. М., 1974. С. 133–153.
- Трубачёв 1963 — *Трубачёв О. Н.* О составе праславянского словаря (проблемы и результаты) // Славянское языкознание. V Международный съезд славистов (София, сентябрь 1963). Доклады советской делегации. М., 1963. С. 159–196. Репринт: *он же.* Труды по этимологии: Слово. История. Культура. Т. 1. М.: Языки славянской культуры, 2004. (Opera etymologica. Звук и смысл). С. 260–297.
- Шахматов 1903 — *Шахматов А. А.* Исследование о двинских грамотах XV в. Ч. II. СПб., 1903. (Исследования по русскому языку. Том II, вып. 3).
- Шустер-Шевц 1976 — *Шустер-Шевц Г.* Язык лужицких сербов и его место в семье славянских языков // Вопросы языкознания. 1976. № 6. С. 70–86.
- Янин 1990 — *Янин В. Л.* Новгородские акты XII–XV веков. Хронологический комментарий. М., 1990.
- Bystron 1887 — *Bystron J.* O mowie polskiej w dorzeczu Stonawki i Lucyny w księstwie Cieszyńskim // Rozprawy i sprawozdania z posiedzeń wydziału filologicznego Akademii Umiejętności. T. XII. Kraków, 1887. S. 1–110.
- Halla-aho 2006 — *Halla-aho J.* Problems of Proto-Slavic Historical Nominal Morphology: On the Basis of Old Church Slavic. Helsinki, 2006 (= Slavica Helsingiensia, 26).
- Kolberg 1877 — *Kolberg O.* Rzecz o mowie ludu wielkopolskiego // Zbiór wiadomości do antropologii krajowej wydawany staraniem komisji antropologicznej akademii umiejętności w Krakowie. T. I. Kraków, 1877. Dział etnograficzny, s. 3–36.
- Kosiński 1891 — *Kosiński W.* Niektóre właściwości mowy pisarzowickiej // Sprawozdania komisji językowej akademii umiejętności. T. IV. Kraków, 1891. S. 1–34.
- Malinowski 1893 — *Malinowski L.* O niektórych wyrazach ludowych polskich. Zapiski porównawcze // Rozprawy akademii umiejętności. Wydział filologiczny. Kraków, 1893. Serya II. Tom II. S. 1–102.
- Popović 1960 — *Popović I.* Geschichte der serbokroatischen Sprache. Wiesbaden, 1960.
- Stankiewicz 1986 — *Stankiewicz E.* The Slavic Languages: Unity in Diversity. Berlin, 1986.

Summary

*Pavel Dolgopolov,
Niyaz Kireyev*

Proto-Slavic *golъ seen through some derivatives

In the article, we propose a specification of semantics of the Proto-Slavic root *gol- / adjective *golъ with the help of linguogeographic analysis of several derived terms. The main part of the work is dedicated to the word *golъсь meaning 'beardless young man'. It is discovered that the descendants of this noun are most prominent in Czech and Sorbian languages and also found in some Polish, Croatian and Slovene dialects. Attention is drawn to a previously unnoticed Belarusian word *голец*, attested several times in works by Jakub Kołas; a hypothesis about its Polish origin is put forward. An excerpt from a Novgorodian manuscript of XV century of Ivan Toyvit, usually considered obscure, is analysed, the word *голець* is interpreted as 'bare plot of land'. For the first time, the history of the Russian word *оголец* 'naughty boy' is thoroughly examined. It is concluded that its original meaning has to do with poverty, and argued that it is not related etymologically to *golъсь. In the next section of the publication, we uphold the old hypothesis that the verb *голити* in East Slavic dialects obtained the meaning 'to shave' under Polish influence; it is noted that the cognates of this verb in Bulgarian and Macedonian do not appear to have such semantics either. In conclusion, a thesis is put forward that the meanings of the root *gol- having to do with hairlessness were unknown to the ancestral dialects of the East Slavic and Bulgarian-Macedonian zone. Thus, our analysis shows that the semantics of the root *gol- may have been different already in Proto-Slavic dialects and illustrates the significance of dialectological studies for semantic reconstruction.

Keywords: semantic reconstruction, linguogeography, dialectal vocabulary, etymology, Proto-Slavic dialects, derivational semantics, word formation

*М. М. Кондратенко
(Санкт-Петербург)*

Займствования в славянских народных обозначениях времени

Одной из причин займствований в славянских обозначениях времени является особая семантическая мотивация и образность иноязычной языковой единицы. Особенно наглядно это проявляется у многозначных лексем. Некоторые займствования демонстрируют не только сложный маршрут миграции, но и происходящие при этом трансформации значения. Чаще других в славянских обозначениях интервалов времени иноязычным является наименование астрономического часа. В западнославянских языках и словенском значительную часть займствований составляют названия праздников, что объясняется конфессиональной принадлежностью. Для болгарских говоров характерно займствование обозначений промежутка времени между серединой дня и вечером.

Ключевые слова: славянская диалектология, лексические и семантические займствования, обозначения времени, семантические модели в номинации.

Одним из способов номинации времени в славянских говорах являются займствования, главным образом — из контактных языков. Анализ займствований имеет большое значение для многих аспектов исследований в области типологии и ареалогии лингвистических явлений.

Особую ценность для изучения различных феноменов лексической и семантической интерференции представляют данные народных говоров. Чтобы прояснить некоторые аспекты состава и семантических особенностей займствований в славянских языках, целесообразно использовать народные обозначения единиц счета и периодов времени, поскольку эта группа слов выражает особенности традиционной культуры и достаточно репрезентативна в количественном отношении.

Для большей системности в качестве ареальной единицы исследования выбраны определенные славянские диалектные микроузлы, а именно: во-первых, нижнелужицкие, кашубские, некоторые польские, словенские, северо-западные белорусские и карпатоукраинские говоры; во-вторых, болгарские (в основном родопские). Для первой группы иди-

омов характерен контакт с немецким, кроме того, для белорусских — с литовским языком, а для карпатоукраинских — с венгерским; для болгарских говоров — с турецким и греческим. В ряде случаев, а именно, для некоторых белорусских и украинских примеров, фиксируются заимствования из немецкого, опосредованные польским языком.

Задача настоящего исследования — выявить некоторые закономерности в лексической семантике заимствований и попытаться ответить на вопрос о том, можно ли констатировать некоторые общие для семантической и лексической систем славянских языков «слабые» позиции, или же характер заимствований является специфическим для каждого языка и определяется особенностями языка-донора и языка-реципиента.

Немецким и турецким заимствованиям в славянских языках посвящена значительная по количеству публикаций научная литература, в частности, о заимствованиях из немецкого в чешском и словацком языках — монография С. М. Невеклы [Newerkla 2011], в польском — труд Я. Сятковского [Siatkowski 2015], о турцизмах в болгарском языке — М. Стаменова [Стаменов 2011] и А. Граннеса [Grannes 2002] и др. Однако роль заимствований в обозначениях времени еще не получила должного освещения.

Влияние контактных языков на славянские охватывает разные лингвистические уровни, включая грамматику. Так, в кашубских говорах наблюдается калькирование немецкой конструкции для обозначения такого временного параметра, как возраст человека: *dvaszesce lat stōri* < нем. *zwanzig Jahre alt* (буквально: двадцать лет старый).

Большой научный интерес вызывают заимствованные явления лексического и семантического уровней. Одной из важнейших методологических проблем, которые возникают в этой области исследований, является непростая ситуация с разграничением семантических заимствований от сходств, обусловленных параллельными семантическими процессами в языках и сходной системой образов народной речи. В частности, в ряде славянских и немецких говоров фиксируется общий образ мартовского персонажа как молодого, неопытного, незрелого человека, который не предполагает заимствованного характера: в поднестривских украинских говорах *марцївка* ‘девушка-подросток, ранний цыпленок’ [Шило 2008: 170] и *Märzenhäschen* (мартовский зайчик) ‘юная девушка, наивный молодой человек’ в восточнофранконских немецких говорах. С другой стороны, образ «цветущей» зимы в нижнелужицких говорах для обозначения снега, падающего крупными хлопьями, — *zyma kwišo* [Muka 1:

763] — имеет, по-видимому, источник в немецких говорах, исходя из наличия в них примеров подобной номинации: *Schneeblihen* ‘появление на небе предвещающих снег облаков’ (буквально: цветение снега) [Mitzka 3: 1230].

Вопрос о разграничении заимствований и случаев параллельных процессов развития касается, конечно, семантических явлений, поскольку лексические заимствования распознаются по фонетическому облику слова и иной экстралингвистической информации.

Так, в нижнелужицких говорах существует деление религиозных праздников на «большие» и «малые». К числу последних относится своеобразная «малая» Пасха. Таким способом манифестируется значение ‘следующее за Пасхой воскресенье’ — *male jatšy* [Muka 1: 536]. Учитывая заимствованный характер существительного *jatšy* < нем. *Ostern* ‘Пасха’, можно было бы предположить реализацию в данном случае немецкой семантической модели, например *Kleinneujahr* ‘день трех королей’, буквально: малый Новый год, отмечаемый через неделю после наступления нового года) [WvM: 103]. Однако наличие подобной номинации и в болгарских обозначениях праздников в сентябре и августе: *малката чорква* («маленькая церковь») и *големата чорква* («большая церковь») [Koseska-Toszewa 1972: 75, 67] — говорит о том, что обозначение праздника, следующего через определенный период времени за основным, как малого характерно и для славянских языков, а с учетом немецкого материала — представляет собой типологически общую для этих языков черту.

Еще одной особенностью процесса заимствования и сложностью для его изучения является своеобразное расширение семантического объема лингвистической единицы в языке-реципиенте и возникновение значений, отсутствующих в языке-доноре. Так, словенские обозначения весны как выхода *vigred*, *vilaž*, *viležaj* [Pleteršnik II: 768–769] обоснованно относят к заимствованиям из южнонемецких диалектов — *Auswärts*, *Hinauswärts* (буквально: выход наружу) [Bezljaj 2005: 313, 317]. Обычно славянские наименования весны мотивируются иначе. Однако лексема *viležaj* обладает рядом значений, не фиксируемых в немецком диалектном материале, а именно: ‘Пасха’ и ‘восход солнца’. Если принять во внимание, что в говорах Славии лексемы со значением ‘выход’ достаточно регулярно употребляются в темпоральном значении окончания или начала определенного периода времени (например, в болгарских примерах *лятото излезе, сега е есен*, буквально: лето «вышло», сейчас — осень; *да излезем на пролет*: «выйдем» в весну, то есть доживем до весны [Геров

1897: 229], а также в других восточно- и западнославянских лексемах), то, видимо, можно говорить о более сложном характере заимствования, в частности о потенциальном существовании в языке-реципиенте соответствующей семантической модели, которая заполняется под внешним влиянием. Л. П. Якубинский почти сто лет назад отмечал: «В значительной степени словарное заимствование есть проявление... на инородном языковом материале лексических отношений и тенденций, существующих в данном заимствующем языке, проявляющихся также на собственном материале этого языка» [Якубинский 1926: 1].

Можно отметить также, что некоторые славянские семантические лакуны остаются не заполненными заимствованиями из контактных языков. Например, несмотря на значительное количество заимствований из немецкого, не вошли в славянский лексикон обозначения для праздничного дня, приходящегося не на воскресенье, а на будний день, как «слепого» или «неправильного» воскресенья: *blinder/falscher Sonntag* [WvM: 48, 65].

Вопросы нередко вызывает и то, в каком из значений заимствовалась лексема языка-донора. Так, широко представленное в различных славянских языках слово *chwila* ‘небольшой промежуток времени’ восходит, по общепринятому мнению, к германскому *Weile* ‘некоторое время’ и в целом совпадает с ним по значению. Однако кашубское *wustny* [Ramult 1893: 239] / *ustni* [Sychta VI: 36] ‘совершеннолетний’, представляющее собой кальку с немецкого *mündig* (*jemu ješ něco felô do wustnoscé* ‘он еще несовершеннолетний’; буквально: ему не хватает до совершеннолетия) (при наличии в кашубском исконного наименования *peľnoletni*) воспроизводит, вероятно, значение лексемы *Mund* в значении ‘рот’, а не *Mund(t)* ‘защита’, к которому восходит немецкое *mündig* [Kluge 2002: 637].

Анализ собранного материала позволил выделить некоторые семантические сферы в славянских говорах, связанные с обозначением временных параметров, в которых представлено наибольшее количество заимствований.

1. Периоды работы и отдыха

В той или иной степени заимствования в обозначениях благоприятных, подходящих для определенной деятельности периодов времени представлены повсеместно. Так, в русских говорах Карелии отмечена лексема *вейга* ‘время дня, наиболее удачное для лова рыбы’. Примечают, что

рыба лучше всего по вейгам идет, это в семь утра, значит, в два часа и в пять вечера, вейга — так время называется [СРГК I: 169]. Данное слово соотносится с вепс. *eig* ‘время’. В этом случае речь идет о времени определенного промысла, т. е. заимствование имеет достаточно узкую сферу употребления, а именно — речь рыбаков [Мызников 2003: 383].

Такой же локальной профессиональной направленностью отличаются некоторые турцизмы в болгарских говорах: *къркъм* ‘время стрижки овец’ [Grannes 2002: 162–163; БЕР III: 207]; *гюллап* ‘время, подходящее для сбора роз’ [Grannes 2002: 55]; *таф* ‘благоприятное время для охоты’ (из тур. *tav*) ‘высокая степень нагревания, высокая температура’ и ‘удобный случай’ [Стойчев 1965: 278].

Иным характером обладают некоторые заимствования из немецкого в польских, украинских и словенских говорах, обозначающие общепринятые, универсальные, широко распространенные понятия. К ним относятся польск. *faj(e)rant* ‘перерыв в работе, окончание работы’ < *Feierabend* ‘окончание работы вечером’, гуцул. *файрант (файронт)* ‘конец рабочего дня’ [Гуц. 1997: 194], словенск. *farant* [Striedter-Temps 1963: 115]; *ферии* ‘каникулы’ из польского *ferie* «(зимние) каникулы», восходящего к немецкому *ferien*, в юго-западных украинских говорах [Lopuschanskyj, Pyts 2011: 101]. К этой же группе обозначений примыкает болг. *вахт* ‘подходящее время для работы’ из тур. *vakit* ‘время’ [БЕР I: 124].

В силезских польских говорах фиксируются лексемы *glaicha* ‘окончание определенного этапа работ’ из немецкого *Gleiche*, *szychta* ‘работа на день, в течение дня’ из *Schicht* в том же значении [Hentschel, Tambor, Fekete 2021: 92]; у словенцев — *šicht* ‘время работы в шахте’; *taverk* ‘работа на один день’ [Striedter-Temps 1963: 217–218, 236–237]. Подобные заимствования получают распространение несмотря на то, что обозначения такого рода представлены в славянском языковом материале, в частности ‘работа на один день’ в севернорусских говорах: *обыденок* ‘о чем-либо случившемся, сделанном в течение одного дня’ [СРНГ 22: 285].

Отмечены также заимствованные обозначения нерабочего времени: *айлякльк* (от *айляк* ‘ленивый’) [Grannes 2002: 1], а также рабочего, будничного дня: *катаден* — одновременно ‘рабочий день’ и ‘каждый день’ (*Аднѡса си носам в ден*, *другаса ми ѡе за катаден*) [Стойчев 1965: 182].

Заимствования могут претерпевать семантический сдвиг: *пусерки* ‘время перерыва в работе’ (*спиць дзиця да пусеркаў*) в северо-западных белорусских говорах [СБГ IV: 191] из литовского *pusryčiai* со значением ‘интервал от утра до обеда (завтрака)’ [LKŽ].

2. Обозначения праздников

Эта группа наименований также довольно многочисленна по своему составу. К ним можно отнести кашуб. *jastré* < 'Ostern' [Ramułt 1893: 61]; нижнелуж. *balabnica* 'Palmsonntag' (Вербное, буквально: пальмовое, воскресенье) < Palm [Muka I: 12], *biře* 'Pfungsten' (праздник Троицы) < др.-в.-нем. *fira* 'праздник' < lat. *feriae* [Muka I: 35], *campor* 'канун Великого поста' [Muka I: 110], *jastry* < Ostern 'Пасха' [Muka I: 534], *jatšman* 'месяц Пасхи, апрель' [Muka I: 536], *holparga* < Walpurgis 'Вальпургиева ночь' [Muka I: 399], *kermuša* < Kirmess 'Кирмесс, повторяющийся, отмечаемый ежегодно в определенное воскресенье народный праздник' [Muka I: 591]; *male jatšy* 'следующее за Пасхой воскресенье' [Muka I: 536], *mloda kermuša* 'праздник, отмечаемый в следующее за основным праздником воскресенье' [Muka I: 591], *martrowy tyżeń* 'Страстная неделя' < Martern 'мучения' [Muka I: 864] (при этом Страстная пятница имеет исконное обозначение как *śichy pětka* [Muka II: 717], букв.: тихая пятница), *stara holparga* (старая Вальпургиева ночь) 'дата, приходящаяся на день через неделю после Вальпургиевой ночи' [Muka I: 400].

В словенских говорах: *bilja* 'vigilija, вигилия, канун религиозного праздника'; *binkošti* < Pfungsten 'Троица', *fasching* 'масленица'; *pernahiti* 'праздник Богоявления' [Striedter-Temps 1963: 91, 111, 193]. В основе последнего наименования лежит заимствованное название мифологического существа Перхты, одного из центральных персонажей рождественского цикла в альпийской немецкоязычной зоне. Также в словенском зафиксированы *ebehtnik* 'месяц март' и *ebehtnica* 'праздник Благовещения' [Pleteršnik I: 192, 366] из средневерхненемецкого *ebennacht* 'равноденствие' [Lexer I: 503]; другой вариант названия — *žemnahti* [Striedter-Temps 1963: 250–251]. Аналогичная модель наименования праздника и месяца — *venahti* из Weihnachten 'Рождество', 'декабрь' [Striedter-Temps 1963: 245].

3. Время, срок, постоянство

Заимствования в обозначении родового понятия «время» встречаются в болгарских говорах (*ava* 'время' и 'обстоятельство') (Стойчев 1970: 121); в словенских говорах представлена лексема *cajt* из немецкого [Striedter-Temps 1963: 97]; в кашубских *štěrka* 'небольшой промежуток времени', вероятно, из ср.-нем. *stōt* 'кусочек, период работы, отрезок времени' [Boryś, Popowska-Taborska 2006: 117].

Некоторые заимствования дают основания говорить о германском лингвистическом влиянии при посредничестве другого славянского, например польского, языка. В северо-западных белорусских говорах зафиксировано выражение *кавалак часу*. При этом у данного слова достаточно широкая семантическая сфера употребления: *кавалак сілы* ‘хорошее здоровье’, *лодара кавалак* ‘лентяй’. С другой стороны, мы встречаем здесь выражение *кавалак часу* (*кавалак часу прайшоў, а іх няма; кавалак часу напала, а кавалак пасядзела ў хаці*) [СБГ II: 353].

В бойковских говорах — *кавалиць* ‘отрезок времени, пути, определенный объем работы’ (*кавалиць віку вже-м прожив*) [Матіїв 2013: 198]. Аналогично в буковинских говорах: *кавало(и)к* ‘кусок, часть целого’ и ‘отрезок времени, пути, определенный объем работы’. Исходной лексемой, по-видимому, является ср.-нем. *kavele* ‘жребий, участь’. Аналогичная модель (временной период как «кусок» времени) в кашубском — *štek* < *Stück* ‘кусок’ (*štek času* ‘период времени’) [Ramuł 1893: 211].

Заимствование фиксируется в словенских говорах при номинации срока, момента наступления, исполнения чего-либо — *brīšt* из нем. *Frist* [Striedter-Temps 1963: 95]. В значении ‘определенное время’ используется лексема *cala* (*krava je uže blizu cale* — у коровы скоро отёл, имеется в виду определенное для этого время), по одной из версий, из баварского *die Zal* в том же значении [Striedter-Temps 1963: 98]. Определенная временная точка также может называться *mal* [Striedter-Temps 1963: 174]; эта лексема именуется также физический объем чего-либо.

Заимствования, как и исконная лексема, могут служить для наименования как времени, так и состояния атмосферы, погоды: в частности, в словенских терских говорах: *ura* — ‘астрономический час’ [Baudouin de Courtenay 1904: 36] и *slaba ura* ‘плохая погода, гроза’ [Baudouin de Courtenay 1904: 138].

Одной из семантических сфер, в которых фиксируются заимствования, является понятие постоянства во времени, представленное как семема ‘всегда’. В польских силезских говорах это *durś* из немецкого *durch* с тем же значением [Hentschel, Tambor, Fekete 2021: 90]; в спишских — *durk* ‘постоянно, без перерыва’, *furt* ‘всегда, постоянно’ [Kostecka-Sadowa 2019: 131].

Заимствования присутствуют в обозначении абсолютных характеристик времени. Так, в значении ‘много’ неславянская лексема сохраняется в болгарской речи албанских переселенцев: *байъ гудѝни* ‘много лет’ [Iliev, Kazakova 2023: 11].

В буковинских украинских говорах представлены заимствования из венгерского: *вілят* ‘век, возраст’, ‘жизнь’ (с таким *пійком вілят свій будиш коротати*) из венг. *élet* ‘жизнь’ [Бук.: 57], *in* ‘постоянно, все время’ (*він сидит in над цев роботом*) [Бук.: 177]. В закарпатских говорах *мойт* ‘потом, затем, впоследствии’ (*мойт учуйеш, шчо с того буде*) из венг. *majd* [Сабадош 2008: 175], *шуга* ‘никогда’ (*шуга, н’шуга не прийду до вас*) из венг. *soha* [Сабадош 2008: 425].

4. Прошлое

В северо-западных белорусских обозначениях времени отмечена лексика, заимствованная из литовского языка. Она дает важную информацию о контактах с балтийскими языками и о семантических трансформациях таких заимствований. Исходное значение в заимствованиях может как сохраняться, например у лексемы *анадоу* ‘недавно, на днях’ из литовского *ana die, andai* (*анадоу прыякласа на слонцы*) [СБГ I: 80], так и претерпевать семантический сдвиг, как в приведенном выше примере с лексемой *пусеркі* ‘время перерыва в работе’ из *pusryčiai* ‘интервал от утра до обеда (завтрака)’.

В болгарских говорах Родоп из греческого и турецкого: *кѝнти кирѝ* ‘относящийся к старому времени’: *Їѝ сам чилѝк от кѝнти-кирѝ* [Стойчев 1970: 178] (*кѝнти*, вероятно, от *ким ти*: *kim* тур. ‘некий’ греч. *kairos* ‘время’ [БЕР 2: 373]); *авел заман* (из тур. *evvel* ‘раньше, прежде’, *zaman* ‘время’), *авѝл’замански* ‘старый, относящийся к старому времени’ [Стойчев 1965: 121].

5. Части суток

Для болгарских говоров характерно наличие заимствований для отрезков времени в рамках суток, особенно периодов утром и после полудня, например *кушлук* ‘время после рассвета, до обеда’ [Стойчев 1965: 197].

Дистрибуция заимствований (с точки зрения репрезентируемых ими семем) обладает определенными закономерностями: они используются для обозначения не только родового понятия времени, о чем была речь выше, но и астрономического часа: *сахат* в болгарских говорах [БЕР 6: 516], в болгарских говорах в Румынии *ора* ‘час’ [Младенов 1993: 388], словен. *ura* ‘время’, ‘час’ (*pow ure xoda* ‘полчаса ходьбы’ *smo šli na debelo uro xoda* ‘шли добрый час ходьбы’) [Baudouin de Courtenay 1904: 166], также *ura* ‘погода’ [Pleteršnik II: 729]. Здесь можно наблюдать рас-

ширение значения под славянским влиянием с семантическим сдвигом ‘время’ — ‘погода’.

Заимствованные из турецкого обозначения времени в болгарских говорах часто манифестируют значение ‘три-четыре часа пополудни, полдник’: *акшѣмлък* (из тур. *akşam ahşam* — ‘сумерки, заход солнца’) [Koseska-Toszewa 1972: 65]; *икиндия* в различных говорах Болгарии: родопских, софийских, странджанских и др. [Koseska-Toszewa 1972: 72]; *малка икиндия* ‘три часа пополудни, полдник’ [Koseska-Toszewa 1972: 75]; *къораво пладне* (*къорав* — ‘слепой’ из тур. *kör* ‘слепой’) [Koseska-Toszewa 1972: 74]; *хайляз пладнина*, *айляз пладня* (из тур. *aylak* ‘лентяй’) [Koseska-Toszewa 1972: 84]; *шашкѣн пладне* (из тур. *şaşı* ‘косоглазый’) [Koseska-Toszewa 1972: 85].

Выводы

Как правило, заимствования представляют собой обозначения, параллельные исконным. Одним из важнейших семантических факторов, обуславливающих их функционирование, видимо, следует считать иную семантическую мотивацию наименования и, соответственно, его особую образность. Особенно наглядно это проявляется в тех случаях, когда заимствование полисемично. Так, *ава* обозначает не только время как понятие, но и обстоятельство, настроение [Стойчев 1965: 121].

Некоторые заимствования демонстрируют не только сложный маршрут миграции, но и происходящие при этом трансформации значения. Так, в буковинских украинских говорах *укиндіє* значит ‘время после захода солнца’ (*завтра робочі прийдуть додому укиндіє*) [Бук.: 565], в то время как в болгарских это ‘время между полуднем и вечером’ и ‘еда после обеда’.

Среди различных заимствований в славянской лексике с темпоральным значением обращает на себя внимание тот факт, что чаще других в обозначениях интервалов времени иноязычным является наименование астрономического часа: *ура* в словенских говорах из итальянского, *сахат* в болгарских говорах из турецкого (дополнительное значение ‘путь, который можно пройти за час’) [БЕР 6: 516], *šteña* — в кашубских говорах [Ramułt 1893: 211] и *štunda* в нижнелужицких [Muka II: 674] из немецкого *Stunde*.

Допустимо предположение, что наименование именно этого отрезка времени представляет собой «слабое» семантическое пространство в сла-

вянской диалектной логосфере. Этому явлению существует естественное экстралингвистическое объяснение: выделение в сутках часов — гораздо более позднее явление, чем языковая сегментация дня и ночи, рассвета и заката, поэтому здесь открываются более широкие возможности для иноязычного влияния. Однако можно предположить и некоторые сугубо лингвистические обоснования этого феномена.

Исследование славянской народной лексики с темпоральным значением показывает, что семантические заимствования представлены достаточно широко наряду с лексическими. В западнославянских языках значительную часть заимствований составляют названия праздников, что объясняется общей конфессиональной принадлежностью носителей контактирующих языков. Очень важным для решения вопроса о заимствованном или исконном происхождении языковой единицы является существование семантической модели, подтвержденной и на других примерах, характерной для одного языка или ряда контактных языков.

Источники и литература

- БЕР — Български етимологичен речник. София, 1971–2010. Т. 1–7.
- Бук. — Словник буковинських говірок / за заг. ред. Н. В. Гуйванюк. Чернівці, 2005.
- Геров 1897 — *Геров Н.* Ръчникъ на българский языкъ. Пловдив, 1897. Ч. II.
- Гуц. 1997 — Гуцульські говірки. Короткий словник / відп. ред. Я. Закревська. Львів, 1997.
- Магів 2013 — *Магів М. Д.* Словник говірок центральної Бойківщини. Київ; Сімферополь, 2013.
- Младенов 1993 — *Младенов М. Сл.* Българските говори в Румъния. София, 1993.
- Мызников 2003 — *Мызников С. А.* Русские говоры Обонежья. СПб., 2003.
- Сабадош — *Сабадош І.* Словник закарпатської говірки села Сокириця Хустського району. Ужгород, 2008.
- СБГ — Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча. Мінск, 1979–1986. Т. 1–5.
- СРГК — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. СПб., 1994–2005. Вып. 1–6.
- СРНГ 22 — Словарь русских народных говоров. Л., 1987. Вып. 22.
- Стаменов 2011 — *Стаменов М.* Съдбата на турцизмите в българския език и в българската култура. София, 2011.
- Стойчев 1965 — *Стойчев Т.* Родопски речник // Българска диалектология. София, 1965. Кн. II. С. 119–314.

- Стойчев 1970 — *Стойчев Т.* Родопски речник // Българска диалектология. София, 1970. Кн. V. С. 152–222.
- Шило 2008 — *Шило Г.* Наддністрянський регіональний словник. Львів, 2008.
- Якубинский 1926 — *Якубинский Л. П.* Несколько замечаний о словарном заимствовании // Язык и литература. Л., 1926. Т. 1, вып. 1–2. С. 1–19.
- Baudouin de Courtenay 1904 — *Baudouin de Courtenay J.* Materialien zur südslavischen Dialektologie und Ethnographie. II. Sprachproben in den Mundarten der Slaven von Torre in Nordost-Italien. S.-Petersburg, 1904.
- Bezljaj 2005 — *Bezljaj F.* Etimološki slovar slovenskega jezika. Ljubljana, 2005. Knj. 4. Š–Ž.
- Boryś, Popowska-Taborska 2006 — *Boryś W., Popowska-Taborska H.* Słownik etymologiczny Kaszubszczyzny. Warszawa, 2006. T. 5.
- Grannes 2002 — *Grannes A.* A dictionary of Turkisms in Bulgarian. Oslo, 2002.
- Hentschel, Tambor, Fekete 2021 — *Hentschel G., Tambor J., Fekete I.* Frequenzwörterbuch deutscher Lehnwörter im Schlesischen der Gegenwart. Oldenburg, 2021.
- Iliev, Kazakova 2023 — *Iliev I., Kazakova D.* Sociolinguistics of minorities. The Bulgarian dialect of the Albanian minority in Mandritza, Ivaylovgrad region (Bulgaria) // Historische Traditionen der deutsch-bulgarischen Kultur- und Wissenschaftskooperation und ihre gegenwärtigen Herausforderungen. Berlin. (In print).
- Kluge 2002 — *Kluge F.* Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. Berlin; New York, 2002.
- Koseska-Toszewa 1972 — *Koseska-Toszewa V.* Bułgarskie słownictwo meteorologiczne na tle ogólnosłowiańskim. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1972.
- Kostecka-Sadowa 2019 — *Kostecka-Sadowa A.* Zapożyczenia niemieckie w gwarze spiskiej (na podstawie materiału zgromadzonego w *Korpucie spiskim*) // Gwary Dziś. 2019. Vol. 11. S. 123–134.
- Lexer — *Lexer M.* Mittelhochdeutsches Handwörterbuch. Leipzig; Stuttgart, 1869–1872. B. 1 (A–M).
- LKŽ — Lietuvių kalbos žodynas [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lkz.lt/?zodis=pusryčiai&id=22315530000> (дата обращения: 20.10.2022).
- Lopuschanskyj, Pyts 2011 — *Lopuschanskyj W. M., Pyts T. B.* Deutsche lexikalische Entlehnungen in den südwestlichen Mundarten der Ukraine /eine wissenschaftliche Studie/. Drohobytsh, 2011.
- Mitzka — *Mitzka W.* Schlesisches Wörterbuch. Berlin, 1963–1965. B. 1–3.
- Muka — *Muka A.* Słownik dołnoserbskeje rěcy a jeje narěcow. Wörterbuch der niedersorbischen Sprache und ihrer Dialekte. Bautzen, 1966. B. 1–2.
- Newerkla 2011 — *Newerkla S. M.* Sprachkontakte Deutsch-Tschechisch-Slowakisch. Frankfurt am Main, 2011.
- Pleteršnik — *Pleteršnik M.* Slovensko-nemški slovar. Ljubljana, 1894–1895. B. I–II.
- Ramułt 1893 — *Ramułt S.* Słownik języka kaszubskiego czyli pomorskiego. Krakow, 1893.
- Siatkowski 2015 — *Siatkowski J.* Studia nad słowiańsko-niemieckimi kontaktami językowymi. Warszawa, 2015.
- Striedter-Temps 1963 — *Striedter-Temps H.* Deutsche Lehnwörter im Slowenischen. Wiesbaden, 1963.

Sychta — *Sychta B.* Słownik gwar kaszubskich na tle kultury ludowej. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1967–1976. B. I–VII.

WvM — Wörterbuch von Mittelfranken. Eine Bestandsaufnahme aus den Erhebungen des Sprachatlas von Mittelfranken/ Wörterbuch von Mittelfranken. Würzburg, 2001.

Summary

Mikhail Kondratenko

Borrowings in Slavic Folk Designations of Time

One of the reasons for borrowing of Slavic time designations is the special semantic motivation and imagery of a foreign word. This is especially evident in polysemantic lexemes. Some borrowings demonstrate not only a complex migration route, but also the transformations of meaning that occur at the same time. More often than others, the name of the astronomical hour is a foreign word among Slavic designations of time intervals. In the West Slavic languages and Slovene, a significant part of such borrowings are the names of holidays, which is explained by confessional affiliation of the speakers. Bulgarian dialects are characterized by borrowing the designations of the time interval between the middle of the day and the evening.

Keywords: Slavic dialectology, lexical and semantic borrowings, time designations, semantic models in the nomination

*А. Д. Васюков
(Санкт-Петербург)*

Литературный стандарт и диалекты: реакции этнических кашубов на процесс языковой кодификации

Статья посвящена современному языковому строительству среди кашубов Польши. Кашубы — западославянская миноритарная этническая группа, чей язык в 2005 г. был признан региональным языком Польши. Новый правовой статус обеспечил появление кашубского языка в новых для него функциональных сферах образования, администрирования и документооборота и в связи с этим интенсифицировал процесс кодификации его литературной нормы. На материале полевых экспедиций автора в статье рассмотрены реакции представителей этнической группы на процесс кодификации родного языка, а также влияние ситуации языкового сдвига на языковое строительство в современной Кашубии.

Ключевые слова: кашубы, кашубский язык, Польша, литературный язык, стандартизация, диалект, активисты.

Кашубский язык — это небольшой по количеству носителей западославянский идиом, который в 2005 г. получил правовое признание в виде регионального языка Польши. Новый статус языка спровоцировал активную работу над кодификацией его литературной нормы. Язык, который для многих поколений кашубов был исключительно инструментом устной коммуникации в семье или небольшой соседской общине, впервые становится инструментом письма. На кашубском языке сегодня издаются газеты, школьные учебники и поэтические сборники. Вместе с тем процесс кодификации происходит на фоне интенсивного языкового сдвига в этнической группе, который проявляется в повсеместном переходе кашубов на польский язык. Таким образом, мы наблюдаем уникальную ситуацию, когда старшее поколение носителей языка еще помнит родной кашубский диалект, но большинство членов этнической группы сегодня сталкивается с кашубским редко и порой лишь в его формирующейся литературной норме. Какие реакции подобное языковое строительство вызывает в речевом сообществе? В статье показано, как языковой менеджмент в современной Кашубии и попытки активистов сохранить этниче-

ский язык создают для внешних наблюдателей особую «лабораторию», позволяющую наблюдать за реакцией носителей миноритарного языка на его новый письменный вариант.

Кашубы — западнославянская миноритарная этническая группа, компактно проживающая на севере республики Польша. В польском политическом и научном дискурсе кашубы традиционно рассматривались в качестве этнографической группы поляков, хотя сегодня среди кашубов растет число сторонников правового признания сообщества этническим меньшинством страны. Сегодня дискуссия о правовом статусе кашубов достаточно остра и вызывает противоречивые оценки как внутри сообщества, так и за его пределами. Отчасти это объясняется драматичной историей этнической группы на протяжении всего XX века, несколькими сменами государственной принадлежности и неоднозначным восприятием множественной этноязыковой идентичности кашубов в польском национальном государстве. Перепись 2011 г. зафиксировала в стране 233 тыс. чел., назвавших своей национальностью кашубскую, большинство из которых (216 тыс.) указали ее вместе с польской национальностью на первом или втором месте. Лишь 7% группы (16 тыс. чел.) указало себя только кашубами по национальности [Narodowy Spis 2015: 70]. Такие данные свидетельствуют о сложной структуре предпочтений в самоидентификации членов сообщества, для которой в целом характерна высокая степень биэтничности.

Я и полька, и кашубка одновременно... но, думаю, сейчас во мне кашубскости намного больше, чем пятнадцать лет назад. (Ж., кашубка, 47 л., Косцежина)

Я не чувствую, чтобы это было моей национальностью. Я не чувствую, чтобы мы были отдельным народом. Мне всегда говорили, что я полька... (Ж., кашубка, 37 л., Гданьск)

Помимо результатов переписей, в нашем распоряжении имеются экспертные оценки этнографов, географов и социологов, согласно которым численность кашубского населения в Польше сегодня может превышать полмиллиона человек [Mordawski 2005; Latoszek 1996], причем большинство из них (98%) проживает в нескольких центрально-северных повятах Поморского воеводства [Narodowy Spis 2015: 47]. Таким образом, кашубы являются вторым по численности меньшинством страны (после силезцев/верхнесилезцев), для которого характерна непольская или альтернативная польской этнокультурная идентичность. Сегодня в стране

функционируют две крупные этнические организации, представляющие интересы сообщества, — Zrzeszenie Kaszubsko Pomorskie и Kaszëbskô Jednota. Данные организации занимают противоположные идеологические позиции по вопросу признания кашубов этническим меньшинством или отдельным народом, видения настоящего и будущего кашубов в польском обществе.

Уже первые профессиональные этнографические исследования кашубов, появившиеся в сер. XIX в., фиксируют культурную ассимиляцию и языковой сдвиг в сообществе. Располагаясь в обширной зоне польско-немецкого культурного контакта, ареалы этнической Кашубии с эпохи позднего Средневековья постоянно уменьшались. Вот как описывал этот процесс Александр Гильфердинг, посетивший кашубов в 1856 г.: «Совершающееся на глазах наших вымирание славянской народности казалось мне фактом, стоящим ближайшего изучения [...] Через несколько лет путешественник в большей части этих деревень уже не найдет ни одного славянина» [Гильфердинг 1862: 4]. Однако, как показывают материалы нашей полевой работы, процесс языкового сдвига в этнической группе особенно интенсифицировался после Второй мировой войны, когда вся территория Кашубии вошла в состав Польши. Именно в этот период в регионе повсеместно происходит прекращение межпоколенческой передачи языка.

Поколение моих родителей, 70-летние и старше, не передали язык своим детям... Они даже не имели такого намерения... Это, конечно, лишь мои наблюдения как журналистки и жительницы Кашуб, но думаю, что это касается почти 90% семей здесь. (Ж., кашубка, 56 л., Гданьск)

Мы в семье не говорили по-кашубски, но постоянно слышали, как мама говорила с тетей, бабушкой, соседками по-кашубски... Все время была такая установка, что... все это поколение считало, что обучение ребенка кашубскому его испортит. (Ж., кашубка, 31 г., Гданьск)

Быстрое сокращение количества носителей языка, наблюдаемое исследователями с 1950–1960-х гг. до наших дней, объясняется как низким престижем кашубского («В хлеву со свиньей можно было говорить по-кашубски... а чтобы ученый человек... этого себе невозможно было представить»). (М., кашуб, 36 л., Реда), так и последовательной языковой, образовательной и информационной политикой государства на протяжении всей второй половины XX в., которая была направлена на культурную гомогенизацию польского общества. Кашубы, как и некото-

рые другие сообщества пограничья (силезцы, вармяки, мазуры, лемки и др.), обладающие множественной идентичностью, стали последовательным объектом «языкового перевоспитания». Известный исследователь языковой политики Эйнар Хауген отмечал: «Идеал нации — внутренняя сплоченность и внешняя разделенность. Государство очень быстро улавливает тревожные сигналы языкового сепаратизма, поэтому группы населения, чьи языковые практики и идентичность не вписываются в унифицирующие рамки нации, становятся объектом языкового переучивания» [Хауген 2012: 104]. Полевой материал обнаруживает живую память этнической группы о практиках языковой гомогенизации, реализуемой государством (прежде всего через школу) в течение всей второй половины XX в.

Случалось, мне мама рассказывала, что кашубский язык отождествлялся с... деревенщиной, с необразованностью. Учителя ее часто исправляли: «Не говори так! Говори по-польски правильно! Не говори, как село». Это остается в людях... Люди сами начинали стесняться говорить по-кашубски. (Ж., кашубка, 35 л., Гданьск)

Я в школе никогда не слышал кашубский. С нами всегда говорили по-польски. Но однажды... мы поехали на какую-то экскурсию... и учитель заговорил с хозяином по-кашубски. Я был шокирован, что он может говорить по-кашубски. Думаю, большинство учителей знали язык, но специально с нами не говорили. (М., кашуб, 54 г., Картузы)

Сегодня вопрос о количестве носителей кашубского языка является крайне дискуссионным. Во время переписи 2011 г. о владении кашубским языком заявило 108 тыс. чел. В этнографической литературе упоминается, что до 300 тыс. кашубов могут говорить на родном языке. Согласно оценкам социолингвистов, кашубским языком владеет от 80% до 64,5% этнической группы. Как предполагает Мордавский [Mordawski 2005: 51], по состоянию на 2005 г. лишь 80,9 тыс. чел. говорят по-кашубски ежедневно (14,2% от этнической группы) и еще 41 тыс. (7,3%) говорят часто. Большая же часть носителей языка прибегает к нему крайне редко или почти никогда [Dołowy-Rybińska 2010: 52]. Скорее всего, даже такие цифры являются несколько оптимистичными. Так, согласно экспертным оценкам филологов и языковых активистов, собранных нами в экспедициях, реальное количество носителей языка, использующих его в повседневной жизни, может колебаться в диапазоне от 40 до 80 тыс. чел. Важно понимать, что в основном это представители старшего поколения, а зна-

чит — если срочно не предпринять эффективных программ поддержки кашубского, языковая картина в регионе будет и далее двигаться в сторону польского монолингвизма.

В свое время такой эффективной поддержкой многим казалось законодательное признание кашубского региональным языком в Польше. Подобный уникальный статус кашубский получил в 2005 г., что стало результатом ратификации Польшей Европейской хартии региональных языков и языков меньшинств. Теперь гмины, в которых этнические кашубы составляют не менее 20% населения, могут объявлять кашубский языком-помощником [Ustawa], использовать его в административном производстве, документообороте, дублировать на кашубском придорожные указатели, а также выделять средства на преподавание кашубского языка в школах. Как показывают материалы нашей работы в нескольких регионах Кашубии, правовое признание кашубского существенно повлияло на рост его престижа, однако пока не заметно, чтобы оно содействовало замедлению языкового сдвига в этнической группе.

Еще до этого закона был какой-то стыд... мол, это какой-то диалект. На нем стыдно было говорить. Только дома... а сейчас это тоже есть, но уже меньше. (Ж., кашубка, 42 г., Каргузы)

Тем не менее, внедрение кашубского языка в новые для него функциональные сферы спровоцировало процесс кодификации его литературного стандарта. Ведь предполагается, что публиковать документы, школьные учебники и газеты необходимо на одном, и желательно понятном для всех носителей, варианте языка.

Несмотря на скромное количество носителей (порядка 100 тыс. на конец XIX в. [Ramułt 1899: 31]), кашубский традиционно описывался как крайне диалектно раздробленный. Ученые выделяют три крупные группы диалектов: северную, центральную и южную, причем взаимопонимание между их носителями может быть сильно ограничено. Так, в конце 1920-х гг. немецкий лингвист Фридрих Лоренц выделял до семи десятков локальных диалектов и говоров кашубского языка [Lorentz 1929: 76]. Вместе с сокращением числа носителей к началу XXI в. исчезли и многие локальные разновидности языка. Сегодня, по оценкам специалистов, из бывшего диалектного разнообразия сохраняется до 30–40 говоров [Zięniukowa 2009: 261]. В диалектологических работах последних лет специалисты все чаще делятся информацией о том, с каким трудом им удается находить информантов — носителей разных диалектов и говоров кашуб-

ского. Например, в своей недавней публикации Лехослав Йоч описывает, как он не смог встретить молодых носителей халупского и кузницкого говоров одного из северных (быляцких) диалектов кашубского языка [Jocz 2021: 17].

Самое старшее поколение, старшие меня... 60+... еще сохранило такие микроговоры в отдельных селах или группах сел, но они уже... почти на грани исчезновения. Да и сами эти люди чаще уже говорят на полькаше. (Ж., кашубка, 56 л., Гданьск)

Термин «полькаш» встретился нам исключительно в речи информантов. Очевидно, его изобретение потребовалось нашим собеседникам для описания результатов польско-кашубского языкового контакта. В ходе интервью информанты однозначно негативно воспринимали такой языковой код, описывая его как свидетельство упадка кашубского и культурной ассимиляции этнической группы.

Первые попытки кодифицировать литературный стандарт на базе разрозненных кашубских диалектов можно проследить еще в сер. XIX в. Тогда выдающийся регионалист и один из первых кашубских писателей Флориан Цейнова (1817–1881) предложил свой проект кашубского алфавита и начал издавать первый в истории кашубскоязычный журнал (*Skórb kaszëbskosłóvjnskjè mòvé*). В качестве опорных Цейнова избрал свои родные пуцкие говоры северного диалекта, достаточно специфичные для большей части кашубов. Специалист по славянским литературным микроязыкам Владислав Кнолл называет литературный проект Цейновы тупиковым [Кнолл 2017: 17], поскольку он практически не повлиял на дальнейший процесс кодификации литературной нормы кашубского языка, который несколько раз начинался заново уже после Первой мировой войны.

По-настоящему последовательным этот процесс становится уже в 1990-х гг. на волне посткоммунистических преобразований в польском обществе и связанного с ними этнического активизма в Кашубии. Именно в этот период появляется группа активистов-учителей, которые начинают внедрять кашубский в школьное образование. Так, впервые в качестве учебного предмета кашубский язык появился в 1991 г. на базе одной из гимназий южнокашубского городка Бруссы [Obracht-Prondzyński 2007: 27]. В 1996 г. принят унифицированный, т. е. единый для всех диалектов, алфавит кашубского языка, который с этого времени является основным инструментом передачи кашубского на письме. В 2006 г. создан Совет по

кашубскому языку — главный орган, ответственный за процесс стандартизации. Совет ежегодно издает бюллетень, в котором публикуются правила, регулирующие орфографию и словообразование в кашубском. Наконец, в 2012 г. на филологическом факультете Гданьского университета открыто направление «кашубская этнофилология» с целью подготовки специалистов по кашубскому и учителей для школ с преподаванием регионального языка. В отличие от первых исторических примеров языкового строительства в Кашубии, сегодня в качестве основы для литературного стандарта взят центральнокашубский диалект. Прежде всего речь идет о говорах, распространенных на территории Каргузского повята. С одной стороны, это объясняется тем, что сегодня именно носители центральнокашубских диалектов численно доминируют в речевом сообществе [Mogdawski 2018: 45]. С другой стороны, согласно убеждениям наших информантов, которые удалось зафиксировать во время интервью и полевых бесед, именно центральнокашубский является «наиболее понятным» и вместе с тем «менее засоренным» вариантом языка. Возможно, на подобную лингвистическую идеологию наших информантов повлияло стереотипное представление об особой изменчивости приграничных регионов, которые более подвержены культурным влияниям в силу контактов в соседними этническими группами. Так, согласно подобной логике, именно в центре Кашубии этническая идентичность и языковая практика должна была сохраниться в наиболее аутентичном и неизменном виде.

Особенностью полевой работы в Кашубии и изучения языковых практик местных жителей является тот факт, что буквально на наших глазах язык кардинально меняет свою природу для его носителей. Для нынешних поколений кашубов родной язык впервые в истории становится не только инструментом устной коммуникации, но и средством письма. Этническое сообщество впервые для себя столкнулось с новым вариантом кашубского — письменным кашубским. Сегодня у нас есть возможность зафиксировать реакцию, какую в речевом сообществе вызывает этот новый вариант языка. И пока реакцию, которую мы фиксируем у этнических кашубов, можно назвать критической, настороженной или оборонительной. Почти повсеместно наряду с представлениями о необходимости литературного варианта для родного языка мы одновременно встречаем и недовольство носителей по поводу «языка из книжек».

Тут появилось столько новых кашубских слов, что я бы был более осторожным. Эти слова часто искусственные, они не звучат как настоящий

кашубский язык. И тут формируется такая пропасть между тем кашубским из книжек и кашубским, который мы знаем из семей. Когда ребенок научился этому кашубскому по книгам, а позже хочет поговорить со своими бабушками, дедушками или родителями по-кашубски, то оказывается, что очень много слов, которые он употребляет, его семья этих слов не знает. (М., кашуб, 28 л., Гдыня)

В школе этот язык уже литературный. Когда мы его слышим, мы чувствуем какую-то неправду... Мы немного смеемся с этого, это такой искусственный язык... Они насильно стараются его осовременить. (М., кашуб, 51 г., Ястарня)

Поразительно, как довольно схожие представления об «искусственности», «неискренности», «неестественности» литературного языка по сравнению с привычным разговорным кашубским воспроизводят совершенно разные типы носителей, люди с кардинально разным опытом использования и усвоения языка. Так, первая цитата выше принадлежит неоносителю¹, молодому человеку, который вырос в польскоязычной кашубской семье и уже в сознательном возрасте самостоятельно по книжкам и различным сайтам в интернете освоил кашубский. Таким образом, данный информант сам не говорит на том «настоящем кашубском языке из семей», который защищает. Вторая же цитата принадлежит информанту — этническому активисту, который и вовсе признается, что кашубским языком не владеет. Однако, как видим, ограниченная языковая компетенция совсем не мешает мужчине точно так же критиковать язык школы.

Критичная, порой даже враждебная, реакция носителей младописьменных языков уже становилась предметом рассмотрения антропологов, социолингвистов и социологов. Так, в одной из своих статей Эрик Хобсбаум поясняет: «Всякий язык, который переходит из исключительно устной речи в область чтения и письма, то есть а fortiori всякий язык, который становится средством школьного обучения или официального использования, меняет свой характер. Должна произойти стандартизация его грамматики, письма, словаря и, возможно, произношения. И его лексический диапазон должен быть расширен для покрытия новых потребностей. Само превращение языка в средство письма ведет к унич-

¹ «Неоносителями» мы, вслед за О'Рурке [O'Rourke 2014: 1], будем считать индивидов, которые дома или внутри сообщества мало или вообще не соприкасались с малым языком, но вместо этого выучили его благодаря иммерсивным или двуязычным образовательным программам, проектам языковой ревитализации или на курсах для взрослых.

тожению разговорного языка. Если превратить его в школьный язык, он перестает быть языком, на котором говорят дети» [Хобсбаум 2005: 51].

Интересно, что языковые активисты, напрямую ответственные за создание и распространение единого канона литературного языка, осознают тревогу речевого сообщества и в целом воспроизводят подобную риторику. Вот как, например, рассуждает автор одной из наиболее популярных грамматик кашубского языка последних лет:

Да, диалекты сильно отличаются. Кашубский, можно сказать, такой... искусственный язык. Ну... не совсем естественный. Если я говорю на литературном кашубском с человеком из деревни, который, возможно, впервые столкнулся с литературным языком, то для него, конечно, это будет странным. [...] Сильно отличается от диалектов, но надо было найти компромисс. Трудно найти компромисс, который удовлетворил бы всех. Это невозможно... Поэтому мы берем слова из разных диалектов... (Ж., кашубка, 37 л., Гданьск)

Единственное различие состоит в том, что языковые активисты и кодификаторы воспринимают неудобство, связанное с привыканием к новому (литературному) варианту кашубского, как неизбежное зло, с которым необходимо смириться в борьбе за сохранение родного языка.

Учителя уже чаще не нэйтив-спикеры (native-speakerzy). Это люди, которые учили кашубский литературный. Они говорят на таком языке, который для поколения дедушек звучит странно, неестественно. На таком языке никто никогда не говорил. Только сейчас люди начинают осознавать, что есть такой литературный кашубский и что он не звучит как язык из какой-либо деревни. (Ж., кашубка, 56 л., Гданьск)

Ожидаемо именно школа становится той площадкой, где разгораются наиболее жаркие споры о формирующемся литературном варианте кашубского. С одной стороны, именно школа является главным институтом, ответственным за популяризацию и распространение стандартного письменного языка; с другой стороны, как убедительно показывают наши полевые наблюдения, в условиях глубоко зашедшего языкового сдвига в этнической группе уже сегодня в целом ряде мест Кашубии школа остается единственным пространством, где молодое поколение сталкивается с родным языком.

Наверное, если бы кашубский не изучался в школе, то у него бы не было ни единого шанса сохраниться. (Ж., кашубка, 56 л., Гданьск)

Этим объясняется та принципиальность, с которой многие члены общества относятся к тому, какой именно язык будет воспроизводиться в школе. Именно недовольство центральнокашубским, который повсеместно преподается в школах Кашубии, побуждает отдельных этнических активистов предлагать альтернативные варианты языкового планирования. Например, современный кашубский писатель и региональный деятель Артур Яблонский предлагает осуществлять развитие и преподавание одновременно двух литературных стандартов, основанных как на центральнокашубском, так и на севернокашубском диалекте. По убеждениям Яблонского, преподавание центральнокашубского в периферийных зонах Кашубии, где еще сохраняются носители кашубского, не только не препятствует утрате языка, а, наоборот, содействует языковому сдвигу. Так, опираясь на ситуацию в своей родной гмине на севере Кашубии, писатель рассказывал нам, как дети, получив основы литературного кашубского в школе, пытаются практиковать язык с пожилыми родственниками, которые еще помнят язык, но представители разных поколений не понимают друг друга. В итоге собеседникам все равно приходится переходить в общении между собой на польский язык. Предложенная языковая реформа Яблонского (а также языковая практика, поскольку на севернокашубском диалекте автор публикует свои поэтические произведения) отчасти является возвратом к первому проекту литературного кашубского, предложенного еще Цейновой. И хотя сосуществование одновременно нескольких литературных норм для миноритарного языка не редкость (сами информанты-активисты часто ссылаются на пример ретороманского или русинского языков), пока идея полицентричности литературного кашубского скорее вызывает отторжение у большинства наших собеседников.

Тут процесс пошел не в очень хорошую сторону... то есть мы чересчур сблизили письменность с польским языком, что, с одной стороны, упрощает его изучение. Ведь раз уж кто-то умеет писать по-польски, ну тогда проще ему будет научиться... но позже сложнее будет с произношением, так как много есть таких вещей, которые, казалось бы, похожи в обоих языках, но на самом деле различаются. То есть тут как бы... не пошло в нужную сторону. Пару вещей надо изменить, тогда как в последнее время появилась идея создания абсолютно новой письменности. И я с этим не согласен. Вышло уже много книг и много детей уже научилось такому кашубскому, который мы знаем, чтобы уже вводить новую письменность. (М., кашуб, 28 л., Гдыня)

То есть, с одной стороны, языковые активисты признают, что литературный кашубский, основанный на центральном диалекте, использует приближенную к польскому орфографию, что не совсем точно отражает передачу на письме кашубского произношения. С другой стороны, в условиях, когда для большинства членов этнической группы первым языком уже является польский, это упрощает обучение родному языку. Кроме того, существует опасение, что радикальная реформа кашубского сведет на нет все достижения языковой ревитализации последних десятилетий.

Резкое превращение языка из исключительно разговорного в письменный является стрессом для любого миноритарного идиома, особенно для такого, который находится в уязвимой ситуации постоянного сокращения количества носителей. Появление литературного стандарта порождает вызовы для различных типов носителей кашубского языка: для языковых активистов-кодификаторов, пожилых носителей исчезающих диалектов, а также молодого поколения неоносителей. Все эти люди вынуждены осваивать и привыкать к новому для себя формату родного этнического языка. Как показывает наш опыт общения с носителями кашубского и наблюдения, сделанные в ходе полевой работы, даже для информантов, которые выросли в кашубскоязычной среде и до сих пор регулярно используют язык в повседневной жизни, первые контакты с письменным вариантом кашубского языка — это часто ситуация удивления, тревоги и растерянности. Например, один наш собеседник (тот редкий уже случай информанта, в чьей семье кашубский сегодня — доминирующий язык) со смехом вспоминал, как в 1980-е гг. ему в руки впервые попал журнал, где были напечатаны стихи на кашубском. Информант долго крутил в руках издание и не мог понять, на каком языке это написано, подозревая, что это чешский, — настолько немислимым казался факт появления родного языка в журнале. Вместе с тем от того, как быстро и успешно произойдет процесс привыкания и акцептации речевым сообществом стандартизированного варианта языка, зависит общий успех языковой ревитализации и программ поддержки миноритарного языка.

Источники

- Narodowy Spis 2015 — Narodowy Spis Powszechny Ludności i Mieszkań 2011. Struktura narodowo-etniczna, językowa i wyznaniowa ludności Polski. Warszawa, 2015.
- Ustawa — Ustawa z dnia 6 stycznia 2005 r. „O mniejszościach narodowych i etnicznych oraz o języku regionalnym”. [Режим доступа]: <http://prawo.sejm.gov.pl/isap.nsf/download.xsp/WDU20050170141/U/D20050141Lj.pdf>

Литература

- Гильфердинг 1862 — *Гильфердинг А. Ф.* Остатки славян на южном берегу Балтийского моря // Этнографический сборник, издаваемый императорским Русским географическим обществом. 1862. Вып. V. С. 1–191 отд. пагинации.
- Кнолл 2017 — *Кнолл В.* От литературных идиолектов к региональным литературным языкам (не только) в славянском мире // Миноритарные и региональные языки и культуры Славии / отв. ред. С. С. Скорвид. М., 2017. С. 11–43.
- Хауген 2012 — *Хауген Э.* Диалект, язык, нация // Социолингвистика и социология языка / под ред. Н. Б. Вахтина. СПб., 2012. Т. 1. С. 97–114.
- Хобсбаум 2005 — *Хобсбаум Э.* Все ли языки равны? Язык, культура и национальная идентичность // Логос. 2005. № 4 (49). С. 49–59.
- Dołowy-Rybińska 2010 — *Dołowy-Rybińska N.* Odwracanie zmiany językowej na Kaszubach // Studia Socjologiczne. 2010. № 3 (198). S. 47–76.
- Jocz 2021 — *Jocz L.* The Kashubian dialect of Bor and Jastarnia: The consonant system. Gorzów Wielkopolski, 2021.
- Latoszek 1996 — *Latoszek M.* Pomorze: zagadnienia etniczno-regionalne. Gdańsk, 1996.
- Lorentz 1929 — *Lorentz F.* Gramatyka pomorska. Zeszyt 1. Poznań, 1929.
- Mordawski 2005 — *Mordawski J.* Statystyka ludności kaszubskiej. Kaszubi u progu XXI wieku. Gdańsk, 2005.
- Mordawski 2018 — *Mordawski J.* Geografia Kaszub. Gdańsk, 2018.
- Obracht-Prondzyński 2007 — *Obracht-Prondzyński C.* Kaszubi dzisiaj. Kultura – język – tożsamość. Gdańsk, 2007.
- O'Rourke 2014 — *O'Rourke B.* New speakers of minority language: the challenging opportunity – Foreword // International Journal of the Sociology of Language. 2014. Nr. 231. P. 1–22.
- Ramułt 1899 — *Ramułt S.* Statystyka ludności kaszubskiej. Kraków, 1899.
- Zieniukowa 2009 — *Zieniukowa J.* Zmiany w statusie języka kaszubskiego od połowy XX wieku do początku XXI wieku // Etnolingwistyka. Problemy języka i kultury. 2009. Nr. 21. S. 259–269.

*Summary**Oleksandr Vasiukov***Literary Standard and Dialects:
the Reaction of Ethnic Kashubians to the Process of Language Codification**

The article is focused on the modern language building among Kashubians in Poland. Kashubians are the West Slavic minority ethnic group, whose language has been recognized as a regional language of Poland in 2005. This legal status has implanted Kashubian into new sphere of education and administration, as well as provokes the rapid process of the standardization of the Kashubian literary norm. Based on the author's materials of ethnographic fieldwork, the paper shows the reaction of ethnic Kashubians to the process of language codification and how the situation of language shift can influence the language building in modern Kashubia.

Key words: Kashubians, Kashubian language, Poland, literary language, standardization, dialect, activists.

С. С. Скорвид
(Оломоуц)

О международном проекте по созданию интернет-карты чешских говоров за пределами ЧР

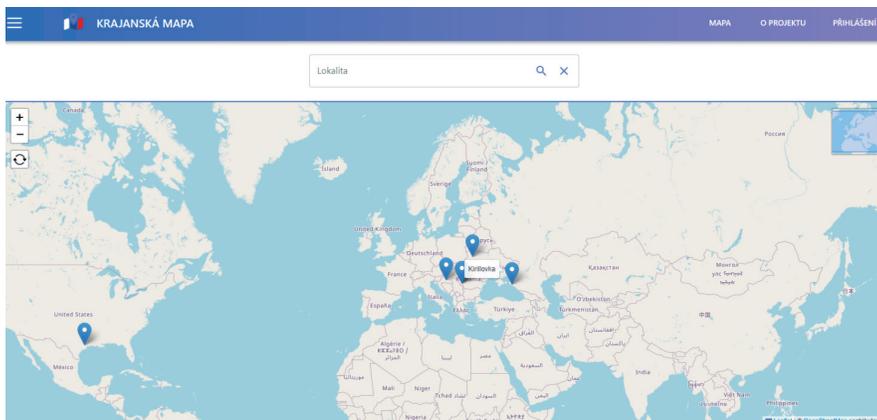
Статья знакомит с проектом исследователей из Карлова университета в Праге, Университета Палацкого в Оломоуце и Восточнокаролинского университета в Гринвилле (США) по созданию интернет-хранилища записей чешских говоров и/или исторических следов их присутствия за пределами Чешской Республики — в странах бывшего СССР (Россия, Украина, Молдова, Казахстан) и бывшей Югославии, в Румынии, в Польше и в некоторых других государствах Европы, а также Северной и Южной Америки (Парагвай) — и интернет-карты этих говоров с образцами звучащих текстов и диалектологической характеристикой данных идиомов. Для примера дается пробное описание наиболее изученного чешского переселенческого говора поселка Кирилловка в составе муниципального образования Новороссийск Краснодарского края РФ с анализом фрагмента записи речи одного из информантов 1931 года рождения продолжительностью звучания около 3 минут и сопутствующими материалами, связанными с историей и современной ситуацией этого чешского анклава на Черноморском побережье Северного Кавказа. Автор выражает надежду на то, что опыт работы над данным проектом может послужить стимулом для других аналогичных начинаний, которые документировали бы не только чешские, но и иные славянские диалектные сообщества, существующие в России (здесь прежде всего польские в Сибири) и в сопредельных странах. Неотложность решения этой задачи в наши дни становится все очевиднее, поскольку такие диалектные анклавы находятся на грани исчезновения, а некоторые из них на указанных территориях в течение последнего десятилетия уже практически исчезли.

Ключевые слова: чешские островные говоры, методика диалектологического описания, социолингвистическая ситуация переселенческих сообществ, исчезающие диалектные анклавы

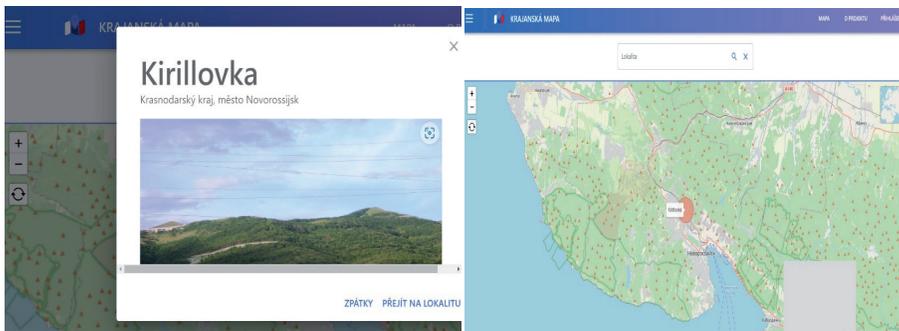
В 2021 г. по инициативе пятерых исследователей из Чехии и США стартовал проект по созданию интернет-хранилища записей чешских говоров, бытующих или бытовавших за пределами Чешской Республики, на территории России, Казахстана, Украины, Молдавии, Румынии, быв-

шей Югославии, Польши и других стран Европы, а также Северной и Южной Америки (Парагвай), и интернет-карты этих говоров с образцами текстов и краткой диалектологической характеристикой документируемых идиомов.

Хранилище, о котором идет речь, находится *in statu nascendi* и лишь постепенно дополняется. В перспективе здесь должны быть собраны все имеющиеся в нашем распоряжении аудиофайлы достаточно хорошего качества из разных мест, которые смогут использовать в том числе и будущие исследователи, но отбор записей и часто работа по улучшению их качества требуют времени. К настоящему моменту, однако, уже готов первый вариант интернет-карты чешских диалектов за границами ЧР, который создал в рамках дипломной работы студент Университета Масарика в Брно К. Давидек с опорой на возникшую ранее карту чешских диалектов, локализующихся на материнской территории (<https://korpus.cz/marka/>). Общий вид новой карты, на которую должны быть нанесены населенные пункты, находящиеся на трех материках, таков:

При подведении курсора к любой отмеченной точке всплывет название соответствующего населенного пункта, по которому следует щелкнуть, чтобы посмотреть его локализацию более крупным планом; фотографию местности (скриншот слева) можно убрать (скриншот справа) – или перейти от нее к информативной части с четырьмя рубриками. Начало одной из таких рубрик отображено на скриншоте ниже.

Detailní informace

Nahrávka

Pochybný leto počít

Nahrávka pochází z roku 2009, kdy se v Kirillovce slavilo 140. výročí založení vesnice.

[Zobrazit jazykové informace](#)

Historie

Do Černomořského okruhu carského Ruska se čeští osadníci stěhovali od druhé poloviny 60. let 19. století. Po skončení Kavkazské války (1864) bylo toto území vyhládně, proto sem ruská vláda začala přesídlovat rolníky z vnitřních gubernií, zvláště z Jekatěrinoslavské na východě Ukrajiny, a také zvat cizince křesťanského vyznání. První Češi se na černomořském pobřeží severního Kavkazu objevili v roce 1868; od roku 1869 pak vznikaly české osady Kirillovka a Mefodijevka u Novorossijsku (v mluvě zdejších Čechů Kirilka a Methodějka, druhá je dnes součástí města Novorossijsk – v místní české výslovnosti Novorosik), Varvarovka a Pavlovka u Anapy a řada smíšených vesnic ponejvíce česko-ruských, zejm. Borisovka, Glebovka (v mluvě místních Čechů Hlebovka/Chlebovka) a Vladimirovka u Novorossijsku, ve kterých již v současné době Češi nežijí; dochovaly se zde však na starých hřbitovech kamenné náhroby s nápisy v češtině. K dějinám českého osídlování severního Kavkazu viz Chotek (1910), Auerhan (1914/20: 52–65), Vaculik (2009: 102–104), Pukis (2010).

Разумеется, в ходе работы структура карты может несколько отклониться от представленной схемы. В данный момент хочется продемонстрировать содержание только одного подготовленного мною образца материалов, которые распределены по рубрикам «Введение», «Информация», «Мультимедийный контент», «Прочие сведения». В соответствии с этой рубрикацией строятся и другие материалы, разрабатываемые коллегами. Мой пробный материал касается говора и, шире, чешской общины поселка Кирилловка близ Новороссийска на Черноморском побережье Северного Кавказа в Краснодарском крае РФ, с обследования которого в 2009 г. и началось изучение чешских говоров России (последняя экспедиция в рамках этой программы для пополнения записей из д. Репинка Калачинского района Омской области состоялась летом 2022 г. уже без участия автора настоящей статьи).

Введение

КИРИЛЛОВКА

Краснодарский край, город Новороссийск

наименование на русском языке: Кирилловка, на чешском языке: Kirillovka

другие названия: в более давних чешских источниках иногда Kugilovka

административная единица, в состав которой входит населенный пункт: муниципальное образование Новороссийск Краснодарского края Российской Федерации

год/время возникновения общины: 1869

время исчезновения общины: существует поныне

численность общины / оценка количества активных носителей чешского языка: в 2023 г. всего 3 носителя, для которых чешский говор является родным

основная диалектная база: южночешская подгруппа юго-западночешской группы диалектов

приблизительное число поколений, сохранявших чешский язык: 5

главная причина переселения из чешских земель: экономическая

религия: первоначально римско-католическая

репатриация: единицы возвращались на старую родину начиная с 1920-х гг.; часть служивших в военном формировании Людвика Свободы после Второй мировой войны осталась в Чехословакии; попытка более массовой репатриации в советские годы была безуспешной; только в XXI в. отдельные сравнительно молодые представители ряда семей с чешскими корнями получили вид на жительство и переселились в ЧР

Детальная информация

История

На территорию Черноморского округа Российской империи чешские колонисты начали прибывать со второй половины 1860-х гг. После окончания Кавказской войны (1864) эти земли обезлюдели, поэтому царское правительство стало переселять сюда крестьян из внутренних губерний, особенно из Екатеринославской на востоке Украины, и приглашать иностранцев христианского вероисповедания. Первые чехи на Черномор-

ском побережье Северного Кавказа появились в 1868 г., а с 1869 друг за другом возникали чисто чешские поселения Кирилловка и Мефодиевка под Новороссийском (в речи здешних чехов Kirilka и Methodejka; вторая из них ныне вошла в черту города Новороссийск — в местном чешском произношении Novorosik), Варваровка и Павловка под Анапой, а также ряд смешанных сел, в основном чешско-русских, таких как Борисовка, Владимировка и Глебовка (в речи местных чехов Hlebovka/Chlebovka) в окрестностях Новороссийска, в которых в наши дни чехи уже не живут, но на старых кладбищах здесь сохранились каменные надгробья с чешскими надписями. Подробнее об истории чешской колонизации Северного Кавказа см. [Chotek 1910; Auerhan 1920: 52–65; Vaculík 2009: 102–104; Пукиш 2010].

Деревня

Кирилловка была основана в 1869 г.; согласно устному преданию, в ней тогда поселилось 7 первых семей, поначалу обитавших в так наз. землянках, т. е., вероятно, домах, частично заглубленных в землю и/или крытых дерном [см. Auerhan 1920: 44]. В 1872 г. здесь насчитывался 181 житель. К первопоселенцам, которые, по сообщению К. Хотека, были родом из Южной Чехии, из окрестностей городов Ческе-Будеёвице и Писек [Chotek 1910: 202], со временем присоединялись выходцы из других областей Чехии или, возможно, даже из Моравии, насколько позволяет судить ряд экстралингвистических данных; в языковом отношении они, однако, адаптировались к местному говору, который сформировался на южночешской или, шире, юго-западно-чешской диалектной базе.

Население Кирилловки вплоть до Великой Отечественной войны численно возрастало: в 1898 г. здесь было 256 жителей, а в 1910–1911 гг. уже 358, сплошь чехов. В советское время началось постепенное снижение доли чешского населения: так, в 1926 г. в Кирилловке насчитывалось 440 жителей, из них только 335 чехов. Для сравнения: по всероссийской переписи населения 2002 г. в Кирилловке было 1200 жителей, в их числе только 66 чехов (5,5%). Все эти статистические данные приведены в монографии [Пукиш 2010].

Школы и религия

В 1910 г. Хотек отмечал, что в Глебовке под Новороссийском и Анастасиевке близ Туапсе существуют чешские школы, находящиеся на

содержании российских властей, в других же селах региона — только четырехмесячные языковые курсы, где, согласно его сообщению, «дети научились писать и читать по-чешски настолько, что теперь могут читать вслух старшим». Вместе с тем он констатировал: «Домашнего обучения нет почти никакого» [Chotek 1910: 203]. Иную картину рисует четыре года спустя Ауэрган: «Сейчас школы есть почти во всех чешских поселениях [...], но во всех школах теперь обучение проходит только на русском языке, хотя, говорят, еще 20 лет назад там учили по-чешски, по крайней мере частично. Читать по-чешски дети учатся сейчас лишь в некоторых семьях, дома. Чешская библиотека, насколько мне известно, есть только в Кирилловке» [Auerhan 1920: 63]. Эти противоречивые свидетельства очевидцев начала XX в. не позволяют установить, когда именно в Кирилловке открылась начальная школа с чешским языком обучения. Здание школы, по местному преданию, было построено в начале 1910-х гг. на средства здешних чехов, как несколько позднее и здание костела. С уверенностью можно утверждать лишь то, что на регулярной основе изучение чешского языка в этой и некоторых других чешских школах, существовавших или открывавшихся в чешских поселениях на Черноморском побережье Северного Кавказа, началось только в 1920-е гг. в рамках официальной в то время советской политики «коренизации». В помощь землякам Чехословакия направляла в Советский Союз учителей и учебную литературу. Обучение местных детей чехов на родном языке, однако, было свернуто на рубеже 1920-х и 1930-х гг., когда в результате изменения внутривосточного курса в СССР сельские чешские школы были либо закрыты, либо переведены на русский язык. В здании некогда чешской, а затем русской четырехлетней школы в Кирилловке, упраздненной в 1960-е гг., в наши дни находится с одной стороны продуктовый магазин, а с другой — помещение культурно-просветительного чешского клуба «Матержидоушка», основанного в 2006 г.

Кирилловские чехи изначально придерживались римско-католического вероисповедания; в наши дни большинство жителей поселка составляют православные или неверующие. Из периодики начала XX в. и из рассказов старожилов известно о торжественной церемонии в праздник Божьего Тела в Кирилловке. После постройки костела в нем проводились именно праздничные богослужения, но своего священника в селе не было, он лишь от случая к случаю приезжал сюда из города. В советское время в здании костела открыли клуб, который размещается там и поныне.

СОВРЕМЕННОСТЬ

В настоящее время (2023) число естественных носителей кирилловского чешского говора сократилось до 3 человек в возрасте 84–97 лет. Тем не менее члены многих семей сохраняют сознание чешских корней; некоторые из них, младшего или среднего возраста, посещают курсы чешского языка в клубе «Матержидоушка», где с 2003 по 2022 год преподавали учителя из ЧР. Этот клуб не ограничивает свою деятельность исключительно Кирилловкой, вступить в него может любой имеющий чешские корни и/или интересующийся чешским языком и культурой житель данного региона. При клубе действуют фольклорный ансамбль «Китице» и любительская театральная труппа, раз в год ставящая спектакли на чешском языке, который, конечно, у всех членов клуба является уже заново выученным.

Аудиозапись

Pochybný letopočet — Сомнительная датировка

Запись сделана в 2009 г., когда в Кирилловке отмечали 140-летие ее основания.

[Отобразить лингвистическую информацию]

Транскрипция

(Děda povídal, že Franta byl, děda byl Franc, Franc Francevič.) *Jo. Ííi a manže.. a mámje se d'edouškovo Kateřina říkalo, jo. U tej ženskej mi sme bili, wona... Kabrdú je.. byla. Nu i powídám: vi ste přátele? Né. A vi ste vjed'eli, že tam, že mi sme Kabr.. já vím, že Kabrdu sou takoví... Nu, vi ste přátele? Né. (No, dobře.) Nu wot já nevím, hdo, co, jak. Já vím, že d'edouška sem přivezli... (Z Moravy, jste říkal, z Moravy?) Z Moravi, jó. Won ešče spíval písničku, počkejte... jak von to spíval... „Šavlenka broušená na obje dvje strani, ona mñe viseká z Uhr do Moravi“.. D'edouška vottet' vod'vezli — jemu byl rók. Cestu mñeli moz dlouhou, to neñi jako teť, že možno sem i za rok přiject. Dřív... přes potok mosti nebili. To nádo bylo... jeli... krávama táhli vús ten, kráva... hdo tág, hdo voslíčka mñel, hdo koňička mñel, hdo co. Jedou, jedou... nu, pješki dou. Pjekní místo si našli, zastavili se, vikopali si z'íml'ánki... (zemljánky, da). Skopali zém, požili tam, ponasázeli si co chťeli i zas se sebrali i zaz do cesti. Aš tři roki... jeli s Čech, s Moravi sem. Tagže choť oñi povídají, že je... že sto štiricet let, jak Češi teť... víc. D'edoušek... vot počítejte samy... d'edoušek umřel*

f štiricátim roku v marťe mňesíci. Nevidržel t'o i umřel. Woňi... won f třiced devátím roku, vinohrát už mu uzrál, won ho mňel... nu, u sebe doma, a potom mu ho komuň'isti vzali. Nádo ho bylo už uklízet, hotovej, už vyzrál i woňi mu ho vzali. I von eto, s aŭhusta, s s'ent'abr'a mňesíce i do mářta požil i umřel.

Диалектологический комментарий к записи

Носитель кирилловского чешского говора (муж., 1931–2022) в диалоге с дочерью, которая говорит первой, при участии других лиц рассказывает историю переселения своей семьи и вообще чехов на Северный Кавказ, как он ее себе представляет. Как выяснила его дочь, дедушка (dědoušek), о котором идет речь, действительно был родом из чешско-моравского пограничья, а именно из деревни Ямы в р-не Ждяр-над-Сазавоу на Высочине, где он появился на свет в 1852 г., но его родители не были среди первых чехов, переселившихся на Северный Кавказ. Сохранилось его официальное прошение о приведении к присяге на подданство России от 1896 г., в котором указано, что он проживает в России уже около 20 лет и с 1890 г. водворен «в деревне Кирилловке». Возможно, что ранее он жил с семьей в соседней Глебовке, где были похоронены его родители Франц (согласно австрийскому паспорту) и Катержина. Первоначально они, видимо, говорили на юго-восточно-чешском диалекте, переходном к моравским, однако следующие поколения этой семьи, несомненно, усвоили чисто южночешский говор, бытовавший в Кирилловке, что подтверждает и эта запись.

В речи информанта встречаются черты, типичные для большей части собственно чешских диалектов, такие как дифтонгизация $y > ej$ (*hotovej* ‘готовый’), изменение $é > í$ (*pjekní místo* ‘хорошее место’), протеза $v-$ (*votteť* ‘оттуда’, *voslíčka* ‘ослика’, *von* наряду с *won* и *on* ‘он’) и формы твор. п. мн. ч. существительных, оканчивающиеся на *-ma* (*krávama* ‘коровами’). На юго-западно-чешскую диалектную подгруппу указывает застывшая форма притяжательного прилагательного *dědouškovо*, а на Южную Чехию — «семейно-притяжательная» форма с окончанием *-ůl/-u*, выражающая принадлежность к семье как одного или одной, так и нескольких «обладаемых» (*Kabrdůl/Kabřdu*), а возможно, также отсутствие протезы $v-$ в формах местоимения *on* и в числительном *obje* ‘обе’ (в песне), спирантизация начального согласного в местоимении *hdo* ‘кто’, которая, однако, довольно широко представлена в Чехии, и произношение *mámje* ‘маме’ наряду с *mňe* ‘меня’, *mňel* ‘имел’, *mňesíc* ‘месяц’. Последние

три особенности, первая из которых в кирилловском чешском встречается часто, а вторая регулярно (также в наречии *hde/hd'e* и др.), впрочем, может поддерживать аналогия с региональной разновидностью русского языка (ср. южнорус. *g > γ*, в частности, в *γd'e* 'где'). По всей вероятности, из некогда распространенного в этих краях смешанного русско-украинского идиома, известного под названием «кубанская балачка», в здешний чешский говор проникло губно-губное [w] или [ɰ], не характерное для южночешских диалектов: *wona* 'она', *powídám* 'говорю', *s ahušta* 'с августа'. Сочетание *u tej ženskej* 'у этой женщины' отражает выравнивание адъективной формы род. п. ед. ч. ж. р. по форме дат.-местн. п. ед. ч.; на территории Чехии подобная форма точно зафиксирована в центральных и юго-восточных, но не юго-западных диалектах [СЈА 4: 306–307], в кирилловском же идиоме ее распространению опять-таки могло способствовать влияние русского языка (*у той/этой...*). Яркой лексической или словообразовательной приметой говора является слово *d'edoušek*, преобладающее во всех северокавказских идиомах юго-западно-чешского происхождения. Архаичный лексический диалектизм, не только южночешский, представляет собой слово *přátele* во мн. ч. со значением 'родственники'. Наряду с этим в данном тексте и вообще в речи местных чехов частотны русизмы на уровне лексики, словообразования, семантики и синтаксиса: ср. в тексте частицы *vot/wot*, *nu* (в чешском языке метрополии — *no*); соединительный союз *i* и уступительный *choť*; местоимение *eto*; модальный предикатив *nádo*; из существительных, в частности, названия месяцев, а также лексемы *z'implánka*, *zem* в значении 'пахотная земля', *vinohrát* в русском значении (наряду с исконно чешским 'виноградник'), глаголы с русскими префиксами *uklízet* 'убирать' (о винограде, в чешском языке метрополии — *sklízet*), *ponasázet* = рус. диал. *понасажать*; предложные конструкции и сочетания *s s'en'abr'a mñesice i do mártá*, как и окказиональное словоупотребление информанта *i zaz do cesti* = рус. *и снова в путь*. Через русизмы в говор проникает и ряд фонетических черт, характерных для его языкового окружения: кроме усвоенного из «балачки» губно-губного [w/ɰ], это мягкость некоторых согласных, в чешском языке метрополии давно отвердевших, гласный заднего ряда [y] типа рус. [ы], в том числе и в чешских словах, и неинициальное ударение (*komuň'isti*). Напротив, сдвиг ударения на слог вправо или на конец такта в таких случаях, как *vodv'ezli* 'увезли' и *nevidržel t'o* 'не выдержал этого', представляет собой явление, возникшее еще на чешской почве, которое, вероятно, связано с определенным типом фразовой интонацией.

Общая характеристика говора

Говор Кирилловки демонстрирует все отличительные признаки южно- или, шире, юго-западно-чешских диалектов в составе собственно чешской диалектной группы; если здесь ранее были представлены также идиолекты генетически иного типа, они не оставили по себе каких-либо надежно устанавливаемых следов.

Фонетика. В речи носителей регулярно встречаются такие явления, как изменение $y > ej$, но не $i > ej$ после свистящих согласных (*ciřit* ‘чувствовать’, с сокращением гласного *ciřka* ‘наволочка’), $ú > ou$ в начале слова (*ouzřik* ‘узелок’), $ě > í$, протеза $v-$ (*votkuř* ‘наряду с *otkuř*’, что можно трактовать как сохранившуюся — вероятно, не без поддержки русского языка — «доудлебскую» фонетическую особенность, см. [ČJA 5: 370–371, карта 258a]). Из других юго-западно-чешских черт следует указать на регулярную краткость корневого гласного в инфинитивах глаголов *donest* ‘принести’, *přivest* ‘привести’, *zavest* ‘завести’, *kvject* ‘цвести’ и, напротив, встретившийся лишь единожды рефлекс продления корневого гласного в императиве *nebuřte se* ‘не бойтесь’; спорадически отмечаемое произношение *do mřesta* ‘в город’, *v domře* ‘в доме’ (наряду с [mře]), изменение $e > a$ после шипящего, причем в русизме (*hodřne*) *přal* ‘много пчел’, редукцию гласного перед l (*bal* и *von bl* ‘он был’; *nařl*, *nařla* ‘начал, -а’) и в единичном случае протезу $h-$ в союзе *ħabi se kouknout* ‘чтобы глянуть’. Диссимиляция типа g *babřice* (и *babřice*) ‘(к) бабушке’, *přejřim* ‘перед тем’, *nechořte* ‘не ходите’ чаще встречалась в идиолекте уроженки Барваровки, которая вышла замуж за жителя Кирилловки (украинца). Из других ярких фонетических диалектизмов заслуживает внимания утрата протетического $j-$ (*it* наряду с *řit* ‘идти’, *ináč* ‘иначе’, *itřnice* ‘ливерная колбаса’), диссимиляция $sch > sk$ в глаголе *skovat* ‘спрятать’, изменение $d > r$: *dereř* ‘дед’, *svarebřni* ‘свадебный’ и *svarba* ‘свадьба’, упрощение группы *stř > ř* (*potřileli* ‘расстреляли’) и звуковой облик корня прилагательного и наречия *ħlibořej*, *ħlibořo* ‘глубокий, глубоко’.

Морфология. К общечешским диалектным чертам относятся унификация окончаний твор. п. мн. ч. имен и местоимений на *-ma* и преимущественно полные формы притяжательных прилагательных (*u Alřbřejřiniho tati* ‘у Альжбетиного отца’); при этом часто употребляются застывшие краткие формы типа *tařinkovo bratr* ‘отцов брат’, *tařinkovo seřtra* ‘отцова сестра’, *Johanovo tata s māmou* ‘Йогановы папа с мамой’. Своеобразны «семейно-притяжательные» формы на *-u/-u* (*Ruřičkřu bilo řři, řřiri* ‘были

3–4 семьи Ружичка’; *naše rodiče říkali: já sem Růžičku* ‘наши родители говорили: я Ружичка’; *Růžičkú náš taki bil starej dům* ‘наш, семьи Ружичка, тоже был старый дом’); лишь один раз встретилась форма западночешского типа на *-ojc* (*já sem Dušánkojc* ‘я из Душанек’ — но также *Dušánku strejček* ‘дядя Душанек’, *Josi Dušánku táta* ‘Ёси Душанека папа’). В субстантивной парадигме заслуживает внимания, с одной стороны, аналогичное окончание форм род. п. мн. ч. *-íchl/-ich* у существительных мягкого типа (и слова *děti*): *hodně koňích* ‘много лошадей’, *a tech růžich tadi bilo!* ‘а роз сколько было!’, *dvoje dveřích* ‘две двери’, *do jaslič* ‘в ясли’, *mňe bilo líto dětích* ‘мне было жаль детей’, а с другой — утрата выражения одушевленности у существительных мужского рода и согласуемых с ними слов во мн. ч., наблюдающаяся во всех чешских говорах на территории России и Украины. Формы им. п. мн. ч. типа *Češi* (наряду с *Čechi*), *hoši* и *kluci* ‘парни’, *vojáci* ‘солдаты’, *školáci* ‘школьники’, *bratři* ‘братья’, *kamarádi* ‘друзья’, *sousedí* ‘соседи’ (наряду с *sousedi*), *vlci* ‘волки’ сохраняют лишь немногие существительные, у которых при этом та же основа с чередованием согласных выступает и в других падежах мн. ч., ср. в Кирилловке *Češú už je málo* ‘чехов уже мало’, *mezi Češima* ‘между чехами’, *toliká kluci* ‘столько парней’, *ke klucím* ‘к ребятам’. Поэтому также формы вин. п. мн. ч. здесь равны формам им. п., например: *školáci tam fšechni jezďeji [...]* *aftobus sem přijíždí, zabírá školáci* ‘все школьники туда ездят... автобус приезжает сюда и забирает школьников’. На материнской территории это явление известно северо-восточным и отчасти центральным, но не юго-западно-чешским диалектам. В говорах же всех чешских анклавов в России и в Украине на него наслаивается почти регулярное противоположное выравнивание форм им. п. по формам вин. п. мн. ч., ср. в Кирилловке *vnuki tak taki už máloco rozumí* ‘внуки уже тоже мало что понимают’ и *mňeli sme malí vnuki* ‘у нас были (= мы имели) маленькие внуки’. В этом, по всей видимости, сказывается влияние восточнославянского языкового окружения, но не доведенное до конца, поскольку типично восточнославянский синкретизм форм вин. и род. п. мн. ч. у одушевленных существительных в описываемых чешских говорах отмечается лишь изредка, хотя в виде исключения может распространяться и на лексемы женского рода: ср. в Кирилловке *vihnal tech Tatarú* ‘выгнал этих татар’, *mám pravnuček* ‘имею правнучек’. Характерной для южно- или юго-западно-чешских диалектов, далее, является форма местн. п. ед. ч. местоимения 3-го лица *v ňom, na ňom* по образцу местоимений твердого типа и префикс неопределенных местоимений и наречий *ne-* с

твердым согласным: *nehdo* ‘кто-то’, *něco* ‘что-то’, *nehdá* ‘когда-то’ и *nák* < *nejak* ‘как-то’ [см. ČJA 5: 550, карта 396]. Типичны для говора юго-западно-чешские формы глагола долженствования *mušet* с шипящим -š- в основе, распространившимся из старой формы 1-го л. ед. ч. презенса на всю парадигму, и скорее только южночешские формы императива также с шипящими согласными *poprošte* ‘попросите’, *nenoste* ‘не носите’, *pušte* ‘пустите’, *potpušte* ‘простите’ или (в молитве «Отче наш») *otpušć nám naše vini* ‘отпусти нам наши грехи’, как и скорее западночешские формы *řekňte* ‘скажите’, *nejezdíte* ‘не ездите’, *nejděte* ‘не ходите’, *sedněte si* ‘садитесь’, какие встречаются и в генетически северо-восточно-чешских говорах на территории России и Украины, ввиду чего нельзя исключить влияния на них восточнославянских образцов. Презентные формы 3-го л. мн. ч. глаголов с тематическим -í- в остальной части презентной парадигмы в кирилловском говоре могут оканчиваться на -í/-i, но также и на -ejí/-eji, реже на -ej, ср. *mluví/mluvjeji* ‘говорят’, *nerozumněji* ‘не понимают’, но *vnuki už máloco rozumí i nemluví* ‘внуки уже мало что понимают и не говорят’, *mlčí/mlčejí* ‘молчат’, *křičí/křičejí* ‘кричат’, *platí/plaťej* ‘платят’, *chodí/chodějí* ‘ходят’, *jezdí/jezdějí* ‘ездят’, *přichází/přicházejí* ‘приходят’, *vozí/vozejí* ‘возят’, *stojej* ‘стоят’ и *tadi stojí ti / s tíma flintama / jako nepouščejí* ‘тут стоят эти с ружьями и не пускают’, *viřelí* ‘выстрелят’, *visí* ‘висят’, *sedí* ‘сидят’, *mně bolí nohi* и *nohi mě bolí* ‘у меня ноги болят’, *voní na to vivalejí voči* ‘они на это глаза выкатят’. Интересная черта — основообразующий суффикс -iva- в инфинитивной основе глаголов типа *pracovat* ‘работать’, типичный для Западной Чехии, который, впрочем, встречается и в генетически северо-восточно-чешских говорах на территории России и Украины; также и здесь распространению -u- из презентной основы мог способствовать контакт с украинским языком или, на Черноморском побережье Северного Кавказа, с «балачкой» (ср. укр. *працювати*).

В лексике кирилловского чешского говора обращают на себя внимание типично южночешские или юго-западно-чешские слова *hůd'e* ‘девочка’, *vjetle* ‘ветка’, *škared'e* ‘плохо’, *drobet* ‘немного’, германизмы *loch* ‘подвал’, *bajzik* ‘собака’ от нем. *beißen* ‘кусать’ и др. Разумеется, весьма ощутимо также влияние на лексику данного идиома русского языка окружения. Можно сказать, что практически весь запас лексических единиц, известных местным чехам из региональных устных или более «высоких» форм существования русского языка, вместе с их сочетаемостью вплоть до построения фраз и нередко с сохранением их русского фонетического

облика и грамматического оформления, является неотъемлемой составной частью их говора. По словам одного из информантов, *uš tam je víc ruskího než českího v našem rozh'ovoru* 'там уже больше русского, чем чешского, в нашем разговоре'. Ср. частотность русизмов в высказывании его супруги: *Nu, mi uš taki točnjejc a nevíme, a jak naše rodiče viprávjeli trošku, neco si pomatujem... jak voňi sem přijeli a jak se tadi rospoložili, jak tadi visekávali lés a stavjeli si ti palátki* 'Ну, мы уже в точности не знаем, но из того, что наши родители немного рассказывали, немного помним... как они сюда приехали и как тут расположились, как вырубали лес и ставили себе палатки' и т. п.

Также в **синтаксисе** заметны следы влияния русского языка: это спорадическое опущение глагола-связки 'быть' в настоящем времени (*tam je ta kosa, tam hodně ribi* 'там коса, там много рыбы'; *potom byl strejček Jouza, to můj kmotříček* 'потом был дядя Йоуза, это мой крестный'), вытеснение чешской посессивной конструкции с глаголом 'иметь' русской конструкцией с предлогом *u* и формой род. п. существительного со значением «обладателя» при глаголе 'быть' (*mňeli šest... d'eťi u taťinka bilo* 'имели шесть... детей у папы было') и вообще употребление падежей в соответствии с русским управлением, отличающимся от современного и более раннего чешского, особенно в случае предложных конструкций (*žeňit se na* + местн. п., */pro/vdaná za* + твор. п. 'замужем за кем-либо'. Беспредложный твор. п. последовательно употребляется при глаголах со значением той или иной деятельности и движения (*kim tam d'elal, či pisařem bil?* 'кем он там работал, писарем что ли был?'; *d'etma je přivezli sem* 'детьми их привезли сюда'). В сочетаниях с формами сравнительной степени прилагательных и наречий вместо чешского предлога *o* закрепился по русскому образцу предлог *na* с вин. п. (*na rok starší* 'на год старше' и т. п.). В функции соединительного союза с давних пор выступает исключительно *i* (ср. надпись на старом надгробии *FRANC i KATEŘINA KABRDA zem. 1887*), последовательно употребляется уступительный союз *choť*, тогда как союз *či* в разделительной функции (*dvje či tři s'emj* '2 или 3 семьи') может быть исконным, но там, где он вводит косвенный вопрос, не вызывает сомнений, что речь идет о заимствовании из украинского языка или, точнее, из «балачки» (*Či nechťeji nebo... já nevím* 'Не хотят они или... я не знаю').

Мультимедийный контент

Фото

Часть фотографий взята из архива новороссийского Культурно-просветительного чешского клуба «Матержидоушка»; остальные были сделаны С. С. Скорвидом, Д. К. Поляковым и И. В. Третьяковой в 2009–2013 гг.

Общий вид Кирилловки

Здание бывшего костела в Кирилловке в середине XX и в начале XXI в.; справа внизу — здание бывшей кирилловской школы, построенное около 1910 г.

Старое чешское надгробие на кладбище в Кирилловке, справа — увеличенная надпись на нем

Кирилловский фольклорный ансамбль «Китице» в городском парке Новороссийска

Чешский праздник «Микулаш» в клубе «Матержидоушка» (2006 г.)

Видео

<https://www.youtube.com/watch?v=GBm1-J2Mzys> (30-минутное видео 2010 г.: Урок в чешской школе в Кирилловке 100 лет спустя)

Иное

Другие фотографии и ссылки на публикации, радио- и телевизионные передачи о Кирилловке и иные материалы см. на сайте Новороссийской городской общественной организации «Культурно-просветительный чешский клуб Матержидоушка — Душа матери» <https://materidouska.ru/index.php/ru/>

Прочие сведения

Проекты

Кирилловский чешский говор был впервые охарактеризован в публикациях С. С. Скорвида, две из которых были подготовлены в соавторстве с другими коллегами. Материалом для них послужили аудиозаписи образцов этого говора, сделанные в ходе экспедиций, которые проводились в те-

чение 2009–2013 гг. иногда даже дважды в год, менее регулярно и позднее, вплоть до 2019 г. Исследованием было охвачено 18 информантов, родившихся в период с 1919 до 1946 в Кирилловке и более или менее свободно говоривших на местном чешском идиоме; в одном случае это была уроженка соседней Борисовки, переселившаяся в Кирилловку, в другом — муж представительницы старого кирилловского рода Лузумов, родившийся в Мефодиевке, где оба супруга проживают по сей день. Большинство наших информантов за прошедшие 13 лет покинуло этот мир.

В процессе исследования было установлено, что кирилловский говор демонстрирует, с одной стороны, относительно высокую степень сохранности исходной южночешской диалектной системы, а с другой — признаки далеко идущего влияния на него языковых формаций, доминировавших в новом окружении его носителей.

Кирилловку можно считать узловой точкой целой сети чешских селений на Черноморском побережье Северного Кавказа, основанных преимущественно выходцами из Южной либо Западной Чехии. Говор этого населенного пункта также лучше других документирован аудиозаписями общим объемом более 30 часов, поэтому он может служить образцом северокавказских говоров юго-западно-чешского происхождения вообще. Принадлежащие к этому же типу говоры еще двух чешскоязычных островков в данном регионе, которые сохранялись до начала XXI в., сёл Варваровка под Анапой и Тешебс в окрестностях Геленджика, отличаются от кирилловского в целом незначительно и зафиксированы далеко не столь полно.

Интересное

В Цемесской долине под Новороссийском, где находится Кирилловка, заложил опытные виноградники назначенный в 1867 г. агрономом Черноморского округа Бедржих, или — в России — Федор Иванович Гейдук (1837–1890). Со времени появления публикации Я. Ауэргана считается, что этот «замечательный специалист, уважаемый российскими властями за его знания и опыт», научил чехов на Северном Кавказе виноделию и вообще покровительствовал им (Auerhan 1920: 53), хотя это не подкрепляется достаточно надежными документами. В 1884 г. его навещил брат, известный чешский поэт Адольф Гейдук, создавший после этой поездки поэтический цикл «Из путешествия на Кавказ» (*Z pouti na Kavkaz* 1885), во многих стихотворениях которого автор как будто напрямую обращается к соотечественникам в Кирилловке:

Ó noci podzimní s tím snívým očí jasem,
dum plná vystupuješ nad hor rysy,
jak kněžna opásána zlatým pasem,
a měsíc po bok kynžálem ti visí,
Ó noci jeseně, svá hvězdná rozlož křídla
na bratrů z dálky příšlých drobná sídla
a zlíbej jejich dřímající hlavy,
a snít jim dej o nivách u Vltavy,
a jestliže je při tom v srdci bodne,
dej sen jim o návratu v luhy rodné,
jak zpět se nesou ku svých otců prahu
přes hlavy křivditelů svých a vrahů
v řiš čarovnou, jež v zemském sáhá svoru,
od skrání Elborusa ku Javoru

О ночь осенняя! В мечтательном сиянье
ты высишься над горным перевалом –
княгиня в златотканом одеянье;
у бёдер серп луны повис кинжалом...
Простри, ночь осени, свои крыла ты
на братьев, пришлых издалёка, хаты,
коснись устами их усталых глав — и
о нивах грезить дай в долине Влтавы,
а если в сердце ощутят шемленье,
навей им сладкий сон о возвращенье,
чтобы назло всем недругам и катам
неслись мечтой к отеческим пенатам,
в страну чудес, в чьей дорогой оправе –
седой Эльбрус и Явор на Шумаве...

Остается добавить, что в последние годы становится все очевиднее неотложность обсуждаемого проекта. Так, спустя более десяти лет со времени первого доклада о говоре чехов Кирилловки, произнесенного мной совместно с Д. К. Поляковым на «Круглом столе по славянской диалектологии» в 2010 г., приходится констатировать, что этот вполне живой тогда идиом перешел в разряд практически исчезнувших; о некоторых же других чешских идиомах на Северном Кавказе или, например, в Казахстане на интернет-карте могут быть представлены уже только косвенные свидетельства. Тем более важно успеть собрать и сделать достоянием широкой общественности хотя бы такие данные.

Полагаю, что опыт охарактеризованного мной проекта может послужить стимулом для других аналогичных начинаний, которые документировали бы не только чешские, но также иные славянские диалектные сообщества, существующие в России и сопредельных странах.

Литература

- Пукиш 2010 — *Пукиш В. С.* Чехи Северного Кавказа: годы и судьбы. 1868–2010. Ростов-на-Дону, 2010.
Скорвид, Третьякова 2009 — *Скорвид С. С., Третьякова И. В.* «Тут жил Кирилл, а там — Мефодий...», или Чехи под Новороссийском // *Язык. Сознание. Комму-*

- никация. Вып. 38 / ред. колл. В. В. Красных, А. И. Изотов, В. Г. Кульпина. М.: «МАКС Пресс», 2009. С. 40–54.
- Скорвид 2013 — *Скорвид С. С.* Говор потомков чешских переселенцев на Северном Кавказе как пример лингвоарейного дрейфа // *Славянское языкознание. XV Международный съезд славистов. Минск, 2013 г. Доклады российской делегации* / отв. ред. А. М. Молдован, С. М. Толстая. М.: «Индрик», 2013. С. 554–568.
- Скорвид 2015 — *Скорвид С. С.* Чешские переселенческие говоры на Северном Кавказе и в Западной Сибири // *Славяноведение*. 2014. № 1. С. 44–58.
- Скорвид, Поляков 2013 — *Скорвид С. С., Поляков Д. К.* О проницаемости грамматической системы в ситуации межъязыковой интерференции в говоре потомков чешских переселенцев на Северном Кавказе // *Исследования по славянской диалектологии*. Вып. 16 / отв. ред. Л. Э. Калнынь. М., 2013. С. 305–337.
- Auerhan 1920 — *Auerhan J.* České osady na Volyni, na Krymu a na Kavkaze. Praha, 1920.
- ČJA 4 — *Český jazykový atlas 4* / red. J. Balhar. Praha: Academia, 2002.
- ČJA 5 — *Český jazykový atlas 5* / red. J. Balhar. Praha: Academia, 2005.
- Chotek 1910 — *Chotek K.* Čechové na Kavkaze // *Národopisný Věstník Československý* V. 1910. S. 201–205.
- Skorvid 2016 — *Skorvid S.* Czech immigrant dialects in the Northern Caucasus and Western Siberia // *International Journal of the Sociology of Language* 238. 2016. S. 127–143.
- Skorvid 2017 — *Skorvid S.* A nejkyn ešče neco vo češškom jazyku na Kaukázoj i ponad Irtyšem // *Struktura v jazyce, jazyk v komunikaci* / red. O. Uličný. Liberec: Technická univerzita v Liberci, 2017. S. 161–172.
- Skorvid 2019 — *Skorvid S.* „I voni se tadle zrouna čtyri člověka vostalo...“ aneb Češi na samotě u Majkopu (a jinde) // *Český jazyk a literatura* 69(5), 2018–2019. S. 224–232.
- Skorvid 2021 — *Skorvid S.* „Furt to jde, pořat, nekončívá se to...“ O vývojových inovacích v českých nářečních varietách v Rusku // *Naše řeč* 5, 2021. S. 311–321.
- Vaculík 2009 — *Vaculík J.* Češi v cizině. 1850–1938. Brno, 2009.

Summary

Sergey Skorvid
(Olomouc)

On the international project of creating the internet map of Czech dialects beyond the Czech Republic

The paper introduces the project of researchers from the Charles University in Prague, the Palacký University in Olomouc and the East Carolina University in Greenville focusing on the creation of the internet depository of audio recordings of the Czech dialects and/or historical traces of their existence beyond the Czech Republic, i.e. in the territory of the former USSR (Russia, Ukraine, Moldova, Kazakhstan) and former Yugoslavia, in Romania, Poland and some other states of Europe as well as North and South America (Paraguay), and the internet map of those dialects with the

dialectologically commented specimens of them. As an example, the paper presents a pilot description of the most examined Czech immigrants' dialect spoken in the village of Kirillovka belonging to the Novorossiysk municipality (Krasnodar Krai, Russian Federation) with the analysis of approximately 3 minutes long fragment of recording of its native speaker born in 1931 and attendant materials connected with history and the present-day situation of this Czech community in the Black Sea Coast of the Northern Caucasus. The author hopes that the experience gained through working on this project may stimulate similar initiatives in documenting not only Czech, but also other Slavic dialectal islands in Russia (here, first of all, Polish ones in Siberia) and in adjoining countries. The urgency of this task is becoming more and more evident, because such dialects are nowadays disappearing; moreover, some of them, spoken in the territories listed above, practically disappeared during the last decades.

Keywords: Czech insular dialects, methods of dialectological description, sociolinguistic situation of immigrants' communities, disappearing dialect enclaves

*Н. Е. Ананьева
(Москва)*

YouTube как дополнительный источник изучения периферийных и островных польских говоров

В статье анализируются дополнительные источники изучения польских периферийных и островных диалектов. Особое внимание обращается на материалы YouTube (канал Studio Wschód), посвященные сибирской польской деревне Вершина. Видеоролики с высказываниями носителей генетически малопольско-силезского диалекта Вершины не только отражают диалектные особенности говора, но также позволяют уточнить статус заимствований из русского языка, расширить сведения о социокультурной ситуации и прародине предков жителей Вершины.

Ключевые слова: польский язык, русский язык, диалект, периферийный, островной, заимствование, дополнительный источник, YouTube

Общеизвестно, что основным источником изучения синхронного состояния говоров является полевая работа: сбор материала по заранее составленной программе или запись текстов непосредственно у диалектоносителя, на основе которых создается описание диалектного идиома и публикуются диалектные тексты. Тем не менее существуют и дополнительные источники, позволяющие подтвердить или расширить сведения об исследуемом диалектном феномене (в частности, о польских периферийных говорах восточных окраин бывшей Речи Посполитой и островных польских говорах Сибири). Сюда относятся «кресовизмы», извлекаемые исследователями из произведений польских писателей, так или иначе связанных с Кресами. Изучению «кресовизмов» в языке польских авторов посвящена огромная литература. Это работы о языке А. Мицкевича, Ю. Словацкого, А. Фредро, В. Сырокомли (Л. Кондратовича), И. Ходзьки, М. Ваньковича, Т. Конвицкого, Ч. Милоша и др.

К дополнительным источникам изучения диалектов относится также творчество самих диалектоносителей. Это их дневники, записи, письма. В последнее время исследование творчества диалектоносителей получает все большее распространение. Так, Г. П. Пилипенко выпустил дневник переселенца из межвоенной Польши в Аргентину Кирилла Вознюка, отражающий особенности южноволынского диалекта украинского языка,

и проанализировал эти диалектные признаки [Пилипенко 2021]. Еще раньше (в 2015 г.) особенности русского старообрядческого говора были запечатлены в изданных О. Г. Ровновой воспоминаниях родившегося в Китае и переселившегося в 1959 г. в Аргентину Данилы Терентьевича Зайцева [Зайцев 2015]. В свое время Л. Э. Калнынь в одной из статей использовала письма информантки [Калнынь 2000].

Материал записанных носителями польского островного диалекта сибирской деревни Вершина на гражданском варианте кириллицы польских песен, исполняемых местным хором, отражает особенности этого генетически малопольско-силезского диалекта: утрату согласного *ł*, в том числе и после гласного, — «*Погнала воы (woły) на буковине*», *обецаш* (obiecował), *завоане* (zawołanie); частичное мазурение (цеканье) — *цы/ци* (czy), *зобацэ* (zobacę), *плац* (płacz); узкие континуанты носовых гласных — *заинто* (zajęto), *несшынслива* (nieszczęśliwa), *взина* (диал. wzięna), *седымджэщюунт* (siedemdziesiąt); бифонемное сочетание «гласный + носовой согласный» для конечного континуанта носового заднего ряда — *зэ собом* (ze sobą); *i/y* на месте долгого *e* — *нажиканья* (narzekania) и др.

Также к дополнительным источникам диалектизмов относятся некоторые надгробные надписи на сельских погостах. Например, в уже упомянутой Вершине и в обязательной части надписи (антропонимах усопших), и в ее вариативной части (дезидеративно-эмоциональной, где выражены пожелания умершему и эмоции членов семьи в связи с уходом родственника) представлены случаи отражения диалектных особенностей, при этом преобладает гражданский вариант кириллицы над латиницей (из 146 польских надгробных надписей только 17 на латинице). Так, в надписях отражена такая диалектная особенность, как обусловленная наличием *o* на месте долгого *a* частотная субституция лабиализованным гласным любого *a* (а не только континуанта *a* долгого): наряду с *Кароль* отмечен вариант *Король* (*Садовник Король Францевич*). С сужением этимологического *e* перед носовым согласным и наличием *i/y* на месте *e* долгого связано появление таких форм, как *Зинон* (*Митренга Зинон* — литер. Zenon) и *Магдалина* (литер. Magdalena). Одновременно в этих надписях отражается и такой социокультурный фактор, как влияние русского языка, проявляющееся в использовании трехкомпонентной антропонимической формулы, включающей отчество усопшего.

В надгробных надписях польских могил на кладбище деревни Матьковцы (Хмельницкий район, Хмельницкая область, Украина) отражено характерное для местного польского говора влияние украинского языка.

В частности, в фамилиях адъективного типа встречается характерная для украинского языка оппозиция: полная форма в мужском роде и стяженная в женском (*Mruczkowski* — *Mroczkowska*). Отмечаются украинские антропонимические формы, например, *Pietro* (*Uroda Pietro*). Подробнее о надгробных надписях в Матковцах и Вершине см. [Ananiewa 2012a].

Дополнительными источниками являются также ошибки в тетрадах носителей местного говора школьного возраста, обучающихся литературному польскому языку. Так, ряд ошибок в тетрадах по польскому языку школьников села Мейшагола (Вильнюсский район, Литва) связан с особенностями местной северо-восточной разновидности периферийного польского диалекта (например, записи *nożam* — литер. *pożem* и *nasza* — литер. *nasze* обусловлены диалектным широким *a* на месте, как правило, безударного *e*, в том числе и для континуанта носового переднего ряда: *ida* — литер. *idę*, *v'iza* — литер. *widzę*).

Наряду с этими традиционными дополнительными источниками диалектизмов в эпоху интернета появляются новые. Создание электронных версий существующих диалектных словарей не вносит какой-либо новый материал, но позволяет исследователю сэкономить время и анализировать материал не выходя из дома (ср. электронную версию Словаря русских народных говоров — СРНГ). Создание же диалектных корпусов (например, диалектного подкорпуса Национального корпуса русского языка, инициированное А. Б. Летучим и продолженное И. Б. Качинской, или регионального Томского диалектного корпуса — ТДК) — это качественно новая ступень в развитии славянской диалектологии, позволяющая оптимизировать работу с диалектным материалом. В частности, наличие диалектного корпуса в Национальном корпусе русского языка дает возможность сопоставить диалекты с литературным языком, одни диалекты с другими и разные тексты.

На польском материале под руководством профессора Варшавского университета Халины Карась создан (и пополняется текстами и информацией культурно-этнографического характера) фундаментальный труд «*Gwary polskie. Przewodnik multimedialny*», который в расширенной и усовершенствованной версии 2010 г. получил название «*Dialekty i gwary polskie. Kompendium multimedialne*» [<http://www.dialektologia.uw.edu.pl>]. В нем представлены исчерпывающие данные о польских диалектах: термины и понятия польской диалектологии, диалектологические карты, описания различных регионов Польши, записанные традиционным путем и звучащие тексты из различных регионов Польши по наиболее ре-

презентативной для данной территории тематике. Например, для великопольского диалекта представлен текст о копании картофеля — существенного для этого региона корнеплода, имеющего специфическое название *pyry/pyrki*, которое стало прозвищем жителей центрального великопольского города — *poznańskie pyry*. Этот компендиум имеет лингвокультурологическое значение, поскольку включает также всевозможные сведения культурологического характера: об особенностях местной кухни, о праздновании тех или иных праздников; здесь представлены видео, демонстрирующие исполнение характерных для определенных регионов танцев и песен, фотографии разнообразных национальных костюмов.

Возможности интернета позволяют диалектоносителям общаться на диалекте (как в устной, так и в письменной форме). И эти записи также становятся материалом для диалектолога-исследователя. Так, 6 июня 2022 г. на кафедре славянской филологии филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова под руководством доктора филологических наук Е. И. Якушкиной защищалась студенткой Е. С. Титовой дипломная работа на звание бакалавра «Призренско-тимокский диалект как язык интернет-общения».

Источником диалектного материала могут служить и данные YouTube, на котором представлен канал Studio Wschód, журналисты которого систематически выезжают (точнее, выезжали до 2020 г.) в восточном направлении (Украина, Белоруссия, Литва, Россия) в поисках польского этноса или его остатков. В этих репортажах, хотя корреспонденты ставят перед собой иные цели, нежели диалектологи (культуртрегерские и харитативные: рассказы о роли костела и ксендзов в сохранении «польскости», привоз польскому населению рождественских подарков, агитация поляков из Сибири и Казахстана переезжать в Польшу, показ жизни таких переселенцев в Польше и под.), можно тем не менее найти сведения, полезные для диалектологов, занимающихся периферийными и островными польскими говорами. Это информация об особенностях социолингвистической ситуации, о местах сохранения польского диалектного идиома, о «прародине» носителей польского диалекта в случае его переселенческого характера. Репортажи также содержат высказывания на польском языке диалектоносителей. Эти микротексты не только подтверждают сведения о тех или иных диалектных особенностях данного говора, полученные исследователем в результате работы «в поле», но могут и расширить информацию о диалектном явлении (например, о си-

стемном, а не индивидуальном или окказиональном характере того или иного заимствования из русского языка и др.).

В данной статье мы проанализируем материалы YouTube, записанные в сибирской польской деревне Вершина (Боханский район, Иркутская область). Данный пункт является излюбленным местом посещения польских журналистов и волонтеров (помогающих, в частности, привести в порядок местное кладбище). В настоящее время в YouTube представлено 12 репортажей из Вершины, некоторые с одинаковыми названиями:

- 1) Wierszyna – polska wieś na Syberii;
- 2) Polska wieś na Syberii — Wierszyna. Reportaż z uroczystości;
- 3) Wierszyna, polska wieś na Syberii;
- 4) Polacy na Syberii — Wakacje wśród syberyjskich rodaków. Wierszyna;
- 5) Wierszyna na sybirskim szlaku;
- 6) Wierszyna — polska wieś na Syberii;
- 7) Wierszyńska młodzież;
- 8) Wierszyna — wieś na Syberii;
- 9) Wierszyna. Mała Polska na Syberii;
- 10) Wielki powrót na Wschód. Wierszyna — polska osada na Syberii;
- 11) Polskie serce z głębi tajgi;
- 12) Wierszyna — polska wioska na Syberii.

Об особенностях генетически малопольско-силезского переселенческого островного говора Вершины, более ста лет функционирующего в русскоязычном окружении и подвергающегося воздействию русского идиома в его диалектной и литературной формах, существует довольно большая литература. См., например, [Decyk 1995; Decyk 1997; Figura 2003; Ananiewa 2007; Ананьева 2011; Пасько 2011; Ananiewa 2012b; Ananiewa 2013; Ананьева 2013а; Ананьева 2013б; Umińska 2013; Mitrenga-Ulitina 2015; Ананьева 2015; Ананьева 2016]. В первом репортаже «Wierszyna — polska wieś na Syberii» мы видим и слышим известных нам по экспедиционной работе информантов: Франтишку Янашек, Антонину Сою, автора книги об истории Вершины Валентина Петшика (к сожалению, уже покойного). Несмотря на наличие у нас записанных от этих диалектоносителей текстов, их высказывания в YouTube также требуют транскрибирования и изучения. Так, на основании данных микротекстов выявляется макросистемный, а не идиолектный характер русизмов *strojit'* (польск. литер. budować) и *żył* (польск. литер. mieszkać). Примеры: 1 л. ед. ч. прош. вр. *tu strojił, żył* (Петшик); *d'erevn'a była dobże vystrujuna* (Соля); *żyły Żel'in'sk'i* — польск. литер. mieszkali Zielińscy (Янашек). При-

меры контекстов с другими русизмами: *rospred'el'en'e pol'uf* — польск. литер. *podział pół*; *pośl'i wojny i do wojny* – польск. литер. *po wojnie i przed wojną*; калька с русск. *вся жизнь fšysk'e moje życie; naša usaz'ba* (Петшик); *nazot vručiloby dužo, žeby fšysko bylo f svoje vrem'e* (Соя); *ran'she na kun'ax* (Сергей Фигура); *poč't'i każdego roku my tu pšyježzał'i* (анонимная информантка, не проживающая в настоящее время в Вершине, но регулярно приезжающая сюда к родным). Ср. также слово *d'erevn'a* (польск. литер. *wieś*) в приведенном выше высказывании А. Сои. Смещение под влиянием русского языка глаголов *znać* и *wiedzieć* отражает гиперкорректизм *wiedzą* в предложении *Rodzice już nie wiedzą języka* (зафиксировано у местной школьной учительницы польского языка).

Естественно, что в YouTube-микротекстах отражены многие особенности диалекта вершинян. Фонетические и лексико-фонетические диалектные признаки:

1) Наличие *i/y* на месте *e* долгого: *pšyježzał, p'iršy Pol'ak'i s Pol'sy, dop'iro, na żyke jechać, na p'iršym m'ejscu była praca, jest tako śp'ifka* (Соя); *żyka była pełna, tyś, ja tam pšyježzał* (Петшик); *s'v'ize pov'etše* (Янашек); *n'i ma* (С. Фигура).

2) Наличие *o* на месте *a* долгого: *na cmentożu, jak teros, no jo już tutaj roz'ila, jest tako śp'ifka* (Соя). Эта фонетическая модель столь частотна, что охватывает подчас любое *a* (не обязательно генетически долгое), в том числе и в заимствованиях: русизм *nazot* ‘назад’ (Соя).

3) Наличие *u* на месте долгого *o*, *o* перед носовым согласным *n*, в итеративном суффиксе *-owa*, а также нередкое сужение *o* в *u* после заднеязычного согласного: *dum* (Петшик), *gutuvac* (Янашек), *wyputuvac* (Соя); *na kun'ax, na kun'u my* (неизвестная информантка среднего возраста); *na kun'ax* (С. Фигура).

4) Узкие континуанты носовых и наличие бифонемного сочетания «гласный + носовой согласный» на месте континуанта носового заднего ряда в позиции конца слова:

а. примеры с континуантами носового заднего ряда: *stunt* — польск. литер. *stąd* (Петшик), *v ośemz'es'untym roku* — польск. литер. *w osiedziesiątym roku* (Соя), *m'esunc* (молодая неизвестная информантка); *idon Kal'ety, idon Kryсу* (Петшик, перечисляющий местоположение домов проживающих на данной улице семей, польск. литер. *Kryswowie, Kaletowie*), *s sostrum* (молодая неизвестная информантка);

б. примеры с континуантами носового переднего ряда: *była gurka v'in'kša* — польск. литер. *większa*, *barzo ćišk'e casy były* — польск. литер.

bardzo ciężkie czasy były (Соя), *m'esincy* — польск. литер. miesięcy (неизвестная молодая информантка).

5) Мазурение для глухой аффрикаты *cz* (цеканье): *casu, ften cas* (Соя), *v'ecorem dym šet* (Янашек), *on mn'e cekal* (синтаксический русизм) — польск. литер. on na mnie czekał (Людмила Фигура, окончившая польский вуз и преподававшая польский язык в местной школе).

6) Звонкий тип садхи: *rog jiz'e* (Соя).

7) Выпадение *l* после согласных: *postav'il'i sup, sup, sup* — польск. литер. słup «столб», *zakudal'i* — польск. литер. zakładali (Янашек, рассказ о строительстве дома).

8) Отсутствие чередования *e ~ o*: *p'ivo b'ero* — польск. литер. piwo biogą (Соя).

9) Наличие лексико-фонетического варианта для прилагательного *wielki* со звонким *g* на месте *k*: *robota była v'el'ga* (Соя).

Морфологические особенности:

1) Отсутствие личных окончаний в прошедшем времени глагола — обычный результат контакта западнославянского идиома с восточнославянским. Примеры: 1 л. ед. ч. м. р. *ja tam pšyjižzał* (Петшик, см. также вышеприведенные примеры из этого диалекта с претеритальными формами 1 л. ед. ч. м. р.), 1 л. мн. ч. *my to n'e v'ez'el'i, że to s Pol'sk'ej naše roz'ice, n'e gadano było* (Соя).

2) Характерное для большинства польских диалектов отсутствие категории мужского лица. Ср. вышеприведенные формы им. мн. фамилий (*Krysy, Kalety, Żel'in'sk'i*) и форму местоимения *nasze* по отношению к родителям. Отсутствие адъективной лично-мужской формы им. мн. отмечено даже в идиолекте местной преподавательницы польского языка: *byli fajne l'už'e* (польск. литер. byli fajni ludzie). Из ярких лексических особенностей говора в микротекстах YouTube зафиксировано наречие *kaj* 'куда, где'. Ср. у С. Фигуры в пословичном речении: *fšen'z'e dobže kaj nas n'i ma* 'езде хорошо, где нас нет'. Примеры из других микротекстов: *kaj krasit'*, *kaj myt'* (неизвестная молодая информантка, проживающая в городе и регулярно приезжающая к родителям в деревню), *na kun'ukaj s'adal'i kaj jexal'i* (учительница польского языка).

Материал YouTube расширяет сведения о микротопонимике говора. Так, В. Петшик приводит номинации отдельных окрестных гор (микроронимы). Микровысказывания позволяют уточнить место на географической карте Польши, из которого переселились в Сибирь предки современных вершинян. Так, А. Соя называет таким «исходным пунктом»

Сосновец (*z'atk'i o Sosnofcu opov'adal'i*) и приводит песенку о Сосновце (*jest tako śp'ifka*).

Данные канала Studio Wschód могут отразить динамику в социалингвистической и культурной ситуации того или иного в прошлом или в настоящее время полоноязычного района. Так, репортаж из села Озерное (северный Казахстан, до распада СССР село относилось к Келлеровскому району Кокчетавской области) повествует о превращении этого пункта в католический центр Казахстана, куда съезжается исповедующая католицизм молодежь со всей страны. В 1976 г., когда мы собирали диалектный польский материал в селах Озерное и Степное от насильно переселенных сюда в конце 30-х гг. XX века с территории Западной и Юго-Западной Украины поляков, здесь даже не было костела. При этом, по всей видимости, отсутствие в репортаже каких-либо высказываний местных жителей на местном польском диалекте свидетельствует о постепенной утрате этого идиома. Уже в конце семидесятых годов прошлого века дети этих сел почти не говорили по-польски, сохраняя в своем русском языке фонетические особенности польской речи. Так, нами был записан пересказ школьником польского происхождения содержания кинофильма «Сыщик», в котором, начиная с заглавия, звучавшего как *syżżuk*, русская лексика была представлена в польском фонетическом оформлении. Поскольку по-польски (а также по-украински) в 1976 г. говорили только старшее и среднее поколения, естественной представляется утрата местного польского говора по прошествии более чем сорока лет. Репортажи корреспондентов с Украины позволяют расширить число пунктов, в которых до настоящего времени сохраняется полоноязычное население. Судя по материалам YouTube, в основном это люди весьма преклонного возраста.

Наш краткий обзор некоторых материалов канала Studio Wschód показывает, что эти данные несомненно важны для диалектологов, занимающихся периферийными и островными польскими диалектами на территории Украины, Белоруссии, Литвы, Латгалии и России. Имея дополнительный по отношению к полевым исследованиям характер, микротексты видеороликов не только подтверждают наличие в говоре ранее выявленных в ходе экспедиционной работы явлений, но в ряде случаев позволяют определить статус той или иной особенности (в частности, заимствования) и расширить сведения о данном диалектном идиоме. Необходимо как можно скорее затранскрибировать все имеющиеся в YouTube микротексты.

Литература

- Ананьева 2011 — *Ананьева Н. Е.* Фрагмент диалектной морфонологии польского говора дер. Вершина под Иркутском // Современная славистика и наследие С. Б. Бернштейна. Тезисы докладов международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения выдающегося отечественного слависта д. ф. н. проф. С. Б. Бернштейна. 15–17 марта 2011 г., г. Москва. М., 2011. С. 47–48.
- Ананьева 2013а — *Ананьева Н. Е.* Морфология глагола в польском говоре деревни Вершина Боханского района Иркутской области // Исследования по славянской диалектологии. Вып. 16. Грамматика славянских диалектов. Механизмы эволюции. Утраты и инновации. Историко-типологические явления. М., 2013. С. 203–210.
- Ананьева 2013б — *Ананьева Н. Е.* Типология польских говоров Сибири и результаты их контактов с русским идиомом // Славянское языкознание. XV Международный съезд славистов. Минск, 2013 г. Доклады российской делегации. М., 2013. С. 467–478.
- Ананьева 2015 — *Ананьева Н. Е.* Островной польский диалект // Актуальные этноязыковые и этнокультурные проблемы современности. М., 2015. Кн. II. С. 9–18.
- Ананьева 2016 — *Ананьева Н. Е.* Лексика польских говоров Сибири (архаизмы и инновации) // Исследования по славянской диалектологии. Вып. 18. Актуальные аспекты изучения лексики славянских диалектов. М., 2016. С. 85–92.
- Зайцев 2015 — *Зайцев Д. Т.* Повесть и житие Даниила Терентьевича Зайцева. М., 2015.
- Калнынь 2000 — *Калнынь Л. Э.* Об отражении языковых и графических представлений носителя диалекта в зеркале «наивного письма» // *Folia slavistica*. Пале Михайловне Цейтлин. М., 2000. С. 46–53.
- Пасько 2011 — *Пасько Д.* Польский островной диалект жителей дер. Вершина в Сибири // Русско-польские языковые, литературные и культурные контакты. М., 2011. С. 72–90.
- Пилипенко 2021 — *Пилипенко Г. П.* Южноволынський диалект українського мови в Аргентині (Мисьонес). Дневник переселенця з міжвоєнної Польщі Кирилла Вознюка. М., 2021.
- Ananiewa 2007 — *Ananiewa N.* Prasa mniejszości narodowej polskiej (na przykładzie periodyków Ukrainy i Syberii) // *Zeszyty Łużyckie*. T. 41. Europejskie mniejszości etniczne. Łużycanie jako mniejszości narodowe. Część I. Warszawa, 2007. S. 73–88.
- Ananiewa 2012a — *Ananiewa N.* Antroponimy w inskrypcjach nagrobnych nekropolii syberyjskiej wsi Wierszyna na tle antroponimikonu cmentarza na Podolu // W komunikacyjnej przestrzeni nazw własnych i pospolitych. Księga jubileuszowa dedykowana profesorowi Robertowi Mrózkowi. Katowice, 2012. S. 43–59.
- Ananiewa 2012b — *Ananiewa N.* Niektóre właściwości gwary wyspowej na Syberii // *Rozprawy Komisji Językowej Łódzkiego Towarzystwa Naukowego*. T. 58. Łódź, 2012. S. 5–13.
- Decyk 1995 — *Decyk W.* Próba opisu polskiej gwary we wsi Wierszyna // *Poradnik Językowy*. 1995. Z. 8. S. 20–30.

- Decyk 1997 — *Decyk W.* Uwagi o języku społeczności polskiej w Rosji // *Język poza granicami kraju*. Opole, 1997. S. 109–123.
- Figura 2003 — *Figura L.* Historia i teraźniejszość polskiej syberyjskiej wsi // *Wierszyna z bliska i z oddali. Obrazy polskiej wsi na Syberii*. Kraków, 2003. S. 71–132.
- Mitrenga-Ulitina 2015 — *Mitrenga-Ulitina S.* Język polski mieszkańców wsi Wierszyna na Syberii. Lublin, 2015.
- Umińska 2013 — *Umińska A.* Polskie cechy fonetyczne i leksykalne w gwarze wsi Wierszyna (Syberia Wschodnia) // *Słowiańskie wyspy językowe i kulturowe*. Toruń, 2013. S. 27–42.

Электронные источники

- <http://www.dialektologia.uw.edu.pl> — Dialekty i gwary polskie. Kompendium internetowe. Pod red. Haliny Karaś. Zakład Historii Języka Polskiego i Dialektologii UW i Towarzystwo Kultury Języka.
- <https://www.youtube.com/@studio.wschod> — Studio Wschód (YouTube).

Summary

Nataliya Ananyeva

YouTube as an additional source for studying peripheral and insular Polish dialects

The article analyzes additional sources for the study of Polish peripheral and insular dialects. Particular attention is drawn to the YouTube materials (Studio Wschód channel) dedicated to Siberian Polish village of Wershina. Video clips with microtexts by speakers of the genetically Lesser Poland — Silesian dialect of Wershina not only reflect the dialectal features of the dialect, but also allow us to clarify the status of borrowings from the Russian language and expand information about the sociocultural situation and the country of origin of the inhabitants of Wershina.

Keywords: Polish language, Russian language, dialect, peripheral, insular, borrowing, additional source, YouTube

*Дияна М. Црняк (Баня-Лука),
Биляна М. Савич (Белград)*

Из синтаксиса глаголов в речи жителей района Слатины близ Баня-Луки¹

В работе рассматривается синтаксис глагольных форм в сербском говоре района Слатины близ Баня-Луки. Задача работы — описание состояния в исследованном говоре и выявление сходных и различающихся черт с соседними говорами на основе доступной литературы, тем самым определение места исследованного ареала в общем контексте герцеговинско-краинского диалекта как цельной общности.

Ключевые слова: сербские говоры Слатинского края, восточная группа северо-западной части герцеговинско-краинского диалекта, синтаксис глаголов

1. Введение

Район Слатины находится в 12 км к северо-востоку от Баня-Луки и административно относится к общине Лакташи. Кроме бальнеологического курорта Слатина², он охватывает села Четоевичи, Яружани, Кадияни, Горня- и Доња-Слатина, Мало- и Велико-Блашко и Шушняри. Эта территория расположена на низких горах северной Боснии, отличающихся скругленными вершинами и широкими пологими склонами: наибольшая высота над уровнем моря — 383 м, наименьшая — 150 м.

Автохтонное население — сербы; из этнических меньшинств представлены каравлахи и словенцы³. Происхождение населения этого (региона), как и других частей Боснийской Краины, недостаточно изучено, но на основании доступной литературы можно заключить, что наибо-

¹ Настоящая работа выполнена при финансовой поддержке Министерства просвещения, науки и технологического развития Республики Сербии в соответствии с договором № 451-03-68/2022-14, заключенным с Институтом сербского языка САНИ.

² *Слатина* ж. ‘солёный источник’ [РМС 5: 845].

³ В Малом Блашко жила и одна русская семья: Коробкины (Коропкин). Глава семьи Николай, родившийся в 1892 г. в Омской губернии, во время Первой мировой войны был добровольцем в сербской армии. Его потомки до сих пор живут в Малом Блашко и Слатине.

лее старые переселенцы пришли из Герцеговины и Черногории, а более поздние — из северной Далмации, Лики и из холмистых районов западной Боснии (согласно [Поповић 2002: 19]).

Согласно общей классификации (см.: [Драгичевић 1986: 226–228; Ивић 1996: 146; Драгичевић 2001: 86–87]), говор района Слатины принадлежит восточной разновидности северо-западной ветви восточно-герцеговинского (герцеговинско-краинского) диалекта. Этот говор до сих пор не был предметом подробных диалектологических исследований. Значительный диалектный материал из родственных говоров находим в работах, посвященных змианскому говору [Петровић 1973], западнобоснийским иекавским говорам [Дешић 1976], иекавским подкозарским говорам [Далмација 1997] и сербским посавским говорам между Врбасом и Укриной [Козомара 2016], в которых главным образом рассматриваются фонетика, акцентология и морфология говоров упомянутых территорий.

Наши исследования этого региона отражены в двух десятках публикаций, в которых мы в основном рассматривали лексику духовной и материальной культуры⁴; кроме того, в студенческие годы в этих краях мы собирали диалектный материал по программе Сербского диалектологического атласа.

Учитывая результаты исследований в упомянутых и некоторых других работах⁵, а также собранный диалектный материал, на этот раз мы сосредоточим внимание на синтаксисе глагольных форм слатинского говора и определении места этого говора в герцеговинско-краинском диалекте как компактной диалектной общности.

2. Материал

В области глагольного синтаксиса выделены основные черты, а также менее распространенные особенности, которые указывают на связи с другими говорами штокавского северо-запада.

⁴ Список публикаций до 2017 г. см. в [Савић 2017: 995–996]; далее см. [Савић 2022a; 2022b].

⁵ В систематической библиографии трудов под названием «К библиографии диалектных текстов, опубликованных в Республике Сербии» (*Ka indeksiraњу дијалекатских текстова публикованих у Републици Србији*) Б. Марковић классифицировала работы по диалектам, которые они описывают, и в том числе работы о герцеговинско-краинском диалекте, опубликованные с 1938 по 2017 г. [Марковић 2020].

2.1. Инфинитив

Слатинский говор характеризуется хорошей сохранностью инфинитива, что характерно и для других западных сербских говоров (ср. [Дешић 1976: 292–302; Драгичевић 1986: 189–193; Петровић 1973: 173; Петровић 1978: 137; Црњак 2019₁: 213–214; Црњак 2019₂: 520–521; Црњак/Козома-ра 2017: 398–400; Цукут 2021: 128]).

Занимаясь дистрибуцией инфинитива, мы уделили особое внимание его употреблению в функции дополнения при глаголах и оборотах неполного значения, а также при различных полнозначных глаголах в составных глагольных сказуемых моносубъектных предложениях, его заменимости *да*-конструкцией в определенных синтаксических позициях и т. п.

Как и ожидалось, эта глагольная форма последовательно сохраняется в «будущем I», т. е. не зафиксировано ни одного примера с «футуроидом», функционально-стилистически маркированной формой «будущего I» с конструкцией *да* + презенс, обычной для сербских говоров на территории Сербии:

Ако нека цура у^ати јабуку, она *ће се* догод^не уда^т; А сад^т *ћу* вам *опричат*; шта ја знам кога *ћ*^у ја *пита^т* ко је то над^ио име; сутра *ћеш* ти и ти то и то *рад^т*, а ти *ћеш* то, а ти *ћеш*, снајо, то, а ти *ћеш помоћ* овде стопан^{ци}; ил *ћеш^о* га ти *довести* за своју сопру; зна се ка-*ћеш* *клат*, ка-*ћеш* *нос^т*; никад ништ *неш* *имат* пред својом кућом: ни рода, ни порода, ни класа, ни жита, ничега; ако немаш ти сјене своје, не в^диш је, за год^ну дана *ћеш умр^јет*; са-*ћ*^емо *пјеват* како је мајка Краљев^{ћа} Марка питала зашто се не жени; Па то *ћ*^ете Ви *снимат*; Ма шта *ћ*^у *пјеват*; Ја *ћу* *питати* њи.

Инфинитив как часть составных или усложненных глагольных сказуемых моносубъектных предложений с модальными глаголами *морати*, *моћи*, *смјети* и *требати* употребляется почти последовательно, причем с глаголами обоих видов; в этом отношении положение в говоре не отличается от общештокавского [Стевановић 1935: 285]:

Млада је *морала* сваку вече *прат* свекру ноге; Па *морала* *дон^јети*, већином онда стари људ^и су пуш^ли на луле, *дон^јет* угљен са маш^{ца}ма да припали свекар лулу; *мора* *сић* с коња и *прекрст^т* се и *саг^т* се да униђе у цркву; *мора* се *рад^т* јер треба рад^т; Оно брашно с^е прореди за чес^нцу и укува се и онда испече се и истом док сване – *мора бит* печено; Лазар^{це} *мораи* *накит^т* свачим, свашта им *мораи* *мет^т* на њих вако; *мораи* *повад^т* крв, мокрећу, па оне све налазе, па по тијем налаз^{ма} *ић^у* је те опреми; ал *мора* *преп^уст^т* на решето па чисто зрно *дон^јет* и *дат*;

саме зоби *мораиш дотјерат* макар двије вреће; *мораиш* прије подне *доћи*, *ручат* и *очитат* кот куће то, *обав^т* своје; *мора* га *наћ* на путу;

У стара доба вјеровало се све, па и то да *се може* човек *повампир^т* кад умре: *може се претвор^т* у нешто и *приказат се*; У нас причају старији да *се море увукотлач^т*, да *море помислит^о* да је неко усто мртав па *пре-паст се* себ^н; *мореш осуш^т* сир па онда га *стуцат* и *усол^т* и *остав^т*; Па кад је она *могла* за своју дјецу *мол^т* се Богу и *послуживат*, па морем и ја; Жут^нца *се мор изл^тјеч^т*, а туберколоза *не море*; *Море бит* ко шен^нце зрно, а *море бит* чак и ко куруз и ко љешник; *моремо* ми *доћи* вама или *морете* ви *доћи* нама; и ти онда *мореш* с њом и *умит се*, и *мореш тро-ш^т*; кажу да *може се* и *осјећ* па *намазат* са јесенцом; боли све, *не може јест*, *не може пит*; *Не меш* ти то све *упамт^т*, заборави се; Ја *сом могла ић* свом сину сваке год^не, ал *не меш* ти *остав^т* кућу и *ић*;

Ако оде на брање која, она *није смјела остат* на вечери, него дође кућ; *не смијеш* ти *з^нјеват* у цркви, нег^к само *мол^т* се Богу; никад^т се чаро^нице *н^нјесу смјеле изброј^т*; Није *се смјело рад^т* поред пута. Па *није се смјело* ни *ић* јавнијем путем, ти *нису сми^о ић*, треве те муслиман на коњу, на-оружан, са дугијем ножом, и ти, ако нећеш се склонити, море рад^т све што оће о-тебе, ил те посјећи ако му је воља; *Не см^нјеш ић*, бања је опас-на; *Није смјело се нос^т* о-Турака обдан; *н^нјесу* никад *смјел ић* сви скупа; *није с^о* онда *смјело говор^т* пред младежи срамотну р^нјеч; може бити да су те слике побацине почетком Другог свјетског рата јел *се нису смјеле наћи*; *није се смјела вода задржават* на путу; то *се не см^нје купат* и *ква-с^т*; ако ја *смијем* то *говор^т*;

И данас бар трипут *треба поклепат* косу, а *оштрити* по потреби; након два мјесеца *треба* курузе *обрати*, па *свести* неђе у неку шталу, па *опе-рушати*; За гуштера, ак уједе, каже да је отровнији од змије и да *треба пребројат* пун вар^нћак прове да б^н оздрав^нјо; Сва су та његова дјеца че-стита и добра дјеца, ал двад^сет и тро^е дјеце *треба знати обућ*, *одјети* и *наран^т*; Три чес^нце *треба укуват* јер ведко је домаћинство било; *треба* право *рећ*, *треба бит* искрен; Ми *б^н требал^н* имат топ, на Ускрс да пуца; *треба го^ор^т* пра^о; кад ниси нам данас отвори^о, *не требаиш* ни *жив^т*; И тога положника *треба нажит^т*; прије него што сунце гране, *треба* трипут око софре *обаћи*.

Однако отмечены и примеры сочетания *да* + презенс, в основном в предложениях с выраженным агенсом:

Сви ти обичаји, кад који треба, он *мора да нагласи*; Она је *морала да одлежи*; *не мора* све три дана *да сто^и*; *мора се* обичај *да се изврши*; јој,

шта ћемо сада, Света Петка, морамо да слаavimo; То је све морало да буде остругано, уређено;

Лежи непокретан, годнама пати се, не мере — *море* нешто да поије, ал не може рукама својим⁶; *морем* данас да ја тојко упамтим; *море* да пане контра па да буде добра годна, а *море* да пане како треба па да буде лоша; продају једноме човјеку богатијем, који има пара да *море* да купи; *море* ил да *страда*, да *цркне*, или да *оболи* о-тога; *Морем* да *рекнем* име и рођење своје;

д'јете свако *треба* да има то; онај који *треbam* да *будем*; објави се ка-*требају* да иду; *треба* жена да *роди*; она *треба*, овај, под^т хитно да *иде* у р^нјеку.

Синонимичен глаголу *требати* глагол *ваљати*, который редко при-соединяет дополнение в форме *да*-конструкции:

Они су се крили, као, рачунају неки обичај био да *се* не *ваљају* *избројит*; *ваља*, каје, *засир^т*^о дјетету једноме; *ваља* *пон^т* чаш^тцу ка-ћ^е се *закува-*ват *чесн^т*ца;

Није *ваљало*, и домаћ^тца тамо-вамо, и *да* *се* *врата* *отворизају*, него *се* *врата* чак и прикључају.

В сочетанији с утврдителъными и отрицательными формами глагола *хтјети*, употребленными в значении *бити готов, спреман, имати обичај, навику* ('быть готовым, иметь обыкновение, привычку'), в материале отмечены обе синтаксические модели, причем *да*-конструкция преобладает:

Ал бил^т су поштени, нису *ћели* *украст*, сам ишту; долазе ти гости, *оћ^т*и нас *прим^т*; То продамо, који је *оће* *куп^т*; *Оће* *ручат*, ако ћеш понуд^т, оће све; А није *ћио* мом *ћеду* *дат*; мислим да је *ћио* *украст*; старији људи и сад *оће* *запјеват*; На пример, онда који *неће* *украст* и који су озбиљни; њега *неће* који *оће* *сакр^т* ил *превар^т*; Па како је ко себи одредио коју *оће* *избаит^т*; Него, *оћете* л ви *пон^т* нешто, момци;

Ал *оће* *да* *има* там, направ^{ће}; *неће* *да* *одјашу* коња, нег^к са коња с^тјеку; На Божић, на уранак, ко *оће* *да* *дође* на свету службу; Ако *ћ^{те}* то *да* *чујете*, тако је било; *неће* *да* *униће* у кућу стока; *нећ^е* он ни *да* *пуши*, није ни пушио; и опет увати којко ти *оћеш^к* *да* *унесеш* кући; Кад он *нећ^е* *да* *отвори*, и он^т там стоје пре^т-ћом и мало галаме; Ко *оће* то *да* *обавља*

⁶ Предложенијами этого типа выражается неспособность субъекта к выполнению некоторого действия.

тако редом, он то нагласи; Па слабо уче, *неће* они то *да уче*; она *седа* у другој соби, *неће* вам *да иде* у госте; Љубо *оће* ове *да почасти*; сад има плугова кољко *оћеш*, ал *неће* нико *да ради* ш њима; *оће* поп *да вјенча*, наро^а дошо, али нема момка, нема *ђувегије*; Једни *оће* пара, а једни *оће да под^ајеле* жито; *Нећу* ја *да рекнем* „убра ме“, *оћу да рекнем* „убра ме“, оно селјачко све; ал *неће* момак *да иде*.

Последователно употребљається и инфинитив с модальними глаголами в широком смысле, обозначающими говорение, мышление, ощущение, восприятие, некоторое желаемое действие, повторение некоторого действия и т. и.

Больше всего примеров отмечено с глаголом *знати* в значении *умјети* ‘уметь’, в то время как фиксации с глаголом *умјети* гораздо более редки:

Знаво је срезат кров на кућу, куће ове риговане *прав^ати*; Има исто људи и жена ко^и с^у се стављал да *знају л^ајеч^ат* мјесто љекара; Она *је знала* нешто *одбрајат* кад уједе змија; И то с^у једне старије *знале* нешто *бајат*, *одбрајат*; тај мој син *зна читат* славу; Вида покојног Васкр^сје то *зна прав^ат*; нит шта *зна бесед^ат*; Ал кад^т сам мало порасла, онда *смо се знали* и *обућ*; ко *зна свират* кокоњешће и срем^аце; Иду и још^к двојица ко^и *знају набрајат* и *коледат*; вјерујте да ја вама то *не би знао казат*; мораш^к *знат одговор^ат*; боље с^у то *знале рад^ат* оне; он *је знао* и *калем^ат* и воће;

Ја *не ум^ајем рећ*; ја *не ум^ајем* ни *казат*.

Глагол *знати* иногда употребљається в значених *обичавати* ‘иметь обыкновение’ и *догађати се* ‘случаться’:

бан *је знао долаз^ати* па *ос^аједат* у том хотелу;

зна се цура с прела *заборав^ат*; Па пуно се играло, пило се, пјевало се, некад *се зна* и *потућ*; *знало се* и у нас *облиз^ат*.

Когда информатор хочет выразить глаголом *вољети* значение типа ‘желание’, отмечаем примеры с дополнением в инфинитиве и с *да*-конструкцией. То же и с глаголом *жељети*:

Муж ми је би^о вр^аједан, вако што се тиче, само није *вол^ајо куповат* и *продават*; И туј *најволим отић*; А *вол^ајо би још^к жив^ат*; да *је вол^ајо* неке провале *направ^ат*; то *вол^ајо осоват*; а она *волла соват*; Она *је пожељла вид^ат* унуче, ал син и сна не моглоше доћ;

било је тије људи ко^и са стране *воле да броје*; некако ми је боље кат постим, и *волим да постим*; Ув^ајек *сом жељао да имам челе*.

В районе Слатины инфинитив используется почти исключительно как дополнение к глаголам *бојати се*, *видјети*, *дати (се)*, *заборавити*, *имати*, *(-)мислити*, *наканити се*, *наумити*, *(-)учити*, *одбити*, *одлучити*, *покушати*, *стићи* и т. п. У большинства этих глаголов наряду с полнозначными употреблениями есть и модальные:

бојо сам се унић тамо; *нек се види гребенат*; *не видим удјет* конач у иглу; о томе *би се дало пуно и пуно причат*; *не даде м^н се питат* је за мустру; *заборав^љо сам ја* ђеда *питат*; Прије нико није закључаво куће, ја и сад некад *заборавим закључат*; *заборав^љо врат^т* њему врећу његову; Рачићу, *би л^н м^н имо* једну врећу *посуд^т*; Имам ти нешто *рећ*, ал да ме не одаш; свега *сам* двије *мисли^о* *укалем^т* и *посад^т*; *ко је мисли^о бро^уити*; и она, тако стара, *накан^{ла} се отић* сину у Р^нјеку; ја *сам* то *наум^{ла} ура^дт* и *нећ^у* одустат; *науч^{ла} сам плест* ко д^нјете; *није науч^{ла}* ништ *рад^т*; Ми млађи *нисмо* сами *уч^{ли} правити* тамбуре; Она *је одлуч^{ла} отић* и готово; ја *сам* *покушо прав^т* и *успи^о* сам.

Употребление инфинитива преобладает и при глаголах неполного значения, которыми обозначается фаза некоторого действия в составном глагольном сказуемом, а *да*-конструкция отмечается только как исключение:

*Почеше прав^т*ти зване парне котлове; Село *почело горат*; Па узмемо маказе, ошишамо у прољеће, пре-Ђурђовдан или по Ђурђову дану, кад *почне пригријават*; Склонемо на крај шпорета и тако сто^и, док *се* сур^тка *не почне одвајат* од сира; *ка-сам престала држат* у трнкама челе; парт^нја ј^е то почела, поп... *престо долаз^т*; Да, онда *је прекино* вам *ић* Турчин, *насиље прав^т*; Сузе плуште, ја *зинем пјеват* на сав глас Божи^и- с тијем сом се сачувала, да живим кашње својој дјец; кад тамо вршемо, стигне решето па даље *настав^{ло}* опе *решетат*; ал она онда *отекаси плакат*; *заузела* за своју дјецу *мол^т се* Богу и *послуживат*;

Ка-ће поп *почет* свету службу *да чини*, *да обавља*, *да врши*.

Кроме приглагольных употреблений, инфинитив как дополнение отмечается и при выражениях с неполным значением с существительными, прилагательными и наречиями, а *да*-конструкция появляется здесь лишь спорадически:

Кажу да *је добро* *исц^нјед^т* иш ч^уваркуће онај сок, *ууст^т* кап у у^о; И код нас причају да *се није добро* ни за што *клад^т* – нароч^то ноћу *клад^т* *се* па *ић* у гробље; *кажу да се није добро* *клад^т* ништа; То *прије није било лак* *се преувадат*; *Није се* ни *лако ожен^т*; *Лакше* то *вући* и лаганије

на лагер^{ма}; То му је први пут вид^т цуру; Ја сам би^о јаки дизат онај сач; љепше по^т чаш^{цу} ракије уз то; вр^јеме је кретат; у она времена тешко је било богаство разавити; шта је корист причат – било и нема;

и сад би би^о рад даодго^{им}; он није имо вољу да се вјенча с њом; Али било је питање ако он није би^о моћан да управља са кућом или имовином.

Инфинитив более частотен и в функции дополнения к отрицательной императивной частице *немој(те)*:

Немој се обзират; Немој то рећ; немо-је пал^т; Немој мога вољети голуба; Немој ти мене тодко изазиват; немој се посјећ; немој сјед^т на земљи – прелади се;

немој м^н ниједне да прескачеш по реду; немој да се пос^јечеш.

В отличие от литературного сербского языка, где использование инфинитива в целевом значении ограничено и обычно является признаком разговорного стиля или регионализмом [Пипер и др. 2005: 811], в нашем материале целевые конструкции с инфинитивом при глаголах движения широко употребительны, как и в других диалектах западной части штокавской зоны (ср. [Дешић 1976: 297; Драгичевић 1986: 191; Петровић 1973: 173; Петровић 1978: 137; Црњак 2019₁: 214; Црњак 2019₂: 522; Цукут 2021: 128–129]), наряду со спорадическими примерами *да*-конструкции:

Ка-се осуши, онда се купи и *гони трпат* око строже; Не мог ја *ић плакат* ко неко у општину, у мјесни уред, у штокуд... *ић плакат, мољакат* оће л м^н дат да поијем; позво исто попа Пеју Иванков^{ћа} из Горње Јошавке да га *дође причест^т* пред^т смрт; Нешто је наплаћиво, а нешто је даво да *дође рад^т*; И та-је бадњак кад *сједемо вечерат*; није се могло *сјести јести, ручати*, заправо *вечерати*, док није стари дида усто; ми *одемо* даље *вр^јети; поћу зват* у сватове; Е онда *има прао ић причест^т се*; то је припремало тодко, само *отић вид^т* како је; и мушки *иду ватат* омају; *Иде* са свекром ил са заовом, дјецом *спавати*, док се не вјенча;

И *дошо* Млађан њезин *да проси* (Милку); И кад *сједаш да једеш*: „Боже помози, Боже дај рода и берићета“; Нешто оставе тамо, а *оду да донесу* од оног што је тамо било; па окрени доље онијем путем према Сав^ћима, сам да *одеши да видиши*; Ја *дошо да кажем*, каје, ја се женим.

Инфинитив отмечається и в полисубъектных конструкциях, чаще всего при глаголах со значением желания (ср. [Дешић 1976: 299; Црњак 2019₁: 214; Црњак 2019₂: 522]) или при каузативных глаголах:

Д'јете, лила се зуб, а оно *не да извад'т*; д'јете пишти, *не да се ни окупат ни прев'т*; *Не даде ми проговор'т* ниједне; *Није м' дала зуба об'јел'т*;

или ми дође нешто *помоћ урад'т*.

Рассматриваемому говору свойственна и аналитическая конструкция за + инфинитив, соответствующая конструкции с экспликативным аккумулятивом в литературном языке (ср. [Дешић 1976: 292; Драгичевић 1986: 192–193; Петровић 1978: 137; Црњак 2019₁: 214; Црњак 2019₂: 522]):

Оно што је било *за продат*, то с' продали; И лонце земљене смо имали, и шерпе *за мл'јеко куват*; А будак је, будак је *за копат*.

Широкая представленность исторического инфинитива (*infinitivus historicus*) характерна для западных сербских говоров (ср. [Дешић 1976: 292; Драгичевић 1986: 189; Петровић 1973: 171–172; Петровић 1978: 136–137, Црњак 2019b: 522]), и он ожидаемо часто встречается и в нашем материале:

Па прало се на обрамен'цу, па *ић* у р'јеку, па *прат* у р'јец; ал сам зуб'ма *начет* чешаљ лука и оно *помазат* – каже, вјештица бјежи о-тога; *Није то било калем'т* трешања ко данас; Сутра *ић* по бадњак, ал *отић* на Туциндан (...), *одлећет* један од мало одрасли'их, *вид'м* ће има цер; *Окит'т* стање, *окит'т* штале, *окит'т* кућу, *окит'т* све што имаш, на пример, свађе *позад'јеват*. Е ондар мотке љескове *криш'т* па по љет'ни, по њивама, на пример, *ић^б задјет*; Ковртањ се куво овако, па *ић* на арман, *лом'т се* на Мали Бож'ћ; то *спрем'т* свега и *одн'јет*, и ти људи, познаници, један другога зову, и то се онда пије и једе, и то се зову масла; и имаш тучак: и *туцат* и *сол'т*, и *туцат* и *сол'т*, и *туцат*, и помало *зал'јеват* мл'јеком ц'јелијем.

2.2. Презенс

Употребление этой глагольной формы в говоре района Слатины в целом не отличается от ситуации в литературном языке. Приведем здесь несколько интересных деталей.

Таково употребление презенса глагола *бити* 'esse' в значении *налазити се* 'находиться' (ср. [Петровић 1973: 177; Петровић 1978: 138; Црњак 2019₂: 522]):

А није то само једно у кућ, нег по дванестеро *буде*; Мало се простре доље по кући, *буде* ту до Малог Бож'ћа, не диже се; напр'јед стои св'јећа и домаћ'н за св'јећом, а ми сви остали озад *будемо*; дође и он туде, *буде* преко љета.

В диалектном материале опускается энклитическая форма вспомогательного глагола *јесам* в позиции после союзного *ђе* 'где':

Искупљало је се *ђе* простренија кућа; У то вр⁷јеме општ⁷на била онде *ђе* сада Адамића кућа; *ђе* тврђе, будаком копаш; А *ђе* равно, оре се са плугом дрвенијем; ја не знам *ђе* Мира.

Нами отмечено и два не ожидаемых для этой территории примера конструкции, состоящей из утвердительной или отрицательной формы презенса глагола *хтјети* и презенса полнозначного глагола [Дешић 1976: 302, Петровић 1973: 155⁷]:

То је црквено, а ти *оћеш правиш* кречану; а синови слабо, слабо – *неће слуша* ниједан.

В рассматриваемом говоре зафиксирована и пассивная форма презенса (презенса глагола *бити* / *будем* + страдательное причастие) в функции выражения будущих действий, соответствующая «будущему II» в сербском литературном языке (см. [Пипер и др. 2005: 385–386]):

И кад курузи *буду загнути*, остану, расту, одметну се до бербе; тако да *буде* и догодине *доч⁷кано* у здрављу и веселу; Треба три пут око софре обаћи, по ономе обичају, а да руке *буду свезане*; То све *буде уређено*.

Весьма широко представлено в диалектном материале и настоящее историческое (*praesens historicum*), живое употребление которого характерно и для современного литературного сербского языка. Все примеры, приведенные ниже, описывают действия, отличающиеся присутствием компонента экспериенциальности. Использование этой формы представляет прошлое действие как нечто, что происходит перед нашими глазами, — рассказчик воспроизводит события, в которых он участвовал, или же речь идет о событиях, о которых он знает опосредованно, по чьему-то свидетельству. При этом *praesens historicum* не отмечен в самостоятельном употреблении, а чаще всего появляется в комбинации с перфектом в более широком нарративном контексте:

А ми, Васо, *напасемо* краве и онда, три сата близу, онда *се* мало *средимо* и *идемо* у коло. То је било близу куће, није то далеко. По дану. И момци *иду* са све стране, *криште*,и онда није било хармун⁷ке, него на муз⁷ке мале,

⁷ Отмечая, что это синтаксическое явление относительно широко распространено в говоре Змияня, Петровић указывает, что оно известно и говорам Трстеника (Сербия), Ливаньского поля (Босния и Герцеговина) и Буковицы (северная Далмация).

ал цуре кад *запјевају*, то *нема*, то *се* само *криштити*, са све стране момци, и *игра се*, *прича*. Ко с ким *оће*, *изводавају се* там по њиви, мало *причају*;

Сир сом сир^{ла}. *Остави се* сириште од крмчета или од говечета, ил од овце, па *се* оно *осуши* и *стави се* сур^{тке} од^т сира у оно и *укисели се*, и то *се сал^{је}* у мл^{је}ко. С тијем *се усури* и онда *се замота* у крпу од газе, и *стави се* одозго дрвено, *зове се* данце, и *притисне се* са каменом, и то *се исц^{једи}*, и онда *се стави* у неку канту или у кабо неки дрвени, и то *се укисели* и *једе се*;

Било и жут^{ца}. Па *иду* љекару, па ко *има* дукат, *стави* у воду и *купа се* у вод^ц, *узме* ону воду па *купа се* два-три пута, па *вели*: престала је жут^{ца}. *Оду* љекару исто. Нешто *доб^{ју}* од љекара, нешто о-те воде и *изл^{јечи}* се (по [Савић 2017: 1060]).

Покојна кума Лазарка је знала кад змија *уједе* човјека, онда *се*, каже, брже-боље *узме* неке шпаге ил неки појас па *се превеже* т^{јело} изнад, да *не иде* према срцу и горе у т^{јело} даље она погана крв, и то *се* добро *стегне*. Онда она *узме* иглу на ватру, па *нанесе* на врућу ватру ону иглу, да *се* добро *угрије*, па онда *узме* оном иглом па све оно т^{јело} *избоцка*, *избоцка* куд *је уједено*, и ону крв сву *истискује*, *истискује* и нешто *одбраја*. И тако човјек *оздрави*, *не буде* му ништа. А тако исто и за стоку, за овцу, за краву, за све. Исто је тако боцкала оно мјесто и ону крв истискала, истискала, и *преболи* и ништа *не буде*, *не крепа* од уједа змије (по [Савић 2017: 1062]).

2.3. Перфект

В говоре района Слатины часто употребляется усеченный перфект (без вспомогательного глагола. — *Ред.*), придающий рассказу впечатление пережитого⁸ (ср. [Дешић 1976: 302–303; Драгичевић 1986: 193–194; Петровић 1973: 173–174; Петровић 1978: 139; Црњак 2019: 215; Црњак 2019₂: 523]):

чо^{ек} јој *погино*, врат^{ла} се, *довела* д^{јете} овде; то мен *било* слатко ко ше^{ер}; Четрес људи у селу *погил*; Ал *биле* дрвене оне посуде; У котлу *ку^{ала}*, на веригама; *Долаз^{ла}* ћи из Добоја сваки други дан; *Ишла* са снајом и са дво^е дјеце снај^{не} и синовске; ено *дошла* црква сама; Обичај таки *би^о*; Каже, одседла, сам *от^{шла}*; Он све *знао* рад^т, и бурета прав^т; ја *ишо* ш њиме, он мене *узео* као зета; Ја млад *би^о*, *имо* једно два^{ест} година, *ослуж^{ио}* армију; Они *остали*, Ратко онај *от^{ио}* у Београд; И сад он ту газда, а Лука *из^{ио}*; Оно *било* све Ђорђино; Она *гледала* у виленску кост,

⁸ Т. е. экспериенциальное значение. — *Ред.*

женама бајала, казивала шта је и како је; *Лов^ули* зечева, *лов^ули* лис^уце, патке; Ал није *ћи^о* њега, него онога *запони^о*; *пропо*, посл^ује *одо* овуда, *ишо* Ђурђу тамо; Ната *била* госпоја, то није било наке fine жене и госпо^е.

Как и в презенсе, в перфекте опускается энклитическая форма вспомогательного глагола *јесам* в позиции после союзного *гдје/ће*, что, впрочем, может быть результатом фонетического преобразования *је је > је е > ђе* и *је су се > је с се > је се*:

доље је била кућа управникова, *гдје* и *живи^о* и остајо и преко зиме; Седам дана је би^о у кући *је умро*; Уче Ђурђевдана би^о у нас обичај у Ш^ушњар^ума сад^ут крст у свакој њиви *је посијана* љет^уна; И стожер, *је се везал* коњи; то било раније, *је било* дјече; и нос^ујо се... нека тацна *је се куп^уле* паре; па би^о амбар *је жито било*; Има клепало испо-цркве, *је укопан* стари поп Пејо.

С помошћу перфекта без вспомогательного глагола выражаются и модальные значения, чаще всего благословения, но также и проклятия:

Жив^ула ти серми^уница и у кући ти била сва мушка дјеч^уца; *живи^о* и *весели^о* се; *Слави^о*, не *остави^о*, *имо* с киме, а *имо* и ш чиме; *родила* ти година, *родило* ти брдо и долина; дабогда ти *родила* љетина; ко му зло *мисли^о* дабогда о штрику *виси^о*, тог *би^о* маљом и кантаром пред његовим амбаром.

Исключительно частотны безличные употребления перфекта в нарративе, что свойственно и другим западным говорам (ср. [Дешић 1976: 303; Драгичевић 1986: 194; Петровић 1973: 152–153; Петровић 1978: 139; Црњак 2019₂: 523; Цукут 2021: 129–130]):

И *покривало се* са поњавом; *укоч^уло* га, шлаг га трев^ујо, *засукало* га; то *је све направ^уло* нако како је прије било, и ексере оне исте *повад^уло*, све *осјекло* и само главе *удар^уло*; *дрмало је* по ц^ујели дан, она младеж; *Љуб^уло се*, и старо и младо иде; вав^ујек *се викало*: „Кристо-се роди“; како је рат би^о, *уки^уло* звоно, *одн^ујело*; Одмалена *се истргало*; касно *се жен^уло*, касно се дјеца с^ујецала; *Поудало се*, *пожен^уло се*; кад тамо вршемо, стигне решето, па даље *настав^уло* опе решетат; И так ти људи, познаници, све то *вод^уло* за сопре и *нуд^уло*; и *причешћивало се*, то да; Ух, то *је припремало* то^уко; Више овда *није долаз^уло* из Пр^уједора вам да дође; *Пуцало* по дес^ут пута; *уки^уло* звоно, *одн^ујело*, онда ј^е тај звоник *пропо*; *от^ушло* по св^ујету; тујка *је набијало* сачеве вруће на главу, а веригама *опасивало* на огњиште, на ватру.

Отмечаются и необычные примеры безличного повествовательного перфекта:

па *ложито* онде ватра; па *направито* брвна; и једно вр^нјеме *стерато* сламе.

Энклитическая форма 3-го лица *је* иногда употребляется перед *се* в перфекте возвратных глаголов и рефлексивного пассива:

постављала је се софра; И зава *је удала се*; Она *је се расплод^нла* доље, у онај крај села; не знам како *је се звала* та фамилија горе; *Искуљало је се* ће простренија кућа; осјетиш да *је затун^нла се*; служба *је се врш^нла* јутарња; И ка-су вјенчали, мало *је се* момак *смир^но* – тек је онда види^о цуру; Идеш, косиш, и док осјетиш да *је затун^нла се*, станеш, намажеш водом и брусом; Биле су поклјуче што *је пита се поклапала*; Гљиве исто с^у правите и све што *је се замис^нло* од тих артикала; То *је се гатало*; То *је се звала* код нас стопаница, неће мајарица.

2.4. Аорист

В отличие от имперфекта, который в рассматриваемом говоре появляется только как исключение (поэтому отсутствуют его подтверждения в полевых записях), системное положение аориста гораздо стабильнее, при этом его употребление не отличается от литературного языка. Все примеры, приведенные ниже, выражают экспериенциальность (ср. [Петровић 1973: 154]):

Јој, било је јасно, Боже сачувај, ал *однесоше* га. Уз онај рат *скидоше* га и *однесоше* и никад више; Неко вади преко двадесет па *изгореше* уста и све; Каже, оно мало *би* кад флаш^нца пуче, ко да пушку *опали*. Пуче флаш^нца. Чим флаш^нца пуче, а ја се, каје, сакр за сѣк куће; Касније, једну два^нстак година, *усаври^нше се* мајстори ти казанције, *почеше* прав^нти зване парне котлове; *Упита* га остарјела мајка; Сви *се* стари^ни и млађи о-тебе *ожен^нше*; на Блашку *не би* преснаца; *не би* ником ништ, све *до^не* кући; Онај стари, како оно *би* име.⁹

Интересную особенность безусловно представляют примеры употребления аориста для выражения будущего действия, где присутствует сильный модальный компонент:

⁹ В говорах, сохраняющих имперфект, данный пример был бы употреблен с этой глагольной формой. Он подразумевает, что говорящий ранее (в некоторый момент в прошлом) знал, как зовут того, к кому относится вопрос. Аналогичные конструкции с перфектом (*Како му је било име?*) подразумевают отстраненность говорящего по отношению к слушающему, поскольку в них нет экспериенциального компонента, который сохраняется в форме аориста.

он не мере стић све, *утекоше*; Данас имамо више и стоке и свега, а само *изгибоше* радећ; Каже: „Збогом остај, домаћне, фала“ и одма *одоше* другој кући; Крију се да се не могу избројт, и тако од ове куће *одоше* другој кући; Оне ће доћ, живе у лугу, иду прво крај нас, па *одоше* у Бошков“ће; кад прије дођу, онда исто благослове и *одоше*.

2.5. Плюсquamперфект

Как и в других западных штокавских говорах [Дешић 1976: 269–270, Драгичевић 1986: 166; Црњак 2019₂: 524], эта глагольная форма употребляется только с перфектом вспомогательного глагола:

И сад *је* то *било* *почело*; А она сестра средња, она *је* *била* *остала*; Отац ми *је* *би'о* четрнесте *о"чо* у рат; Туде *су* *били* *преузели* њих; један *је* *би'о* *одо* по презећ"ма; он *је* *би'о* *заступи'о* деду као домаћин, а његова је жена била домаћица.

2.6. «Будущее I»

Наряду с литературным употреблением «будущего I» (*И тако да сам направи'о сам знања толико да ће ми сутра бити жао ако умрем, а није моје знање предато другом; А млада, ако је паметна, штоно каже народ наш, она ће се сагит и преглеат да л има машица, па ће онда ић даље и т. д.*), в нашем материале часто встречается нарративное будущее, котрым выражаются прошедшие события (ср. [Петровић 1973: 178; Црњак 2019₂: 524; Цукут 2021: 130]):

Није вол"јо куповат и продават, а све *ће* *урад"т*; И једна *ће* жена *бит...* и са *ће* се она *заин"коват* са једнијем момком у селу; и онда, кад је дошо поп, онда *ћ"мо* ми *постав"т* ручак; Са-*ће* се *спрем"т* тај отац од младожење, от момка отац, *узеће* још једнога са себом, свога комшију, *појаш"ће* коње ако је то даље, и на коњ"ма *отић* и као да запросе. И ако бегенишу дјевојку – оће, неће, мораће. Ако добре воље оће, *врат"ће* се назад, *покуп"ће* сватове и *отиће* по дјевојку; Туј кува, и онда *ће* *прекрст"т* онијем љесковијем младицама, оном ресом, брашно, па ће онда, тамо затопила воде, па *ће* *зал"ти*; Е кад дођу ис цркве, онда *ће* ручак *постављат*; И онда *ћ"мо* поп *траж"т* о-својје старијје, знаш, да то иде; И онда туј *ћ"мо* *ручат*, а онај вишак продамо и паре под"јелимо.

В одном этнодиалектном тексте отмечена необычная комбинация нарративного будущего и исторического инфинитива, представленная в нарративной цепочке:

И ђед, ко стари^и чо^ек, у прољеће *ће умр^ијет*. *Умр^ијеће*, и кад је намири^о сто пет^а година, позво попа, леґо на простирач, онда се пости^о пост, седам недеља *пост^ит*, нећ^е он ни да пуши, није ни пуши^о. Него *пост^ит*, па на Ускрс ја^е *разбит* о-чело. И *огул^ит* то ја^е како треба и *умоч^ит* у луг и у со, и онда, онда *дон^ијет*, *отић* у своју зграду, стриц, син његов, донесе буцу ракије и л^ијепо *ће нал^ит* њему чашу, онда *ће запал^ит*. *Запал^иће* и *понт^ит* чаш^ицу ракије, ал једно три пута *се прекрст^ит*, па *ће пон^ит*... Лулу црвену, ону земљену, *дон^ијет* и онда *ће запал^ит*. Богу *се мол^ит* сваку вече, ја сам уз његова кољена стајо и, овај, Богу *се мол^ит*, а неко *насм^ијат се* или нешто *рећу* – ништа.

2.7. «Будушее II»

Эта глагольная форма в говоре района Слатины употребляется нечасто — в ее функции преобладает презенс глаголов совершенного вида: вместо, например, *Јавићу ти се кад будем дошла* почти регулярно *Јавићу ти се кад дођем* и под.

С другой стороны, вместо литературных форм с презенсом отмечены необычные нелитературные конструкции с «будущим II»:

Да *буду имал* свој пород; клепцом по кос^и, ал тако танко да *не буде иштуцала* коса.

В диалектном материале нашелся и один пример пассивной диатезы в конструкции с формой «будущего II», в которой употреблено страдательное, а не действительное причастие:

Ићу, што нећу, ал ако *будем била позвана*.

2.8. Императив

В говоре района Слатины весьма активно употребляется нарративный императив (ср. [Драгичевић 1986: 196–197; Петровић 1973: 178–179; Црњак 2019₂: 525]):

Ту сом спавала као млада: чет^ири сове ударене и пилен^ице поређане, и ту прострта слама и лез. *Простри* некву поњову што ткају жене и ту лез; То је било некада прије: *насиј* ко и шен^ицу и *копај* разоре; Прије је било: *ткај* б^ијел да се покрива; А ми *удри* опе, *увати* коло па *пјевај*; И она онда *одбрајај* у мл^ијеко; ја мало *мрдни*, прозорчић се отвори, ја ону флаш^ицу, каже, у ону ватру *бац*; Овце су биле некада у овчарници, а по лету су били торови, па ограђене вратњ^ице четвере и *сјав* тује, па кад буду јевту тује, *премакн* да торе земљу; Будакуша, биле штијал^ице и то, па *штијај*.

2.9. Условное наклонение

При помощи условного наклонения выражаются различные модальные значения, большинство из которых можно объединить понятием возможности в широком значении. Граница между этими значениями — как в пределах простого, так и в рамках сложного предложения — не всегда очевидна, и без широкого контекста можно говорить только о том, какое значение преобладает (см. [Пипер и др. 2005: 467–469]).

В приведенных ниже примерах эта глагольная форма используется для выражения значения возможности, которое эксплицитнее всего проявляется в случаях, когда в условном наклонении употреблен глагол *моћи* ‘мочь’, и тем самым модальность выражается и грамматически, и лексически:

то ја оћу, да ја знам што *би* ја *говори’о*; Била су тешка времена, н^нјеси ти имо слободног кретања, н^нјеси ти мого бити *ће* си, није то твоја земља, не знаш куда *би* *крочи’о*; Како *би* ја Вам то *казала*, ја не ум^нјем ни казат; *не б^н* *мого* сад^т сјет^т се, то је било давно; не знам ја шта *б^н* он^н њему *рекли*, кад н^нјесам у том колу *би’о*; Сјећам се као д^нјете, како да *не би се сјети’о*; стари родитељу, како *би било* ово или оно; Како је то било, *мого би* препричат; Ка^т *б^н* то *било*, ето среће док сам жив, да видим; ал је то загубљено сад овако, тешко *б^н* то *било* наћ; ја *б^н* вам и сад *мого* показати тајне путеве; чим *б^н* вас још *почасти’о*; не знам ни ја како *б^н* ти *реко*; слабо ја се сјећам, можда *б^н* неко други боље *знао*.

Этой модальной формой часто выражается желание, которое в нашем материале передается глаголом *вољети* с дополнением-инфинитивом и прилагательным *рад* с дополнением в форме презенса глагола, указывающего, к чему относится желание, или модальный глагол опускается, если он подразумевается из контекста или речевой ситуации:

А *воли’о би* још^ж жив^т з дјецом, (...) *воли’о б^н* жив^т; ја сам имо овде петровњаче јабуке па је то пропало, и сад *би би’о рад* да одго^ним; Ја се узвртим, мој Васо, она је ипак старија, ја *б^н* *ишла* там у коло; а мислим још^ж да *б^н* коју јабуку *укалеми’о*, петровњачу; Дођи, драги, мени преко воде, ко *б^н* те *туко*, тај нема слободе.

В разговорной речи при выражении желания действительное причастие нередко опускается, если оно подразумевается из контекста или речевой ситуации:

И ја *б^н* воде ако *б^н* ми је ко дао; *Би* л ка^у, да приставим; он *б^н* ув^нјек меса, а крува слабо; то су биле, рецимо, пјесме мало и безобразне, знаш, па зато ја *не б^н* *рад* баш сад да причам.

В следующих диалектных примерах выражено значение намерения:

да *би се смјестили*, да *би имали* смјештај, њих су бањалучки Јевреји смјестили овдје у вањске просторије, у бањске павильоне; па ја *ћу* се некако искос^тјер^т како *би* те *обмано* код народа; није било струје и свјетла, а онај је наћвар там одво^{ен} од огњишта да *би* од ватре *се вид^{ло}*; ув^јек се м^јешали да *се не б^у* пребро^{или}, да и(х) *не б^у* познали и *не б^у* пребро^{или}; корисно се окупат на Ђурђевдан рано, прије изласка сунца – ето, због здравља, да *би би^о* здрави^и преко године; кажу, дво^ицу момака оборив^о, док су га трећи и четврти уват^{ли} на тавану да *не би побјего*; И онда оно се запали и гори до близу у^а, сам покрије се у^о да *не б^у* опрж^{ло}; И ашкија је се измакла у шуму и пуцала из пушака да *не би* сељани притркали па да *не би* пожар погасили; Онда онај дјечко што се са њом оклад^јо побјегне, да *не б^у* њој дао окладу.

Условным наклонением выражается и (также) уверенность, что действие будет совершено:

Све *би* то донекле за мог памћења *знао*; ја сам чак говори^о овим младић^{ма}, младим људима, да се мало уче томе, јер то *би била* ипак разонода; Е, то, вјеруј да ја вам *не б^у* то *знао*; *Било би* љешве у средини села и те ствари, али се то, на то слабо ико обраћа; вјерујте да ја вама то *не би знао казат*; Кад гледи у тебе, а *реко б^у* да гледи там неђе на страну.

Эта же глагольная форма используется и для выражения предположения о том, что некоторое действие будет совершено, особенно когда в условном наклонении стоит глагол *рећи* ‘сказать’:

Онда ј^е дошо један Србијанац, ма никад *не би реко* да је поп; Има во^е један Цвијо Петреш, мор бит да *б^у* он *знао*. Мало ј^е послаб, ал мор бит да *б^у* *знао*. Да, да, он *б^у*, ја мислим, *знао*; *Не би реко* да има, изумрло је то одавно; Подмукло све, *реко б^у* да нема живе душе ту у та времена.

Условное наклонение фиксируется и в сложноподчиненных предложениях для выражения условия, от которого зависит совершение некоторого другого действия, а именно в предложениях, синтаксически относящихся к потенциально- и ирреально-условным:

Кад *би* вас, драги људи, *провео* неђе куд^т су биле, па *реко би*; ако *би била* оголита врата, да он море, он *би сјeko* на врат^{ма}; Кад *би* то мени неко *реко*, ја *б^у* *знао*; Ако *би се опазило*, па да *би* род о-дјевојке *навали^о* против, онда туча; сјеме ситнијо него зрно шен^{це} четворо ка-*б^у* га *располов^јо*; ако *б^у* самом рак^јом *прав^л* препечен^{цу}, онда *б^у* *било* мало теже; ка *б^у* ја *дочекала* да будне рат, ја *б^у* *се објес^{ла}*; да сум знала, *сакр^{ла}* *б^у* *се* у под-

рум; Уфат^т и, ако би јаукала, марамицу из цепа гур^т јој у уста и зграбити и одн^тјет је насилно;

Мој синко, да си ти би^о да усликаш тридесет и треће године, ја би ти краву *извео* сада па дао да усликаш сада; Видиш, са^т с^тм заборав^{ла}, а ка^т с^тм сама – онда б^т знала; И да сам метла, не б^т га имала данас.

Готовность к совершению некоторого действия выражается при помощи условного наклонения лишь в одном примере из нашего материала:

и онда ће одрезати дјечи по једну шњиту, оће дјеца, *по^{ели} би* пола ковргања онога, ал треба пон^тјет кући.

Кроме модального значения, форма условного наклонения (глаголов совершенного и несовершенного вида) может иметь и временное — когда она означает повторявшееся в прошлом действие:

Све ко на Благов^тјест кад^т поч^тсте кућу, онда б^т још *стерал^т* сламу; Па није се ништа догодило нарочито ако *би се* чаро^тичари избро^{или}.

3. Заключительные замечания

В работе подтверждаются характерные синтаксические особенности северо-западной части герцеговинско-краинского диалекта, приводившиеся ранее в цитированной литературе. Таково, например, широкое употребление инфинитива при глаголах и выражениях с неполным значением (напр., *мора си^ћ* с коња и *прекрст^т се* и *са^тт се* да уни^{ће} у цркву; *Кажу да је добро иси^тјед^т* иш *ч^тваркуће онај сок*, *упуст^т кап* у у^о и т. д.). Весьма высока и частотность нарративного употребления глагольных форм, характерных для экспрессивного повествования о ситуациях в прошлом независимо от их временной удаленности от момента речи, а именно: исторического инфинитива (напр., *Сутра и^ћ* по бадња^к, ал *оти^ћ* на Туциндан [...], *одле^{ћет}* један од мало одрасли^{јих}, *вид^{им}* *ће* има цер и т. д.), перфекта без вспомогательного глагола (напр., *Каже, одседа, сам от^{шла}*; *пропо, посл^{је} одо* овуда, *ишо* Бур^{ћу} тамо и т. д.), безличных употреблений перфекта в повествовании (напр., *Поудало се, пожен^{ло} се; уоч^{ло} га, ила^т га трев^{јо}, засукало* га и т. д.), нарративного будущего (напр., *И једна ће жена бит...* и *са ће се она зааш^{коват}* са једни^{јем} момком у селу; *Није вол^{јо} куповат* и *продават*, а све *ће ура^д*т и т. д.), нарративного императива (напр., *А ми удри* оне, *увати* коло на *пјевај*; *Овце су биле некада у овчарници, а по љету су били торови, па*

ограђене вратњ^ице четвере и сјав тује, на кад буду јевту тује, премакн да торе земљу и т. д.) и нарративног презенса (напр., *А ми, Васо, напа-се-мо краве и онда, три сата близу, онда се мало средимо и идемо у коло; *И моци иду са све стране, кришите, и онда није било хармун^ике, него на муз^ике мале, ал цуре кад запјевају, то нема, то се само кришти, са све стране моци, и игра се, прича и т. д.).**

Удалось записати и два примера конструкцији, состоящей из утвердительной или отрицательной формы презенса глагола *хтјети* и презенса полнозначного глагола, которая нехарактерна для данного региона (*То је црквено, а ти оћеш правиш кречану; а синови слабо, слабо – неће слуша ниједан*). Наши дальнейшие исследования этой территории позволят дополнительно пролить свет на это явление, а также и на картину говора в целом.

Перевод с сербского М. Н. Толстой

Литература

- Далмација 1997 — *Далмација* С. Ијекавски говори Поткозарја. Бањалука, 1997.
- Дешић 1976 — *Дешић М.* Западнобосански ијекавски говори // Српски дијалектолошки зборник. Књ. XXI. Београд, 1976. С. 1–316, карте.
- Драгичевић 1986 — *Драгичевић М.* Говор личких јекаваца // Српски дијалектолошки зборник. Књ. XXXII. Београд, 1986. С. 7–241.
- Драгичевић 2001 — *Драгичевић М.* Најзападнији српски говори данас // Зборник за српски језик, књижевност и умјетност. Књ. I. Бањалука 2001. С. 79–89.
- Ивић 1996 — *Ивић П.* О језику —// Република Српска Крајина. Зборник радова / ур. Зоран Каличанин. Топуско; Книн; Београд, 1996. С. 143–158.
- Козомара 2016 — *Козомара Д.* Фонетске и морфолошке особине српских посавских говора између Врбаса и Украине // Српски дијалектолошки зборник. Књ. LXIII. Београд, 2016. С. 579–733.
- Марковић 2020 — *Марковић Б.* Ка индексирању дијалекатских текстова публикованих у Републици Србији // Српски дијалектолошки зборник, XLVIII. Београд, 2020. С. 413–528.
- Петровић 1973 — *Петровић Д.* О говору Змијања. Нови Сад, 1973 (Библиотека Зборника за филологију и лингвистику, XIV/1–2, XV/1–2).
- Петровић 1978 — *Петровић Д.* Говор Баније и Кордуна. Нови Сад; Загреб, 1978.
- Пипер и др. 2005 — *Пипер П. и др.* Прилози граматици српскога језика. Синтакса савременога српског језика. Проста реченица. Београд; Нови Сад, 2005.
- Поповић 2002 — *Поповић В.* Слатински крај у прошлости. Лакташи, 2002.

- Савић 2017 — *Савић Б.* Народна медицинска лексика Великог Блашка (код Бањалуке). Српски дијалектолошки зборник, LXIV. Београд, 2017. С. 995–1066.
- Савић 2022а — *Савић Б.* Из лексике одијевања у Великом Блашку (код Бањалуке) // Језици и културе у времену и простору. Књ. X/1 / ур. С. Гудурић, М. Стефановић, Ј. Дражић. Нови Сад, 2022. С. 205–216.
- Савић 2022б — *Савић Б.* Лексика плетарства (на основу грађе из Великог Блашка код Бањалуке) // Српски дијалектолошки зборник. Књ. 69. Београд, 2022. С. 311–331.
- Стевановић 1935 — *Стевановић М.* Инфинитив и свеziца *да* са презентом // Наш језик. Књ. III, бр. 9–10. Београд, 1935. С. 282–288.
- Црњак 2019а — *Црњак Д.* Синтаксичке особине дијалекатских пјесама Јагоде Кљаић // Што сањамо. Књига радова поводом 70. рођендана професора Душана Маринковића / ур. Д. Богутовац, В. Карлић, С. Шакић. Загреб, 2019. С. 208–218.
- Црњак 2019б — *Црњак Д.* Из синтаксе глагола у говору Јаворана (код Бањалуке) // Исиходишта. Бр. 5. Зборник радова са 5. међународног научног скупа «Материјална и духовна култура Срба у мултиетничким срединама и/или периферним областима», одржаног 19–21.10.2018. у Темишвару / ур. М. Радан. Темишвар; Ниш, 2019. С. 519–526.
- Црњак, Козомара 2017 — *Црњак Д., Козомара Д.* О језику Ардалићевих басана // Зборник радова с међународног научног скупа Транзиција и културно памћење, одржаног 26–27.11.2015. у Загребу / ур. В. Карлић, С. Шакић, Д. Маринковић. Загреб, 2017. С. 391–403.
- Цукут 2021 — *Цукут С.* Српски говори Шипова. Српски дијалектолошки зборник LXVIII. Београд, 2021. С. 1–158.

Summary

*Dijana M. Crnjak,
Biljana M. Savić*

From the verb syntax in the speech of the Slatina area near Banja Luka

The paper deals with the syntax of verb forms in the Serbian dialect of the Slatina area near Banja Luka. The aim of the paper is to describe the state of the studied dialect and to identify its similarities and differences with neighboring dialects on the basis of available literature, thus determining the place of the studied area in the general context of the Herzegovina-Krajina dialect as a whole community.

Keywords: Serbian speeches of the Slatina region, eastern group of the north-west branch of the Herzegovina-Krajina dialect, syntax of verbs.

М. М. Алексеева
(Москва)

Детский лексикон в карпатоукраинских говорах

В настоящей статье рассматривается детский лексикон, представленный в словарях карпатоукраинских говоров (лемковских, бойковских, закарпатских, гуцульских). Карпатоукраинский детский лексикон демонстрирует универсальные черты, свойственные речи взрослых, обращенной к маленьким детям, в различных языках. Кроме того, в нем нашли отражение контакты с другими языками карпатского региона (в первую очередь с польским), что определяет необходимость изучения карпатоукраинского детского лексикона в ареальном аспекте.

Ключевые слова: детский лексикон, регистр общения с детьми (РОД), карпатоукраинские говоры, диалектный словарь, подзывные слова

Детский лексикон — это специфические слова, которые используют в своей речи взрослые при общении с детьми младшего возраста (преимущественно от 0 до 2 лет). Для определения подобной речи взрослых используются термины *baby talk*, *nursery talk*, *child-directed speech*, *child-addressed speech* (в англоязычных работах); *материнская речь*, *речь, адресованная детям*, *язык нянь*, *автономная детская речь* (в русскоязычных исследованиях). Большинство терминов однозначно указывают на то, что в центре внимания находится именно речь взрослых, адресованная детям, однако в случае терминов *baby talk* и *автономная детская речь* это не столь очевидно. В связи с этим представляется удачным термин *регистр общения с детьми* (РОД), предложенный Т. О. Гавриловой [Гаврилова 2002], поскольку он позволяет избежать двоякой интерпретации.

Помимо специфической лексики, речи взрослых, обращенной к маленьким детям, присущ ряд устойчивых черт. К устойчивым и универсальным чертам РОД, выявленным в языках различных языковых групп, относят, в частности, более высокий тон речи, упрощение групп согласных, редупликацию как продуктивный способ словообразования, специфические звуки, характерные только для этого регистра, сдвиг местоимений (1 л. мн. вместо 2 л. ед. ч.), активное использование умень-

шительно-ласкательных форм и др. [Ferguson 1978]¹. Наличие особой лексики является одной из ключевых универсальных черт РОД.

Диалектная лексика РОД — в частности украинская — редко оказывается в центре внимания диалектологов². Настоящая статья продолжает начатое в [Алексеева 2021] изучение карпатоукраинской диалектной лексики РОД на материале уже не только лемковских, но и бойковских, гуцульских и закарпатских говоров.

Материалом для исследования послужили следующие словари карпатоукраинских говоров: «Słownik gwary łemkowskiej wsi Wysowa» А. Гойсака, «Короткий словник лемківських говірок» П. Пыртя, «Словник села Тилич на Лемківщині» Е. Турчин, «Лемківський словник» И. Дуды³, «Словник бойківських говірок» (т. 1–2) М. Онышкевича, «Словник закарпатської говірки села Сокирниця Хустського району» И. Сабадоша, а также словари гуцульских говоров «Słownik huculski» Я. Янова и «Словник гуцульських говірок Річки та Яворова» (ч. 1, А–Ж) М. Н. Астафьевой и А. В. Воронич⁴. Принималась во внимание лексика, снабженная специальной пометой «детское» («дит.» = «дитяче»). Кроме того, рассматривались некоторые уменьшительно-ласкательные наименования маленьких детей и людей, примыкающие к детским наименованиям людей по своим семантическим и формальным признакам (в рассматриваемых словарях они приводятся не с пометой «детское», а с пометой «пестл.» («пестливе») — «ласкательное» или «здрібн.» («здрібніле») — «уменьшительное»).

В указанных словарях детский лексикон представлен в различном объеме. Так, в лемковском словаре П. Пыртя (ок. 8000 реестровых слов) и гуцульском словаре Я. Янова (ок. 9000 реестровых слов) выявлено все-

¹ Подробнее об истории изучения РОД см. [Зеленкова 2016; Андреева 2018].

² Краткий обзор украинского диалектного детского лексикона и его изучения представлен в статье Т. Г. Линник [Линник 2002].

³ Словарь И. Дуды включает в себя материал различных лемковских словарей, в том числе упомянутых словарей Е. Турчин и П. Пыртя, однако в нем также представлена лексика, не зафиксированная в других словарях лемковских говоров.

⁴ Далее для указания словаря-источника используются следующие сокращения: Гойс. («Słownik gwary łemkowskiej wsi Wysowa»), Пырт. («Короткий словник лемківських говірок»), Турч. («Словник села Тилич на Лемківщині»), Дуда («Лемківський словник»), Оныш. («Словник бойківських говірок»), Саб. («Словник закарпатської говірки села Сокирниця Хустського району»), Jan. («Słownik huculski»), Аст. («Словник гуцульських говірок Річки та Яворова»).

го по 4 слова с пометой «детское». В «Словаре села Тылыч на Лемковщине» Е. Турчин (ок. 6500 реестровых слов) примерно 35 слов снабжены пометой «детское». В лемковском словаре А. Гойсака (ок. 3000 слов) выявлено около 50 слов с соответствующей пометой. В гуцульском словаре М. Астафьевой и А. Воронич (ок. 3500 реестровых слов) зафиксировано примерно полтора десятка специфических детских лексем. В двухтомном словаре бойковских говоров М. Онышкевича (ок. 17000 реестровых слов) примерно 60 лексем отмечены как *детские*. В словаре закарпатского говора И. Сабадоша (ок. 16000 слов) также выявлено примерно 60 детских лексем. О степени полноты представленности детской лексики в том или ином словаре можно судить, сравнивая данные словаря с вопросником для «Лексического атласа украинского языка» Дзендзелевского, в котором имеется отдельный раздел «Детский лексикон» из 92 пунктов [Дзендзелівський 1987]. Однако поскольку все перечисленные словари карпатоукраинских говоров относятся к словарям дифференциального типа, в них могли не найти отражение некоторые детские лексемы, закрепившиеся в украинском литературном языке.

В карпатоукраинской детской лексике можно выделить две основные функциональные группы: 1) обозначения ситуаций и действий, 2) обозначения людей и предметов.

1. Обозначения ситуаций и действий. Одна из ключевых особенностей детской речи на самых ранних стадиях ее развития — это наличие голофраз, то есть однословных высказываний, используемых для обозначения ситуации в целом, которые многие исследователи считают наиболее ранней синтаксической формой [Сигал 2019: 15]. Вслед за детьми подобные слова используют в РОД взрослые с целью обозначения некоей ситуации целиком, действия, а также призыва к действию (предостережение, побуждение). Последнее во многом сближает подобные слова с междометиями, и именно так обозначены некоторые из них в исследуемых словарях.

В указанных словарях карпатоукраинских диалектов выявлены следующие примеры детских слов, обозначающих ситуации и действия:

бусь (Турч.), *буб'ух*, *бух*, *бусь* (Аст.), *бух*, *бусь* (Оныш.), *бух*, *бусь*, *бусь* (Саб.), *бусь* (Гойс.) в значении 'упадешь!'. Оклик, которым предостерегают ребенка от опасности падения, получения травмы;

*zájci*⁵ (неизм., дет.) ‘гулять, идти на прогулку’ (Турч.);

гам, гáму (Оныш.); *гáму, гáмци* (Турч.) ‘есть’; *гам* ‘еда; есть’ (Аст.). Значения, приведенные для последнего примера, демонстрируют способность подобных детских слов совмещать в себе грамматические признаки различных частей речи, в данном случае существительного (‘еда’) и глагола (‘есть’);

гон 1) ‘упадешь’; 2) ‘прыгай’ (Оныш.). В указанных значениях слова *гон* отчетливо проявилась способность подобных слов передавать как предостережение, так и побуждение к действию;

гба ‘танцевать, танцы, танцуй’ (Оныш.);

куп-куп ‘купаться’ (Саб.);

кусь ‘огонь, горячо (междометие, которым предостерегают детей, чтобы не касались огня)’ (Оныш.);

кусь-кусь ‘опасно, кусается’: *Мар’ичко, не! кывай ц’іку, бо ц’іка кусь-кусь* (Саб.);

но-но ‘междометие со значением запрета: нельзя’ (Саб.);

няй ‘не трогай’ (Оныш.);

пáйцю ‘спать’: *Ході пáйцю* (Оныш.). В том же словаре приводится вариант *спáйцю* ‘спать’. Вероятно, в первом примере нашла проявление тенденция к упрощению групп согласных в словах РОД;

пiць ‘огонь, горячо’ (Турч., Саб.);

дúду (Оныш.) ‘идти на прогулку, гулять’

прь-тю, пр-ту́, ну́-ну I (Оныш.) ‘прогулка, идти на прогулку’;

ну́-ну II ‘опорожняться’: *Ходи ну́-ну* (Оныш.);

пук ‘упасть, упадешь’: *Не йди, бо пук. Не йди, там пук!* (Оныш.);

спай-спай ‘спать’ (Оныш.);

тані-тані ‘междометие, которым стимулируют маленького ребенка хлопать в ладоши’ (Саб.);

хись ‘обожжешься’ (Гойс.);

цісьо, цісько ‘тихо, не плачь’ (Оныш.);

цióнци ‘купать’ (Гойс.);

⁵ Ударение ставится, если оно указано в словаре-источнике. В словарях лемковских говоров ударение обычно не отражается, так как оно, как правило, фиксированное и падает на второй слог от конца слова, однако в настоящей статье ударение ставится и в примерах из лемковских говоров для удобства восприятия.

чiчi ‘стоять на ногах! (поощрение ребенка встать на ноги во время первых попыток ходить’: *Мар’ичко, чiчi!* (Саб.);
чyну-чyну ‘быстро идти, семенить’ (Оныш.)⁶.

Сюда же можно отнести слова, обозначающие физическое состояние ребенка (в частности, обозначения болевых ощущений):

бiбi ‘болит’ (Саб.);

бiжя ‘горячо, жжет’ (Аст.);

зюзьо ‘холодно’ (Турч.). В словаре И. Дуды для детских слов *дюддя, дзюдзя, зюдзя* дается значение ‘холод’.

Один из основоположников современной онтолингвистики А. Н. Гвоздев предложил периодизацию развития грамматики в речи маленьких детей, согласно которой этап голофраз, или, в терминологии ученого, период предложений, состоящих из аморфных слов-корней, — это самый ранний период становления грамматики (от 1 г. 3 мес. до 1 г. 10 мес.), за которым следует период усвоения грамматической структуры предложения (от 1 г. 10 мес. до 3 лет) и период усвоения морфологической системы, включая усвоение типов склонения и спряжения (от 3 до 7 лет) [цит. по: Гагарина 2008: 159].

Как видно из вышеприведенных примеров, в карпатоукраинских говорах встречается немало подобных аморфных слов-корней с глагольным значением, в которых отсутствует членение на основу и формообразующие аффиксы (*бусь, гоба, куп-куп, няй, пiць, хись* и пр.). При этом подобные аморфные слова могут быть представлены в нескольких вариантах (*гам / гáму*).

Карпатоукраинские детские аморфные слова на -у вызывают отдельный интерес как возможный результат контактов с польским языком. Подобные образования известны польскому РОД, а учитывая, что все примеры детских слов, оканчивающихся на -у, взяты из словарей лемковских и бойковских говоров, которые среди всех карпатоукраинских говоров наиболее активно контактировали с польским языком, можно с большой долей вероятности предположить, что мы имеем дело либо с прямыми заимствованиями из польского, либо с влиянием польской модели. В рассмотренных словарях встретились следующие примеры: *гáму* ‘есть,

⁶ К этой группе примыкают не имеющее пометы «детское» закарпатское *цйт, чiть* ‘междометие, которым успокаивают ребенка, чтобы не плакал’ (Саб.) и бойковское *цит* ‘не плачь! тихо!’ (Оныш.).

еда' (Оныш.), *nánu* 'есть' (Гойс., Оныш.), *nánu-nánu* 'есть' (Дуда), *чуну-чуну* 'быстро идти, семенить' (Оныш.). Детская лексема *nana* в значении 'хлеб' известна не только украинским, но и русским говорам, а также имеет соответствия во многих славянских и европейских языках [СРНГ 25: 203–204; Фасмер 3: 200], тем не менее именно форма *ránu*, широко распространенная в польском РОД, говорит о том, что в случае бойковского *nánu* 'есть' мы, вероятно, имеем дело с полонизмом (на это указывает и сам автор словаря). К этому же подтипу можно отнести слово *бубу* 'болеть' (Турч.), которое в словаре приводится без пометы «детское», однако, несомненно, относится к детской лексике (ср. в том же словаре *буба* (дет.) 'ранка, больное место', *бубати* (дет.) 'болеть'), а также бесспорный полонизм *гáду-гáду* 'болтать' (Оныш.), сфера употребления которого не ограничена РОД (пол. *gad-u-gadu* от *gadać* 'болтать'). В детском лексиконе обнаруживаются и другие результаты длительных контактов карпатоукраинских говоров с польским языком, что требует отдельного изучения.

От аморфных слов образовано немало полноценных глаголов, также снабженных в обследованных словарях пометой «детское»: *бiби* 'болит' — *бiбити* 'болеть': *Мáмко, менé нúшка бiби́е* (Саб.); *гам* 'еда, есть' — *гáмати* 'есть' (Аст.); *гам* 'есть' — *гáмцяти* 'есть' (Оныш.); *гон* 1. 'упадешь', 2. 'прыгай' — *гóпнути* 'упасть' (Оныш.); *люлю* 'спать' — *люля́ти* 'лежать, спать' (Турч.); *nánu-nánu* 'есть' — *nanáти* 'есть' (Дуда); *пиць!* 'горячо, огонь!' — *пи́цти* 'печь' (Саб.); *то́си* 'междометие для обозначения хлопанья в ладоши' — *то́сяти*: *То́с'ай, то́с'ай!* 'хлопать в ладоши' (Оныш.); *цю́нци* — *цю́цяти* 'купаться' (Гойс.).

От аморфных слов в РОД могут образовываться не только глагольные дериваты, но и существительные: *пиць* 'горячо!' — *пи́ця* 'огонь' (Оныш.); *хись* 'обожжешься, горячо' — *хи́ся* 'огонь' (Гойс.) и др.

В карпатоукраинских словарях зафиксировано также довольно много глаголов с пометой «детское», морфологически оформленных как обычные глаголы и при этом не имеющих соответствий среди аморфных слов (или же подобные слова не нашли отражение в словаре): *гейзя́ти*, *гуця́ти* (Гойс.), *бавця́ти* 'играть'⁷ (Дуда); *ли́зька́ти* 'ложиться' (Саб.); *пла(я)ця́ти* 'плакать' (Дуда), *слю́пати* 'сидеть' (Турч.) и др.

В словаре закарпатского говора Сабадоша зафиксированы также примеры глаголов с пометой «детское», отличающиеся от обычных глаголов

⁷ Второе значение «качать ребенка [в колыбели]».

наличием суффикса *-к-*: *пiшкати/попiшкати* (дет.) — *пiшати* ‘опорожнить/опорожнить мочевой пузырь’; *пiшкатися/попiшкатися* (дет.) — *пiшатися* ‘становиться мокрым от собственной мочи’ (и причастные формы от них *попiшканий* (дет.) — *попiшаний*). Сюда же скорее всего следует отнести глаголы *кiськати* (дет.) ‘кусать’ и *сiдкати* (дет., ласк.) ‘садиться’ (Саб.), однако исходные глаголы [*кусати*] и [*сидати*], совпадающие с глаголами украинского литературного языка, не нашли отражения в этом словаре дифференциального типа. В случаях глаголов *чачати/чачкати* ‘то же самое, что *сидати*’ и *чучати/чучкати* ‘спать’ (Саб.), *цюмати / цюмкати* (дет., ласк.) ‘целовать’ (Оныш.) пометой «детское» снабжены обе формы. Здесь же можно упомянуть *пiткы* ‘пить’, *поспiткы* ‘поспать’ (и *спiткы* в этой же словарной статье) из того же словаря, хотя частеречная принадлежность подобных образований является предметом дискуссии [Макарова 2011]. Кроме того, «детскость» отдельных глаголов в говорах достигается с помощью палатализованных согласных, свойственных как детской речи, так и РОД (*кiсьити* ‘кусати’ (Саб.); *лiзяти* ‘лiзти, лазити’: *не лiзiй, бо ся попiцяеш!* ‘не лезь, а то обожжешься!’ (Оныш.); *пiсьяти / писiяти, сюсьяти / сюсiяти* ‘писать’ (Дуда); *плацiяти* ‘плакать’ (Пырт.).

2. Вторую многочисленную группу в детском лексиконе составляют **наименования людей, предметов и явлений** окружающей действительности.

Наименования людей. Во многих языках некоторые ключевые термины родства, перешедшие впоследствии в нейтральную лексику, восходят к детскому лепету (например, *мама, папа*). Переход детских обозначений родства в нейтральную лексику можно считать универсальным явлением. Если говорить об украинских диалектах, то подобная судьба ждала диалектное западноукраинское *няньо* ‘отец, папа’, во многих говорах вышедшее за рамки РОД и ставшее основным обозначением отца, однако в гуцульском словаре Яна Янова слово *пана*⁸ (*нана*) снабжено пометой «детское» в значении ‘мать’.

Помимо терминов родства, в рассмотренных словарях карпатоукраинских говоров выявлено несколько лексем с пометой «детское», служащих для наименования людей по различным признакам:

⁸ Все примеры из словаря Я. Янова даются латиницей. Это уточнение необходимо во избежание неправильного прочтения примеров (в частности, здесь *пана* [нана], а не [папа]).

бе́ця ‘плакса’ (Турч.);

бе́кса, пля́кса ‘плакса’ (Дуда);

ля́ля ‘маленький ребенок’ (Турч., Дуда). Это слово известно практически всем украинским говорам и украинскому литературному языку (ср. *ляля* ‘(разг.) ребенок, обычно маленький’ [СУМ]);

ті́тка ‘ребенок’ (Саб.);

чу́жа ‘чужой человек’ (Саб.). Подобное значение зафиксировано только в этом словаре⁹.

К детским наименованиям людей, как уже упоминалось в начале статьи, примыкают уменьшительно-ласкательные наименования маленьких детей и людей: *дзядзьо* (ласк.) ‘дедушка’ (Пирт.), *братьо́* (ласк.) ‘брат’ (Саб.), *чаду́сьо* (ласк.) ‘ребенок’ (Гойс.). Семантическая и формальная близость детской и уменьшительно-ласкательной лексики обуславливают тот факт, что одни и те же лексемы в одних словарях приводятся с пометой «детское», а в других с пометой «уменьшительно-ласкательное». Так, к примеру, слово *ляля* ‘ребенок’ в словаре Дуды имеет помету «ласкательное», а в словаре Турчин — «детское». Отдельные лексемы снабжены сразу двумя пометами: *цюмати / цю́кмати* (дет. и ласк.) ‘целовать’ (Оныш.); *сідка́ти* (дет., ласк.) ‘садиться’ (Саб.).

Наименования животных. В карпатоукраинской детской лексике представлено огромное разнообразие наименований животных. Сюда относятся названия домашних и (редко) диких животных, крупного рогатого скота, домашней и (редко) дикой птицы.

В большинстве указанных карпатоукраинских словарей зафиксированы детские наименования для коровы, овцы, свиньи, курицы, утки, кошки и собаки:

корова — *бу́ня* (*бу́ніу*) (Яп.); *бі́ська, нана, няня, ті́ська* (Оныш.); *мі́ня* (Дуда); *ці́зя I* (Турч.); *ня́няка* (Саб.);

овца — *ба́зя* (Турч.); *бі́ська, не́цька, пру́ська, пру́шка* (Оныш.). Закарпатское *бы́рька* ‘овца’ в словаре Сабадоша приводится с пометой не «дет-

⁹ Т. Линник пишет: «Уже на раннем этапе вносится одно из важнейших в социальном плане противопоставлений “свой/чужой”»: такие слова [...] как *мама, тато* различают своих и чужих, которые передаются словами *дядя, тьотя*. Интересным является факт реализации этого противопоставления в фонетически родственных диалектных формах *тЯтя* “отец” [...] и *тЯто* “чей-то отец, не свой”» [Линник 2002].

ское), а «ласкательное» (*Отó пасу́ц':а мо́йй быр'кы́*), как и гуцульское *би́рка* ‘овца, ягненок’ в словаре М. Астафьевой и А. Воронич; свинья — *күця* (Дуда, Турч.); *пáця* (Оныш.); *цýка* (Саб.); *цю́ка* (Гойс.); курица — *пiмiка* (Саб.); *тютя*, *тjóтька* I, *тюпа*, *тюпка*, *цю́па*, *цю́почка*, *цю́ця* (Оныш.); утка — *кáця* (Дуда); *тáся*, *тáська* (Оныш.); *тасi* (Гойс.); кошка — *мiня*, *мiня*, *мiця* (Оныш.); *мýнка*, *мiнка* ‘кошка’, *мынькó* ‘кот’ (Саб.); собака — *гáва* I (Аст.); *гáва*, *песьо* (Турч.); *гáва* II, *пéсьо* (Оныш.); *гáва*, *пiсько* (Саб.); кролик — *трусъ* м. (Дуда)¹⁰; волк — *вóва* I: *Ц'’ic’’ко, бо прiйде вóва i д’итину згáмат*; *гáва* III (Оныш.).

Одни и те же детские лексемы в разных говорах (а иногда даже в одном!) могут служить для обозначения как взрослого животного, так и детеныша этого животного. Например: *бáзя* ‘овца’ (Турч.) — *бáзья*, *базя́тко*, *бáзька* ‘ягненок’ (Дуда); *бýрка* ‘овца’ (Саб.) — *би́рка* (ласк.) ‘овца, ягненок’ (Аст.); *зю́зя* ‘гусь, гусенок’ (Гойс.); *күця* ‘свинья, поросяенок’ (Турч., Дуда); *мiня* ‘корова, теленок’ (Дуда); *тiзя* ‘теленка (даже корова)’ (Гойс.); *тютя* ‘курица’ (Оныш.) — *тjóтя*, *цýпка* ‘цыпленок’ (Дуда); *цýка* ‘свинья, поросяенок’ (Саб.); *цiзя* ‘корова, теленок’ (Турч.).

Изредка одна и та же лексема в различных говорах может обозначать различных животных. Так слово *бiська* в бойковских говорах может означать 1. ‘овца’, 2. ‘корова’, 3. ‘скот’ (Оныш.); а детское *мiня* может значить как ‘корова’ (Дуда), так и ‘кошка’ (Оныш., Саб.).

Детские наименования коня, лошади были выявлены только в бойковском словаре Онышкевича, при этом в словаре представлены сразу несколько диалектных вариантов: *гáйта*, *кóня*, *цю́нька*, *цю́ньо* (Оныш.).

Для ряда животных зафиксированы единичные детские лексемы в отдельных словарях карпатоукраинских говоров: лемковское *зю́зя* ‘гусь’, *кү́ка* ‘вши, гниды’ (Гойс.); гуцульское *го́га* (только ед.) ‘всякие земноводные: жабы, гадюки, ящерицы’ (Аст.) и *го́дзя* ‘маленькое насекомое, жучок, вошь’ (Аст.), закарпатское *го́га* ‘любое насекомое’ (Саб.)¹¹. При

¹⁰ Слова *трусак* ‘кролик’, *трусá* ‘крольчонок’, *трусáка* ‘крольчиха’ в бойковском словаре Онышкевича даются без каких-либо помет.

¹¹ Детское слово *гуля* в значении ‘голубь’ в рассматриваемых словарях представлено только в лемковском словаре Дуды, однако оно, безусловно, имеет более широ-

этом, как видно на примере *róta*, одна и та же лексема может в разных карпатоукраинских говорах служить для обозначения различных представителей животного мира (о *záva* и *róta* см. также ниже).

Примечательно, что в исследуемых словарях выявлены детские слова не только с конкретным значением (как можно было ожидать, учитывая специфику общения с маленьким ребенком), но и с собирательным. К таким можно отнести бойковское *шуня* ‘скот’ и *бiська*, которое в отдельных бойковских говорах также обозначает ‘скот, скотину’, а в других имеет конкретное значение ‘овца’ или ‘корова’ (Оныш.), а также уже упомянутое гуцульское *róta* ‘всякие земноводные’ (Аст.).

Детские наименования животных в карпатоукраинских говорах теснейшим образом связаны со словами для подзыва/отгона животных. «Подзывные слова или подзывы — общее название для слов клича (зова, подзывания), отгона (отпугивания), подгона, выгона, загона и других команд для животных. По функции они близки к императивным междометиям с той разницей, что адресованы не людям» [Иванов 2016: 14].

Среди рассматриваемых словарей заметно выделяется словарь бойковских говоров М. Онышкевича, так как в нем представлены диалектные междометия для подзыва/отгона самых разных животных: помимо многочисленных подзывных слов для основных видов скота и домашних животных (коров, быков, телят, овец, баранов, ягнят, свиней, поросят, коней, кур, гусей, уток, индюков, кошек, собак), зафиксированы междометия для отгона ястреба (*галя-галя*), волка (*бий-бий-на*), голубей (*дузь-дузь, кша*) и др. Многие детские наименования животных образованы именно от подзывных слов. «В определенный период взрослые начинают показывать детям слова, передающие “голоса” животных, а также слова, позволяющие установить с животными контакт (подзывные слова). В сознании ребенка эти слова ассоциируются с самими животными и служат источником образований детских наименований животных» [Иванов 2015]. В результате подобных процессов в карпатоукраинских говорах можно обнаружить, в частности, следующие пары:

базю-базю ‘подзывали овец’, *базь-на!* ‘отгоняли овец’ — *базі, базьки* (дет.) ‘ягнята’ (Гойс.); *базь-базь* ‘подзывали овцу’ (Дуда) — *бáзья, базя́тко, бáзька* ‘ягненок’ (Дуда);

кое распространение. Как уже упоминалось в начале статьи, рассматриваемые карпатоукраинские словари относятся к словарям дифференциального типа и могут не включать в себя лексику, закрепившуюся в украинском литературном языке.

бісь-бісь ‘подзывают бугая’, *біську-на* ‘подзывают быков’ — *біська* II (дет.) ‘корова’ (Оныш.);

зайта — I. (дет.) ‘конь’, II. ‘команда коню «направо»’ (Оныш.);

куць-куць ‘подзывают поросят’ — *кўця* (дет.) ‘поросенок’ (Турч.);

кўцю-кўцю ‘подзывают свиней’ — *кўця* (дет.) ‘свинья’ (Дуда);

минь-минь ‘подзывают кошек’ — *миня* (дет.) ‘кошка’ (Оныш.);

мынь-мынь ‘подзывают кота (кошку)’ — *мынькó* (дет.) ‘кот’ (Саб.);

не-не ‘подзывают овец’ — *нецька* (дет.) ‘овца’ (Оныш.);

ня-ня ‘подзывают коров’ — *няня* (дет.) ‘корова’ (Оныш.);

на цізя, на ‘подзывают корову’ — *цізя* (дет.) ‘корова, теленок’ (Турч.);

пáцю-пáцю ‘подзывают свиней’; *паць* ‘отгоняют свиней’ — *пáця* (дет.) ‘свинья’ (Оныш.);

пруська-на ‘подзывают овцу’ — *пруська* (дет.) ‘овца’ (Оныш.);

тю-тю

цьи-цьи ‘подзывают свинью или поросенка’ — *цьіка* (дет.) ‘свинья, поросенок’ (Саб.);

цьип-цьип ‘подзывают цыплят’ — *цьипка* ‘цыпленок’ (Дуда);

цьонь, цьось, цьося ‘подзывают коней’ — *цьóньо, цьóнка* (дет.) ‘конь’ (Оныш.);

цюку-цюку ‘так зовут свиней’ — *цюка* (дет.) ‘поросенок’ (Гойс.);

цюцю-цюцю-цюцю ‘подзывают кур’ — *цюця* (дет.) ‘курица’ (Оныш.) и др.

Одно и то же слово может в разных говорах использоваться для отгона/подзыва различных животных. Так, слово *гузя* в различных бойковских говорах используется для 1) отгона ягнят, 2) награвливания собак (Оныш.); *на, тїську, на!* употребляется применительно к коню или к корове (Оныш.); подзывом *тю-тю* подзывают 1) собак, 2) кур (Оныш.). При этом в других карпатских и не только карпатских украинских говорах междометие *тю-тю* используется для подзыва кур.

У отдельных междометий для подзыва/отгона животных сфера применения может быть очень широкой. Так, бойковское междометие *ушь, ушь* служит для отгона 1) ‘кур’, 2) ‘уток’, 3) ‘гусей’, 4) ‘индюков’, 5) ‘коров’, 6. ‘голубей’ (Оныш.).

В рамках одного говора могут функционировать различные междометия для подзыва животных, причем для одних из них в говоре могут быть представлены соотносимые детские наименования животных, а для

других нет. Так, в словаре лемковского говора села Тылыч зафиксирована пара *куця* ‘поросенок’ — *куць-куць* ‘подзывают поросят’, а для междометия *гудзю-гудзю* ‘подзывают поросят’ в словаре нет соотносимой детской лексемы для обозначения самого животного (Турч.), хотя возможно, что не все детские слова были зафиксированы в рассматриваемых диалектных словарях.

Похожие словообразовательные связи можно обнаружить и для упомянутых выше слов с пометой «ласкательное», формально и семантически примыкающих к детской лексике:

бірка (ласк.) ‘овца, ягненок’ — *бирь* ‘отгоняют овечь, ягнят’ (Аст.);

бріцька (ласк.) ‘ягненок, овечка’ — *б-р-р-р* ‘подзывают и отгоняют овец’ (Аст.).

Отдельные карпатоукраинские наименования животных, безусловно связанные с междометиями для подзыва/отгона животных, не имеют специальных помет и функционируют в говорах как нейтральные слова: *базюк*, *базьо* ‘баран’ при *базю-на*, *базь-базь* ‘подзывают барана’ (Оныш.).

Интересный случай представляет собой зафиксированное в словаре бойковских говоров Онышкевича междометие для подзыва курицы и связанное с ним название курицы, употребление которых ограничено определенным временем года: *сипу-сипу* ‘звучат кур во время Святого вечера, чтобы «сыпали» яйца весь год’ — *сипучка* ‘название курицы, но только во время Святого вечера, чтобы «сыпала» яйца весь год’ (Оныш.).

В карпатоукраинских подзывных словах широко представлены нестандартные звуки и их сочетания, например: *б-р-р-р* ‘междометие, которым подзывают и отгоняют овец’ (Аст.); *пр* I. ‘подзывают свиней’, II. ‘отгоняют коней’ (Оныш.); *бир-бир*, *бrrrr-бrrrr*, *пррь-бе*, *пр-пр-на*, *пр-пр-пр*, *пррь-на-на*, *пр-пр-пруська* ‘подзывают овец’; *куцькуа-куцькуа-куцькуа* ‘отгоняют свиней’ (Оныш.); *п* ‘междометие, которым подзывают котом’: *П*, *минька!*; *прсь* ‘отгоняют кошек’, *цькуб-цькуб* ‘издалека подзывают свиней’ (Оныш.); *цюррр* ‘подзывают цыплят’ (Оныш.); *a bfy-rr* ‘подзывают овец, которые отбиваются от стада’; *prrwla* ‘подзывают овец’ (Jan.) и многие др. О «неканонической фонетике» обеих периферийных групп — подзывных слов и детского лексикона — пишут исследователи применительно к другим языковым группам, в частности, финно-угорским языкам и диалектам [Иванов 2014]. Применительно к детским словам на рассмотренном карпатоукраинском материале о нетипичной фонетике можно говорить, например, в случае лемковского

б-р-р-у ‘пить’ (Турч.), бойковского *прь-тю, пр-ту* ‘прогулка, идти на прогулку’ (Оныш.).

Многие подзывные слова возникли в результате подражаний звукам животных, но в отдельных случаях мы можем иметь дело с заимствованиями из контактирующих языков. Так, М. Онышкевич приводит подзывное бойковское слово *хосьту́, хошьту́* ‘подзывают собак’ и указывает для него возможный источник: польское *chodź tu* ‘иди сюда’.

Отсутствие или нерегулярная представленность в диалектных словарях детской лексики или подзывных слов препятствует выявлению системных словообразовательных связей между этими двумя периферийными лексическими группами. Так, в закарпатском словаре Сабадоша при обилии детской лексики, к сожалению, практически не зафиксированы слова для подзывания/отгона животных (единичный случай: *ня-ня* ‘междометие, которым подзывают корову, теленка’ — *няня́ка* (дет.) ‘корова’), что не позволяет выявить системные связи между детской лексикой и подзывными словами в данном говоре.

От детских слов в свою очередь могут путем суффиксации образовываться новые слова, и иногда мы имеем дело с целыми словообразовательными гнездами, в основе которых лежат подзывные слова. Например, бойковское *на́цю-на́цю* ‘подзыв свиней’, *паць* ‘отгоняют свиней’ — *на́ця* (дет.) ‘свинья’ — *паця́* ‘поросенок’ — *пацюк* ‘кабан’ — *пацюча́* ‘кабанчик’ — *паця́чка* ‘свиной навоз’ (Оныш.)¹².

В целом можно констатировать, что в карпатоукраинских диалектах подзывная лексика представлена чрезвычайно широко, в то время как в литературном языке закрепились лишь отдельные слова для подзыва/отгона животных.

Наименования еды, продуктов питания. Детские наименования основных продуктов питания зафиксированы в большинстве рассмотренных словарей карпатоукраинских говоров:

¹² М. Н. Толстая обратила внимание на разницу в ударении в формах *на́ця* (дет.) ‘свинья’ и *паця́* ‘поросенок’, что, судя по всему, говорит о различном происхождении этих форм (ударное *-я́* в *паця́* < *-ѣ) и их различном словоизменении (детское *на́ця* должно склоняться как существительное ж. р. на *-а*, а *паця́* ‘поросенок’, вероятно, склоняется как слова ср. рода, обозначающие детеншей животных). Возможно, в совпадающих лемковских наименованиях взрослого животного и его детеныша (*зю́зя, ку́ця, ми́ня, ти́зя, ці́зя*) вследствие формирования постоянного ударения произошла нейтрализация акцентуационных различий.

еда — *гам* (Аст.); *гáму, náпу* (Оныш.); *nána* (Турч., Дуда);

хлеб — *калькó* (Саб.), *nána* (Турч.). В словаре Онышкевича слово *nána* ‘хлеб’ дано без пометы «детское», при этом дальше идет производное *nánka* (дет.) ‘см. *papa*’ (Оныш.);

молоко — *мóня, мóцьо* (Дуда); *моцьо* (Гойс., Турч.), *моньо* (Турч.); *кашúня* II, *мóлькo, мóньо* (Оныш.); *мунькó* (Саб.);

каша — *кáси, кашúня* I (Оныш.);

яйцо — *кóко* (Оныш.); *яйко* (Турч.);

мясо — *бúдзя* (Турч., Гойс.); *м’яня, цю́ци* (Оныш.);

сахар — *си́си* (Яп.), *цю́цьо* (Турч.); *цю́цьо/цю́цю* II ‘сахар’ (Оныш.)¹³;

конфета — *бóня, бамбóни, цю́цьо/цю́цю* I (Оныш.), *цю́цьо* I (Турч.).

Для следующих продуктов детские лексемы были зафиксированы лишь в отдельных словарях: *бáльо* ‘бублик’ (Дуда); *ínka* ‘картофель’ (Саб.); *мáсьо* ‘масло’ (Гойс.); *ни́ни* ‘сало’ (Оныш.).

Заметим, что в большинстве рассматриваемых словарей зафиксированы детские слова/глаголы со значением ‘есть’: *гам, гáмати* (Аст.); *гáму* (Турч.); *гам, гáму, гáмцяти, й́цяти* (Оныш.); *гамáти, ням-ням, папáти, náпу-náпу* (Дуда); *ичкáти* (Саб.). При этом особые детские слова со значением ‘пить’ встречаются значительно реже: *б-р-р-у* (Турч.), *пítкы* (Саб.). В словаре Онышкевича глагол *цй́цяти* имеет значение ‘пить’ с пометой «детское», при этом в словаре Турчин зафиксировано также *цй́ци* ‘есть’ (ср. там же *цй́цяти* ‘сосать (про ребенка)’). Оба слова, очевидно, связаны с процессом кормления грудью (ср. *цй́ци* (дет.) ‘женская грудь: *Дам ти цй́ци* (Оныш.); *цй́ци, цй́ця* ‘сосок человека или животного; женская грудь’ и *цй́цяти* ‘сосать грудь (про ребенка, детеныша животного)’ (Саб.); *цй́цак* ‘поросенок, который еще сосет’ (Дуда)), а применительно к грудным детям и совсем маленьким детенышам млекопитающих действия ‘пить’ и ‘есть’ едва ли различимы.

Наименования частей тела. В карпатоукраинских словарях зафиксированы следующие детские наименования различных частей тела (больше всего в лемковском словаре Александра Гойсака):

рот — *бу́зя, бу́зько, бу́зьок* (Аст.), *бу́зя, бúдзя* (*Дай будзі*), *гамбу́ся* (Гойс.; ср. *гáмба* ‘уста, рот’); *бу́зья, гáмця, гамбу́ся, гамбй́чка, мацьй́цька бу́зя, папу́ля* (Дуда);

¹³ Для последнего примера автор приводит польское соответствие *си́си*

(женская) грудь — *ціці* (Оныш.); *ціця* (Дуда); *ціці, цыця* (Саб.);
 волосы — *вóсі, вóськи* (Гойс.);
 спина — *пiги* (Гойс.): *Под на пiги. Ход тя возьму на пiги;*
 ноги — *нóзі* (Гойс.);
 нос — *нóсьо* (Гойс.);
 палец — *пáльо* (Гойс.);
 руки — *рúці* (Гойс.).

Только в закарпатском словаре Сабадоша представлены детские наименования половых органов:

нішка ‘мочевыделительный орган у человека’ от детского же *ніша* ‘моча’ (Саб.);
нóтя ‘I. птичка, II. (перен. дет.) ‘пенис у маленького мальчика’ (Саб.)¹⁴.
 Схожий перенос значения мы наблюдаем в случае русского детского ‘петушок’. Подобные лексемы можно считать проявлением в детском лексиконе так называемого «птичьего кода» в названиях гениталий, широко представленного в славянских и не только славянских языках и диалектах [Горячева 2012: 73–75].

Наименования предметов одежды. В указанных словарях выявлено всего несколько лексем, связанных с одеждой.

рубашка — *кóтька* (Саб.); *льóля* (Дуда); *льоля, льолька* (Оныш.).
 туфельки — *бiйби, бúйці* (Гойс.); *чóпці, цьóпці* (Оныш.).
 платок — *хúся* (Гойс.)

Наименования различных предметов, в том числе игрушек:

гребешок — *чéся* (Гойс.);
 горшок — *гóньо, гóнцьо* (Гойс.);
 игрушка — *цяцьо* (Гойс.); *чáчко* (Дуда);
 колесо — *кóтько* (Дуда);
 колыбель — *гúця* (Гойс.);
 коляска — *гéйзя* (Гойс.); *люля* (Турч.).

¹⁴ В том же словаре есть еще очевидно родственное, но не имеющее пометы «детское» *нóтка* ‘вульва девочки’.

Слова, связанные с религией, народным верованиями:

Бог, Боженька — *Бóзя* (Аст.), *Бози́сьо* (Дуда), *Бóзьо*, *Бóзьоь*, *Бози́сьо* (Турч.);

церковь — *бóмба* ‘церковь’ (Гойс.), вероятно, возникшее как звукоподражание [Алексеева 2021: 148].

В карпатоукраинских словарях зафиксированы также слова, для обозначения мифических существ, которыми пугают детей¹⁵: *ráva* II ‘мифическое существо, которым пугают детей’ (Аст.); *vóva* III ‘что-то страшное’; *záva* I: *Ц”’іс”’ко, бо прийде́ záva-к’ус”’ка і тебе́ з”’іст* ‘что-то страшное’ (Оныш.). Последний пример интересен тем, что в роли *гавы*-страшилища выступает *к’ус’ка* ‘вид волосатой гусеницы’ (Оныш.). Здесь стоит вспомнить гуцульское *tóta* ‘всякие земноводные: жабы, гадюки, ящерицы’ (Аст.) и закарпатское *tóta* ‘любое насекомое’ (Саб.), которое автор словаря возводит к рум. *gogă* ‘страшилище’. Таким образом, различные виды насекомых и ползающих животных могут восприниматься как нечто страшное и пугающее (по крайней мере для детей).

В целом среди детских слов в карпатоукраинских говорах гораздо больше слов, обозначающих предметы и действия/ситуации, чем признаки предметов. Лишь небольшое количество диалектных детских слов грамматически оформлены как прилагательные. К словам, характеризующим предмет, относятся: гуцульское *cziczanyj* (*czícíynyj*) ‘красивый’ (Jan.); закарпатское *дюдя́ный* ‘холодный’ и *ниці́кий* дет. ‘маленький’ (Саб.); лемковское *цясь* ‘хороший, послушный, красивый (приговаривают, глядя младенца по голове)’ (Турч.). Последний пример отражает характерное для РОД сопровождение слова действием. В случае бойковско-го *ч’ча* ‘1. игрушка; 2. красивый’ (Оныш.) мы имеем дело с типичным для РОД совмещением в одном слове грамматических признаков различных частей речи, в данном случае существительного и прилагательного (ср. *гам* 1. ‘еда’, 2. ‘есть’; *гóба* ‘танцевать, танцуй’; ‘танцы’ (Оныш.)).

В редких случаях пометой «детское» снабжены наречия, образованные от прилагательных, в основе которых лежат детские слова. Ср. *дюдя́но* ‘холодно’ < *дюдя́ный* ‘холодный’ < *д’ю́дя* ‘холод’ (Саб.).

Как уже упоминалось, многие карпатоукраинские детские слова образованы от слов для подзыва/отгона животных. Некоторые детские слова

¹⁵ О персонажах, которыми у славян пугали детей, см. [Раденковић 2000].

очевидно возникли в результате звукоподражания (*цьом* ‘поцелуй’, *гам, гамати* ‘есть’). Кроме того, значительная часть детской лексики возникла путем фонетического и морфонологического преобразования обычных «взрослых» слов. Говоря о деривации карпатоукраинского детского лексикона, можно выделить несколько наиболее характерных процессов:

1) Редупликация, которая может быть полной (пр. *бібі, дуду, тіти, куп-куп, кусь-кусь, ляля, но-но, пу-пу, спай-спай, тані-тані, чічі, чуну-чуну*) или частичной (пр. *во́ва, зю́зя, ку́ка*).

2) Усечение слова (пр. *ху́ся < хустка; че́ся < чесати*). Усечение может сопровождаться редупликацией (пр. *нини < солонина*) или последующей суффиксацией (см. п. 4). Усечению могут подлежать конечные слоги/сочетания звуков (пр. *мо́ньо < молоко; па́льо < палець; цю́цьо < цукор/цукерка*), начальные (пр. *бо́ня < бамбо́ны*), а также срединные (пр. *піці́кий* дет. ‘маленький’ при «взрослом» *піці́цький, піці́нький* ‘малюсенький’ (Саб.)). Возможно, закарпатское детское *інка* возникло в результате усечения начального *р’* у слова *ріпка* — уменьш.-ласк. формы *ріпа* ‘картофель’¹⁶.

3) Суффиксация. Для лексики РОД в целом характерна экспрессивная суффиксация. Так, в большом количестве карпатоукраинских детских, а также уменьшительно-ласкательных слов (в частности, наименований людей и животных) экспрессивная коннотация достигается с помощью конечного *-ьо*: *ба́льо* ‘бублик’ (Дуда); *Бо́зьо* ‘Боженька’ (Турч.); *братьо* ‘брат’ (Саб.); *братцьо* ‘брат’ (Оныш.); *дзядзьо* ‘дедушка’ (Пыр.); *ге́тьо* ‘папа’ (Аст.); *Михайльо* (Оныш.); *мудьо* ‘пакостник’ (Оныш.)¹⁷; *ня́ньо* ‘отец, папа’ (Саб.); *сватцьо* ‘сват (кто сватает)’ (Оныш.), *сивцьо* ‘сивый конь’ (Оныш.); *синцьо* (перен.) ‘милый, любимый’ (Оныш.); *тесцьо* ‘тесть’ (Турч.); *цьо́ньо* ‘конь’ (Оныш.); *цюцьо* ‘сахар’ (Турч.); *чаду́сьо* ‘ребенок’ (Гойс.); *япцьо* ‘яблоко’ (Оныш.)¹⁸ и др. Во многих случаях

¹⁶ Благодарим за это ценное замечание М. Н. Толстую.

¹⁷ Это образование сложно отнести к ласкательным, хотя его экспрессивность очевидна, однако здесь можно вспомнить следующее: «[...] уменьшительно-ласкательные суффиксы [...] на первый взгляд, могут быть отнесены к категории явно положительных. Но в действительности у этих суффиксов имеется важный общий элемент с суффиксами общеотрицательной оценки — позиция “сверху вниз” у говорящего. Уменьшительность или ласкательность в наименовании предмета почти всегда содержит в себе элемент снисходительности, то есть одного из вариантов общей позиции “сверху вниз”». [Зализняк 2012: 652].

¹⁸ Сюда же можно отнести слова *песцьо* ‘любимец’ (Турч.), *мицьо* [‘бутуз’] (Дуда, Гойс.), не имеющие специальных помет, но по своему значению и форме явно при-мыкающие к уменьшительно-ласкательным и детским словам.

благодаря конечному *-bo* появляется двухсложная структура, к которой в целом тяготеет лексика РОД: *носьо* ‘нос’ (Гойс.), *песьо* ‘пес, собака’ (Турч.). Возможно, широкое распространение данной модели произошло под влиянием польского языка, в котором с помощью форманта *-o-* с сопутствующей палатализацией предшествующего согласного образуются многие уменьшительно-ласкательные формы, прежде всего от мужских имен собственных (*Gucio* < *Gustaw*, *Tadzio* < *Tadeusz*, *Kazio* < *Kazimierz* и др.);

4) устранение консонантных кластеров (пр. *лізяти* < *лізти*; *пáйцю* < *спáйцю* < *спати*);

5) субституция звуков, прежде всего субституция твердых согласных палатализованными: *їцяти* (ср. *їсти*); *кúсити* несов. (ср. *кусати*); *плац́яти* (ср. *плакати*); *лізькáти* ‘ложиться’ (ср. *лягати*) (Саб.); *пла(я)цяти*, *плякса*, *цюцьо* (ср. *цукор*) (Дуда) и др. Обилие палатализованных согласных является характерной фонетической чертой детского лексикона. С. Кодзасов писал о символической закреплённости признака палатализации за семантикой малости, обусловленной тем, что «для речи детей младшего возраста (приблизительно до двух лет) очень характерно несколько палатализованное произношение переднеязычных» [Кодзасов 1975: 70].

В целом можно констатировать, что с точки зрения фонетики карпатоукраинский детский лексикон обладает основными чертами, характерными для лексикона РОД: слова преимущественно двусложные, оканчиваются на открытый слог, имеют в своем составе большое количество палатализованных согласных, многие (прежде всего наименования животных) несут отчетливые признаки ономотопеи.

Некоторые карпатоукраинские детские слова представлены только в отдельных исследуемых диалектных словарях (например, лемковское *брру* ‘пить’ (Турч.), *зіюзя* ‘гусь’, *кúка* ‘вши, гниды’ (Гойс.); бойковское *вова* ‘волк’, *м’я́мня* ‘мясо’, *няй* ‘не трогай’, *чúпу-чúпу* ‘семенить’ (Оныш.); гуцульское *гóга* ‘всякие земноводные: жабы, гадюки, ящерицы’ и *гóдзя* ‘маленькое насекомое, жучок, вошь’ (Аст.); закарпатское *гóга* ‘любое насекомое’, *ічкáти* ‘есть’, *інка* ‘картофель’, *нітка* ‘курица’ (Саб.) и др.). Отметим, что в целом в закарпатском словаре И. Сабодоша выявлено больше детских лексем, не имеющих соответствий в остальных рассмотренных словарях карпатоукраинских говоров. Многие из выявленных детских лексем нашли отражение сразу в нескольких рассмотренных

словарях карпатоукраинских говоров (например, лемковское, гуцульское, бойковское и закарпатское *гава* ‘собака’ (Аст., Турч., Оныш., Саб.); лемковское и бойковское *нэсьо* ‘собака’ (Турч., Оныш.); лемковское и бойковское *мóня/мóньо* (Дуда, Турч., Оныш.); бойковское и лемковское *цю́цьо* ‘конфета’ (Оныш., Турч.), а в гуцульском оно же в значении ‘сахар’ (Jan.) и др.). Часть детских слов известна большинству украинских говоров и украинскому литературному языку (*бусь* ‘упадешь!’, *гамати* ‘есть’, *дюдя* ‘холод, холодно’, *ляля* ‘маленький ребенок’, *папа* ‘хлеб’, *тютя* ‘курица’, *цьом* ‘поцелуй, целовать’ и др.). Отдельные лексемы известны не только восточнославянским, но и другим славянским и неславянским языкам (например, *папа* ‘хлеб’). В целом можно утверждать, что в живых народных говорах детская лексика представлена значительно полнее и разнообразнее, чем в литературном языке, однако распространение тех или иных лексем в украинских говорах требует дальнейшего изучения.

Особый интерес представляют детские лексемы, имеющие соответствия в неславянских языках карпатского ареала, на которые обращают внимание авторы словарей: «*бóба* (нескл. дет.) ‘ягодки; смородина’. *Тiхо, нé плач, мáма нéсé бóба*. — Ср. с.-х. *боба* ‘ягода можжевельника’, рум. *boaba* ‘ягоды винограда’» (Оныш.); «*гóга, ы* (ж., дет.) ‘любое насекомое’. *Мигáл’ку, не кýвай тóгу, бо вкýс’iйе т’а*. — Ср. рум. *gogă* ‘страшилище’» (Саб.); «*хúтю* (дет.) ‘собака’. — Ср. венг. *kutyu* [‘собака’] (Оныш.). Представляется необходимым изучение карпатоукраинского детского лексикона в ареальном аспекте для выявления его связей с лексикой РОД контактирующих диалектов.

Источники

- Астаф’ева М., Воронич Г.* Словник гуцульських говірок Річки та Яворова. Ч. 1. А–Ж. Івано-Франківськ, 2014.
- Дуда І.* Лемківський словник. Тернопіль, 2011.
- Онишкевич М.* Словник бойківських говірок. Київ, 1984. Т. 1–2.
- Пиртей П.* Короткий словник лемківських говірок / упор. Є. Д. Турчин. Івано-Франківськ, 2004.
- Сабодош І.* Словник закарпатської говірки села Сокириця Хустського району. Ужгород, 2008.
- Турчин Є.* Словник села Тилич на Лемківщині. Львів, 2011.
- Hojsak O.* Słownik gwary łemkowskiej wsi Wysowa / oprac. M. Aleksiejewa, J. Rieger. Warszawa, 2018.
- Janów J.* Słownik huculski / oprac. J. Rieger. Kraków, 2001.

Литература

- Алексеева 2021 — *Алексеева М. М.* Детская лексика в лемковском словаре Александра Гойсака (говор села Высова) // Исследования по славянской диалектологии. Вып. 23. Памяти Людмилы Эдуардовны Калыныч. М., 2021. С. 131–141.
- Андреева 2018 — *Андреева Е. А.* Фонетические особенности речи, обращенной к ребенку: история вопроса // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. 2018. Вып. 3 (792). С. 9–20.
- Гаврилова 2002 — *Гаврилова Т. О.* Регистр общения с детьми: структурный и социолингвистический аспекты (на материале русского языка). Дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 2002.
- Гагарина 2008 — *Гагарина Н. В.* Этапы развития глагольных форм в детской речи // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2008. № 2 (12). С. 157–167.
- Горячева 2012 — *Горячева Т. В.* Этимологические заметки по русской и славянской лексике // *Этимология 2009–2011*. М., 2012. С. 63–77.
- Дзедзелівський 1987 — *Дзедзелівський Й. О.* Програма для збирання матеріалів до Лексичного атласу української мови. Київ, 1987.
- Зализняк 2012 — *Зализняк А. А.* Механизмы экспрессивности в языке // Смыслы, тексты и другие захватывающие сюжеты: Сб. ст. в честь 80-летия Игоря Александровича Мельчука. М., 2012. С. 650–664.
- Зеленкова 2016 — *Зеленкова Е. А.* Фонетические особенности речи взрослого в разговоре с ребенком (на материале британского варианта английского языка) // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. 2018. Вып. 1 (740). С. 66–77.
- Иванов 2014 — *Иванов В. А.* Подзывные слова в финно-угорских и русских диалектах и их связь с названиями животных // Актуальные проблемы диалектологии языков народов России: Материалы XIV Всероссийской научной конференции. Уфа, 2017. С. 47–52.
- Иванов 2015 — *Иванов В. А.* Детские слова и их место в языке (на материале финно-угорских языков) // Актуальные проблемы диалектологии языков народов России: Материалы XV Всероссийской научной конференции. Уфа, 2015. С. 97–99.
- Иванов 2016 — *Иванов В. А.* О двух периферийных лексических группах в горномазийском языке // *Финно-угорский мир*. 2016. № 4. С. 13–23.
- Кодзасов 1975 — *Кодзасов С. В.* Две заметки о звуковом символизме // Исследования по структурной и прикладной лингвистике. М., 1975. С. 63–70.
- Линник 2002 — *Линник Т. Г.* Специфічно дитячі слова української мови: семантика та морфологія // *Культура народів Причорномор'я*. 2002. № 32. С. 87–90 (цит. по: <http://dspace.nbuv.gov.ua/bitstream/handle/123456789/75163/30-Linnik.pdf?sequence=1>).
- Макарова 2011 — *Макарова А. Б.* Между глаголом и существительным: русские слова типа *баиньки* // *Acta Linguistica Petropolitana*. Труды института лингвистических исследований. 2011. № 3. С. 354–359.

- Раденковић 2000 — *Раденковић Љ.* Страшила за децу — неке словенске паралеле // Животни циклус. Реферати бугарско-српског научног скупа. 12–16 јуни 2000. Софија, 2000. С. 146–155.
- Сигал 2019 — *Сигал К. Я.* А. М. Шахнарович и теорија детској голофрази // Вопросы психолингвистики. 2019. № 4 (42): К 75-летию со дня рождения А. М. Шахнаровича. С. 14–25.
- СРНГ 25 — Словарь русских народных говоров. Л., 1990. Вып. 25.
- СУМ — Словник української мови. Київ, 1970–1980. Т. I–XI.
- Ferguson 1978 — *Ferguson C. A.* Talking to children: A search for universals // *Universals of Human Language* / ed. J. H. Greenberg. Stanford, 1978. Vol. 1: Method and Theory. P. 202–224.

Summary

Madina M. Alekseeva

Nursery lexicon in Carpatho-Ukrainian dialects

The aim of the paper is to present nursery lexicon registered in several dictionaries of Carpatho-Ukrainian dialects (Lemko, Boyko, Hutsul, Transcarpathian dialects). Lexemes marked as “nursery words” demonstrate features proved universal for baby talk in most languages and bear signs of contacts with other languages of the Carpathian region (first of all Polish) which leads to the idea of an areal approach in studying the Carpatho-Ukrainian nursery lexicon.

Keywords: nursery lexicon, baby talk, child-directed speech, Carpatho-Ukrainian dialects, dialectal dictionary, vocative words for animals

Т. В. Шалаева
(Москва)

О суффиксе существительных *-ой-* в русских диалектах

Статья посвящена описанию субстантивного суффикса *-ой-* в русской лексике. В частности, на конкретных примерах анализируются его функции, производящие основы лексем, его содержащих, и их словообразовательные варианты. На основе представленного материала предлагаются версии о происхождении отдельных слов, которые с большой долей вероятности могут включать суффикс *-ой-*. Например, его наличие предполагается в таких названиях растения зверобой (*Hypericum perforatum*), как *свербо́й*, *сверебо́й*, *сверобо́й*, *своробо́й*, *зверьбо́й*, *зверебо́й*, *зверобо́й*.

Ключевые слова: русское диалектное словообразование, этимология, народная этимология, зверобой.

Суффикс *-ой-* регулярно используется при образовании существительных в русских говорах, хотя и не является частотным формантом. Насколько можно судить, он не упоминается в фундаментальных работах по русскому словообразованию. Речь будет идти именно о субстантивном суффиксе *-ой-*, поэтому вначале следует упомянуть те случаи, в которых он имеет другую первоначальную функцию.

Так, исследователи не раз писали об этимологии праславянского слова **děvoja* (ср. ст.-польск. *dziewoja* ‘молодая красивая девушка’, др.-чешск. *děvojě* ‘девушка’, диал. морав. *děvoja* ‘взрослая девушка’, словац. диал. *devoja* ‘девушка’ [SP III: 185]) и его дериватов, например, **děvojь-ka*, чьи континуанты известны большинству славянских языков [SP III: 185–186; ЭССЯ 5: 20–21] (ср., например, русск диал. *дево́йка* ‘девушка’ (тамб.) [СРНГ 7: 318]). Считается, что изначально суффикс *-oj-* в них был адъективным и имеет индоиранское соответствие *-aja-*. Форма **děvoja* в таком случае представляет собой субстантиват [SP I: 88; SP III: 186; ЭССЯ 5: 21; Vaillant II: 504–505, 527; Трубачев 2008: 158].

Кроме того, в славянских языках фиксируются продолжения и дериваты праславянских образований **dъvojь*, **trojь*, которые также являются прилагательными и имеют цельнолексемные индоевропейские соответствия: ср. др.-инд. *dvayás* ‘двойной’, *trayás* ‘тройной’, лит. *dvejì*, *dvėjios*

‘двое, две’, *trejì, trějos* ‘три’ [ЭССЯ 5: 192; SP V: 183–184; Derksen: 131, 499; Pokorny I: 228–231, 1090–1092]¹.

Собственно субстантивный суффикс *-oj-* Ф. Славский в «Очерке славянского словообразования» выделяет в гипокористических формах антропонимов: с.-хорв. *Radoje* от *Radoslav*, *Miloje* от *Miloslav*, *Blagoje* от *Blagomir* [SP I: 88; Skok I: 415]. Для некоторых из них он приводит варианты с суффиксом *-uj-* (**Radujь, *Milujь*), который встречается в той же функции: ср. др.-чешск. *Vogujь* от *Boguslavь*, *Bratujь* от *Bratumilь* [SP I: 88–89]. О подобном употреблении суффикса *-oj-*, но в апеллятивной лексике и будет рассказано далее.

В русских говорах он содержится в формах, производных от существительных, прилагательных и глаголов. Часто они представляют собой деминутивные и гипокористические образования. Во многих случаях такие слова имеют однокоренные варианты с другими суффиксами, включающими в себя консонантный элемент *j*. Примеры отсубстантивных образований:

воробóйка ‘воробей’ (курск.) [СРНГ 5: 103], *воробóюшек* ‘воробышек’ (белгород.) [Дьяченко, Крылов, Мальшева, Тер-Аванесова 2019: 85] от корня *вороб-* при *воробéйка* ‘то же’ (смол., новг., арх., курск.) [СРНГ 5: 102], *воробéюшка* ‘то же’ (арх.) [там же];

жеребóй ‘растение зверобой’ (пск.) [ЛЯРНГ 1: 491–493], *жеребóй* ‘то же’ (иркут., мордов.) [СРНГ 9: 136; Сл. Мордовии 1: 234] от корня *жереб-* при *жеребéй* ‘то же’ (киров.) [ЛЯРНГ 1: 491–493];

илóй ‘вязкая глинистая почва на дне реки’ (арх.), ‘топкое, вязкое место по берегу реки’ (волог.) [СГРС 3: 329] от корня *ил-*;

коробóйка ‘короб или сундук из гнутой древесины’ (Даль, без указ. места) [СРНГ 14: 347] от корня *короб-* при *коробéйка* ‘короб; корзина’ (вят., киров., карел., арх., олон., онеж., волог., новг., перм., сиб., южн.-сиб.) [СРНГ 14: 344];

куртóйка ‘теплая (на вате) кофта, плотно обтягивающая стан; фуфайка’ (арх.) [СРНГ 38: 193] от корня *курт-* при *куртáйка* ‘мужская куртка’ [СРНГ 16: 145], *куртéйка* ‘куртка’ (пенз.), ‘теплая безрукавка’ (моск.) [там же];

тáтой ‘отец, тятя’ (олон.) [СРНГ 43: 309] от *тáта* ‘то же’ (арх., мурман., онеж., олон., волог. и др.) [СРНГ 43: 302];

¹ Следствием действия модели форм **dъvojь, *trojь*, производных от числительных, является русское диалектное наречие *по однёйке* ‘по одному’ (*В Филине-то теперь девять жителей, все по однёйке живут*) (волог.) [СРГК 4: 156].

хамойка ‘мочалка, тряпка для хозяйственных нужд’ (смол.), ‘банная мочалка’ (смол.) [СРНГ 49: 283] от корня *хам-* финно-угорского происхождения и далее — из германских языков [Фасмер IV: 221], ср. также *хамалка* ‘кухонная тряпка’ (морд.) [СРНГ 49: 276], *хамантина* ‘какой-либо предмет одежды; одежонка’ (ленингр.) [там же], *хаматенье* ‘плохая, старая обувь’ (смол.) [там же], *хамунька* ‘старая поношенная свитка’ (новг.) [СРНГ 49: 284];

холодой ‘нарядный фартук с крылышками’ (заурал.) [СРНГ 51: 199] от *холод* (ср. *холод* ‘свободное женское платье’ (алт.) [СРНГ 51: 172]) при *холодай* ‘широкий и длинный фартук’ (свердл., тюмен.), ‘фартук с нарядными крылышками’ (курган.), ‘женское летнее платье свободного покроя’ (том., свердл., новосиб. и др.) и т.д. [СРНГ 51: 173–174], *холодейка* ‘женская кофта’ (пск.) [СРНГ 51: 176].

хорой ‘годовалый самец оленя’ (арх.) [СРНГ 51: 283] от *хора* ‘некастрированный самец оленя — производитель’ (арх.), ‘такой самец оленя определенного возраста: одного года’ (арх., енис., сиб.) и др. [СРНГ 51: 270];

Вероятно, суффикс *-ой-* входит в состав лексемы *козой* ‘упрямец, лентяй’ (арх.) [СРНГ 14: 72]. В ней можно было бы видеть прилагательное от корня *коз-*, но пока в русских говорах такого не обнаружилось, как и его возможного варианта **козий*. Однако фиксируются однокоренные с *козой* существительные *козлок* ‘о прямом, честном, но упрямом человеке’ (Даль, без указ. места) [СРНГ 14: 69], *козан* ‘то же’ (Даль, без указ. места), ‘игральная кость, бабка’ (пск., твер., нижегор.) [СРНГ 14: 57] и *козей*, *козейка* ‘игральная кость, бабка’ (дон., Даль) [СРНГ 14: 58]. Таким образом, *козой* — *козей* могут представлять собой пару, аналогичную *воробойка* — *воробейка*, *коробойка* — *коробейка*, *жеребой* — *жеребей*, *скуртойка* — *куртейка*.

Кроме того, суффикс *-ой-*, по-видимому, содержится в словах *вицелой*, *вичелой* ‘густые заросли кустарника, молодого лиственного леса’ (волог.) [СГРС 2: 123] с дериватами *вицелойник*, *вичелойник* ‘то же’ (волог.) [там же]. А. Е. Аникин считает их результатом сложения корней *виц-* (ср. русск. диал. распр. *вица*, *вича* ‘гибкий прут, ветка’ [СРНГ 4: 307–308]) и *-вой* от *вить* с диссимилятивным преобразованием незафиксированного **вицевой* в *вицелой* [РЭС 7: 277]. Однако представляется, что в *вицелой* можно выделить суффикс *-ел-*, на который указывают формы *вичельный* ‘сделанный из гибких прутьев’ (волог.) [СГРС 2: 124], *вичельник* ‘корзина, сплетенная из прутьев’ (арх.) [там же] и *вицляг* ‘длинная гибкая

ветвь, которую, связав с двумя-тремя другими, кладут на стог сверху, чтобы ветром не раздувало сено' (волог.) [СГРС 2: 125]. Далее к основе *вицел-* вполне мог быть присоединен суффикс *-ой-* с вариантом *-ай-*: ср. *вичелáйник* 'густые заросли кустарника, молодого лиственного леса' (волог.) [СГРС 2: 124].

Отадъективные формы:

белóйко 'животное белой масти' (арх.) [СРНГ 2: 220] от корня *бел-* при *белáйка* 'заяц-беляк' (олон.) [СРНГ 2: 239];

домовóюшко 'добрый или злой дух, живущий в доме; домовый' (волог.) [СГРС 3: 249] от основы *домов-* при *домовéюшко* 'то же' (арх.) [СГРС 3: 248], *домовéюшка* 'то же' (арх.) [там же], *домовéйко* 'то же' (арх.) [там же];

соловóюшка (ласк.) 'соловей' (курск.) [СРНГ 39: 278] от корня *солов-* при *соловéюшка* 'то же' (север., олон., яросл., уфим., оренб., терск., том.) [СРНГ 39: 277].

Возможно, к этой группе допустимо отнести и форму *пухтóй* 'птица светло-серого цвета, вид чайки' (арх.) [СРНГ 33: 165; Подвысоцкий: 143], которая сопоставляется с финно-угорскими прилагательными: вепс. *puhtaz*, саам. *puhtēs*, фин. *puhdas*, люд. *puhtaz* 'чистый' [Мызников 2019: 640].

К отглагольным производным с суффиксом *-ой-* относятся следующие:

жмой (пск.) 'очень скупой человек, скряга' [СРНГ 9: 205], *жмóя* (новг.) 'то же' [СРНГ 9: 206], *жмóйка* (пск.) 'то же' [СРНГ 9: 205-206], *жмóина* (новг.) 'то же' [СРНГ 9: 205], *жмóйда* (пск., петерб., смол.) 'то же' [там же] от *жать*, *жму*, ср. литер. *жмот*.

Помимо приведенных лексем, включающих суффикс *-ой-*, кажутся примечательными случаи, когда в результате действия народной этимологии он выделяется в словах, которые исконно его не содержат. К ним относятся изменения, произошедшие с формой *нуторóй* 'крот' (калуж.) [СРНГ 33: 155] с дериватами *нуторóйка* 'то же' (влад.) [там же], *нутерóйка* 'мышь-землеройка' (р. Урал) [СРНГ 33: 149]. Данные лексемы состоят из корней *нут-* и *рой-*, поскольку кроты прокладывают, роют в земле ходы, ср. *землерóй*, *землерóйка* (распр.) [ЛЯРНГ 2: 180–183; СРНГ 11: 256]. Затем вследствие межслоговой ассимиляции и метатезы фонетический облик этих слов менялся: ср. *поторóй* 'крот' (калуж.) [СРНГ 30: 298], *поторóйка* 'то же' (влад., моск.) [там же], *путурóй* 'то же' (орл.) [ЛЯРНГ 2: 180–183], *потурóй* 'то же' (калуж., орл., тул., курск., тамб.) [СРНГ 33:

316; ЛАРНГ 2: 180–183], *потурóйка* ‘то же’ (тул.) [СРНГ 33: 316]². В результате этих преобразований морфемная структура и внутренняя форма указанных обозначений крота затемнялись, в них происходило переразложение, и конечный элемент -ой- воспринимался как суффикс, который можно заменить другим, в частности, содержащим *j* или нулевым. В итоге появляются следующие образования: *потурáй* ‘крот’ (орл., калуж.) [СРНГ 30: 315], *нуторáка* ‘мышь-землеройка’ (волог., р. Урал) [СРНГ 33: 155], *нўтор* ‘то же’ (р. Урал) [там же], *потурá* ‘крот’ (тул., курск.) [СРНГ 30: 298; ЛАРНГ 2: 180–183]. Очевидно, что все эти изменения стали возможны вследствие регулярности суффикса -ой- в русской системе словообразования и возможности его мены с другими формантами.

Констатация наличия суффикса -ой- в русском языке позволяет сделать некоторые этимологические выводы. А именно, в говорах отмечены следующие названия растения зверобой (*Hypericum perforatum*), производные от глагола *свербеть* ‘зудеть, чесаться, колотиться’: *свербóй* (нижегор., ленингр.) [СРНГ 36: 236; ЛАРНГ 1: 491–493], *сверебóй* (орл.) [ЛАРНГ 1: 491–493], *сверобóй* (волог., костром., пск., нижегор., твер., марийск., калуж, влад., ульян., орл., тул., тамб., рост.) [там же; СРНГ 36: 240], *своробóй* (пск.) [КПОС]. От того же корня образуются фитонимы с суффиксом -ей-: *свербéй* ‘растение сем. водокрасовых; телорез алоэ-видный’ (том.) [СРНГ 36: 234], *свербéйка* ‘растение сем. крестоцветных; горчица полевая’ (курс., орл.), ‘растение сем. зонтичных; купырь лесной’ (тул.) [там же], *сербéйка* ‘растение сем. крестоцветных; свербига восточная’ (курс.) [СРНГ 37: 182]. Несколько лет назад была высказана гипотеза о том, что *свербéй* был преобразован в *свербóй* в результате народноэтимологической интерпретации конечного элемента -бей как варианта корня *бить*, *бой*, поскольку аналогичное изменение происходит в других формах после согласного б: ср. приведенные выше *воробéйка* — *воробóйка*, *коробéйка* — *коробóйка*, *жсеребéй* — *жсеребóй* [Шалаева 2018: 474]. Однако из представленного материала видно, что -ей- чередуется с -ой- не только после б (ср. *соловóюшка* — *соловéюшка*, *скуртóйка* — *куртéйка*, *холодóй* — *холодéйка*) и не только с -ой- (ср. *белóйко* — *белáйка*, *скуртóйка* — *куртáйка*, *холодóй* — *холодáй*). Следовательно, и *свербóй*, *сверебóй* можно трактовать как дериват глагола *свербеть* с суффиксом -ой-, аналогично производности *жмой* от *жать*, *жму*.

² Предположение М. Фасмера об образовании *потурóй* от *пот* и *рыть* кажется неубедительным [Фасмер III: 346].

Говоря о названиях зверобоя с корнем *сверб-* (*свербо́й, сверебо́й, сверобо́й*), нельзя не вспомнить их литературный аналог *зверобо́й* и сходные с ним диалектные формы *зверьбо́й* (курск., удмурт., башкир., волгогр.) [ЛЯРНГ 1: 491–493], *зверебо́й* (карел., арх., коми, яросл., смол., курск., волгоград., рост.) [там же; СРНГ 11: 215]. По одной из версий, последние лексемы появились вследствие озвончения начального согласного в производных от *сверб-* и затем утвердились благодаря народной этимологии, которая связала их с корнями *звер-* и *-бой*. Конкретно корень *сверб-/зверб-* в результате действия второго полногласия изменился в *свереб-/звереб-*, затем вследствие межслоговой ассимиляции в форме *сверебо́й/зверебо́й* — в *свероб-/звероб-*, и далее в *зверобо́й* произошло переразложение *звер-о-бо́й* [Шалаева 2018: 471–478; 2020: 128–133].

Такая трактовка морфемной структуры слова могла быть поддержана наличием его синонимов, действительно содержащих корень *бой-*: ср. *градобо́й* ‘растение зверобой’ (тул.) [СРНГ 7: 109]. Это название мотивировано внешним видом листьев зверобоя, имеющим мелкие пятнышки, которые выглядят как отверстия. Не случайно во многих славянских языках зверобой называется дериватами корней с исходным значением ‘колоть, бить’: ср. русск. диал. *дыря́вник*, курск. *дыря́вчик, дыря́вый зверобо́й, дыря́вли́вый зверобо́й*, польск. *dziurawiec*, болг. *порязаното биле, посяково биле, посечена трева, с.-хорв. прострелник, прострельено зелье*, чешск. *prostřelenec*. Тот же признак лежит в основе наименований зверобоя с корнем *сверб-/свороб-* [Шалаева 2020: 130–131]. Что касается основы *градобой-*, то ее первичное значение ‘побитый градом’ (ср. *градобо́й* ‘град, выбивающий хлеба’ (волог.) [СРНГ 7: 109], *градобо́йный* ‘выбитый, побитый градом (о посевах, хлебах)’ (самар., челяб., свердл.) [там же]) трансформируется в ‘имеющий выбоины, шершавый’ (ср. *градобо́йный* ‘со следами оспы на лице’ (урал.) [там же]).

Аналогичная народноэтимологическая реинтерпретация коснулась, по-видимому, не только *зверобо́й*, но и других лексем, содержащих суффикс *-ой-* и упомянутых выше. В ярославских говорах зафиксировано слово *жиробой* (удар.?) ‘травянистое растение (какое?)’ [ЯОСД I: 228]. Представляется, что эта форма появилась вследствие преобразования *жеребо́й*, в котором произошло ассимилятивное изменение гласного в предударном слоге (**жеробо́й*), ср. *сверебо́й* — *сверобо́й, зверебо́й* — *зверобо́й*. А затем начальный элемент *жер-* перешел в *жир-*, вероятно, также из-за толкования конечного *-бой* как варианта корня *бить* и объяснения морфемной структуры слова как сложения корней.

Литература

- Дьяченко, Крылов, Малышева, Тер-Аванесова 2019 — Дьяченко С. В., Крылов С. А., Малышева А. В., Тер-Аванесова А. В. Материалы по распределению двух фонем «типа о» в южнорусском говоре села Роговатое // Славянское и балканское языкознание: Русистика. Славистика. Компаративистика. Сборник к 64-летию С. Л. Николаева / отв. ред. А. Ф. Журавлев. М., 2019. С. 34–150.
- КПОС — Картотека «Псковского областного словаря с историческими данными». Санкт-Петербургский государственный университет, Межкафедральный словарный кабинет им. проф. Б. А. Ларина, г. Санкт-Петербург.
- ЛАРНГ 1 — Лексический атлас русских народных говоров. Т. 1. Растительный мир / отв. ред. Т. И. Вендина. М.; СПб., 2017.
- ЛАРНГ 2 — Лексический атлас русских народных говоров. Т. 2. Животный мир / отв. ред. Т. И. Вендина. М.; СПб., 2022.
- Мызников 2019 — Мызников С. А. Русский диалектный этимологический словарь: Лексика контактных регионов. М.; СПб., 2019.
- Подвысоцкий — Подвысоцкий А. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885.
- РЭС — Аникин А. Е. Русский этимологический словарь. Т. 1–15. М.–СПб., 2007–2020–.
- СГРС — Словарь говоров Русского Севера / под ред. А. К. Матвеева (т. 1–5), М. Э. Рут (т. 6–). Т. 1–7. Екатеринбург, 2001–2018–.
- Сл. Мордовии — Словарь русских говоров на территории Республики Мордовии / сост. Т. В. Михалева, Р. В. Семенкова, Л. К. Чикина. Ч. I–II. СПб., 2013.
- СРГК — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / гл. ред. А. С. Герд. Т. 1–6. СПб., 1994–2005.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин (вып. 1–24), Ф. П. Сороколетов (вып. 25–46), С. А. Мызников (вып. 47–52–). М.; Л.; СПб., 1965–2021–.
- Трубачев 2008 — Трубачев О. Н. История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя // Трубачев О. Н. Труды по этимологии. Слово. История. Культура. Т. 3. М., 2008. С. 9–288.
- Фасмер — Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. I–IV / перевод с немецкого и дополнения О. Н. Трубачева. Изд. 4-е, стереотипное. М., 2003.
- Шалаева 2018 — Шалаева Т. В. Русская фитонимия и народная этимология (на материале «Лексического атласа русских народных говоров») // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования). 2018 / отв. ред. С. А. Мызников. СПб., 2018. С. 467–486.
- Шалаева 2020 — Шалаева Т. В. К этимологизации русской диалектной лексики (*прусак* ‘заяц-русак, *Lepus eugoraicus*, *птичка-зверобой*) // Севернорусские говоры. Вып. 19 / отв. ред. Е. В. Пурицкая. СПб., 2020. С. 124–139.
- ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков (Праславянский лексический фонд) / под ред. О. Н. Трубачева (вып. 1–31), О. Н. Трубачева и А. Ф. Журавле-

- ва (вып. 32), А. Ф. Журавлева (вып. 33–39), А. Ф. Журавлева и Ж. Ж. Варбот (вып. 40), Ж. Ж. Варбот (вып. 41–42–). М., 1974–2021–.
- ЯОСД — Ярославский областной словарь. Дополнения / науч. ред. Т. К. Ховрина. Т. I–II. Ярославль, 2015.
- Derksen — *Derksen R.* Etymological Dictionary of Slavic Inherited Lexicon. Leiden; Boston, 2008.
- Pokorny — *Pokorny J.* Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern; München, 1959.
- Skok — *Skok P.* Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Knj. I–IV. Zagreb, 1971–1974.
- SP — Słownik prasłowiański / pod red. F. Sławskiego. T. I–VIII Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1974–2001.
- Vaillant — *Vaillant A.* Grammaire comparée des langues slaves. T. I–V. Paris, 1950–1977.

Summary

Tatiana V. Shalaeva

On the Substantive Suffix *-oŭ-* in the Russian Dialects

The paper deals with description of the substantive suffix *-oŭ-* in the Russian lexicon. In particular, concrete examples show its functions, underlying stems in the words which include it and their word-formation variations. New versions of the origin of some words which might include the suffix *-oŭ-* are given on the basis of presented material. For instance, suffix *-oŭ-* is assumed in such names of St. John's wort (*Hypericum perforatum*) as *свербоŭ*, *сверебоŭ*, *сверобоŭ*, *своробоŭ*, *зверьбоŭ*, *зверебоŭ*, *зверобоŭ*.

Keywords: Russian dialect word-formation, etymology, folk etymology, St. John's wort.

*И. А. Букринская,
О. Е. Кармакова
(Москва)*

Среднерусские говоры: сравнительное описание центра и периферии

*О, Запад есть Запад, Восток есть Восток,
И с мест они не сойдут...*

Р. Киплинг

В работе дана сравнительно-сопоставительная характеристика двух современных среднерусских говоров, восточного окающего и западного акающего. Их особенности рассматриваются не только на фоне противопоставления западного и восточного русского диалектного континуума, но и с точки зрения оппозиции центральных и периферийных говоров. Восточный идиом, расположенный в Волго-Окском междуречье, принадлежит к ядру зоны центра и имеет ряд черт, совпадающих с литературным языком, в основу которого легли именно говоры указанной территории. Западному идиому свойственны признаки периферийных говоров, а также северо-западной и западной диалектных зон. С исторической точки зрения восточный говор, по-видимому, восходит к ростово-суздальскому диалекту, а западный — к новгородско-псковскому. Материал показывает, что диалектные признаки, которые противопоставляют центральный (восточный) и периферийный (западный) говоры, хорошо сохранились на всех языковых уровнях.

Ключевые слова: западный и восточный среднерусские говоры, центр и периферия русского лингвистического ландшафта, ростово-суздальский диалект, новгородско-псковский диалект.

Среднерусские говоры по сравнению с другими единицами диалектного членения, как нам представляется, меньше изучены, поскольку существует негласное мнение, что они подверглись за последнее время сильному размыванию и поэтому большого интереса для лингвистов не представляют. Однако для понимания процессов как диахронического, так и синхронного характера важно уяснить основные звенья оппозиции «запад — восток», описав современное состояние русского западного и восточного говоров. В свою очередь эта проблема связана с языковыми комплексами центра и периферии. Так, большая часть восточных средне-

русских говоров входит в центральную диалектную зону, а часть западных акающих тяготеет к говорам периферии.

Как известно, зона центра впервые была выделена К. Ф. Захаровой и В. Г. Орловой, которые указали явления, свойственные русским центральным и периферийным говорам [Захарова, Орлова 1964]. Напомним, что центральная диалектная зона включает несколько пучков изоглоссы, ядром зоны являются говоры Волго-Клязьминского междуречья и примыкающие к ним костромские, московские и нижегородские. При этом существует пучок изоглоссы, очерчивающий более обширную территорию центральных говоров. Важность и плодотворность противопоставления центра и периферии на материале фонетики подтвердила С. В. Бромлей. По ее мнению, основой указанной оппозиции выступает консонантность, свойственная центральным говорам, и вокальность, характеризующая периферийные [Бромлей 1985]. Изучению говоров центра на лексическом уровне посвящены работы [Букринская, Кармакова 2003; 2014].

Традиционно считается, что архаические явления в меньшей степени сохраняются в центре в отличие от периферии. Но это положение не подходит для русских говоров, поскольку и в тех и в других представлены архаические черты на разных языковых уровнях. При этом надо иметь в виду, что русская зона центра с точки зрения восточнославянского континуума является периферией [см. Калынь 2000]. Говоры центральной диалектной зоны связаны по происхождению с ростово-суздальским диалектом, исследованным в работах [Аванесов 1947; Горшкова 1972], именно он впоследствии составил основу московского идиома, а в дальнейшем литературного языка. Позже С. Л. Николаев, изучавший эти говоры, назвал их «великорусскими говорами литературного типа», которые «имеют акцентологические особенности, резко отличающие их от прочих славянских языков» [Николаев 1994: 43]. Кроме того, в них отсутствуют многие явления общезападного происхождения, присущие восточнославянским языкам [Хабургаев 1980]. Таким образом, реконструкция становления диалектных различий и оппозиция центральных и периферийных говоров выявила противопоставление запада и востока в рамках восточнославянского пространства.

Данная статья написана на основе материалов, собранных в экспедициях последних лет: в 2014 г. обследован говор с. Молоты́цы Муромского района Владимирской области, в 2018–2019 гг. — говор д. Лужнико́во Вышневолоцкого района Тверской области, в каждом из них традиционный говор записан от жителей 30–40-х гг. рождения. Для сопоставле-

ния привлекались данные Диалектологического атласа русского языка (ДАРЯ), относящиеся к 50–60-м гг. XX в. Идиом с. Молотицы — восточный среднерусский окающий (неполное оканье), входит в Нижегородскую подгруппу Владимирско-Поволжской группы [Букринская, Кармакова 2017]. Идиом д. Лужникова — западный среднерусский акающий, принадлежит к селигеро-торжковским говорам [Букринская, Кармакова 2021]. Диалектные признаки, противопоставляющие центральный (восточный) и периферийный (западный) говоры, хорошо сохранились на всех языковых уровнях.

Явления, характеризующие восточный говор, совпадают во многом с литературным языком. К ним относятся следующие: губно-зубной характер фонемы /в/, чередующейся с *ф* в слабой позиции; мягкость губных на конце слова: *кро*[ф'], *морко*[ф'], *се*[м']; мягкие долгие шипящие: *о́б*[ш'ш']*ий*, *годо́в*[ш'ш']*ина*; переднеязычная (зубная) пара [л – л']: *мо*[л] *око́*, [л'у] *би́л*; формы *свекровь*, *мать*; различие Д. и Т. падежей существительных мн. ч.; чередование в глагольных основах наст. вр.: *пеку́*, *печёшь*, *печёт*, а также некоторые лексические признаки: *амба́р*, *цеп*, *крони́ва*.

Кроме того, есть черты, которые были свойственны старомосковскому произношению и в современных орфоэпических словарях даются с пометой *устар.* Мы имеем в виду твердость заднебных согласных в основе прилагательных муж. р. ед. ч. И. п.: *ста́рень*[кь']*й*, *ми́лень*[кь']*й*, *хоро́шень*[кь']*й*, а также твердость -с в возвратной частице у глаголов в форме прош. вр.: *возврати́л*[с]а, *верну́ла*[с], *сделала*[с]. Во второй половине XX в. подобное произношение стало принадлежностью строгого стиля или сценической речи, о чем писал Р. И. Аванесов.

У информантов старшего поколения отмечается мягкость губных перед мягкими заднебными: *де́*[ф']*ки*, *ма́*[м']*ки*, *на остано́*[ф']*ки*, в настоящее время такое произношение сохраняется у некоторых носителей литературного языка, по мнению Аванесова, оно «приобрело просторечную окраску» [Аванесов 1972: 126].

Помимо признаков, совпадающих с литературным языком, в говоре с. Молотицы сохранились и архаические черты, восходящие к ростово-суздальскому диалекту. К ним относятся:

1. предударное ёканье, при котором [о] выступает не только на месте *е и *ь, но и на месте *ё (*по се́лу́*, *вёзу́*, *бе́зу́*, *ле́ту́чка*), оно свидетельствует о раннем совпадении *ё и *е в предударном слоге, см. подробнее [Николаев 2014; Дьяченко, Исаев, Тер-Аванесова 2015];

2. наличие местоимения 3 л. мн. ч. *онé* (сосуществует с литературной формой): *онé на войнé убíты, онé там живúт* [ДАРЯ II, карта 68];

3. фонема /e/ в окончаниях притяжательных местоимений *мой, твой, свой* в Т. и П. падежах ед. ч.: *с моём, в моём* и в формах мн. ч. *моё, твоё, своё, моёх, моёми*. Компактный ареал распространения этих форм в целом повторяет конфигурацию ареала ёканья на месте *ё, но является более обширным и плотным [ДАРЯ II, карта 76, 78]. При этом отмечено сосуществование с литературными формами. Заметим, что более последовательно /e/ сохраняется в И. п. мн. ч.: *своё портнiихи были, твоё óкна, моё брáтья*. Вероятно, /e/ (из Ё) пришло из формы мн. ч. жен. р. (*моё*) с аналогическим выравниванием в косвенных падежах при поддержке форм местоименного склонения твердой разновидности: *тътъ, с тъмь, ть, тьхъ, тъмь, тьми, в тьхъ*;

Черты, названные в п. 2 и 3, а также омонимия Т. и П. падежей у прилагательных, местоименных прилагательных и местоимений (об этом см. ниже), представлены и в восточных говорах позднего заселения — нижегородских, ульяновских, о чем свидетельствуют работы диалектологов [Хрестоматия 2009; Мызникова 2020].

4. Старое ударение на окончании у ряда глаголов II спряжения в формах ед. и мн. ч.: *варю́ — вари́шь — вари́м — варя́т; свар[и́щ]а* (каша), *валит́ — свали́шь, дарю́ — дари́шь — дарит́ — даря́т, дои́шь — дои́м — доя́т; морим́ — мори́мся; солю́ — соли́шь — соли́м — соля́т, тацит́ — тацит́м — таца́т; ложа́т, топя́т; посмотре́шь, распи́лим*; об этом акцентологическом архаизме более подробно см. [Дыбо, Замятина, Николаев 1990].

Некоторые из этих глаголов достаточно долго сохраняли ударение на окончании в литературном языке, чему мы находим подтверждение в орфоэпических словарях. Так, формы *до́ит* и *дои́т* остаются акцентными дублетами, т. е. равноправными вариантами до настоящего времени (в ОС даже приводится поговорка: *говоря́т, что кур доя́т*), *мори́т* является нормой, хотя в узусе преобладает, на наш взгляд, вариант, помеченный в словаре как «не рек. мо́рит», имеют пометы *дарит́* — «допуст. устар.»; *солит́* — «допуст. старш.» [БОС]. Форма *тацит́м, таца́т* — устар., была нормой в XIX в., например у Пушкина (Озираясь, он спешит; Он потопленное тело В воду за ноги *тацит*) [СЯП 2]. Об акцентной эволюции глаголов II спряжения в истории русского языка см. [Зализняк 2019].

6. Инфинитив с ударением на *-и*: *печи́, беречи́, стеречи́*. По материалам ДАРЯ, в муромских говорах было представлено сосуществование

форм *печь* — *печи́*, *берець* — *беречи́* [ДАРЯ II, карта 101]. В современном говоре старые формы типа *печи́* фиксируются, но крайне редко.

В муромском говоре отмечена характерная черта северо-восточной диалектной зоны — постпозитивная частица. Она согласуется по морфологическому принципу, по есть примеры согласования и по фонетическому принципу: *спіны-ти изломаны*, *пчѣлы-ти вѣвелись*, *у Олиньки-ти*, *в деревне-ти*, *в войну-ту*, *границу-ту*, *на краю-ту*; встретились примеры присоединения частицы *ту* даже к наречиям — *так-ту*, *сейчас-ту*.

В области лексики можно привести такие архаизмы, как композит *дуга-радуга* и наименование ольхи *елѡха*, *елѡх*, которые сохранились в речи представителей старшего поколения. Оба архаизма распространены в пределах максимального ареала центральной диалектной зоны, см. также [ЛАРНГ, индекс материалов к карте 68].

Далее охарактеризуем западный среднерусский говор д. Лужниково. Ему свойственны основные черты периферийного говора: следы губно-губного образования фонемы /в/. а именно произношение [w] в отдельных словах перед лабиализованными гласными: *голо[w]ушки*, *корѡ[w]ушка*, [w]от; отверждение губных на конце слова: *кро[ф]*, *любѡб[ф]*, *се[м]*; твердые долгие шипящие: *му[шш]ина*, *кладби[шш]е*, *прие[жж]али*, *до[шш]*; регрессивная ассимиляция в сочетании *дн* у отдельных информантов при существовании с литературным произношением: *трудоні́*, *до послѣннего*, *онна́*; отмечено / альвеолярное (европейское) у некоторых информантов: [l]ошадѣ́й, на хо[l]оду́, повоті́[l]а; упрощение групп согласных на конце слова: *мос(т)*, *хвос(т)*, *е[с'](ть)*, *обла[с'](ть)*, *жи[с']* (жизнь), формы инфинитива с ударением на основе и упрощением конечного согласного: *принѣ[с']* (принести), *подмѣ[с']* (подмести); мягкость заднебных согласных в основе прилагательных муж. р. ед. ч. И. п.: *старенький*, *миленький*, *хорошенький*; наличие форм *свекрѡвка*, *свекрѡвушка*, *матка*; омонимия форм Д. и Т. падежей сущ. во мн. ч.: *по рука́м*, *рука́м дѣлали*, *с людьа́м*, *ота́пливать дрова́м*, *серпа́м жали*, *ножня́м* (ножницами) *стригли́*; отсутствие чередования в глагольных основах наст. вр.: *пеку́*, *пекѣшь*, *пекѣт*.

Кроме того, в лужниковском говоре представлены все черты западной и северо-западной диалектных зон:

1. личное местоимение 3 л. мн. ч. *оны́* при сосуществовании с литературной формой [ДАРЯ II, карта 68];

2. формы с основой на -j указательных местоимений: *той*, *этой* (И. п. ед. ч. м. р.), *тая*, *тую* (И. п. и В. п. ед. ч. ж.р.), *тоѣ* (И. п. ед. ч. ср. р.), *тѣе*, *тыѣ* (И. п. мн. ч.) [ДАРЯ II, карта 69, 70, 71, 74];

3. форма личного местоимения ед. ч. м. р. с начальным *-j-*: *йон* [ДАРЯ II, карта 64];

4. окончание *-у* в В. п. личного местоимения 3 л. ед. ч. ж. р.: *яю, ею* [ДАРЯ II, карта 67];

5. употребление деепричастий в функции сказуемого: *дэдкина фотогра́фия оста́вши, свёрстников нет — всё вы́мерши, он там пришю́тцы, холоде́ц был наваривши* [ДАРЯ III, ч. 1, карта 1; Малышева, Тер-Аванесова 2020];

6. употребление слова *толока́* ‘коллективная помощь при строительстве печи’ [ДАРЯ III, ч. 1, карта 55].

Говору присущ падежный синкретизм у существительных ж. р. *ā*-склонения, т. е. окончание *-ы/-и* в Р., Д. и П. падежах ед. ч.: *до сестры́, к сестры́, о сестры́*. Эта черта, характеризующая северо-западные говоры, связана с древненовгородским диалектом. Об истории изменения падежного синкретизма в новгородских говорах, вытеснении (к нач. XVIII в.) форм на *-ѣ* формами на *-ы/-и* писала Е. А. Галинская [Галинская 2021]. Единично фиксируются примеры второго полногласия: *верѣх, ко́ром*, в материалах ДАРЯ отмеченные регулярно [ДАРЯ I, карта 91, 92]. Наосновное ударение у глаголов прош. времени ж. р. ед. ч., являющихся по происхождению *l*-причастиями: *бра́ла, да́ла, тка́ла* и др. [Николаев 1995].

Описываемые говоры противопоставляются и на лексическом уровне (см. таблицу). В таблице приведены основные диагностические признаки.

Противопоставление центральных и периферийных территорий наглядно видно на карте употребления наречий со значением ‘очень’: на северо-западе — *горáз*, в центральных говорах — *бо́льно*. Ареал последнего соответствует максимальному пучку изоглосс центральной диалектной зоны. В словарях литературного языка лексема *бо́льно* приводится с пометой *прост*. Если судить по материалам НКРЯ, слово широко употребляется в современной печати и в современной литературе, как правило, фиксируется с частицей *уж* — *уж больно хороша* или в конструкциях с *не* типа *не больно-то хотелось*. Мы считаем, что слово можно считать экспрессивно-разговорным.

Приведенные в таблице лексемы *жѣтница, жѣто, горáз*, отмеченные в говоре д. Лужниково, фиксируются и в новгородских берестяных грамотах [Зализняк 2004].

Как представляется, этот говор сформировался на севернорусской основе, вышневолоцкие и торжковские территории входили в Новгородскую феодальную республику, и, вероятно, лужниковский говор является

Лексические черты

с. Молотицы (центральный, восточный среднерусский)	д. Лужниково (периферийный, западный среднерусский)
<i>амбáр</i> ‘постройка для хранения зерна’; слово <i>жéито</i> не употребляют	<i>жéитница</i> ‘постройка для хранения зерна’; <i>жéито</i> ‘ячмень’
<i>зýбка</i> ‘колыбель, которая подвешивается к потолку’	<i>лýлька</i> ‘колыбель, которая подвешивается к потолку’
<i>кóник</i> ‘лавка в избе, в том числе и при печке’	<i>кáрзинка</i> ‘пристройка к печи в виде небольшой лавочки-ступеньки, которая открывалась и использовалась для хранения’
<i>западнýя</i> ‘дверца, закрывающая ход в подполье’	<i>крýшка</i> ‘дверца, закрывающая ход в подполье’
<i>крест</i> ‘малая укладка снопов’	<i>бáбка</i> ‘малая укладка снопов’
<i>уповод</i> 1. ‘часть рабочего дня до перерыва (в пассивн. запасе); 2. ‘длительный отрезок времени’	<i>упрýжка</i> 1. ‘часть рабочего дня до перерыва’ (в пассивн. запасе); 2. ‘длительный отрезок времени’
<i>пóмочь</i> ‘коллективная помощь в работе’	<i>толокá</i> ‘коллективная помощь при строительстве печи’
<i>дёргать лён</i> ‘убирать лен’	<i>таскáть лён</i> ‘убирать лен’
<i>плеть</i> ‘ботва картофеля’	<i>тíна</i> ‘ботва картофеля’, ‘проросший картофель’
<i>брýква</i> ‘корнеплод с крупным сладковатым корнем светло-желтого цвета’	<i>кáлика</i> ‘брюква, корнеплод с крупным сладковатым корнем светло-желтого цвета’
<i>насéдка</i> ‘курица, которая сидит на яйцах, а потом водит цыплят’	<i>клýша</i> ‘курица, которая сидит на яйцах, а потом водит цыплят’
<i>мяúкать</i> ‘издавать характерные звуки (о кошке)’	<i>вúкать</i> ‘издавать характерные звуки (о кошке)’
<i>снохá</i> ‘жена сына или брата, невестка’	<i>молодúха</i> ‘жена сына, невестка’
<i>вáрежки</i> ‘вязанные рукавицы с одним пальцем’	<i>дýнки, дýнцы</i> ‘вязанные рукавицы с одним пальцем’ (в пассивном запасе)
<i>луг</i> ‘участок, покрытый травянистой растительностью, где пасется скот’	<i>лог</i> ‘низкий участок, покрытый травянистой растительностью, где пасется скот’
<i>елóха, елóх</i> ‘ольха’	<i>óлеха, ольхá</i> ‘ольха’
<i>кропúва</i> ‘крапива’	<i>стрекúша</i> ‘крапива’
<i>бóльно</i> ‘очень’	<i>горáз</i> ‘очень’

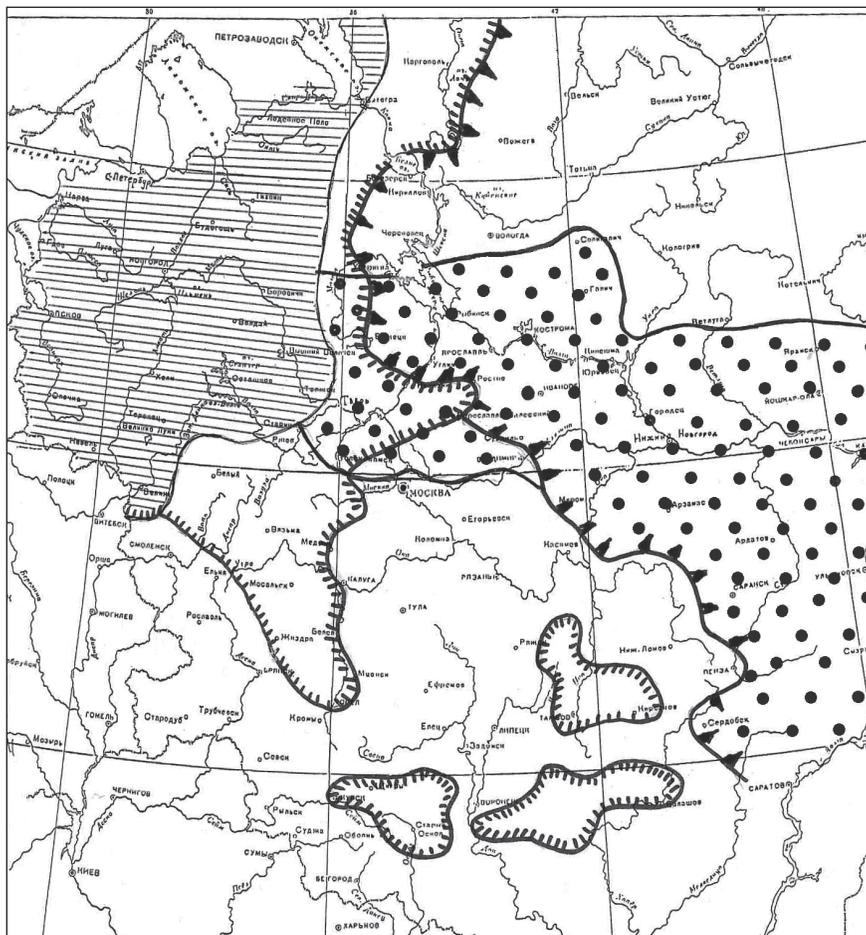
потомком древнего новгородско-псковского диалекта (под которым мы, вслед за А. А. Зализняком, понимаем идиом, включающий древнепсковский диалект и древненовгородское койне — диалект самого Новгорода и прилегающих к нему районов). При этом впоследствии лужниковский говор испытал влияние соседних говоров, так как находился на пересечении торговых путей и миграционных потоков.

На прилагаемой карте показаны в обобщенном виде (без сосуществований и небольших ареалов) некоторые из описанных выше диалектных черт, которые достаточно наглядно демонстрируют противопоставление востока и запада: распространение лексем *упряжка* и *уповод* в значении 'период работы без перерыва', падежный синкретизм в склонении сущ. ж. р. **ā*-склонения, гласная /e/ в окончаниях мн. ч. притяжательных местоимений.

Надо сказать, что, помимо различительных признаков, рассматриваемые среднерусские говоры имеют общие черты тоже на всех языковых уровнях. Это хорошо известные явления, такие как наличие в системе консонантизма *г* взрывного, *-т* в финале глаголов 3 л. ед. и мн. ч. Но есть и менее тривиальные — мягкость *р* в отдельных словах: *ве[r']х*, *коче[r']гá*, *пá[r']ни*, *цé[r']ковь*, *фé[r']ма*.

В обоих говорах наблюдается редукция гласных в заударных слогах и связанные с этим морфологические явления. К ним относится безударное окончание *-ы* в И. и В. падежах у сущ. ср. р. мн. ч.: *брéвны*, *вёдры*, *вёдры*, *о́кны*, *пíсьмы*, безударное окончание *-ут/-ют* в 3 л. мн. ч. глаголов, принадлежащих в литературном языке ко II спр.: *но́сут*, *хóдют*, *лю́бют*. Подобное произношение было обычным в литературном языке до начала XX в., а сейчас расценивается как «устар.» или «прост.» [БОС; Панов 1990].

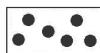
Отмечается в двух названных идиомах и стяжение. При этом в восточном говоре оно широко распространено в формах глаголов и прилагательных, в том числе местоименных: *придúмут* (придумают), *растáскиват* (растаскивает), *пράзновам* (празднуем), *тя́пам* (тяпаем), *кинó на́гло* (наглое), *пальтó майско*, *ты́ква слáдка*, *на́лишники* (наличники) *бéлы*, *котóры жи́ли*. Выпадение интервокального *ј* с последующим стяжением гласных характерно для русских северо-восточных и восточных говоров; различные стадии этого процесса показаны на картах [ДАРЯ II, карты 53–56, 87–93]. А в западном говоре стяжение зафиксировано только в формах местоименных прилагательных: *кака́-та*, *кака́*, *котóра зимá*, *котóры*, *такá*, *такí гриб́ы*.

упряжка 'период работы без перерыва'

у́повод 'период работы без перерыва'

гласная /e/ в окончаниях мн. числа местоимений *мой, твой, свой*: *моё, твоё, своё, моём, твоём, своём*

окончание *-ы* в Р., Д. и П. падежах ед. ч. сущ. ж. р. *а̄*-склонения: *у сестры́, к сестры́, о сестры́*

Особенно интересным с точки зрения ареологии представляется омонимия форм Т. и П. падежей у имен прилагательных, местоименных прилагательных и притяжательных местоимений. В западном (вышневолоцком) говоре совпадение происходит в окончании *-им* у местоименных прилагательных: *с другім, в ётим до́ме, в ётим горикé, на какім-то дворé*. В восточном (муромском) говоре в Т. и П. падежах отмечено окончание *-ем* у притяжательных местоимений ед. ч. м. р. и ср. р.: *с моём, в моём, с твоём, в твоём, со своём, в своём*; ареал этого явления, как уже говорилось, совпадает с ареалом предупредительного ёканья [ДАРЯ II, карта 76]. У прилагательных и местоименных прилагательных также отмечается омонимия форм в указанных падежах, но с окончанием *-им/-ым*: *со вторым, во вторым часу́, с другім, в другім клеvé, с этим, в ётим болóте, с таким, в таким дому́, в какім-то сараé* (см. подробнее [Букринская, Кармакова 2017]).

Это явление, совпадение Т. и П. падежей, образует протяженный ареал, охватывающий среднерусские говоры: Псковскую группу, селигероторжковские, владимирско-поволжские и говоры позднего заселения, а также часть смоленских говоров, а на севере — часть ярославских. Этот любопытный по своей конфигурации ареал, объединяющий западные и восточные среднерусские говоры, как бы опоясывает общую территорию [ДАРЯ II, карта 46, 76].

Назовем и некоторые общие лексические черты: *двор* ‘помещение, пристроенное к дому, в котором держат скот’; *кле́в* ‘отгороженное место внутри двора, предназначенное для коровы’ (здесь стоит обратить внимание на лексикализованное явление — мену этимологического *x* на [к], ареал этого явления совпадает с максимальным пучком изоглосс центральной диалектной зоны [ДАРЯ I, карта 62]); *о́зимь* ‘всходы посевов, засеваемые осенью’; *кваши́я* ‘деревянная посуда для растворения теста’; *коромы́сл, коромы́сел* ‘деревянное приспособление для переноски ведер с водой’ (по мнению О. Н. Трубачева, форма м. р. является архаической, а ср. р. *коромы́сло* — новацией [Трубачев 2002]); *валёк* ‘орудие для выколачивания белья’; *посидёлки* ‘вечерние собрания девушек, первоначально с работой’; *пла́кать го́лосом* ‘исполнять обрядовый плач’.

Хотя восточный и западный среднерусские говоры имеют общие черты, но более весомыми, релевантными, без сомнения, являются признаки, противопоставляющие их.

Итак, современные среднерусские говоры демонстрируют на всех языковых уровнях оппозицию «центр – периферия», с исторической точ-

ки зрения выступают преемниками старых диалектов: восточный (муромский) идиом — ростово-суздальского, западный (вышневолоцкий) — новгородско-псковского; до настоящего времени они представляют собой звенья противопоставления восточного и западного русского лингвистического ландшафта.

Литература

- Аванесов 1947 — *Аванесов Р. И.* Вопросы образования русского языка в его говорах // Вестник МГУ. 1947, № 9. С. 109–158.
- Аванесов 1972 — *Аванесов Р. И.* Русское литературное произношение. М., 1972.
- БОС — Большой орфоэпический словарь русского языка. Литературное произношение и ударение нач. XXI в.: норма и ее варианты / М. Л. Каленчук, Р. Ф. Касаткина, Л. Л. Касаткин / под ред. Л. Л. Касаткина. М., 2012.
- Бромлей 1985 — *Бромлей С. В.* Различия в степени вокализованности сонорных и их роль в противопоставлении центральных и периферийных говоров // Диалектография русского языка М., 1985. С. 8–31.
- Букринская, Кармакова 2003 — *Букринская И. А., Кармакова О. Е.* Противопоставление центральных и периферийных ареалов в восточнославянской лингвогеографической традиции // Славянское языкознание. Материалы конференции (Москва, июнь 2002). К XIII съезду славистов / отв. ред. А. М. Молдован. М., 2003. С. 3–16.
- Букринская, Кармакова 2014 — *Букринская И. А., Кармакова О. Е.* Русские говоры центра: из истории изучения // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Вып. 3. Диалектология. М., 2014. С. 258–272.
- Букринская, Кармакова 2017 — *Букринская И. А., Кармакова О. Е.* Ареальный портрет муромских говоров // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Вып. 12. Диалектология. М., 2017. С. 221–239.
- Букринская, Кармакова 2021 — *Букринская И. А., Кармакова О. Е.* Диалектная лексика в современных западных среднерусских говорах (ареальный аспект) // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН. Вып. 2. М., 2021. С. 191–205.
- Галинская 2021 — *Галинская Е. А.* Некоторые аспекты эволюции новгородского диалекта с конца XVI до середины XX века // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН. Вып. 2. М., 2021. С. 206–218.
- Горшкова 1972 — *Горшкова К. В.* Историческая диалектология русского языка. М., 1972.
- ДАРЯ I — Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части СССР. Вып. I. Фонетика. Карты. М., 1986.
- ДАРЯ II — Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части СССР. Вып. II. Морфология. Карты. М., 1989.
- ДАРЯ III, ч. 1 — Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части России. Вып. III, ч. 1. Лексика. Карты. Минск. 1997.

- ДАРЯ III, ч. 2 — Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части России. Вып. III, ч. 2. Синтаксис. Лексика. Карты. М., 2004.
- Дьяченко, Исаев, Тер-Аванесова 2015 — *Дьяченко С. В., Исаев И. И., Тер-Аванесова А. В.* Ёканье в муромском говоре деревень Татарово, Нула и Ожигово Муромского района Владимирской обл. [раздел статьи: Отчет об экспедициях отдела диалектологии и лингвогеографии ИРЯ РАН в 2014 году] // *Русский язык в научном освещении*. 2015. № 2. С. 217–226.
- Дыбо, Замятина, Николаев 1990 — *Дыбо В. А., Замятина Г. И., Николаев С. Л.* Основы славянской акцентологии. М., 1990.
- Зализняк 2004 — *Зализняк А. А.* Древненовгородский диалект. М., 2004.
- Зализняк 2019 — *Зализняк А. А.* К истории одного нефонетического изменения // *Славянское и балканское языкознание. Русистика. Индоевропеистика*. Сб. к 64-летию С. Л. Николаева. М., 2019. С. 164–204.
- Захарова, Орлова 1964 — *Захарова К. Ф., Орлова В. Г.* Диалектное членение русского языка // *Русская диалектология* / отв. ред. Р. И. Аванесов, В. Г. Орлова. М., 1964. С. 227–297.
- Калнынь 2000 — *Калнынь Л. Э.* Отношение к признакам вокальность/консонантность в фонетике восточнославянских диалектов // *Восточнославянские изоглоссы 2000*. Вып. 3. М., 2000. С. 10–32.
- ЛАРНГ — Лексический атлас русских народных говоров. Т. 1. Растительный мир. М.; СПб., 2017.
- Мальшова, Тер-Аванесова 2020 — *Мальшова А. В., Тер-Аванесова А. В.* Селигероторжковский говор деревни Лужниково и ее окрестностей // *Русский язык в научном освещении*. 2020. № 2. С. 227–291.
- Мызникова 2020 — *Мызникова Я. В.* Особенности именного словоизменения в русских говорах Ульяновской области // *Русский язык в научном освещении*. 2020. № 1. С. 198–209.
- Николаев 1994 — *Николаев С. Л.* Раннее диалектное членение и внешние связи восточнославянских диалектов // *Вопросы языкознания*. 1994. № 3. С. 23–49.
- Николаев 1995 — *Николаев С. Л.* Ударение формы *l*-причастия женского рода единственного числа от глаголов подвижной акцентной парадигмы от односложных основ наогласный // *Восточнославянские изоглоссы 1995*. М., 1995. С. 12–14.
- Николаев 2014 — *Николаев С. Л.* Полесско-восточнорусские фонетические изоглоссы позднепраславянского происхождения // *Діалекти в синхронії та діахронії: загальнослов'янський контекст*. Київ, 2014. С. 365–370.
- НКРЯ — Национальный корпус русского языка. 2003–2022. Доступен по адресу: ruscorpora.ru
- ОС — *Борунова С. М., Воронцова В. Л., Еськова Н. А.* Орфоэпический словарь русского языка: произношение, ударение, грамматические формы / под ред. Р. И. Аванесова. М., 1983.
- Панов 1990 — *Панов М. В.* История русского литературного произношения XVIII–XX вв. М., 1990.
- СЯП — Словарь языка А. С. Пушкина: в 4 т. / отв. ред. В. В. Виноградов. 2-е изд., доп. М., 2000.

- Трубачев 2002 — *Трубачев О. Н.* Из истории и лингвистической географии восточнославянского освоения // Материалы и исследования по русской диалектологии. Вып. I (VII). М., 2002. С. 5–25.
- Хабургаев 1980 — *Хабургаев Г. А.* Становление русского языка. М., 1980.
- Хрестоматия 2009 — Хрестоматия «Речи родимой бескрайняя даль...». Говоры Нижегородского Окско-Волжско-Сурского междуречья / под ред. Л. А. Климковой. Арзамас, 2009.

Summary

*Irina Bukrinskaya,
Olga Karmakova*

Central Russian dialects: a comparative description of the center and the periphery

The paper presents a comparative study of two modern Central Russian dialects, the eastern (with okanie) and the Western (with akanie). Their features are considered not only against the background of the opposition of the western and eastern Russian dialect continuum, but also from the point of view of the opposition of central and peripheral dialects. The eastern idiom, located in the Volga-Oka interfluve, belongs to the core of the center zone and has a number of features that coincide with the literary language, which is based on the dialects of the specified territory. The western idiom is characterized by signs of peripheral dialects, as well as northwestern and western dialect zones. From a historical point of view, the eastern dialect tends to the Rostov-Suzdal dialect, and the western dialect tends to the Novgorod-Pskov dialect. The material shows that the dialect features that contrast the central (eastern) and peripheral (western) dialects are well preserved at all language levels.

Keywords: western and eastern Central Russian dialects, the center and periphery of the Russian linguistic landscape, Rostov-Suzdal dialect, Novgorod-Pskov dialect.

*С. А. Мызников
(Москва)*

Некоторые аспекты изучения русских говоров Приладожья и Обонежья¹

В статье предлагается экскурс в изучение русских говоров Обонежья и Приладожья, представленный в подготовленной книге «Русские говоры Обонежья и Приладожья в контексте этнолингвистических контактов: тексты, словарь, атлас». Работа является результатом исследования диалектов региона в полевых условиях на протяжении более двадцати лет. География исследования сосредоточена в пределах бывших Олонецкой, Новгородской, Петроградской губерний, в настоящее время это регионы Ленинградской, Вологодской, Архангельской областей, Республики Карелия. Представлен краткий анализ произведений А. С. Герда, посвященных этнолингвистической истории региона. Приводятся текстуальные примеры описаний информантами важных диалектных реалий, характерных для диалектов с субстратной прибалтийско-финской основой. Лексический материал представлен также в традиционной словарной форме. В словник вошли единицы, которые отмечаются и в словарях литературного языка, если они отражают специфику материальной или духовной культуры региона. Кроме того, автор исходил из того, что мно-

¹ Данная статья является кратким экскурсом в подготовленную работу «Русские говоры Обонежья и Приладожья в контексте этноязыковых контактов: тексты, словарь, атлас». Ряд вопросов ранее был уже проанализирован автором в предыдущих работах: 1) Ареальная дистрибуция лексики сенокосения в русских говорах Обонежья и Приладожья // Псковские говоры и их носители (лингвоэтнографический аспект). Псков, 1995. С. 22–28; 2) Русские говоры Обонежья: ареально-этимологическое исследование лексики прибалтийско-финского происхождения. СПб., 2003; 3) Проблемы диалектного членения и русские говоры Обонежья // Лексический атлас русских народных говоров. Материалы и исследования. 2005. СПб., 2005. С. 39–61; 4) Об особенностях прибалтийско-финского субстрата в Приладожье и Поволховье // Этноконфессиональная карта Ленинградской области и сопредельных территорий – 2. СПб.: «Европейский дом», 2009. С. 92–100; 5) Финно-угорский лексический субстрат в Обонежье и Приладожье: лингвогеографический и этимологический анализ // Рябининские чтения – 2019. Материалы VIII конференции по изучению и актуализации традиционной культуры Русского Севера. Петрозаводск, 2019. С. 584–586; 6) Лексические особенности русских говоров Приладожья // Севернорусские говоры. Вып. 20. СПб., 2021. С. 40–62.

гие лексические единицы литературного языка и соответствующие им слова в русских диалектах при общей семантической доминанте зачастую имеют разные смысловые объемы в лексических системах. Большое внимание в словаре уделено ономастическим данным, а для более наглядного выявления системности ряд топонимических единиц представлен в виде частотных определителей. Была проведена работа по лингвогеографическому представлению лексических данных на изучаемой территории, составлены карты, материалы которых дают весьма интересную картину лексического проявления.

Ключевые слова: словарь, диалект, контакты. этнолингвистический, прибалтийско-финский, карельский, вепский

В данной работе представлен ряд результатов, полученных в ходе исследования русских говоров Северо-Запада, сосредоточенных в пределах бывшей Олонецкой губернии и нынешней Ленинградской области².

Проблеме историко-лингвистической основы русских говоров этих территорий посвятил серию статей А. С. Герд. Весьма важными для понимания образования говоров Обонежья и их современных группировок являются следующие статьи: «К истории образования говоров Заонежья», «К истории образования говоров Посвирья» и «К истории диалектных границ вокруг Онежского озера» [Герд 1979; 1984; 1991]. В первой статье на основе анализа лексического материала показываются связи говоров Заонежья с единым новгородско-псковским диалектом, а формирование этих говоров — как результат двух основных процессов: «С одной стороны сильная миграция восточных славян с юга, а с другой — появление постепенно, скорее всего на базе прибалтийско-финского населения и смешанных браков, особого рода билингов, которые, однако, со временем, в силу преобладания элемента восточнославянского уже довольно рано перешли на восточнославянский тип речи» [Герд 1979: 212]. Во второй статье показано микроареальное членение говоров бассейна р. Свирь на северо-западную и юго-восточную часть: «Говоры Посвирья ниже Усланки — Свирьстроля, Яндебы до устья Свири ближе

² Олонецкая губерния на конец XIX века состояла из 7 уездов: Вытегорского, Каргопольского, Лодейнопольского, Олонецкого, Петрозаводского, Повенецкого и Пудожского. Ее упразднили в 1922 году. Территория Каргопольского и восточной части Пудожского уезда отошла к Архангельской губернии, Лодейнопольского и Вытегорского — к Петроградской (Ленинградской), остальная территория отошла к Карельской трудовой коммуне, созданной на территории Олонецкой губернии еще в 1920 году и преобразованной в Карельскую АССР 25 июля 1923 года.

по своему типу к остальным говорам ладого-тихвинской группы, чем к говорам верховьев Свири. Напротив, именно говоры среднего и верхнего Посвирья в Подпорожском р-не содержат наибольшее число лексических соответствий онежским диалектам» [Герд 1984: 176]. Причины членения говоров в р-не Усланка — Яндеба автор связывает с неоднородным прибалтийско-финским субстратом. В статье, посвященной микроареальному членению говоров Обонежья, выделяется 20 микрозон, на основе которых автор выделяет 8 дифференцированных ареалов [Герд 1984: 54–59].

А. С. Герд подчеркивает, что говоры Обонежья сложились «под сильным прибалтийско-финским влиянием, причем в Посвирье, в Прионежье, Заонежье и Обонежье, где климат был мягче, несомненно издавна более высокой была и плотность населения, как прибалтийско-финского, так и новгородского [...] Именно здесь активно шли процессы этнического и языкового смешения, сильно проявляли себя тенденции к билингвизму» [Герд 1984: 178]. Кроме того, особенности говоров Заонежья обусловлены, «во-первых, двумя основными волнами миграций южноруссов в XIII–XIV вв., во-вторых, миграцией выходцев из псковско-гдовских мест уже позднее, по-видимому, в XIV–XVI вв.» [Герд 1969: 227].

В статье «Русские говоры в бассейне реки Оять» А. С. Герд на основании анализа лексических данных установил участие в формировании говоров Заонежья оятских говоров. Кроме того, весьма аргументирована его мысль о том, что русские в Заонежье, Пудожье, Вытегре представляют собой результат скрещивания двух этнолингвистических групп: восточнославянской (новгородской) и прибалтийско-финской (вепсской), постепенно перешедших в течение веков на русскую речь [Герд 1975: 193–194].

Настоящая работа является результатом обследования говоров региона в полевых условиях на протяжении более двадцати лет. В качестве источников привлекались многочисленные краеведческие материалы, небольшие словарики, статьи и т. п., вышедшие из печати в последнее время. Кроме того, были привлечены архивные источники (картотека СРНГ, СРГК и др.), которые ранее не использовались в полной мере. Выбирался также материал из фольклорных источников — преимущественно сборников, в которых сохраняется в том числе и региональная лексика, крайне редко фиксируемая в обыденной речи. Были получены сведения от более чем 200 информантов.

В наших полевых материалах имеются весьма интересные для характеристики лексикона образцы диалектной речи, записанные у информан-

тов. Данные тексты, являясь речевым портретом, отражением идиолекта отдельного носителя, в то же время представляют характерные черты описываемых говоров. Можно привести некоторые примеры описания информантом важных диалектных реалий, характерных для говоров с субстратной прибалтийско-финской основой.

Лёд сел, вода вышла, налёдница, залило лёд, забереги выступают. Забереги это весной, это весной. Чевó-то причúствую, чевó-то там есть, майна, она и не заростáла, не мёрзла, она и зимой не заростёт. Вот у нас было, такой Ваня, ехал с Балбиной в Ёмско, и заехал в эту майну, как она роз., маленько чуть-то, чуть лёдóк ткнóлсэ, и снег. А он в эту майну-ту с лóшадью, с саням заехал, да пьянинькой. Лóшадь плавае в майны, майна порядоиная. Кругóm крутится лóшадь с этэй. Ну што, кто пойдё топёрь доставать Ваню. Ваня, ты што, ошалёл, не пёрвэй год жывёшь. Дак я забýл, я махнул, а она от меня забежала. Ну потом коли-нёколи, к берёгу поближе, подплывáй к берёгу, гонí ей, к берёгу-то прав(ь), итобы к берёгу-то. Ну, там пороскíшеет, ну пороскíшали, погладíли, выехал Ваня, а то. Была и зимой даже не замёрзнувшие, только вот така пёночка случíлась мáленькая, а он сóслепа заехал с пьяных глаз (Яковлева А. В., Волховский р-н, Рыбежно).

Кроме текстов, материал представлен также в традиционной словарной форме. В словник включались единицы, отмечающиеся также и в словарях литературного языка, если они, на наш взгляд, отражают специфику материальной или духовной культуры региона. Кроме того, автор исходил из того положения, что многие лексические единицы литературного языка и соответствующие слова в русских говорах при общей семантической доминанте часто имеют разные семантические объемы и место в лексических системах.

Поскольку материалы были собраны в поисках субстратных данных, то, естественно, в ряде случаев отмечаются адстратные включения из смежных языков, ср., например, *ги* ‘тоже’: *Ёто врут, ещё сейчáс-ги врут, я дак не верю никому́*. Подпорож. (Винницы). *Ги* представляет собой постфикс, имеющий значение ‘тоже’; ср. вепс. *-gi: Minagi mänen tetsa* ‘Я тоже пойду в лес’.

Автор пытался зафиксировать и отразить то, что он услышал от информантов, однако в ряде случаев после проверки материалов приходилось от некоторых из них отказываться. При чем часть данных отражает только полученную информацию без всякой корректировки, особенно в тех случаях, когда речь идет о данных топонимии, которые могут показывать фазы освоения неисконных по происхождению данных, например: **Рáвнозеро**

и **Рáднозеро**. Название деревни. Пудож. (Песчаное). Эти данные были зафиксированы у разных информантов в одном населенном пункте.

При наличии широко распространенного слова **тина** ‘картофельная ботва’ первоначально вызывало сомнение слово **щíна** в этом же значении, однако в результате его неоднократных фиксаций в Пудожском районе Карелии достоверность этой единицы была подтверждена, ср.: *Щина у рёны*. Пудож. (Чуяла).

Когда информант не был уверен в правильности сообщаемых сведений, с сомнением сообщал какую-либо лексему, и эти данные не подтверждались, то такая единица в словник не помещалась. Например: **Калíбреник ли канáбреник, не помню** (Бурков Александр Васильевич, 1922 г. р., Каргоп., Тихманьга). Единица **калíбреник** как недостоверная единица в словник не включалась.

Кроме того, поскольку для регионального словаря нет необходимости в обобщении семантических типов, предлагается максимально дробная дифференциация значений с полным отказом от так называемых оттенков значения. Например:

Мáкса, ж. 1. Печень (общее наименование). Подпорож. (Юковичи). *Макса у коров и рыбы есть*. Подпорож. (Курпово). Подпорож. (Косельга, Пидьма, Улино, Усланка, Шеменичи, Яндеба), Прионеж. (Заозерье, Педасельга, Суйсарь), Медвежьегор. (Петры, Сенная Губа, Шильтя), Пудож. (Гакукса, Ранина Гора), Каргоп. (Троица). | *Максá*. Пудож. (Авдеево, Гакукса, Пяльма, Римское, Тубозеро, Ярчево). *Максá рéдко говорят, у нас макóска — пéчень*. Пудож. (Песчаное). Каргоп. (Нокола, Тихманьга).

2. Печень рыбы. *Мáкса у рýбы, у скотíны пéчень*. Прионеж. (Машезеро). *Рáньше назывáли мáксой*. Лодейноп. (Тененичи). Лодейноп. (Кяргино). *Мáкса хорóша, бéленька внутрú*. Тихв. (Новинка). *Мáкса у любóй рýбы есть, жáбры, кишкú*. Кириш. (Клинково). Волх. (Вороново, Рыбежно). *Мáкса у рýбы, у корóвы — пéчень*. Кондоп. (Колгостров). Кондоп. (Гангозеро, Кулмуksа, Лижма, Тулгуба, Улитина Новинка). Медвежьегор. (Великая Нива, Вырозеро, Загубье, Кижы, Космозеро, Ламбасручей, Лонгосы, Палтега, Сенная Губа, Толвуя, Хашезеро, Чёлмужи, Шильтя, Шуньга), Вытегор. (Мегра), Каргоп. (Лёкшмозеро), Плесец. (Федово). | *Максá*. *Максá у рýбы пéчень*. Каргоп. (Тихманьга). ▲ Печень налима. *Налимья пéчень назывáетсэ мáкса, рýба на нёрест с молóкой там*. Кондоп. (Горка). *Мáкса у налима былá*. Тихв. (Пяхта). *Мáкса у налима, с неé пекли пироги*. Лодейноп. (Коковичи). *Мáкса у налима*. Вытегор. (Казаково). Вытегор. (Ошга), Пудож. (Куганаволок). *Мáкса у налима печёнка*. Каргоп. (Нокола). Конош. (Поздеевская). | *Максá*. Пудож. (Пяльма, Чуяла). *Максá — пéчень у налима*. Пудож. (Гольяницы). *Максá у*

минька́. Каргоп. (Лёкшмозеро). | Ма́ксы, *мн.* Лодейноп. ▲ Кушанье из печени рыбы. *Там ма́кса на столе́, поёшь хоть*. Всеволож. (Морье).

3. Печень животного. *Ма́кса у коро́вы*. Подпорож. (Пидьма). *Ма'кса у скоти́ны*. Подпорож. (Вороничи). Подпорож. (Заозерье). *Ма́кса у скоти́ны, пёчень — у ры́бы*. Прионеж. (Ладва), Вытегор. (Казаково, Ошта).

4. Молоки рыбы. *Ма́кса — мо́лока у ры́бы*. Каргоп. (М. Шалка). Каргоп. (Чурьег), Няндом. (Усть-Нименьга). | Ма́кса́. Каргоп. (Тихманьга). *Ма́кса́ бе́лая у самца́, у самки — темновáтая*. Каргоп. (Архангело).

5. Рыбья икра. Каргоп. (Архангело). | Ма́кса́. Каргоп. (Лёкшмозеро).

6. Молозиво. Прионеж. (Педасельга).

Лексические данные по возможности получали подробное семантическое описание с полным показом географической локализации, например:

Ка́гачи, *мн.* Сплетенные ветки, которые помещаются на верхнюю часть кладки сена для защиты от ветра и дождя. Подпорож. (Косельга). *Ка́гачи — из и́вы на за́колье и́ли на стог*. Медвежьегор. (Вырозеро). Медвежьегор. (Загубье, Кижи, Космозеро, Лонгосы, Палтега, Толвуя). *Ка́гачи на за́колье*. Медвежьегор. (Шилья́). *Ка́гачи на зако́лину*. Пудож. (Гакукса). *Кагачи — две сцепленные верхушками ивовые ветви на вершине стога сена*. Пудож. (Нигижма). Пудож. (Ранина Гора, Чуяла, Ярчево), Вытегор. (Казаково, Мерга). *Дава́й ещё па́ру нави́льников и мо́жно ка́гачи ло́жыть*. Вытегор. (Ошта). | Кагачи́. Медвежьегор. (Лонгосы, Сенная Губа). *Кагачи́ из черёмухи*. Медвежьегор. (Петры). Медвежьегор. (Чёлмужи). Пудож. (Авдеево, Нигижма, Песчаное, Пяльма, Тубозеро). *На шóлом (стога) кладывáют кагачи́*. Пудож. (Гольяницы). *Кагачи́ на зако́лину*. Прионеж. (Ладва). Прионеж. (Заозерье, Машезеро, Педасельга).

Один из наиболее полных словарей, описывающих лексику региона, по решению главного редактора СРГК А. С. Герда не включал фольклорную лексику в свой словник, что в ряде случаев оставило за его пределами весьма интересный материал. А. С. Герд констатирует, что «в СРГК не используются фольклорные тексты». Он полагает, что «словарь памятников фольклора должен быть создан отдельно, самостоятельно и независимо от других словарей. В конечном счете, никакой один диалектный словарь не в состоянии исчерпать лексику диалекта» [СРГК 1: 5]. В данной работе было решено продолжить традицию включения данных фольклора в словник, которая была начата нами в книге «Русские говоры Беломорья в контексте этноязыкового взаимодействия: опыт комплексного исследования» [Мызников 2021]. Наибольшую частотность представили данные, извлеченные из текстов сказок, поскольку именно в сказках наилучшим образом представлена лексика с региональной спецификой.

Причем в ряде случаев такого рода фиксации позволяют прояснить диалектные данные, отмеченные, например, в СРНГ:

Мётник, м. Помет лошади, коровы. *Накладала мётнику вместо мяса* (сказка). Пудож. (Водла) [РНСПК].

При не вполне корректных данных СРНГ: **Метник**, а, м. [удар.?). Домашнее животное [какое?]. Котельн. Вят., Красноперова, 1896 [СРНГ 18: 141].

Большое внимание уделялось ономастическим данным, причем для более очевидного выявления системности ряд топонимических единиц представлен в виде частотных детерминантов, например:

...**губа**. Используется как вторая часть в названиях заливов, угодий, населенных пунктов и мест с ними связанных. | Гáлийгуба. Кондоп. (Лижма). | Йлемгуба. Кондоп. (Чеболакша). | Йлимгуба. Кондоп. (Горка). | Кáтежгуба. Кондоп. (Колгостров, Лижма). | Лéбажгуба. Кондоп. (Кондопога). | Лóхкогуба. *И вот ищѣ я забѣла, покóсы-то бѣли: Лóхкогуба, Лéбажгуба, фсѣ по бѣрегу*. Кондоп. (Кондопога). | Нявгорьгуба. Медвежьегор. (Шуньга). | Нявгубá. Кондоп. (Лижма). | Пйчургуба. *За Кáменной дорóшкой этот мыс и есь, там Пйчургуба, мыс-то Пйчургуба и назывáлсэ*. Кондоп. (Кондопога). | Рóвгуба. Кондоп. (Кондопога). | Рóхгуба. *Тóня вот тут бѣлá, потóm там в Рохгубы*. Кондоп. (Кондопога). | Тунгуба. *По этому крáю фсѣ рúсские, Тúна, Тунгуба, Сýйсарь, это фсѣ Заонѣжье, это фсѣ нáша сторонá фся рúсска*. Кондоп. (Кондопога). | Хéможгуба. *Хéможгуба ближэ сюды. Рóугуба, там тóко ловили, ряпушка хорошó ловилась*. Кондоп. (Кондопога). | Чургубá. Медвежьегор. (Кажма, Паяницы).

...**лахта**. Вторая часть композитов, представленная в названиях заливов, сенокосных лугов, населенных пунктов и мест, с ними связанных. | Кискала́хта. Название сенокосного луга. Пудож. (Пяльма). | Лáмбаслахта. Название залива в Водлозере. Пудож. (Чуяла). | Мátкалахта. Название деревни. Пудож. (Гольяницы, Куганаволок). *В Мátкалахту скот гоняли*. Пудож. (Чуяла). | Мéделахта. Пудож. (Куганаволок). | Óхтамлахта. Пудож. (Гольяницы). | Пáчалахта. Каргоп. (Нокола). | Пйгалахта. Пудож. (Куганаволок). | Рéболахта. Название части деревни в Куганаволоке. Пудож. (Куганаволок, Чуяла). | Шйхлахта. Название залива в Водлозере. | Шуйлахта. Пудож. (Гольяницы, Куганаволок).

Довольно много зафиксировано прозвищ жителей населенных пунктов, которые, в ряде случаев, напрямую связаны с апеллятивной лексикой.

Бубакй, мн. 1. Головастики. Кондоп. (Кулмукса). 2. Прозвище жителей н. п. Гангозеро. *Гангозѣра — бубакй, новичána — лягушáтники, кулмукушáне — звонари, а горчáне — обúшники*. Кондоп. (Кулмукса).

Мошнякí, *мн.* Прозвище жителей д. Думино. Каргоп (Лёкшмозеро). Ср. **мо́шник** ‘птица глухарь’, имеющая обширные фиксации в регионе.

Мыше́еды, *мн.* Прозвище жителей д. Вама. Пудож. (Чуяла).

Пыхуны́, *мн.* Прозвище жителей д. Гужово. *Гужовцы* — *пыхуны*, *пых-пых себе под нос*. Каргоп (Лёкшмозеро).

В отношении лексической системы русских говоров, бытующих на обследуемой территории, можно сказать, что она сложилась в том числе и в результате прямых этноязыковых контактов с прибалтийско-финскими этносами. Кроме субстратной и заимствованной лексики, функционирующей в русских говорах Северо-Запада, отмечаются также лексические единицы, отличающиеся по своим характеристикам от субстратных. Они имеют следующие особенности: 1) бытование в зоне этноязыковых контактов; 2) нечастотность фиксаций; 3) отсутствие ареала (нередко единственная фиксация у одного информанта); 4) отсутствие базы для существования в русских говорах (эти единицы, не представляя нового денотата, являются полными синонимами к словам исконного происхождения либо к заимствованиям, уже утвердившимся в русском языке). Такие единицы нами трактуются как адстратные проникновения — результат живого влияния смежных языков. Они обычно индивидуализированы и отражают специфику личностного проявления иноязычного влияния в контактной зоне, не представляя диалектные лексические особенности какого-либо диалектного континуума в целом. Адстратное проникновение всегда можно не только связать с каким-либо определенным языковым типом, но и возвести к конкретному языку или диалекту-источнику. Ср., например, лексему **на́довья** ‘сестра мужа, золовка’: *Мать-то мужа — это свекровь, отец — свекор, а сестра — это надовья*. Подпорож. [КСРГК; СРГК 3: 314]. Эту единицу можно возвести к вепс. *nado* ‘сестра мужа, золовка’ [СВЯ: 350], которая имеет соответствия на прибалтийско-финской почве: фин. *nato* ‘сестра мужа’, ливв. *nato, nado* ‘сестра жены, сестра мужа’, люд. *nado* ‘сестра мужа или жены’, водск. *nato*, эст. *nadu* ‘сестра мужа’, при марийск. *нидо* ‘младшая сестра жены, младшая сестра мужа’, камасин. *nado* ‘брат мужа или жены’ [SKES: 368–369].

Кроме того, автором проделана работа по лингвогеографическому представлению лексических данных на исследуемой территории, подготовлены карты, материалы которых дают весьма интересную картину лексической манифестации. Так, например, для названий рук с отрицательной коннотацией отмечается несколько лексем:

Кáбры, мн. Грязные, большие руки. *С кáбрам не лезь*. Волх. (Прус. Горка). Волх. (Блиново). *Кáбры какие*. Волх. (Шахново). Тосн. (Рублёво), Пудож. (Пяльма), Вытегор. (Казаково).

Кóбры, мн. То же, что кабры. Подпорож. (Корба, Косельга, Курпово, Яндеба). *Кóбры — грязные руки*. Прионеж. (Суйсарь). Медвежьегор. (Кизи, Шуньга). *Убері свой кóбры*. Медвежьегор. (Ламбасручей). Пудож. (Ранина Гора). Вытегор. (Мегра, Ошта). ▲ Жилистые руки. Кондоп. (Лижма). *Кóбры — рабóчие руки в узлáх*. Пудож. (Гакукса). ▲ Грязные руки. Медвежьегор. (Сенная Губа, Чёлмужи). *Вьíмой кóбры*. Медвежьегор. (Петры). Пудож. (Ярчево), Прионеж. (Ладва, Машезеро). Вытегор. (Мегра). В Ленинградской области зафиксированы следующие единицы: **кэбляи**, **кэбели**, **кабьяи** (Подпорожский и Лодейнопольский районы), **кáбры** (Волховский и Тосненский районы), **кóбры** (Подпорожский район).

Обследованный регион являлся зоной межъязыковых контактов, здесь представлены ареалы, где отмечается субстратное воздействие, указывающее на доминирующее прибалтийско-финское прошлое региона, причем возможно выделение различных субстратных типов. Следует отметить, что в Приладожье и Обонежье совмещалось субстратное и живое адстратное прибалтийско-финское языковое влияние, которое в настоящее время весьма редко проявляется в речи и с большим трудом выявляется коллектором.

Сокращения языков и диалектов

вепс. — вепсский язык

водск. — водский язык

камасин. — камасинский язык (один из вымерших самодийских языков)

ливв. — ливвиковский диалект карельского языка

люд. — людиковский диалект карельского языка

марийск. — марийский язык

фин. — финский язык

Источники

КСРГК — Картотека «Словаря русских говоров Карелии и сопредельных областей» (хранится в Межкафедральном словарном кабинете им. Б. А. Ларина филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета).

- КСРНГ — Картотека «Словаря русских народных говоров» (хранится в ИЛИ РАН в Санкт-Петербурге).
- НОС — Новгородский областной словарь. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб., 2005.
- ПЛГО — Полевое лингвогеографическое обследование (материалы, собранные автором в диалектологических экспедициях по русским говорам и финно-угорским языкам).
- РНСПК — Русские народные сказки Пудожского края / сост. А. П. Разумова и Т. И. Сенькина. Петрозаводск, 1982.
- СВЯ — *Зайцева М. И., Муллонен М. И.* Словарь вепского языка. Л., 1972.
- СРГК — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / гл. ред. А. С. Герд. Т. 1–6. СПб., 1994–2002.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов, С. А. Мызников. Вып. 1–52. М.; Л., СПб., 1965–2021 [издание продолжается].
- SKES — Suomen kielen etymologinen sanakirja. O. 1–7. Helsinki, 1955–1981.

Литература

- Герд 1969 — *Герд А. С.* К истории диалектных границ на севере и северо-западе Европейской части СССР // Юбилейная научно-методическая конференция северо-западного зонального объединения кафедр русского языка. Л., 1969. С. 225–228.
- Герд 1975 — *Герд А. С.* Русские говоры в бассейне реки Оять // Очерки по лексике севернорусских говоров. Вологда, 1975. С. 188–194.
- Герд 1975а — *Герд А. С.* По некоторым вопросам славянской исторической диалектологии // Севернорусские говоры. Вып. 2. Л., 1975. С. 187–192.
- Герд 1979 — *Герд А. С.* К истории образования говоров Заонежья // Севернорусские говоры. Вып. 3. Л., 1979. С. 206–213.
- Герд 1984 — *Герд А. С.* К истории образования говоров Посвирья // Севернорусские говоры. Вып. 4. Л., 1984. С. 174–181.
- Герд 1989 — *Герд А. С.* К истории образования говоров Поволховья и южного Приладожья // Севернорусские говоры. Вып. 5. Л., 1989. С. 146–171.
- Мызников 2021 — *Мызников С. А.* Русские говоры Беломорья в контексте этноязыкового взаимодействия: опыт комплексного исследования. М.; СПб., 2021.

*Summary**Sergey Myznikov***Some aspects of the study of Russian dialects of Ladoga and Obonezhye**

The article offers an introduction to the study of Russian dialects of Obonezhye and Ladoga regions, presented in the future book “Russian dialects of Obonezhye and Ladoga region in the context of ethno-linguistic contacts: texts, dictionary, atlas” (ready for publication). The work is based on the results of a more than twenty years’ survey of dialects of the region. The geography of the study is concentrated within the former Olonets, Novgorod, Petrograd provinces (nowadays Leningrad, Vologda, Arkhangelsk regions, the Republic of Karelia). The paper presents a brief analysis of A. S. Gerd’s works dedicated to the ethno-linguistic history of the region. Textual examples of informants’ descriptions of important dialectal realities characteristic of dialects with a Baltic-Finnish substratum are given. The material is also presented in the traditional form of a dictionary. The dictionary includes units that are noted in the dictionaries of the literary language, if, in our opinion, they reflect the peculiarities of the material or spiritual culture of the region. In addition, the author proceeded from the premise that many lexical units of the literary language and the corresponding words in Russian dialects, with a common semantic dominant, often have different semantic volumes and places in lexical systems. Much attention in the dictionary is paid to onomastic data, and for a more obvious identification of systemicity, a number of toponymic units is presented in the form of frequency determinants. The lexical data in the area under study found linguogeographical representation, the maps were prepared, giving us a very interesting picture of lexical manifestation.

Keywords: dictionary, dialect, contacts. ethnolinguistic, Baltic-Finnish, Karelian, Vepsian.

*С. В. Князев,
С. В. Дьяченко
(Москва)*

Тональный контур общего вопроса в белозерских говорах

Статья посвящена исследованию тонального контура общего вопроса в севернорусском говоре Белозерского района Вологодской области на материале записей 2010 г. общей длительностью 8 ч 45 мин. Проведенный нами анализ дает основания утверждать, что 1) основным отличием фонетической реализации мелодического контура общего вопроса в белозерском говоре по сравнению с севернорусскими архангельскими, среднерусскими и современным русским литературным языком является позднее (на гласном ударного слога) начало восходящего движения тона ('low turning point'); 2) от среднерусских говоров и литературного языка он — наряду с архангельскими — отличается также наличием ровного высокого тона на заакцентных слогах; 3) общей с литературным русским языком особенностью белозерского говора является поздний тайминг восходящего акцента: высшая точка частоты основного тона в нем достигается в самом конце ударного гласного, а при наличии последующего сонорного согласного — в его начале, вне зависимости от принадлежности этого сонорного к ударному или заударному слогу; 4) как и во всех исследованных до сих пор диалектах (в отличие от литературного языка) усечение тонального контура при его реализации на последнем слоге во фразе отсутствует. Таким образом, тональный контур общего вопроса в белозерских говорах имеет структуру %L L*+H H- L%; при этом есть основания полагать, что незавершенность в том же говоре оформляется иначе — контуром %L L*+H L- L%

Ключевые слова: севернорусские говоры, общий вопрос, фонетика, интонация, тональный акцент.

1. Введение

В современном русском литературном языке (СРЛЯ) общий вопрос обычно оформляется восходяще-нисходящим движением тона (ИК-3): «На ударном слоге выделенного слова тон резко повышается. При этом необходимо иметь в виду две особенности повышения тона: ударный слог начинается с высокой точки по сравнению с предударным слогом; в

пределах ударного слога тон продолжает повышаться [...] На заударном слоге тон резко понижается» [Брызгунова 1963: 240, 243].

Этот акцент в СРЛЯ характеризуется **поздним таймингом**: максимум частоты основного тона (ЧОТ) приходится на конец ударного слога, а при наличии заударного — на его начало [Igarashi 2006: 190, 193]. При этом начало восходящего движения тона (LTP) приходится обычно на инициаль (начальный согласный) ударного слога акцентоносителя («low turning point at the onset of accented syllable») [Igarashi 2006: 190].

Если заударные слоги после ударного гласного акцентоносителя во фразе отсутствуют, этот мелодический контур в СРЛЯ подвергается усечению (truncation): падения тона после его подъема не наблюдается [Odé 2005; Янко 2004: 92; Rathcke 2017: 225].

В севернорусских диалектах в общем вопросе после повышения ЧОТ на ударном гласном акцентоносителя наблюдается значительная задержка падения тона: на всех заакцентных слогах до самого последнего или предпоследнего сохраняется высокий уровень ЧОТ [Post 2005: 49; Пост 2007; Post 2008; Князев 2022b]. В юго-западных говорах после повышения тона на ударном гласном акцентоносителя может происходить дальнейшее увеличение ЧОТ на заударных слогах [Касаткина 2002].

Анализ тонального контура общего вопроса в среднерусских говорах [Князев, Дьяченко 2023a,b,c,d] показал, что различия между разными диалектными системами (и СРЛЯ) могут заключаться в:

- месте тонального максимума восходящего акцента;
- характере движения тона на заакцентных слогах;
- наличии или отсутствии усечения тонального контура;
- наличии или отсутствии промежутка, на котором сохраняется ровный высокий тон, после достижения максимума ЧОТ (см. табл. 1).

Интонация Белозерско-Бежецких межзональных говоров северного наречия в этом аспекте, насколько нам известно, еще не описана. Ниже излагаются результаты изучения фонетической реализации мелодического контура общего вопроса в одном белозерском говоре.

2. Материал, информанты и краткая характеристика говора

2.1. Материалом исследования служили общие вопросы, извлеченные из звуковых записей спонтанной речи жителей г. Белозерска и окрестных деревень Маэксы, Куности и с. Артюшина¹. Материал представляет со-

¹ Аудиозаписи говора сделаны сотрудниками ИРЯ РАН И. А. Букринской, О. Е. Кармаковой и Е. В. Колесниковой в экспедиции 2010 года и хранятся в аудиоар-

Таблица 1

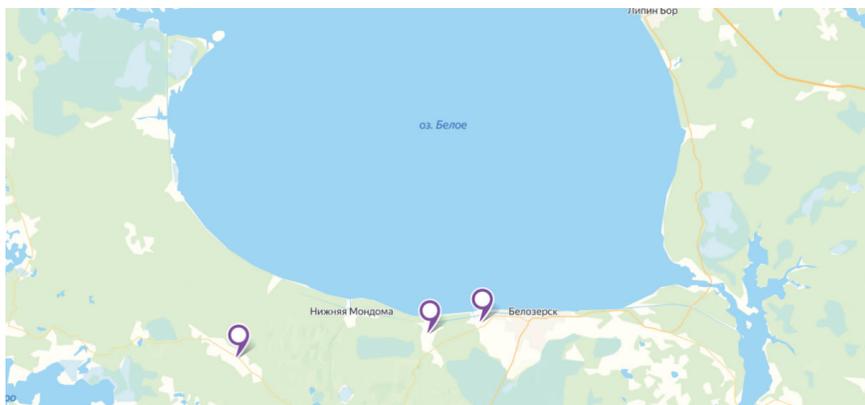
**Основные различия тональных контуров общего вопроса
в СРЛЯ, архангельских, новгородских, владимирских
и селигеро-торжковских говорах**

	СРЛЯ	Арх.	Новг.	Влд.-Пв.	Сел.-Тор.
Средняя длительность ударного гласного, мс		116	114	140	123
Отрезок ударного гласного до тонального максимума	97%	48%	47%	64%	42%
Поздний тайминг восходящего акцента	+	-	-	-	-
Ранний тайминг восходящего акцента	-	+/-	-	-	+/-
Ровный высокий тон на заударных слогах	-	+	-	-	-
Усечение контура при отсутствии заакцентных слогов	+	-	-	-	-
Отрицательный занос	-	-	-	+	-
Реализация тонального акцента на двух слогах	-	-	-	+	-
Тип мелодического контура	%L LH* L- L%	%L (L+) H* H- L%	%L L+H* L- L%	hL*+H L- L%	%L H* L- L% → %L L+H* L- L%

бой сплошную выборку соответствующих конструкций из 8 часов 45 мин аудиозаписей.

2.2. Все информанты — коренные жители Белозерского района Вологодской области, то есть и они сами, и их предки рождены в Белозерском районе, на момент записи проживали либо в самом Белозерске, либо в населенных пунктах поблизости от него: д. Маэкса — в 4 км к западу (это пригород Белозерска), д. Куношь — в 4 км к западу от Маэксы, с. Артю-

хиве Отдела диалектологии и лингвогеографии ИРЯ РАН. Общий объем записанных материалов — около 14 часов.

шино — в 16 км к западу от Куности. Все информанты, за исключением ТИК1943, которая в детстве уезжала в Рязанскую область и Дагестан, где жила некоторое время, за пределы Вологодской области надолго не выезжали.

Информанты:

- 1) СА1928, род. в д. Ульяновкино.
- 2) ЛФ1932 (жена СА1928).
- 3) АИ, род. в д. Андозеро, образование 4 кл.
- 4) ЕКР1930, род. в д. Никоново.
- 5) ЕКТ1925, род. в д. Ковжа, образование 7 кл.
- 6) МЯК1931, род. в д. Ковжа, образование 7 кл.
- 7) АГ1931, род. в д. Коровино, образование средне-специальное, окончила Белозерское педучилище.
- 8) ТИК1943, род. в г. Белозерске, образование высшее, окончила Череповецкий пединститут, в детстве жила с родителями в Рязанской области и Махачкале, потом всю взрослую жизнь в Череповце, работала в школе учителем, на пенсии переселилась в Белозерск.

Из записей речи всех информантов было извлечено и проанализировано 183 примера.

2.3. Рассматриваемый говор относится к группе Белозерско-Бежецких межзональных говоров северного наречия, которые занимают промежуточное положение между Вологодской и Ладого-Тихвинской группами говоров.

Белозерско-Бежецкие говоры неоднородны: в соответствии с современным диалектным членением они образуют межзональную группу говоров северного наречия, в то время как в членении 1915 г. внутри этой группы проходила граница всего северновеликорусского наречия и среднерусских говоров (белозерские относились к северным, а бежецкие — к среднерусским). Это различие связано «с историей заселения края славянами, а именно с преобладанием в северной части края выходцев из Новгородской земли, а в южной — из Ростово-Суздальского княжества» [Бегунц 2006: 4].

Говор деревень рядом с Белозерском характеризуется пятифонемным ударным вокализмом, при котором, однако, на месте старого ъ перед последующим мягким согласным встречается гласный [и] (а перед твердым – спорадически дифтонг [ие]), полным оканьем, различием гласных в первом предударном слоге после мягких согласных, однако непоследовательным, заударным ёканьем; более подробное описание говора, включающее характеристику системы согласных, а также грамматических и лексических черт говора, см. в [Букринская, Кармакова, Колесникова 2011: 280–282].

С точки зрения ритмической структуры слова рассматриваемому говору свойственна чрезвычайно слабо выраженная (хотя все же наличествующая) двухступенчатость редукции безударных гласных. Гласные ударного, первого и второго предударного слогов незначительно, но различаются по длительности, их соотношение следующее: 45 мс (второй предударный) — 50 мс (первый предударный) — 88 мс (ударный) [Высотский 1971: 36–38].

3. Результаты исследования

Наиболее типичные примеры контура общего вопроса, реализованного на конечных и неконечных во фразе словах, в произношении разных информантов приведены на рис. 1–18². На рисунках 19–30 представлены также образцы во многих отношениях сходного с ним мелодического контура высказываний со значением незавершенности (та же ИК-3 литературного языка по классификации Е. А. Брызгуновой).

² Ниже в подписях к рисункам используется упрощенная транскрипция, в которой, тем не менее, отражаются основные произносительные особенности. Кроме того, все фразы приводятся в орфографической записи. Если кривая ЧОТ на рисунке представляет собой фрагмент общего вопроса (и он дается в транскрипции), в строке орфографической записи обычно приводится весь вопрос целиком. Тональный максимум на графиках обозначается знаком Н, тональный минимум — знаком L.

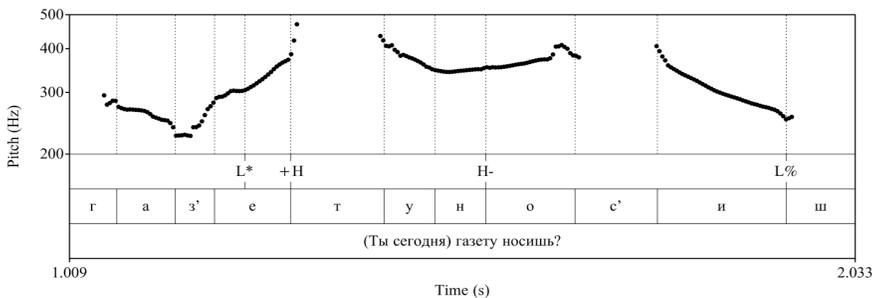

Рис. 1. Кривая ЧОТ общего вопроса *Ты сегодня газету носишь?* (АИ)

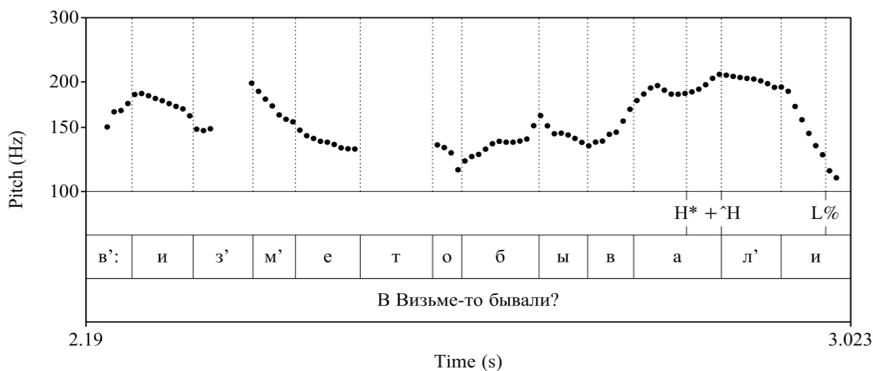

Рис. 2. Кривая ЧОТ общего вопроса *В Визьме-то бывали?* (АИ)

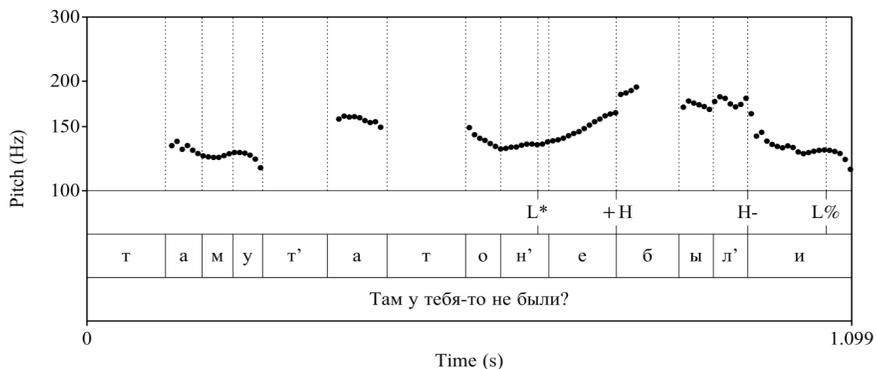
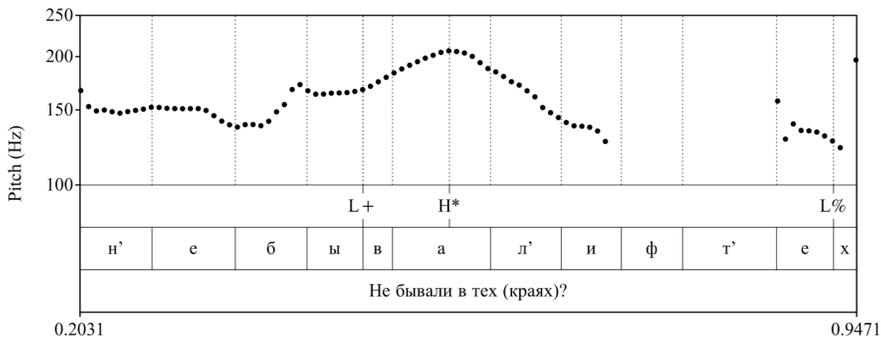
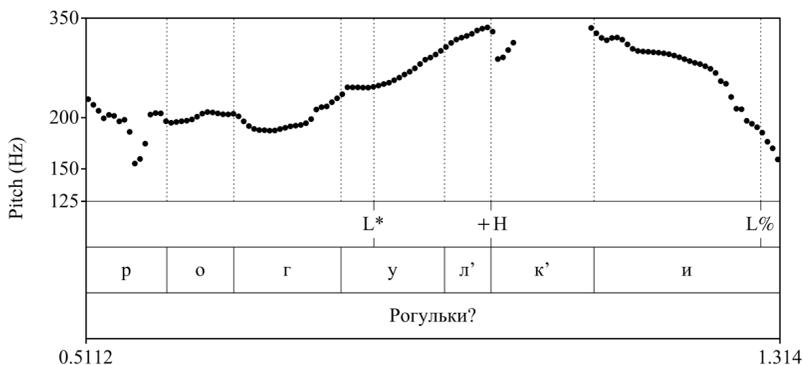
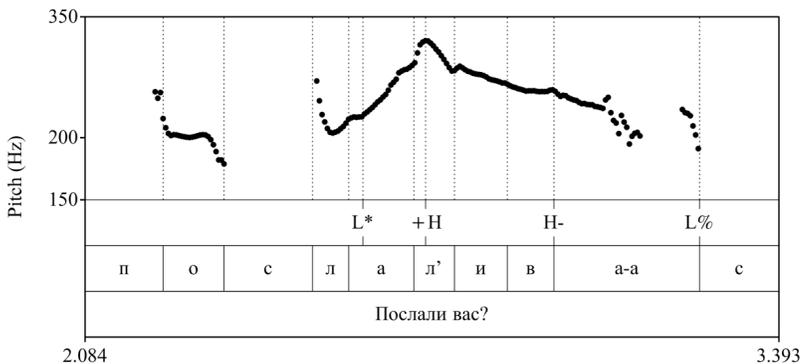

Рис. 3. Кривая ЧОТ общего вопроса *Там у тебя-то не были?* (АИ)

Рис. 4. Кривая ЧОТ общего вопроса *Не бывали в тех (краях)?* (АИ)Рис. 5. Кривая ЧОТ общего вопроса *Рогульки?* (ЛФ1932)Рис. 6. Кривая ЧОТ общего вопроса *Послали вас?* (ЛФ1932)

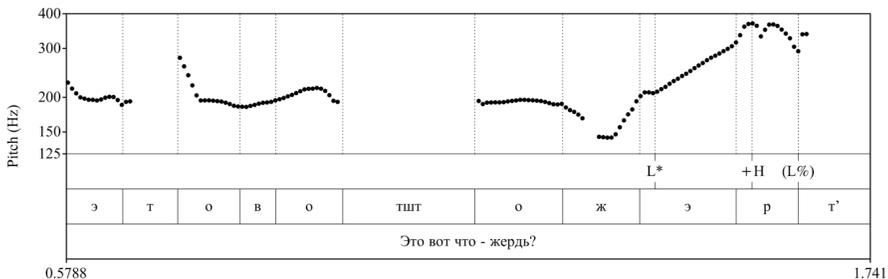

Рис. 7. Кривая ЧОТ общего вопроса *Это вот что — жердь?* (ЛФ1932)

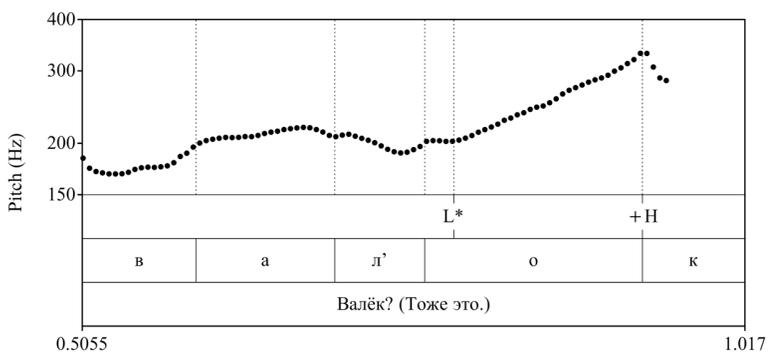

Рис. 8. Кривая ЧОТ общего вопроса *Валёк? (Тоже это.)* (ЛФ1932)

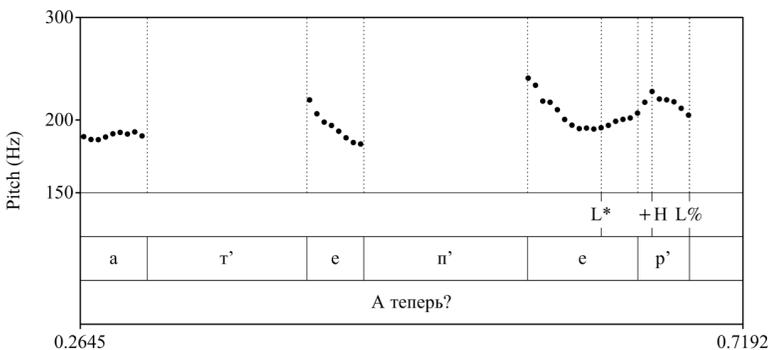
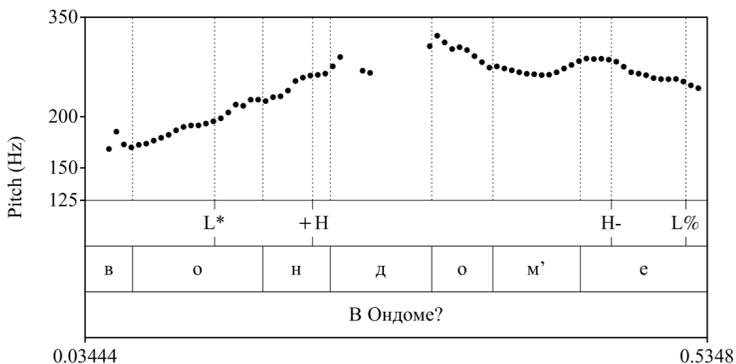
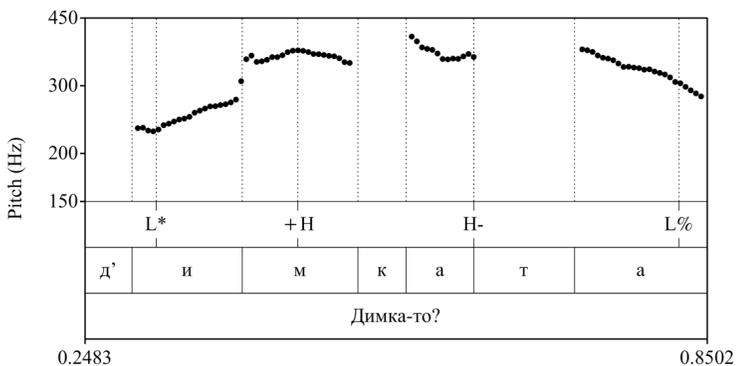
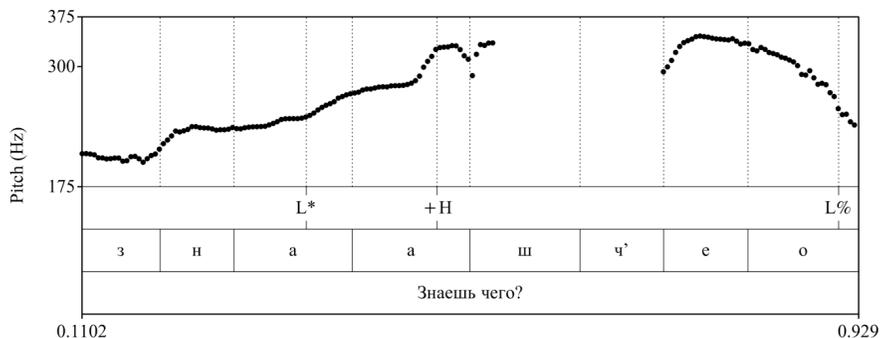

Рис. 9. Кривая ЧОТ общего вопроса *А теперь?* (ЛФ1932)

Рис. 10. Кривая ЧОТ общего вопроса *В Ондоме?* (МЯК1931)Рис. 11. Кривая ЧОТ общего вопроса *Димка-то?* (МЯК1931)Рис. 12. Кривая ЧОТ общего вопроса *Знаешь чего?* (МЯК1931)

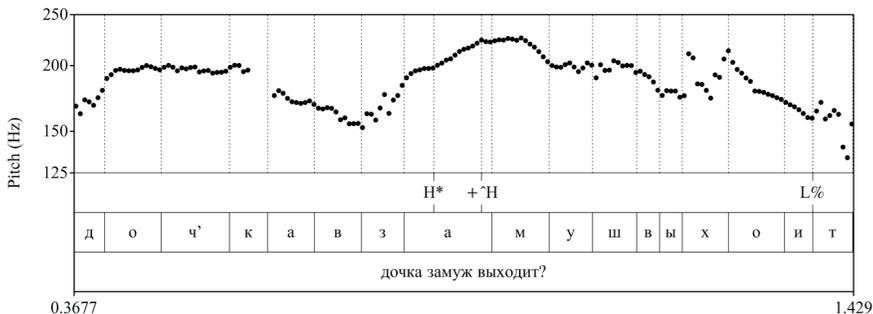

Рис. 13. Кривая ЧОТ общего вопроса *Дочка замуж выходит?* (ЕКТ1925)

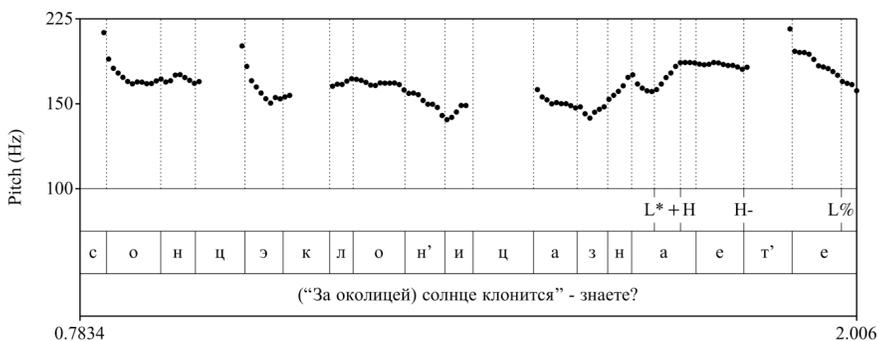

Рис. 14. Кривая ЧОТ общего вопроса *Знаете?* (ЕКТ1925)

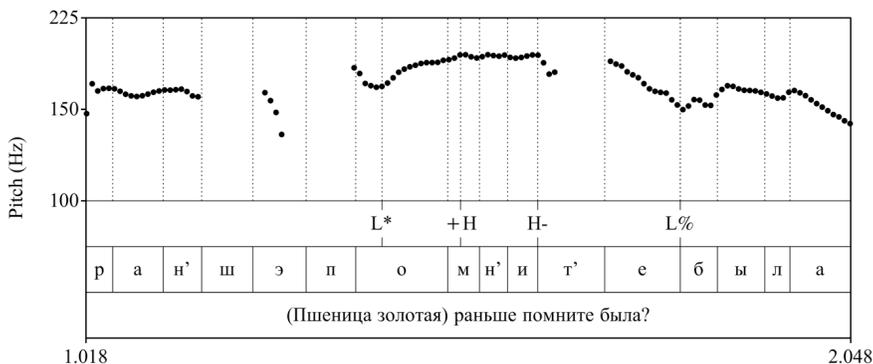

Рис. 15. Кривая ЧОТ общего вопроса *раньше помните была?* (ЕКТ1925)

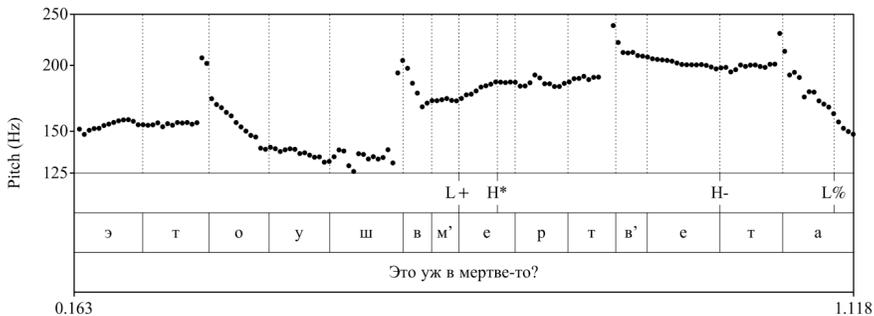
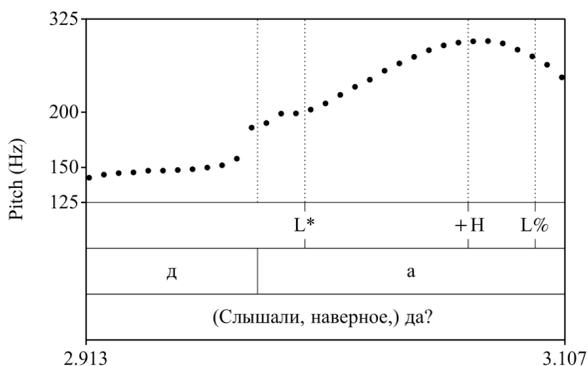
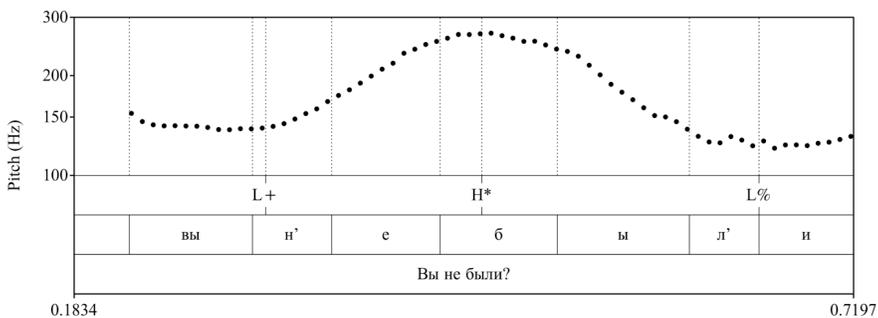
Рис. 16. Кривая ЧОТ общего вопроса *Это уж в мертве-то?* (ЕКТ1925)Рис. 17. Кривая ЧОТ общего вопроса *да?* (ТИК1943)Рис. 18. Кривая ЧОТ общего вопроса *Вы не были?* (ТИК1943)

Рис. 19. Кривая ЧОТ: *В колхозе-то продавали...* (ЛФ1932)

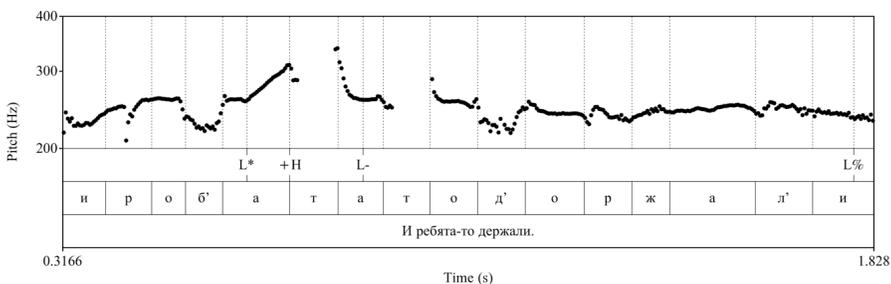

Рис. 20. Кривая ЧОТ: *И ребята-то держали...* (ЛФ1932)

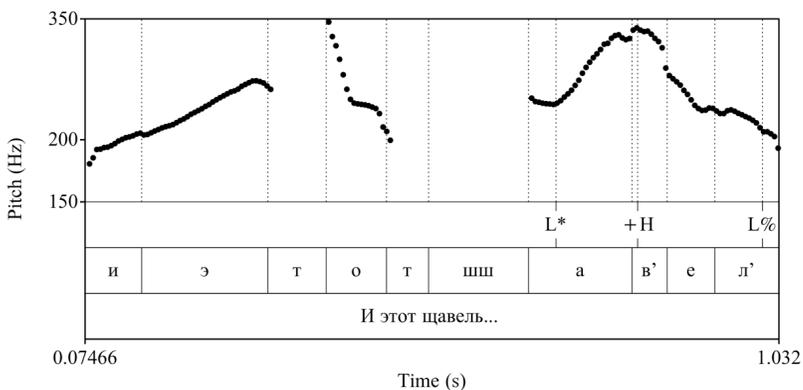
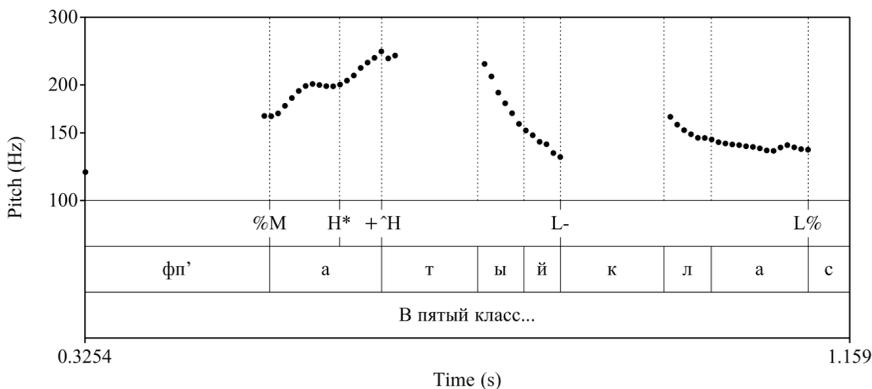
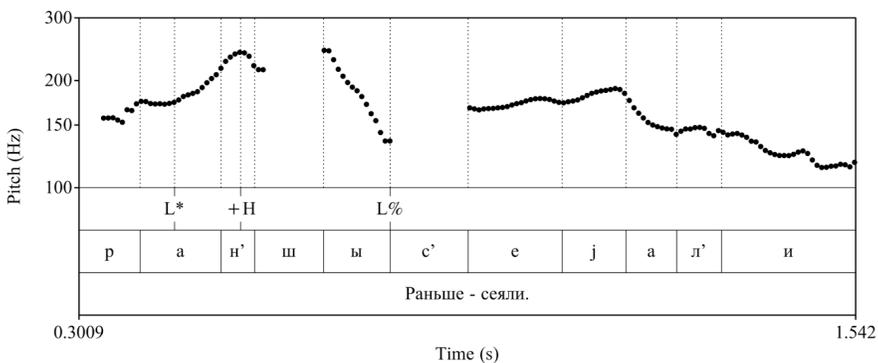
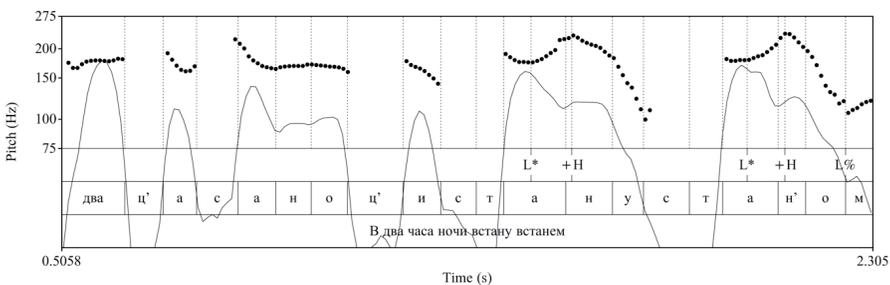

Рис. 21. Кривая ЧОТ: *И этот щавель...* (ЛФ1932)

Рис. 22. Кривая ЧОТ: *В пятый класс...* (АИ)Рис. 23. Кривая ЧОТ: *Раньше — сеяли.* (АИ)Рис. 24. Кривая ЧОТ и огибающая интенсивности: *В два часа ночи встану... встанем...* (АИ)

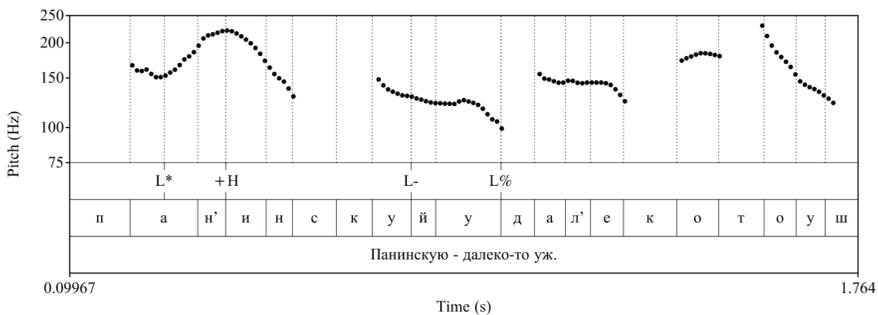

Рис. 25. Кривая ЧОГ: *Панинскую — далеко-то уж.* (АИ)

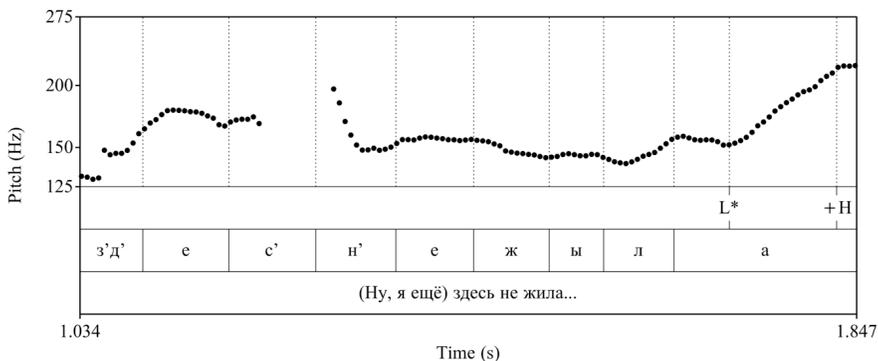

Рис. 26. Кривая ЧОГ: *(Ну, я ещё) здесь не жила...* (МЯК1931)

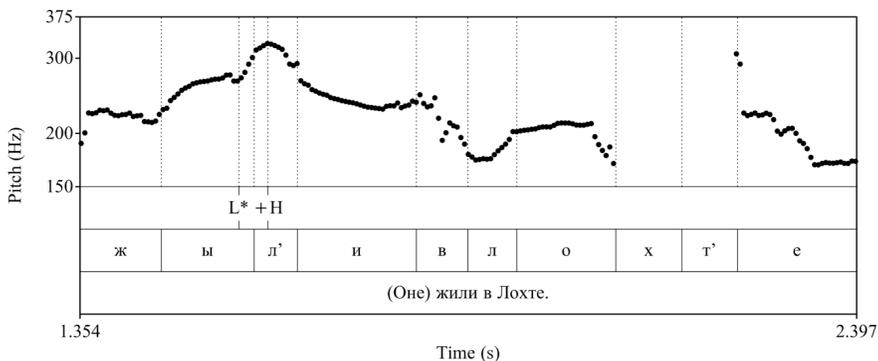

Рис. 27. Кривая ЧОГ: *(Оне) жили в Лохте.* (ЕКР1930)

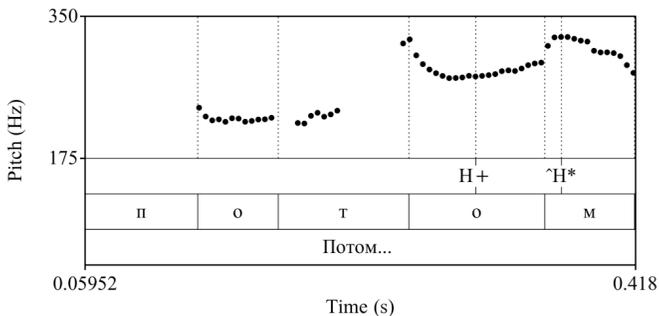

Рис. 28. Кривая ЧОТ: *Потом...* (ЕКР1930)

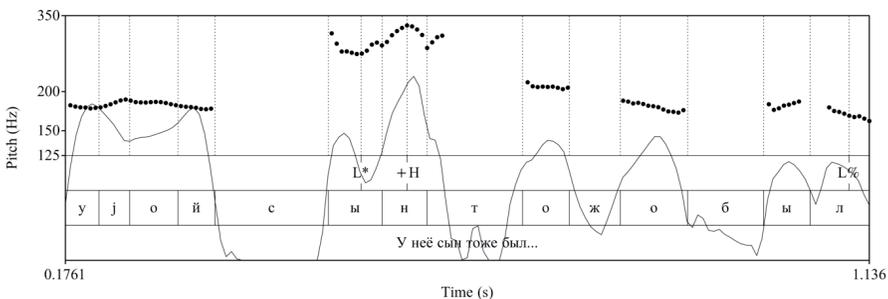

Рис. 29. Кривая ЧОТ и огибающая интенсивности: *У неё сын тоже был...* (ЕКР1930)

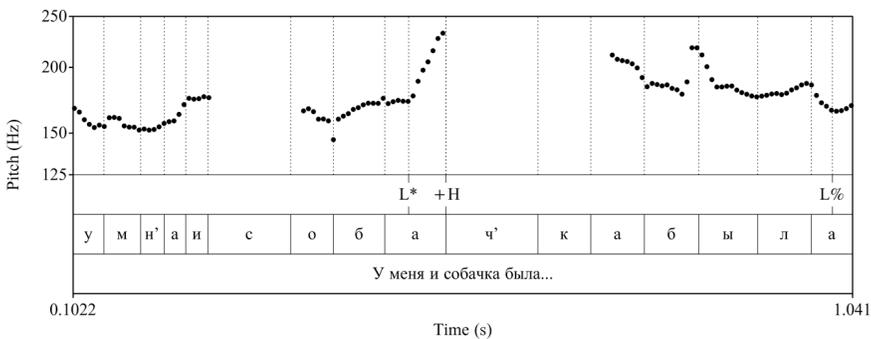

Рис. 30. Кривая ЧОТ: *У меня и собачка была...* (ЕКР1930)

3.1. Уровень тона на заакцентных неконечных слогах

Как отмечалось выше, в севернорусских говорах в общем вопросе после повышения ЧОТ на ударном гласном акцентоносителя наблюдается значительная задержка падения тона: на всех постакцентных слогах до самого последнего (реже — предпоследнего) сохраняется высокий ровный уровень ЧОТ. Полученные нами данные дают основания утверждать, что в белозерском говоре при наличии заакцентных слогов у самых старших информантов в большинстве случаев на них также сохраняется ровный высокий (фразовый) тон³ — см. рис. 1, 2, 3, 6, 10, 11–16. Особую значимость в этом отношении (и других) имеет, на наш взгляд, рис. 1, на котором приведен фрагмент общего вопроса из диалога между двумя носителями говора, а не между диалектным и литературным дикторами⁴. Исключения из этого правила крайне немногочисленны (см., например, рис. 4) и фиксируются преимущественно у более молодых информантов, в частности — ТИК1943 (см. рис. 18). Таким образом, в этом отношении севернорусский белозерский говор демонстрирует общность с севернорусскими архангельскими и отличается от среднерусских и СРЛЯ.

В противоположность контуру общего вопроса при оформлении незавершенности высказывания, по нашим предварительным данным, падение тона начинается сразу после достижения максимума ЧОТ (см. рис. 19–22, 25, 29, 30).

3.2. Усечение тонального контура

Если после восходящего тонального акцента (ударного гласного акцентоносителя) безударные слоги в высказывании отсутствуют, мелодический контур общего вопроса в белозерском говоре, в отличие от литературного русского языка, усечению не подвергается: падение тона после его подъема происходит во второй половине ударного слога и достигает обычно среднего или низкого уровня, см. рис. 7, 9, 17 (исключение — рис. 8, единственный пример с конечным шумным согласным). В этом плане говор наряду со всеми остальными до сих пор рассмотренными отличается от литературного русского языка.

³ Он обозначается на рисунках знаком Н-.

⁴ В этом последнем случае возможна адаптация диалектного просодического оформления высказывания к литературному [Князев, Пронина 2021].

3.3. Тайминг восходящего акцента: тональный максимум

В этом отношении, наоборот, белозерский говор демонстрирует общность с СРЛЯ при отличии как от среднерусских, так и от архангельских: высшая точка частоты основного тона (F0-max) в нем достигается в самом конце ударного гласного (рис. 1, 3, 8, 17), а при наличии последующего сонорного согласного — в его начале, причем вне зависимости от принадлежности этого сонорного к ударному (рис. 5, 7, 9–11, 15) или заударному (рис. 6) слогу. В исключительных случаях тональный максимум восходящего акцента может приходиться на звонкий шумный интервокальный согласный в инициали заударного слога (рис. 18).

В среднем длительность отрезка ударного гласного акцентоносителя до точки максимума ЧОТ составляет 96% от его общей длительности (см. рис. 31), при наличии последующего сонорного — 111%, при его отсутствии (если после ударного гласного следует шумный согласный, гласный или пауза) — 84% (см. рис. 32). Эти показатели идентичны в контурах диалектного общего вопроса и незавершенности, поэтому ниже на рис. 31–35 они приводятся недифференцированно.

Полные данные о длительности отрезка ударного гласного до точки максимума ЧОТ (F0-max) в процентах от общей длительности ударного гласного акцентоносителя для всех информантов приведены ниже на рис. 33.

3.4. Тайминг восходящего акцента: low turning point

В исследованных до сих пор среднерусских говорах (новгородских, владимирских, селигеро-торжковских), а также севернорусских архангельских и СРЛЯ повышение частоты основного тона в общем вопросе начинается в инициали ударного слога (в середине согласного при его наличии). Ярчайшей особенностью мелодического контура общего вопроса (и незавершенности) в белозерском говоре, отличающей его от всех до сих пор описанных русских просодических систем, является зафиксированное в большинстве исследованных нами примеров более позднее положение точки, с которой начинается повышение ЧОТ, — в конце первой трети ударного гласного (см. рис. 1, 2, 5–15, 17–26, 28–30). В среднем начальный участок ударного гласного с ровным тоном до точки ЛТР составляет 28,5% от общей длительности гласного (см. рис. 31). Полные данные о длительности отрезка ударного гласного до точки начала повышения тона (в процентах от общей длительности

ударного гласного акцентоносителя) для всех информантов приведены ниже на рис. 34⁵.

В обобщенном виде данные о тайминге восходящего вопроса (и незавершенности) в белозерских говорах представлены на диаграммах размаха, или «ящиках с усами» (рис. 35), которые показывают первый и третий квартили (собственно ящик), соответствующие средней половине всех данных выборки, и «усы», соответствующие первой и последней четвертям данных выборки. Таким образом, границы «ящика» соответствуют границам первого и третьего квартилей, линия, разделяющая «ящик» на две части, представляет собой медиану, а нижняя и верхняя границы «усов» отражают минимальное и максимальное значения всей выборки данных (крестик — среднеарифметическое значение каждого набора данных). Расстояния между отдельными частями ящика позволяют определить степень «плотности» данных на определенном отрезке шкалы.

Эти данные позволяют заключить, что в общем вопросе в исследованном говоре основной целью тонального акцента является низкий тон (L^*), а не высокий (H^*), как в среднерусских и архангельских говорах, сам же акцент, соответственно, имеет структуру L^*+H (а не $L+H^*$), а весь мелодический контур — вид $\%L L^*+H H- L\%$.

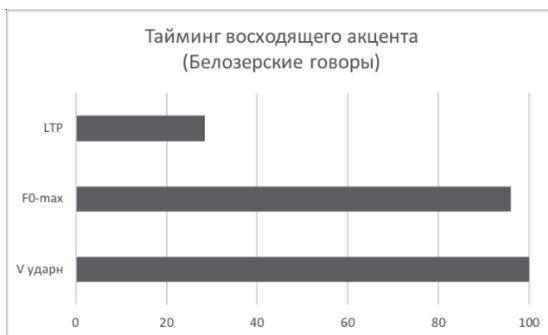

Рис. 31. Длительность отрезка ударного гласного акцентоносителя 1) до точки начала повышения тона (вверху, LTP) и 2) до точки максимума ЧОТ (в середине, F0-max) в процентах от общей длительности ударного гласного

⁵ Следует иметь в виду, что значения, равные 0 на рисунке, свидетельствуют не о том, что LTP зафиксирована ровно на границе начальной в слоге согласного и ударного гласного, а о том, что она либо находится до этой границы, либо надежно определить ее местонахождение невозможно (в случае глухого согласного).

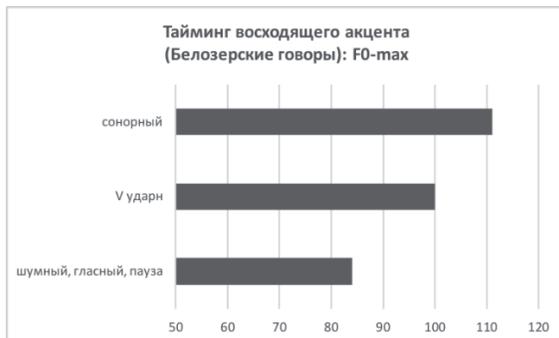

Рис. 32. Длительность отрезка ударного гласного акцентоносителя до точки максимума ЧОТ в процентах от общей длительности ударного гласного в зависимости от последующего сегмента

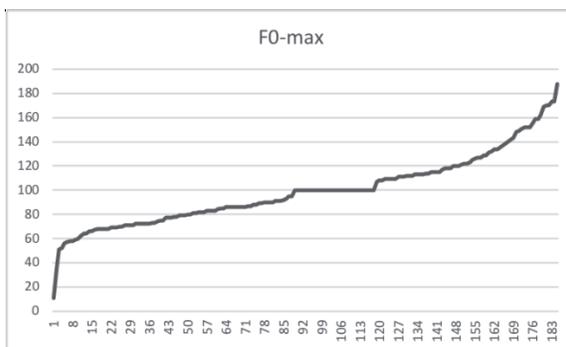

Рис. 33. Длительность отрезка ударного гласного акцентоносителя до точки максимума ЧОТ (F0-max) в процентах от общей длительности ударного гласного, все информанты

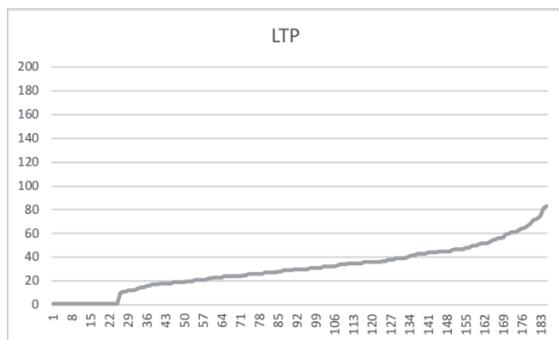

Рис. 34. Длительность отрезка ударного гласного акцентоносителя до точки начала повышения тона (LTP) в процентах от общей длительности ударного гласного, все информанты

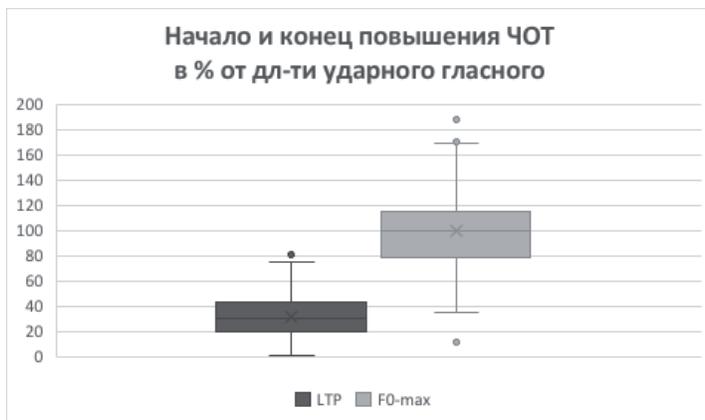

Рис. 35. Диаграмма размаха длительности отрезка ударного гласного акцентоносителя 1) до точки начала повышения тона (слева, LTP) и 2) до точки максимума ЧОТ (справа, F0-max) в процентах от общей длительности ударного гласного в общем вопросе

3.5. Отрицательный занос

В восточном среднерусском окающем говоре (владимирском) [Князев, Дьяченко 2023d] одной из особенностей контура общего вопроса является наличие «отрицательного заноса» — понижения частоты основного тона на предупредном гласном перед последующим подъемом на ударном слоге акцентоносителя. Исследованному нами белозерскому говору это явление не свойственно (см. рис. 4, 5, 8, 19, 20, 26, 30).

4. Выводы

Основным отличием фонетической реализации мелодического контура общего вопроса в белозерском говоре по сравнению с севернорусскими архангельскими, западными среднерусскими и СРЛЯ является позднее (на гласном ударного слога) начало восходящего движения тона (low turning point).

От среднерусских говоров и литературного языка он — наряду с архангельскими — отличается также наличием ровного высокого тона на заакцентных слогах.

Общей с литературным русским языком особенностью белозерского говора является поздний тайминг восходящего акцента: высшая точка частоты основного тона в нем достигается в самом конце ударного гласного, а при наличии последующего сонорного согласного — в его начале, вне зависимости от принадлежности этого сонорного к ударному или заударному слогу.

Как и во всех исследованных до сих пор диалектах (в отличие от СРЛЯ), усечение тонального контура при его реализации на последнем слоге во фразе отсутствует.

В обобщенном виде данные о сходстве и различии тональных контуров общего вопроса в СРЛЯ, архангельских, новгородских, владимирских, селигеро-торжковских и белозерских говорах приведены в Табл. 2.

Таблица 2

**Основные различия тональных контуров общего вопроса
в СРЛЯ, архангельских, новгородских, владимирских,
селигеро-торжковских и белозерских говорах**

	СРЛЯ	Арх.	Новг.	Влд.-Пв.	Сел.-Тор.	Блзр.
Средняя длительность ударного гласного, мс		116	114	140	123	126
Отрезок ударного гласного до тонального максимума	97%	48%	47%	64%	42%	96%
Поздний тайминг восходящего акцента	+	-	-	-	-	+
Ранний тайминг восходящего акцента	-	+/-	-	-	+/-	-
Начало восходящего движения тона ⁶	С	С	С	С	С	V
Ровный высокий тон на заударных слогах	-	+	-	-	-	+
Усечение контура при отсутствии заакцентных слогов	+	-	-	-	-	-
Отрицательный занос	-	-	-	+	-	-
Реализация тонального акцента на двух слогах	-	-	-	+	-	-
Тип мелодического контура	%L LH* L- L%	%L (L+) H* H- L%	%L L+H* L- L%	hL*+H L- L%	%L H* L- L% → %L L+H* L- L%	%L L*+H H- L%

⁶ С — на согласном инициали ударного слога; V — на ударном гласном.

Литература

- Бегунц 2006 — *Бегунц И. В.* Фонетический строй белозерско-бежецких говоров первой половины XVII в.: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.01 / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. М., 2006. 20 с.
- Брызгунова 1963 — *Брызгунова Е. А.* Практическая фонетика и интонация русского языка. М., 1963.
- Букринская, Кармакова, Колесникова 2011 — *Букринская И. А., Кармакова О. Е., Колесникова Е. В.* Экспедиция в г. Белозерск и Белозерский район Вологодской области // Русский язык в научном освещении. 2011. № 1 (21). С. 280–282.
- Высотский 1971 — *Высотский С. С.* О звуковой структуре русских говоров // Исследования по русской диалектологии / ред. С. В. Бромлей. М., 1971. С. 17–41.
- Касаткина 2002 — *Касаткина Р. Ф.* Заметки о южнорусской интонации // Материалы и исследования по русской диалектологии. I (VII). М., 2002. С. 134–150.
- Князев 2022a — *Князев С. В.* О структуре тонального акцента в русских говорах с «пословным» мелодическим оформлением // Русский язык в научном освещении. 2022. № 1 (43). С. 113–153.
- Князев 2022b — *Князев С. В.* О фразовой интонации в русских говорах с пословным мелодическим оформлением // Вопросы языкознания. 2022, № 1. С. 7–39.
- Князев, Дьяченко 2023a — *Князев С. В., Дьяченко С. В.* Интонация западного среднерусского акающего говора // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН. 2023, № 3. (В печати)
- Князев, Дьяченко 2023b — *Князев С. В., Дьяченко С. В.* Мелодический контур общего вопроса в западном среднерусском акающем говоре. Часть II: Псковские говоры // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2023. № 2. С. 44–60.
- Князев, Дьяченко 2023c — *Князев С. В., Дьяченко С. В.* Мелодический контур общего вопроса в западном среднерусском акающем говоре. Часть I: Селигеро-Торжковские говоры // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2023. № 1. С. 50–70.
- Князев, Дьяченко 2023d — *Князев С. В., Дьяченко С. В.* Фразовая просодия двух восточных среднерусских говоров // Словене. 2023. № 1. (В печати)
- Князев, Пронина 2021 — *Князев С. В., Пронина М. К.* Интонация *да* и *нет* в архаическом говоре с пословным тональным оформлением // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам ежегодной международной конференции «Диалог», 2021. Т. 20. М., 2021. С. 251–263.
- Пост 2007 — *Пост М.* К проблеме описания интонации общего вопроса в одном севернорусском говоре // Фонетика сегодня. Вып. V. М., 2007. С. 156–157.
- Янко 2004 — *Янко Т. Е.* Русская интонация в задачах и примерах // Русский язык в научном освещении. 2004. № 2 (8). С. 86–123.
- Duryagin, Knyazev 2022 — *Duryagin P. V., Knyazev S. V.* Prosodic diversity in Standard Russian: pitch alignment in Central and Northern varieties // Russian linguistics. 2022. Vol. 46, no. 2. P. 55–79.
- Igarashi 2006 — *Igarashi Y.* Intonational patterns in Russian interrogatives — phonetic analyses and phonological interpretations // Prosody and syntax: cross-linguistic per-

- spectives / eds. Y. Kawaguchi, I. Fónagy, & T. Moriguchi. Amsterdam, 2006. P. 175–196.
- Igarashi 2008 — *Igarashi Y.* Russian interrogatives and intonational categories // The discourse potential of underspecified structures / ed. A. Steube. Berlin, 2008. P. 227–269.
- Odé 2005 — *Ode C.* Neutralization or truncation? The perception of two Russian pitch accents on utterance-final syllables // *Speech Communication*. 2005. Vol. 47, no. 1–2. P. 71–79.
- Post 2005 — *Post M.* The Northern Russian pragmatic particle *dak* in the dialect of Varzuga (Kola Peninsula). An information structuring device in informal spontaneous speech. *Doctoral dissertation*. Institutt for språkvitenskap. Det humanistiske fakultet, Universitetet i Tromsø, 2005.
- Post 2008 — *Post M.* Post-Nuclear Prominence Patterns in Northern Russian Question Intonation // *Proceedings of the 4th International Conference on Speech Prosody*. Campinas, 2008. P. 233–236.
- Ratheke 2017 — *Ratheke T.* How truncating are ‘truncating languages’? Evidence from Russian and German // *Phonetica*. 2016. Vol. 73, no. 3–4. P. 194–228.

Summary

*Sergey V. Knyazev,
Svetlana V. Dyachenko*

Melodic contour of yes-no question in Belozersk region

This paper deals with the intonation of yes-no question in Belozersk Northern Russian dialect with *jkan'je* spoken in Belozersk district of Vologda region. The study, based on the material of dialectal speech recordings made in the 2017 (eight speakers born in 1925–1943, total duration — 8 hours 45 minutes), reveals that the 1) the basic property of the melodic contour of yes-no question in Belozersk Northern Russian dialect differentiating it from Northern Russian dialects, Middle-Russian dialects and Standard Russian is the late timing of the rising pitch accent's low turning point (L*+H); 2) Belozersk and Arkhangel'sk dialects differ from Middle-Russian and Standard idioms by preserving high tonal level on non-final postaccented syllables (high phrase accent, H-); 3) it shares with Standard Russian the late association of rising pitch accent: the maximum of F0 is normally reached at the very end of a stressed vowel or at the following sonorant in the stressed syllable's onset or poststressed syllable's coda; 4) in all the dialects so far studied we found no truncation of yes-no melodic contour being realized on a phrase-final syllable. We thus suggest the interpretation of %L L*+H H- L% for yes-no question in Belozersk Northern Russian dialect while %L L*+H L- L% for non-finality.

Key words: Northern Russian dialects, yes-no question, phonetics, prosody, pitch accent.

И. А. Горбушина
(Москва)

Отражение межъязыковых контактов в диалектизмах (на примере рус. диал. *бутор*)

Русское диалектное слово *бу́тор* (*бу́торь*, *буто́ра*, *бу́дор*, *бу́тро*) ‘хлам, скарб, пожитки’, ‘внутренности убитого животного’, ‘шум, гам, крик; горячечный бред’, ‘вьюга, метель’, ‘о ленивом/упрямом человеке’ до сих пор не имеет чёткой этимологии. Не вполне ясно даже, славянское это слово или заимствование. Одни исследователи связывают его с венг. *bútor* ‘багаж; мебель’; другие предполагают тюркское происхождение (в пользу этой версии говорит его распространённость на востоке и отчасти юге России); третьи считают славянским новообразованием *бу+тор*, учитывая, что оно есть и в других славянских языках (ср. укр. *бу́тора* ‘дорожный скарб’, диал. *бутирь* ‘хозяйство’, сербохорв. *butura* ‘бремя, груз, тягость, ноша’, болг. *бутор* ‘крупный и ленивый человек’). Неясно и его морфоделение: если *бу-* действительно архаический префикс (ср. *бу-сор* > *мусор*), то корень *-тор-*, видимо, является вариантом *-тер-* ‘тереть’; если *-ор* — суффикс (ср. *гов-ор*), то корень *бут-*, вероятно, восходит к праслав. **bout-* (< и.-е. **bhat-*) ‘бить, ударять, толкать, бодать, тыкать, трясти’. Широкий круг значений слова *бутор* и его многочисленные фонетические варианты сильно затрудняют определение его первоначальной формы и языка-источника. В данной статье слово *бутор* рассматривается с точки зрения того, как, переходя из языка в язык, оно соприкасалось с исконными словами.

Ключевые слова: этимология, диалектизмы, «тёмные» слова, заимствования, морфоделение.

Русское диалектное слово *бутор*, до сих пор не имеющее чёткой этимологии, показывает, какую трудность иногда представляют лексемы, встречающиеся не только в большинстве славянских языков, но и за их пределами. Иногда это неславянские заимствования, попавшие в один из славянских языков в результате межъязыковых контактов и зачастую «влившиеся» в исконно славянские гнёзда. В таких случаях может помочь обращение к другим славянским языкам, но бывает и так, что давнее заимствование перешло из языка-реципиента в другие родственные ему языки, и тогда сложно определить, какой язык был донором.

Бывает и наоборот: общеславянское образование заимствуется не-славянским языком. В любом случае этимологу предстоит решить, в каком направлении шло заимствование.

Русское диалектное *бутор* является примером такого «тёмного» слова. Круг его значений в русском языке достаточно обширен. Вот как определяет его Даль:

- *костр.* бред, особенно горячечный;
- *курск.* шум, гам, крик;
- *тамб., калуж.* все внутренности животного, особ. убоины: легкое, печень, кишки, желудок и пр., брюховина (брюшно) и гусак (ливер);
- *сиб.* бусырь, хлам, скарб, пожитки; *оренб.* шарабара, все принадлежащее к дому и хозяйству. *Погоди, дай мне буторишко захватить* [Даль I: 147–148].

Существует также форма женского рода *бутора*, которая означала ‘хозяйство’ ещё в XVII веке [Соколов 1891, 26: 127].

«Словарь русских народных говоров» приводит те же значения и добавляет следующие:

«*Бу́тор* и *буторь*»:

1. Внутренности убитого животного, потроха: «Мясо да бутор».
2. Движимое имущество, пожитки: «Со всем перебрался бутором».
3. Поклажа: «Запрягли коня, сложили бутор в телегу и поехали домой».
4. Ненужные старые вещи, хлам: «И зачем ты тут бутор свалил?»
5. **Охотничье снаряжение, охотничий багаж.**
6. Бред: «У больного всю ночь был жар и бутор».
7. Шум, крик: «Пьяный наделал столько бутора, что всех соседей **взбуторажил**».
8. **Прозвище человека (какое?)»** [СРНГ 3: 312].

Все эти значения можно объединить как ‘нечто мелкое, ненужное; отходы’, из чего вытекает более абстрактное значение ‘глупость, бред’ (подобную семантическую цепочку можно наблюдать в словах *трун, вздор*).

Что же касается этимологии этого слова, то, как уже говорилось, однозначной версии нет. Фасмер предполагал три возможных этимологии:

Заимствование из тюркских языков [Strekelj: 9; Berneker 1: 104].

Украинизм (распространённость этого слова в Сибири объясняется тем, что оно было занесено украинскими колонистами).

Славянское новообразование *бу+тор* (в этом случае *бу-* является архаичной приставкой, как в *бу-сор > мусор*) [Фасмер I: 253].

Фасмер не отдавал предпочтения ни одной версии.

Приведём ещё одну возможную этимологию слова *бутор*, принадлежащую П. Я. Черных. Он считал это слово исконно славянским, но делил иначе, чем Фасмер: *бут-ор*. В этом случае корень *бут-* восходит к праслав. **bout-* (< и.-е. **bhat-*) ‘бить, ударять, толкать, бодать, тыкать, трясти’ (др.-рус. *батати* ‘колотить’ [Срезневский I: 45], рус. диал. *бóтать* ‘колебать, двигать, болтать, звонить’ [Даль I: 119]), а суффикс *-ор* — тот же, что в слове *говор* [Черных I: 118].

Сопоставление с другими славянскими языками даёт мало принципиально новых значений:

- укр. *бутор* ‘еда; хлам, пожитки’ и *бутора* ‘еда; товар, груз; хозяйство’, ‘дорожный скарб’, диал. *бутирь* ‘хозяйство’ [ЕСУМ I: 309];
- польск. *bucioru* ‘хлам, пожитки’, ‘одежда’ [Linde I: 224]¹;
- словацк. *bútor* ‘мебель’, ‘барахло, haraburdy’ [SSN I: 189];
- болг. *бутор* ‘крупный и ленивый человек’ (здесь можно сопоставить с рус. диал. (казанским) *бупро* ‘толстое брюхо, пузо’, *бутря(к)* ‘пузан’) [БЕР I: 93];
- сербохорв. *butura* ‘бремя, груз, тягость, ноша’.

В ситуации, когда слово представлено во всех группах славянских языков примерно с одними значениями, его легко счесть общеславянским. Но обращает на себя внимание венг. *bútor* ‘багаж, мебель’. Близость значений позволяет предположить родство этих слов, но в котором из языков слово является заимствованием?

Сопоставление восточнославянской лексики с лексикой других славянских языков позволяет также выявить общие для них заимствования из “третьего” языка. [...] Если какое-либо слово в одном славянском языке (или в одной группе славянских языков), представляющееся на почве этого языка исконным, обнаруживает сходство со словом другой группы славянских языков, имеющим явные признаки заимствования из неславянских языков, то и рассматриваемое слово скорее всего является заимствованием из того же источника. [...] Этот принцип представляется

¹ В современном литературном польском языке *bucioru* — аугментатив от *but* ‘ботинок’ и, следовательно, относится к другому гнезду. Возможно, форма, указанная у С. Б. Линде, является украинизмом.

существенным для обнаружения тюркизмов в восточнославянских языках путем сопоставления их лексики с лексикой южнославянских языков, контакт которых с тюркскими языками был больше и тюркизмы которых поэтому выявляются легче» [Варбот 2011: 211].

Следуя этому принципу, можно предположить (как и допускал Фасмер), что слово *бутор* заимствовано из тюркских языков. Этим объясняется его наличие как в южнославянских, так и в восточнославянских языках, а также распространенность на востоке России. Но в таком случае оно скорее должно было бы звучать как **бутур* (с учётом тюркского сингармонизма), а ничего похожего на это слово в «Этимологическом словаре тюркских языков» [Севортян 1974] не найдено.

«Этимологический словарь русских диалектов Сибири. Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков» А. Е. Аникина [Аникин 2000] также не включает в себя слово *бутор/будор*. Зато в «Русском этимологическом словаре» того же автора слово *бутор* разнесено на три статьи: *бутор I* ‘внутренности животного; пожитки; мусор’, *бутор II* ‘шум, крик; бред’ (явное продолжение значения I), *бутор III* ‘приспособление для вытаскивания невода из воды при подледном ловле рыбы, ворот’ (А. Е. Аникин выводит это слово из другого корня) [Аникин 2007 : 221–223]. В статье *бутор I* автор предполагает, что скорее слав. **butor* было заимствовано венгерским языком, чем наоборот, как считает и венгерский этимологический словарь [MTES 1: 396–397]. Косвенным подтверждением этого служит и то, что в угро-финских языках это слово зафиксировано только в венгерском.

Таким образом, более вероятно славянское происхождение слова *бутор*.

Сопоставление некоторых значений данного слова (и его производных) со значениями производных корня *тор-* (*тер-*) даёт основания сближать слово *бутор* с этим корнем (и выделять в нём непродуктивную приставку *бу-*):

Бутор ‘внутренности, потроха’ — костромское *поторы* ‘внутренности, потроха’ (буквально «вырезанные») – *муторность* ‘внутренности убитого животного’ [СРНГ 19: 32];

Буторить ‘говорить невнятно, грубо, отрывисто; бредить’ — *тороторить* ‘говорить быстро и неразборчиво’ (редупликация), *суторить* ‘болтать, пустословить; спорить’;

Буторага ‘хлопоты, возня, беспокойство’ — *суторма* ‘суматоха, суета, беспорядок’, *уторый* ‘неугомонный, подвижный’ (*У меня невестка уторая, на месте не сидит* [СРНГ 3: 312]);

Бутурять ‘гнать, преследовать’ — *тереть* ‘бежать’ (на территории Карелии) [Горбушина 2018: 242].

Статус *бу-* в слове *бутор* как непродуктивной экспрессивной приставки подтверждается примерами из русских диалектов, где при общем корне приставка *бу-* чередуется с *му-* и *су-*:

«*му́-сор*, кроме общераспространенного значения, ‘навоз’, ‘непристойная брань’ ~ *бу́-со-р(ь)* ‘хлам’, ‘требуха’, ‘глупость, дурь’, ‘дурень’, ‘скандалист’ ~ *су́-сор* ‘слух, сплетня’, *су́-сор-му́-сор* о чем-то мелком, ничтожном («Колос от колоса не смыкал голоса, сусор-му-сор — хорошего нет хлеба»)

му́сорить – *бу́сорить* – *су́сорить* ‘пустословить’ [СРНГ, 3: 307; 18: 366; 42: 307]» [цит. по: Журавлёв 2022: 49];

бу-тузить ‘бить, колотить кого-л.’ [СРНГ 3: 314] — *му-тузить* (ср. *тузить*);

бу-зыкать ‘наливать слишком много, через край’, ‘пьянствовать, пить’ – *му-зыкать* ‘пить (чай)’ (ср. *зыкать* ‘пить с жадностью’, *зыкнуть* ‘быстро выпить (водки)’) и под. [СРНГ 3: 259; 18: 338; 12: 36–37].

Таким образом, слово *бутор*, хотя и является этимологически тёмным, показывает, как одно и то же слово может сближать разные гнезда и даже выходить за пределы славянских языков.

Литература

- Аникин 2000 — Аникин А. Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири. Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. М., 2000.
- Аникин 2007 – Аникин А.Е. Русский этимологический словарь. М., 2007. Вып. 5 (*бу́ба – ваки́таф*).
- БЕР 1 — Болгарский этимологичен речник. София, 1971. Т. 1.
- Варбот 2011 — Варбот Ж. Ж. Исследования по русской и славянской филологии. СПб., 2011.
- Горбушина 2018 — Горбушина И. А. *Тереть* ‘водить с нажимом по поверхности чего-либо’ и *тереть* ‘бежать’: полисемия или омонимия? // Фортунатовские чтения в Карелии. Сборник докладов международной научной конференции. 10–12 сентября 2018 г. Петрозаводск, 2018. С. 242–243.

- Даль — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. М., 1935. Т. I (А – 3).
- Журавлёв 2022 — *Журавлёв А. Ф.* Непродуктивные префиксы в восточнославянских диалектах (этимологическая эвристика; трудности идентификации) // Вопросы языкознания. 2022. № 6. С. 44–61.
- Соколов 1891, 26 — *Соколов А. И.* Обь языкѣ и правописаніи въ документахъ XVII в. // РФВ. Варшава, 1891, вып. 26, с. 125-138.
- Севортян 1974 — *Севортян Э. В.* Этимологический словарь тюркских языков: общетюркские и межтюркские лексические основы на гласные. М., 1974.
- Срезневский I — *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка. В 4 т. Т. I (А–К). СПб., 1893.
- СРНГ 3 — Словарь русских народных говоров. Л., 1980. Вып. 3 (Блазниться — Бяшутка).
- СРНГ 12 — Словарь русских народных говоров. Л., 1977. Вып. 12 (Зубрёха – Калумаги).
- СРНГ 18 — Словарь русских народных говоров. Л., 1982. Вып. 18 (Масленичек – Мутарсливый).
- СРНГ 19 — Словарь русских народных говоров. Л., 1983. Вып. 19 (Мутаситься – Накучить).
- СРНГ 42 — Словарь русских народных говоров. СПб., 2008. Вып. 42 (Стриж – Сухловина).
- Фасмер I — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. I. СПб., 1996.
- Черных I — *Черных П. Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка. В 2 тт. Т. I. М., 1999.
- Berneker E. *Slavisches etymologisches Wörterbuch.* Heidelberg, Winter, 1908 – 1913.
- Linde S. B. *Słownik języka polskiego.* Lwów, 1854–1860. Т. I (А–F).
- MTES 1 — *A magyar nyelv történeti-etimológiai szótára.* Akadémiai Kiadó, 1967. Т. 1 (А–Gy).
- SSN – *Slovník slovenských nářečí.* Veda, 1994. Т. I (А–К).
- Strekelj K. *Zur slavischen Lehnwörterkunde.* Denkschriften der Wiener Akademie der Wissenschaften, 1904.

Summary

Irina Gorbushina

The reflection of the interlanguage contacts in dialectisms (using the example of the Russian dialect word *butor*)

The Russian dialect word *butor* (*butor'*, *butora*, *budor*, *butro*) 'trash, belongings', 'the entrails of a slain animal', 'noise, din, scream; delirium with fever', 'blizzard', 'a lazy/stubborn person' still has no clear etymology. It is not even clear whether this is a Slavic word or a loan word. Some researchers associate it with Hungarian luggage *bútor* 'furniture'; others suggest a Turkic origin (this is evidenced by its prevalence in the east and partly in the south of Russia); others consider the Slavic neoplasm *bu + tor*, given that it exists in other Slavic languages (cf. Ukr. *butora* 'travel belongings', dial. *butyr* 'farm', Polish *bucior* 'clothes', Serbo-Croatian *butura* 'burden', Bulgarian *butor* is a 'big and lazy man'). Its morphology is also unclear: if *bu* is really an archaic prefix (cf. *bu-sor* > garbage), then the root *-tor-* is probably a variant of *-ter-* 'rub'; if *-or* is a suffix (cf. *gov-or*), then the root *but-* probably goes back to praslav. **fight-* (< I.-E. **bhat-*) 'beat, punch, push, butt, poke, shake'. The wide range of meanings of the word *butor* and its numerous phonetic variants make it very difficult to determine its original form and source language. In this report the word *butor* is considered as an illustration how, passing from language to language, it came into contact with native words.

Keywords: etymology, dialectisms, "dark" words, borrowings, morphology.

*Г. П. Пилипенко,
С. А. Борисов
(Москва)*

Тексты на украинском и чешском языках из Воеводины (Сербия)¹

В публикации представлены украинские и чешские диалектные тексты, записанные от представителей миноритарных славянских сообществ, проживающих в автономном крае Воеводина (Сербия). В публикуемых нарративах отражены фонетические особенности переселенческих островных говоров украинского и чешского языков, а также контактные элементы, возникшие под влиянием доминантного сербского языка. Тематические тексты охватывают сферу традиционной духовной культуры рассматриваемых национальных сообществ.

Ключевые слова: украинский язык, чешский язык, сербский язык, Воеводина, диалект, языковые контакты, традиционная культура, полевое исследование

В статье публикуются тексты, записанные авторами от информантов — носителей украинского и чешского языков, которые проживают в Воеводине. Интервью с собеседниками проводились с 2015 по 2023 г. Украинские тексты приводятся в транскрипции, отражающей фонетические особенности говора, позиционные изменения гласных и согласных. Украинцы проживают в Сербии в Южной Бачке и в области Срем. В основном это вторичная миграция из Боснии и Герцеговины, куда предки носителей украинских говоров переселялись с территории Галиции. Речь идет о носителях поднестровского диалекта юго-западного наречия украинского языка (см. публикацию текстов из Боснии и Герцеговины: [Пилипенко 2021]). Используемая в статье упрощенная транскрипция чешских текстов также позволяет отметить позиционные изменения согласных звуков, долготы гласных звуков и иные особенности говора. Чехи в Воеводине являются, в основном, потомками вторичных мигрантов из румынской части Баната. Обширная география первичной миграции и

¹ Исследование выполнено за счет гранта РНФ 20-78-10030 «Языковые и культурные контакты в условиях социальных трансформаций у национальных меньшинств альпийско-паннонского региона», <https://rscf.ru/project/20-78-10030/>.

дальнейшее смешение говоров усложняют анализ диалектной основы языка сербских чехов, однако в речи жителей села Крушчица проявляются черты говоров юго-западно-чешской группы [Utěšený 1970: 139–141].

Представленные здесь тексты интересны тем, что эти говоры на протяжении длительного времени развивались вне ареала основной территории их бытования, сохранили некоторые архаичные особенности, а также сформировали ряд черт, прежде всего в области морфологии и синтаксиса, в контакте с сербским языком. Тексты публикуются с переводом на русский язык. Украинские тексты записаны от информантки С. Ш., которая проживает в городе Сремска-Митровица, 65 лет. Чешские тексты записаны в селе Крушчица от информантов: Й. М., муж., ок. 75 лет ([9]), Б. Г., жен., 71 год ([10–12]), М. К., жен., 74 года ([13–14]). Тематически представлены следующие нарративы: в [1] собеседница говорит о блюдах традиционной кухни; в [2] — про обычаи при строительстве дома; в [3] — о праздновании Рождества; в [4] — о культурной и церковной жизни украинцев Воеводины; в [5] — про обычаи в Сочельник и на 14 января; в [6] — о дне св. Николая; в [7] — про колядование; в [8] — о празднике Крещения. Нарративы, записанные от чехов, посвящены: [9] — функционированию неофициального этнонима *petac*, который используется по отношению к чехам; [10] — приметам, связанным с икотой, приводятся фразы, которые обычно говорят, когда кто-то икает; [11–12] — календарным приметам, связанным с погодой; [13–14] — зимним развлечениям.

[1] Varýlo s"i ws"o, i fasól'a i tojvó, čorbice máma varýla. Z yoródu ws'o. Mály svojí kúry, ýusy^e, ws"o tu búlo. Jájc"i, da. Voný ódma varút i kladút toj, sírište. Xtos' ne kladé to sírište, v'in kladé vócet, i tudý i z vóctom róbl'at w nas w Sérb'iji. To sámó znácy molokó, vóz'meš i postávy'ež yo, de vonó, ny varýš, n'ic, i tudý da. I tudý tak tróxa zakolótyš, to dúže zdoróve i za jétru i za ws"o, znáješ, da. Tudý tu stojálo, značýt, u tyjvó, yórsčyky z molokóm, s sérvatkom. Ónda máma robýla máslo, jákos' koloty'la to, da, i to robýla, ws"o búlo domášne. Značýt, ýusy, kúry, to s"i r'ízalo za, e, da s"i jis"e". Svý'n' i s"i trymály za zé'mu, i vóseny s"i svý'n' i r'ízaly, tudý s"i robýly tóti kobasý. Robýly s"i tóti švárgli, ja ne znáju jak s"i nazývajúť švárgle, da. V'id mjása, da. E! To krvávica, tu s"i nazývájé krvávice. Pa i prýjduť sus"ídy, prýjde rodýna, to búlo bayáto l'udéj tudý, tak s"i zbyrály. Tepér u nas bárem támka, najb'il'se je slúžba klán'a. I tudý prýjduť po svyn'ú, v'idnésut, zróbl'at, šo tréba, vénut. Zaplátyš k'il'ko tréba, wže wdóma s' i n'ic skóro ne róbl'e. Cybúl'u čýesty'lye,

čysnýk čý^esty^ely^e, varýly w xát'i, peklý wže tam pampušk'ý čy šo, vynosý^ely^e rákiju, vynó varýly, vynosýly, i tak. I tudý s''i crévo jak s''i nazývájé? K'ísk'ý da, čý^estylo s''i za kobasú, za tu krvávicu, to ž'ink'ý robý^ely^e, da.

Варили все, и фасоль, мама варила супы. Все с огорода. У нас были свои куры, гуси, все было. Яйца, да. Они сразу варят и кладут эту, закваску. Кто-то не кладет закваску, кладет уксус и тогда делают с уксусом у нас в Сербии. Это только значит молоко, возьмешь и поставишь его, где оно, не варишь, ничего. И тогда так немного его взбить, это очень полезно для здоровья и для печени, и для всего, знаешь. Тогда здесь стояли горшки с молоком, с сывороткой. Мама делала масло, как-то взбивала это, да, и делала это. Все было домашнее. Значит, гуси, куры, их резали, чтобы есть. Свиной держали на зиму, а осенью свиной резали, тогда делали эти колбасы. Делали эти *švargli*, я не знаю, как называются *švargle* (зельц), да. Из мяса. А! Это *krvavica* (кровяная колбаса), тут называют *krvavice*. И придут соседи, придут родственники, было много людей, так собирались. Сейчас у нас, по крайней мере там, больше всего используется служба для закола скота. И тогда придут за свиной, унесут, сделают что нужно, вернут. Заплатишь сколько нужно, дома уже ничего почти не делают. Лук чистили, чеснок чистили, варили дома, пекли там пампушки или что, выносили ракию, вино варили, выносили, и так. И тогда, *crevo* как называется? Кишки, да, чистили для колбасы, для этой кровяной колбасы, это женщины делали, да.

[2] Da, ja čúla, že kaldút w tétel', to bába Mar'ija, mojá svekróxa γο-voγýla. Pa óbično γρόσι káo klály, da, γρόσι klály i tydý dál'e, ne znáju, čo to, môže áby xáta mála γρόσι, ne znáju šo, ále to wže klály, da, ny rospov'idála čo. Sušýly na sónce sámo, bolóto.

Да, я слышала, что кладут в фундамент (монеты), это баба Мария, моя свекровь, говорила. Обычно деньги клали, да, деньги клали и тогда потом, не знаю, для чего это, может, чтобы в доме были деньги, не знаю, для чего, но это клали, да, но она не рассказывала, для чего. Сушили на солнце только, грязь (для строительства).

[3] Ws''o, da, ws''o tak r'ixtújemo, tak sámo za... Voný kazály dvanájc''ic'', strávy, i ws''o. Kóšyk za Velýgden' s''i r'ixtúje tak sámo, nesé s''i do cérkvy, páska s''i pos''v'íčuje. U nas u Mítrovici, za Úskrs, kóji je to? Velekódn'i, jel? Tudý tojvó je slúžba boža, alé tudý w nas je stražári, to sámo u Mítrovici je, ja dúmajú. U

nošn'i, i tojvó, i p'il'nújut plašč'ewnýc'u, i óvaj. Vo znáju, že kazály, že káo sámó še u Mítrovici s"i to otrémuje.

Все, да, мы все так готовим, так же для... Говорили, двенадцать блюд (на Рождество). Корзину на Пасху готовили так же, ее несут в церковь, паску освящают. У нас в Митровице на *Uskrs* (Пасха), какой это? Пасхальные (праздники), да? Тогда служба в церкви, и тогда у нас есть стражники, это только в Митровице, я думаю. Они в одежде и охраняют плащаницу. Я знаю, что говорили, что вроде бы только в Митровице еще это сохраняется.

[4] Je w Verbásu, je w Kúli, je w Nów'im Sád'i, u Ínž'iji je tak sámó baš ukrajínska cérkva, šo po ukrajínski, ónda de še je? U Šídu, tak sámó rusn'ak'ý, je dúže velýka cérkva, kolýs' to búlo tak, mála ta cérkva. To budý^enok starýj, májut svojí, vyno^urát. To róbl'at i vynó, to ws'o pry cérkv'i, i dúže velýka je cérkva, ws'o^o májut. Da, i óvaj, jak kázan'a na slúžb'i tudý kolýs' po ukrajínsky des' kolýs' po sérpsky, záto šo bayáto je, jak to kažut, čolov'ík ukrajíнец, ž'ínka ínše. U Srémski Mítrovici, da, je továrystvo, Koloméjka, tojvó, je, dósta člán'iw, tepér ne máju baš n'ic, aby-m pokazála šos' jix, nemá. Záto kážu, záto d'íty ne znájut ^uovorýty, tak jákos' nawčýly tak. Voný tepér w škól'i, voný w škól'i wčut móvu, tak že voný, troxa šoz' d'íty mal'í znájut.

В Врбасе есть, есть в Куле, есть в Нови-Саде, в Инджии также есть украинская (греко-католическая) церковь, которая по-украински (проводит службы), где еще есть? В Шиде, (там) также русины, там очень большая (греко-католическая) церковь, когда-то была маленькая церковь. Это старое здание, у них свои, виноград. Они делают вино, это все при церкви, и очень большая церковь, у них все есть. Да, и когда проповедь на службе, то когда-то по-украински, когда-то по-сербски, потому что многие, как говорится, муж — украинец, жена — другой (национальности). В Сремска-Митровице, да, есть (культурное) общество «Коломыйка», в нем достаточно участников. Сейчас у меня нет ничего, чтобы показать что-то их, нет. Поэтому я говорю, поэтому дети не умеют говорить (по-украински), так их как-то научили. Они сейчас в школе, они в школе учат язык, так что они, маленькие дети немного что-то знают.

[5] Bula solóma, jak máma i táto búly, voný wnosýly solómu. Tak, za s'v'atýj věčír máma k'ydála to. D'iduxá vóz'memo tróxa, tojvó, pšenýc'u tak zjéžemo i tudý pokladémo na stil, to nam d'idúx, alé wže wdolý^enu ne kladé-

mo. U Mítrovici je, trymaje, alé wže nemá, bórše búlo še jak máma i táto búly žyv'í, tudý jšly b'íl'se, a tepér wže s' i to troxa zyubý'elo, nemá. Šty^ernájč'atoyo s'íčn'a, my jak búly d'íty, to s'mo jšly zas'iváty, da, pšenýc'u w torbýnu, i tudý po xatáx ukrajínskych, wráno, wdósv'ita. *S'ij s' i rodý^e s' i, žý^eto pšenýc' a, ws' il' aka pašnýc' a, na šťás' t' a, na zdorówl' a, na toj samýj novýj r' ik, áby vam s' i l' ípše povódylo jak tor' ik, Xrystós s' i raždáje!* I tudý my to skážemo, i tak, k' ýdajemo tu pšenýc'u, i tujvó, i tudý nam dajét, čy cukérk'y, čy jápko, čy xto kotrýj dínar-dva šo s' i káže, e tak! My jšly po ukrajínskych xatáx, znály s'mo d'íty, de je, wráno wdós"v'ita. To voný nas puskály, i tak to, to búlo tudý, a tepér wže toyo nemá, nemá n' i w Lač'érku, n' i w Mítrovici. Sámó ne wnósymo b'íl'se solómu, to ne wnósymo.

Была солома, когда были мама и папа, они вносили (в дом) солому. Да, в Сочельник мама бросала ее. Мы возьмем немного *дидуха*, пшеницу так свяжем и положим на стол, это у нас дидух, но уже вниз (на пол) не кладем. В Митровице есть этот обычай, сохраняется, но уже нет, больше было, когда мама и папа были живы, тогда шли больше, а сейчас немного исчезло, нет. Четырнадцатого января, когда мы были детьми, мы шли «засевать», да, пшеницу в сумку и – по украинским домам, рано, до рассвета. *Сейся, родись, жито-пшеница, все злаки, на счастье, на здоровье, на тот самый Новый год, чтобы вам лучше везло, чем в прошлом году, Христос рождается!* И тогда мы так скажем, и так бросаем эту пшеницу, и тогда нам дают или конфеты, или яблоко, или кто динар-два, как говорится, так! Мы шли по украинским домам, мы, дети, знали куда, рано, до рассвета. И нас пускали, и так это, это тогда было, а сейчас уже этого нет, нет ни в Лачараке, ни в Митровице. Только мы больше не вносим солому, это не вносим.

[6] Za Nykolája mama nam klála, p'it pódušku nam klála podarúnk'y. Tudý k' ydála ģor'ix'y, cukérk'y, tudý lýšy na v'ikn'í. Káže: “*A tudá perejšów S'v'atýj Nykoláj i poġubýw*”. To j tak my jšly d'íty, šukály to j tak. I na p'id-lóz'i, a bulý tak, káo, jak v'in jšow čérez dvér'i i zayubýw, káo na v'ikn'í, tak des', de my zdýblemo. To buw tu S'v'atýj Nykoláj, tak my w xát'i, máma nam robýla šos', ne znáju, jak buló dal'í, a w nas tak.

На Николая мама нам клала, под подушку нам клала подарки. Она бросала орехи, конфеты, оставит их на окне. Говорит: «Там прошел Святой Николай и потерял». И мы, дети, шли искать. И на полу, а было так, что он якобы шел через дверь и потерял, якобы на окне, так где-нибудь,

где мы найдем. Это был здесь Святой Николай, так мы дома, мама нам делала что-то, не знаю, как было потом, а у нас так.

[7] Za R'izdvó róbymo s'v'atýj večir, γotújut strávy kotr'í, tojvó, kotr'í s'í róbl'at na Ukrajín'í, na stil stáwl'at ws'o to voný stoját. Tak mojí ródyči robýly, tak i ja róbl'u, d'íty mojí. Jak večérja, postáwjat ws'i ti strávy, i voný, ja jix ne rúxaju do rán'a s stóla. Značýt, kut'á jde pérša, pérša s"i beré, tudý wže s'í večér'aje. Kól'ady jdut, náv'it' tepér továrystvo i mólod' idé oryan' izóvano v'it xáty do xáty i kol'adújut. Ti γróši, šo d'istajút, to dajémo na cérkvu, značýt, v'it tóyo s'í kupújut s'v'íčk'y i šo ja znaju šo tréba.

На Рождество мы устраиваем Сочельник, готовят блюда, которые готовят на Украине, на стол ставят все это, и они стоят. Так мои родители делали, так и я делаю, дети мои. Когда ужин, поставят все эти блюда, и они, я их не трогаю до утра со стола. Значит, кутью первой пробуют, первой берут, тогда уже ужинают. Колядники идут, даже сейчас общество (культурное) и молодежь идет организованно от дома к дому и колядуют. Эти деньги, которые они получают, отдаем на церковь, значит, из них покупают свечи и что еще нужно, не знаю.

[8] Na Jordán idé s'í po s'v'átu vódu, ráno. N'iják'yx zvyčájijw tepér, w cérkv'i týl'ko blagoslovýt s'í s'v'atá voda i každyj sub'í beré do dómu tu vódu i máje w xát'i. I kóžda xáta máje s'v'atú vódu wdóma, tak šo tojvó. A drúyyj zvyčáj i nýn'i, šo to idé s'í i na r'íčku, de je, alé w nas takóji r'íčky néma, a i málo téper ukrajínc'iw, tak šo w cérkv'i vodá s'í s'v'atýt, wráno na pjátu γodýnu idé s"i. Jak idé blagoslovýty xátu, po xatáx, s'v'atóm vodóm, to stávýt s'í s'v'atá vodá. W skl'ánočku nal'éju, jak xto xóryj, jak xtos' pomér, to s'í kladé kólo tóyo pok'íjnoyo. Značýt, jak poγóda poγána na dvor'í, to znájut tak sámó pyty s'v'atú vódu. I v'inóčk'y, kotr'í s'í s'v'at'át, jak tojvó, w s'ómym m'ís'ac'u s'v'atýt s'a v'inóčok, kóžda xáta sob'í zróbýt v'inóčok v'it kvýtiw. Tepér róbl'at i v'it kvýtiw, ale kolýs' to robýly, po pól'u, rvut kvýty ti, i s tyx kvýtiw s'í robýly v'inóčk'y i s'v'atýt s'a toj v'inóčok. I v'inóčok toj stojít, i jak tréba to... jak naprýklad wže mynáje r'ik, wže drúyyj r'ik, druyyj v'inóčok s'í robyt, tudý tojvó, alé to kóžda xáta, ne k'ýdaje takó des', to spalýt, bo to s'v'aščéne.

На Крещение идут за святой водой, утром. Сейчас никаких обычаев нет, в церкви только благословляют святую воду, и каждый берет домой

эту воду и держит в доме. И в каждом доме святая вода дома, так что так. А другой обычай и сегодня, что идут на речку, где есть, но у нас такой речки нет, да и мало сейчас украинцев, так что в церкви воду освящают, утром в пять часов идут. Когда (священник) идет благословлять дом, по домам, святой водой, то ставят святую воду. Я в баночку налью, если кто болен, если кто-то умер, то ставят около этого покойника. Значит, если плохая погода на улице, то тоже имеют обыкновение пить святую воду. И веночки, которые освящают, как это, в июле освящают веночек, каждый дом делает себе веночек из цветов. Сейчас делают из цветов, но когда-то это делали, в поле рвали цветы и из этих цветов делали веночки и освящали этот веночек. И веночек этот хранится, и если нужно... Если, например, уже проходит год, другой веночек делают, но это каждый дом. Не выбрасывают его так куда-нибудь, сжигают, так как это освященное.

[9] Nevim, co to znamena pemaц. Tak vu nas, tuten kraj, žikali nam čexum pemaц. A mi sme se žadni se nezlobil. An' i vot srbu, n' i to. Dřiv de se co sretnu tam že n' akej: «*O, zdravo, pemaц, kako si?*». Mi sme se to nezlobili uopšte, n' ic. Mn' e bilo, mn' e tej, nam žikaji češi, vod' i tuti česi, začli tu d' elat. «*Tu sou češi, češi, a ešče žikaji po n' ejaki pemci*». A mn' e tej smn' ešni, že mi žikaji čex. «*Ja sam pemaц, bre, ovde true pemci, česi su u Česku*», rekoх.

Не знаю, что значит «пемац». Так у нас, в наших краях, называли нас, чехов: «пемац». А у нас никто не сердился. Даже если [слышали это] от сербов, тоже нет. Раньше, когда где-нибудь встретятся, и кто-то: «О, здорово, пемац, как ты?». Мы на это не сердились, совсем, ничего. Мне было, мне сейчас, нас называют «чехи», водят тех чехов, начали здесь работать. «Здесь чехи, чехи, а еще говорят о каких-то пемцах». А мне теперь смешно, что меня называют чехом. «Я пемац, эй, здесь (англ.) *настоящие* пемцы, чехи в Чехии», — сказал я.

[10] A ja jsem tolik škitala. Ja pram: «*Gdo mn' e tolik fspomína*», a ti si asi čekal, dok sem se ja neozvala. To u nas žikaji: «*Gdiš škitaš, tak t' e n' egdo fspomína*». Ve škole sme se učili, diš skitaš, takže to dvje kapki do do srce kápnou. Krve, dvje kapki krve, ne jedna po jedna, ali dvje. Tagže. Co je s toho pravda, nevim. No to vječinou žikaji: «*Fspomen si na n' ekoho*». No ja si fspomínam na toho, na toho, na toho, a potom an' i na koho sem si fspomjela a to přestálo. Diš sem bila mala, moje baba žikala: «*Šla škitka pšez može, potkala Žehože, Žehoř se vrát' il, a škitka tam zustala*».

А я так икала. Я говорю: «Кто меня так вспоминает?» — а ты, наверное, ждал, пока я не ответила. У нас так говорят: «Если икаешь, значит, тебя кто-то вспоминает». В школе мы заучили, что когда икаешь, то две капли капаят в сердце. Крови, две капли крови, не одна за другой, а две. Так что вот. Что из этого правда, я не знаю. Но обычно так говорят: «Вспомни о ком-нибудь». Ну, я вспоминаю о том, о том, о том, а потом я так ни о ком и не вспомнила, но все прошло. Когда я была маленькая, моя бабушка говорила: «Шла икота через море, встретила там Григория, Григорий вернулся, а икота там осталась».

[11] U nas žikaji: «*Svata Ana — xladno z rána*». Svata Ana bila dvacet šestih července. Tak od svati Ani už se zaclazuje, ráno su xladn'ejši.

У нас говорят: «Святая Анна — холодные утренники». Святая Анна была 26 июля. Так что со святой Анны становится холоднее, по утрам становится холоднее.

[12] U nas zase je na Št'epana. Na Luciji, ne na Št'epana. Lucije je třináctih prosince. Na Svatou Luciji noci ubije, ale dna nepšida. Noci ubije, a den nepřida. A Novi rok o slepiči krok. A Tři krále o hod'inu dále.

У нас же на [святого] Стефана. На [святую] Люцию, не на Стефана. Люция 13 декабря. На святую Люцию ночь убивает, но дня не прибавляет². Ночь убивает, а день не прибавляет. А Новый год на куриный скок. А Три короля на час дальше.

[13] F tenkrat sme nemn'eli an'i pjecknou sálu, ani n'ic. Tak sme hod'ili v zimm'e, diš se netancuvalo, diž bili pósti. Vod e-e Katežini se vic netancuvalo, aš na-a doček novih roku. Zadn'ij muzika bila na Katežinu. Katežinskej bal, to dicki holki nosili fšixn'i bili šati. I na doček novih roku taki vjetšinou sme holki si vi- vo- voblikali bili šati. I bila muzika. A diš bili pósti, po masopust'e, tak sme hod'ili si kamaratki naše generacije, kolik nas bilo, vosum, devjet, kažou ned'eli, k jednej kamarace. Neska u mn'e, zejtra u Dóri nebo u koho bilo moji generaciji. I tam sme si hrali prstínki nebo e karti, vipravjeli n'aki viceve nebo n'eco. Tak sme si hráli, tak sme si zanimali. V let'e sme potom hod'ili tam du dolišního kraja sme si hráli kački z jara. Taki diž bil púst

² Здесь информантка, возможно, неточно приводит поговорку, в словарях фиксируется: *Svatá Lucie noci upije* 'Святая Люция ночи выпивает'.

před červenima sa- svátkama se taki netancuvalo se, po masopust'e šest ned'el taki ne. Netancuvalo do svácix. Tak sme si hrali kački. E jeden kousek dřífka i prut, i tak sme házeli i s košíkama xit'ele, xitali tu káčku, i to sme si hráli.

Тогда у нас не было даже хорошего зала, ничего. Так мы ходили зимой, когда не танцевали, когда был пост. После [святой] Екатерины больше не танцевали, вплоть до кануна Нового года. Последние танцы были на Екатерину. Екатерининский бал, девушки всегда все надевали белые платья. И в канун Нового года тоже мы, девушки, в основном надевали белые платья. И были танцы. А когда был пост, после масленицы, то мы ходили, подружки нашего возраста, сколько нас было, восемь, девять, каждое воскресенье к одной из подружек. Сегодня у меня, завтра у Доры или у кого-то еще моего возраста. И там мы играли в колечко или в карты, рассказывали всякие шутки или что-нибудь. Так мы играли, так мы себя занимали. А летом мы ходили туда вниз, мы играли в «утку» по весне. Еще когда был пост перед Пасхой, тоже не танцевали, после масленицы шесть недель тоже нет. Не танцевали до праздников. Так вот, мы играли в утку. Одна деревяшка и прут, так мы бросали и с корзинками ловили эту утку, так мы в это играли.

[14] Pa to-o. Tak držíte ruce, ta-ak, a jeden má v ruce knoflik. I tej vom poušti, mi šini držíme, jako dršte tej ruku, mi držíme fšixni. I ti tej hádaš, a pořad ti tak d'elaš, a jako diš se kaže, a ti mušiš uhádnut, u koho sem ja pust'ila ten knoflik. I pak (j)esi neuhadneš. Nejmam, uš sem to zapomn'ela, dal desetkrat nebo kolikrat, a pak dou a t'e vdavaj nebo t'e žen'ej. (J)esi kluka, tag ho žen'ej. Daj(i) na prsti tuto je ta holka, to je ta holka, to je ta holka. I pak t'e jako žen'ej. Ti žekneš, kerej prst, i tak sme si mi to hrali. Lepši sme nemn'eli, iniho sme nemn'eli, tak se to hrálo, ti prstínki. To se poušt'el knoflik, i ti jesi ti, po napřad poušt'el, a ti, a drži ho mezi prstama, a ti tej mušiš uhádnut. Te esi uhádněš, ne, ti se n'egdi neuhádněš i desetkrat, pak t'e žen'ej nebo vdavaj. Gdo-o a gdo, misim, gdo háda. Tak sme si to hrali.

Ах это. Так, держите руки, вот так, а у одного в руках пуговица. И теперь он опускает, мы все держим, вот держите сейчас руку, мы все держим. И ты теперь угадываешь, и ты все время так делаешь, а когда говорят, ты должен угадать, у кого я оставила пуговицу. И потом, если не угадаешь. Не знаю, я уже забыла, десять раз или сколько, потом идут и тебя выдают замуж или женят. Если парня, то женят. Надевают на пальцы: это та девушка, это та девушка, это та девушка. И потом тебя как бы женят.

Ты говоришь, какой палец, и так мы играли. Ничего лучше у нас не было, другого у нас не было, так мы играли, в это колечко. Пускали пуговицу, и если ты, ее все время пускали, а ты, и держали между пальцами, а ты теперь должен угадать. Ты если угадаешь, ты иногда не угадаешь и с десятого раза, и потом тебя женят или выдают замуж. Тот, кто угадывает. Вот так мы в это играли.

Литература

- Пилипенко 2021 — *Пилипенко Г. П.* Украинские тексты из Боснии и Герцеговины // Исследования по славянской диалектологии. 23. Памяти Людмилы Эдуардовны Калнынь. М., 2021. С. 225–237.
- Utěšený 1970 — *Utěšený S.* O posrbš'ování kruščické češtiny v jugoslávském Banátě // Naše řeč. 1970. T. LIII. S. 138–145.

Summary

*Gleb P. Pilipenko,
Sergey A. Borisov*

Ukrainian and Czech dialect texts from Vojvodina (Serbia)

The Ukrainian and Czech dialect texts recorded from representatives of minority Slavic communities living in the autonomous region of Vojvodina (Serbia) are published in this paper. The narratives reflect the phonetic features of the migrant dialects of the Ukrainian and Czech languages, as well as contact items that arose under the influence of the dominant Serbian language. Thematically, the texts cover the sphere of traditional and spiritual culture of the national communities under consideration.

Keywords: Ukrainian language, Czech language, Serbian language, Vojvodina, dialect, language contacts, traditional culture, field research.

*С. Л. Николаев,
М. Н. Толстая
(Москва)*

Диалектные тексты из закарпатского села Русская Мокрая. 2. Традиционная культура

Закарпатское село Русская Мокрая расположено в историческом Северном Марамороше и известно с XVII в. Публикуемые тексты записаны в экспедиции Института славяноведения в 1995 г. от одного информанта и содержат ответы на вопросы и рассказы о традиционной народной культуре – семейной, календарной, бытовой обрядности, мифологических представлениях о природе, народной демонологии, медицине. Фонетика говора кратко охарактеризована в первой части публикации в прошлом выпуске сборника. Тексты представляют значительный интерес в связи с архаической грамматической системой говора, в частности, содержат ряд примеров плюсквамперфекта, конструкций *accusativus cum infinitivo* и *dativus possessivus*, характерных для ряда закарпатских говоров. Интересен также «культурный регистр» речи носительницы говора, проявляющийся в общении с исследователями из России и выражающийся в ряде лексических и фонетических заимствований из русского и литературного украинского языков. Все тексты снабжены переводом на русский язык.

Ключевые слова: диалектные тексты, карпатоукраинские диалекты, закарпатские говоры, традиционная народная культура, этнолингвистика

Настоящая подборка текстов является продолжением публикации материалов из украинского села Русская Мокрая Тячевского района Закарпатской области, которое расположено в центре Украинских Карпат, в отрогах хребта Горганы, на высоте около 600 м, в долине реки Мокрянка в 5 км от впадения ее в р. Тересву. Краткие сведения об истории села, известного с XVII в., а также фонетическое описание его говора, характеристика его места на диалектологической карте и образец записи с использованием практической фонетико-фонологической транскрипции на основе МФА содержатся в первой части публикации, представляющей тексты из области «устной истории»¹.

¹ *Николаев С.Л., Толстая М.Н.* Диалектные тексты из закарпатского села Русская Мокрая // Исследования по славянской диалектологии. Вып. 23. М., 2021. С. 238–280.

Тексты были записаны весной 1995 г.² в ходе экспедиции Института славяноведения. Удачей для экспедиции было знакомство с Анной Михайловной Полага (1914 г.р.), прекрасным знатоком своего говора и традиционной народной культуры своего села. Ее рассказы о верованиях и обрядах уже неоднократно публиковались нами [Толстая 2001: 491–495; 2017: 124, 126, 129, 135–136; 2021: 29]. Для настоящей публикации выбраны тексты, представляющие собой ответы на вопросы о традиционной народной культуре. Речь А.М. Полага с богатой лексикой, грамматикой и синтаксисом показывает прекрасный образец традиционного говора; в частности, в текстах есть ряд примеров употребления конструкций *accusativus cum infinitivo* и *dativus possessivus*, плюсквамперфекта и др. С другой стороны, в этих записях отражен специальный регистр речи, который возникает у А.М. (свободно объясняющейся также на венгерском, немецком, идише) в разговоре с исследователями из России; он проявляется в отдельных лексических и фонетических заимствованиях из русского и литературного украинского языков (укр. лит. *xáta* = закарпат. *xýjxa*, *p'ík* = диал. *гуд*, *гáрний* = диал. *фа́йный*, *ск'íl'k'i* = диал. *кúл'ко* и т. п.; из рус.: *становít с'а*, *Пáсха*, *рубáшк'у*, *тр'áпки*, *нев'éст(к)а* 'невеста', *мушчíна*, *на пóсному мáс'л'i*, *хаз'áйц'i*, *по-прéжн'ому* и т. п.).

Тексты приводятся в упрощенной фонематической записи на основе кириллицы. Мягкость согласных обозначается апострофом, фонема /j/ — буквой *й*. Отражается позиционное оглушение и озвончение согласных. Не обозначается изменение подъема гласных *о*, *е* и *и* в позициях «повышения» (*ден'* = [дэ́н'] или [дин'], *корóву* = [кoрóву] и т. п.). Позиционный «повышенный» аллофон [e] фонемы /e/ спорадически произносится почти или совсем как [i] (основной аллофон фонемы /i/), также отмечено произношение [e] на месте фонемы /i/ — иными словами, в этих случаях фонемы /e/ и /i/ нейтрализуются. Поскольку внутри континуума [e ... i] бывает затруднительно на слух определить подъем гласного, наша транскрипция, как правило, фонологична: *e* на месте фонемы /e/, *и* на месте фонемы /i/. В начале слова, где нейтрализуются неприкрытые фонемы /i/ и /i/, в расшифровке пишутся *и-* или *i-* согласно произношению. То же касается написания *и* или *е* в частице и приставке *не*. Не обозначается фонетическое преобразование глагольного *-т* перед возвратным *с'а*. Употребляются следующие условные обозначения: [...] означает пропуск в записи или в расшифровке, .. — «естественную» паузу в речи (напри-

² Магнитофонная запись О.А. Абраменко, А.И. Рыко и Ю.В. Стрельниковой.

мер, информант подыскивает слово или меняет построение фразы; заметим, что такие паузы часто возникают перед употреблением недиалектного слова); диалектный текст в квадратных скобках — не вполне ясные отрезки речи («на слух»); курсив в квадратных скобках — пояснения к тексту. В угловые скобки заключены реплики собирателей, обращенные к информанту. Знаки препинания отражают фразовую интонацию и синтаксическое членение текста. Расшифровка магнитофонной записи выполнена М. Н. Толстой и С. Л. Николаевым, перевод М. Н. Толстой.

В нескольких случаях приведены разные записи одного и того же сюжета (записанные в разные дни).

Свадебная обрядность

Давно вѣли молодіцу, молодѹ до жениха, шлі [с'п'іва́йучи] по селѹ. Гул'али, давно гул'али, і по чоты́ри днѣ свал'бу. Таг гул'али. [...] То гул'али так, шчо пеклі кум'с'к'і колачі, так'і шчо кумы трімали, кум'і колачі так'і. І колач [...] нев'іс'ц'і. Чиніли молодіци д'іравый такый колач, гáрный рушник вышиваный, тот колач.. д'іравый, там рушник, та на руц'і несла до цѣрки, як шлá в'інчати с'а іс тым колачом. А потому пришлі с цѣрки, так мы держали тот колач высоко так, котр'і.. Котр'і кумы ходіли попут тот колач, трирас опходіли пут колач. Та котрый будѣ шіковный вы́бити колач тым двум кумам из рук. Но та сѹд, бѣли так'і, шчо.. шіковн'і бѣли хлѹпц'і, та пѹтскочит та вы́б'іе колач из рук. Розломл'ат, тот мѹсит платіти пул'ітер, выт кого вы́б'іут колачі тты. Но потому шчо встанѣ с'а, та тот колач р'іжут,

Раньше вели молодуху, невесту к жениху, шли с песнями по селу. Гуляли, раньше гуляли и по четыре дня свадьбы. Так гуляли. [...] Гуляли так, что пекли «кумские калачи», такие, что были у кум, такие калачи куме. И калач [...] невесте. Делали для молодухи дырявый такой калач, красивый рушник вышитый, этот калач дырявый, там рушник, и на руке несла в церковь, когда шла венчаться, с этим калачом. Потом пришли из церкви, так мы держали этот калач высоко так, некоторые... Некоторые кумы проходили под этим калачом, трижды обходили под калачом. И кому удастся выбить калач у этих двух кум из рук. Ну и есть, были такие, что ловкие были парни, подпрыгнет и выбьет калач из рук. Разломают, тот должен заплатить за поллитра [горилки], у кого выбьют эти калачи [из рук]. Ну потом что останется, этот

на вѣчур ужé за столóм дайúт, ус'ím. Грóшi за ттó брáли. Йаг брáли тóт кум'с'кый кола́з д'íлили та грóшi.. за грóшi ттó бýло. [...] Нев'íстка нé фату мáла, а такú прím'ítку. Платóг б'íлый, а на тúм платкú мнóго [л']éнт ус'áкых, нашíто ги вс'áкими взóрами, нашít'í тоты лéнты, так'í дóвг'í. Вс'áкого рáзного ц'в'íта.

[...] [Свадебный каравай украшали] пр'áмо т'íстом. Тáк, начин'ат так'í рóзочки гáрн'í вс'áк'í на нéго, та тáк íспечúд го. Та [пере]в'йёт с'а, абы мáй фáйный бýв. А шчос' ни вдáс' с'а фáйного спечí, тай пó трí рáс печúт, дóкы ни.. ни спечúт фáйного.

Ай зап'íкáли стакáн из мéдом. Та тóт мéд давáли молодým, йíсти, абы л'убíли с'а, абы так'í бýли солóтк'í вднó дрúгому, як тóт мéд. [...] Забобóны бýли вс'áк'í.

А потóму тоты в'ínкы здóймут на вѣчур ужé в вопúночи, изнимáйут в'ínкы, тот.. прím'ítку знимáйут в'ínók. С'п'íвáйут, с'п'íвáйуд бабы вс'í, котрá лиш берúе, та вс'í с'п'íвáйут, хлóпц'í, жíнкы. Тú шерínку сокотíла нев'íста соб'í, дóкы.. до смёрти. Коlí вмерáла, та у то.. у тотú шерínку йí завивáли [...], тó давнó тáг бýло.

Рубáшка гáрно вышívана, у мéне шче дес' íе мóйа рубáшка. Ни знáйу, дé поклáли д'ívкы. Фáйна, вышívана тúйкы, онтúй на плéчах, тúй фáйно так'í збóркы.

калач режут, вечером уже за столом раздают, всем. Деньги за это брали. Когда брали этот «кумский калач» делили, деньги... за деньги это было. [...] У невесты была не фата, а такая *прímítка*. Платок белый, а на этом платке много лент всяких, нашито как всякими узорами, нашиты эти ленты, такие длинные. Всякого разного цвета.

[...] [Свадебный каравай украшали] прямо тестом. Так, наделают таких розочек красивых всяких на него, и так его испекут. И перевивают его, чтобы был покрасивее. А если не уластят испечь красивый, то и по три раза пекут, пока не испекут красивый.

И запекали стакан с медом. И этот мед давали молодым, есть, чтобы любили друг друга, чтобы такие были сладкие друг для друга, как этот мед. [...] *Забобоны* были всякие.

А потом эти венки снимут вечером уже, в полночь, снимают венки, тот... *прímítку* снимают и венки. Поют, поют все бабы, какая только может, и все поют, парни, женщины. Этот платок берегла невеста у себя, пока... до смерти. Когда умирала, этим платком ее повязывали [...], это давно так было.

Рубашка красиво вышитая, у меня еще где-то есть моя рубашка. Не знаю, где девчонки положили. Красивая, вышитая тут, вот здесь по плечам, тут красиво [сделаны] такие сборки.

[...] Крѣс'н'і, як у нас кажут, нанашка. Та то розберайут их, запл'ітайут перет того, коли хоче іти в'інча́ти с'а до церкви, та йийі чѣшут, запл'ітайуд гárно, та тту́.. А в церкви пуп кладé на молоді́ц'у то́т плато́к, то́ту прім'ітку, но жо́ны зав'йа́жуг йуй та́к, лиш ота́к чині́ли тты́ прім'іткы. Ота́г зав'йа́зов.. туй бро́шков зашп'ін'ковали, а та́м лѣнты, і вс'а́кых, ус'а́кых.. Но то́то вже му́с'іло бѣ́ти вта́к накрѣ́то, і о́чи, на о́чах.

[...] Нанашкы́ – они́.. ка́жжа́ уже́ нанашка ма́ла принѣ́сти молоду́й плато́к, до церкви, коли пов'інча́йе йих, та прикрыва́йе тым платко́м, кладé шче плато́к на го́лув, пове́р прім'іткы. Нанашка. [...] То́ с'ашчѣ́нник кладé, пуп, плато́к на молоду́. Йак уже́ вѣ́йде с церкви, тто́ знимайут коло́ церкви то́т плато́к та́. Дайут ма́ттери йийі́ ци сестр'і́, кому́, абы понѣ́сла до́му тто́. Та нанашкы́ йду́т та сид'а́т коло́ молодых, коло́ жениха́ йего́ нанашка, ра́с сид'а́т друшкы́, пото́му нанашкы́, пото́му вже вс'і́ го́с'ц'і́ друг'і́ с'іда́йуд до.. круго́м нѣ́х.

[...] Кураго́в. Кураго́в тто́ с'а́ звало́. Та́м одна́ б'і́ла шерінка, но́ плато́к тот, одна́ б'і́ла, одна́ черво́на, а шче́ так'і́ платкы́ носов'і́ по трі́ наверху́ покла́дут. Та то́то пошійут, на кураго́в на ко́нѣц' та́к кладу́д звоно́чок. А то́д звоно́к як в'інкы́ знимайут уве́чѣ́р'і́, та с то́го звунка́ даю́т.. дава́ли

[...] Крѣстные, как у нас говорят, *нана-шка* [крѣстная мать]. И [они] раздевают их, заплетают [косы] перед тем, когда собирается идти венчаться в церковь, и ее расчесывают, заплетают красиво, и эту... А в церкви священник кладет на невесту этот платок, эту *примітку*, женщины завязжут ей так, только так делали эти *примітки*. Так завязыв... здесь брошкой закалывали, а там ленты, и всяких, всяких... Но это уже должно было быть вот так покрыто, и глаза, на глазах.

[...] Крѣстные – они... каждая уже крѣстная должна была принести невесте платок для церкви, когда повенчают их, прикрывает этим платком, кладет еще платок на голову, поверх *примітки*. Крѣстная. [...] Это священник кладет, поп, платок на невесту. Как уже выйдет из церкви, это снимают около церкви этот платок. Дают матери ее или сестре, кому, чтобы понесла это домой. И крѣстные идут и сидят около молодых, около жениха его крѣстная, сначала сидят дружки, потом крѣстные, потом уже все гости другие садятся к... вокруг них. [...]

Кураговь [свадебное знамя]. *Кураговь* это называлось. Там одна была *ширинка*, ну платок этот, одна белая, одна красная, а еще такие платки носовые по три наверху положат. И это сошьют, на *кураговь* на конец так прикрепляют звоночек. А этот звонок, когда венки снимают вечером, и из этого звонка дают... давали мо-

молодым.. молодіци піти, шчобы д'іти так'і голос'ні былі, як тод' звонок. Ворожили. Йак тод' звонок абы д'іти так'і былі голос'ні. [...] На вѣчур, коли.. на гусках³, яг зѣвтра мѣе быти свѣл'ба. А вні на вѣчур тоту курагов шійут, та с'п'івайт, там в'інок ишчѣ на курагві в'іак кладут. Та с'п'івайт. І прикрашайт і с'п'івайт нанашкы. Нанашкы, ага. А молодой идѣ, пак та. тото платит им. Пул'ітра, абы.. ни задар' тто робіли, абы заплатити им пул'ітров. Но а так.. шчо шче чін'ат, коли.. [...] д'ілат на вѣчур, йа вже вам казала. [...] давали, дома лиш.. лишали дома тод' звончок, хаз'айці туй, дѣ тта свѣд'ба была. [...] Розберали. Тоты шеринкы розберали та давали... <А кто разбираал?> Тоже тоты нанашкы. Сам'і котр'і чиніли тоту, і тто й розберали. Та с'п'івали, с'п'івали, тан'ц'овали коли розберут тот платок, та шеринку, тту курагов розберут, та пак танец'! Молодой танец' начинае с'а. Та «Чійа молодѣ», с'п'івайт, «Чійа молодѣ». Но тко мѣе богѣто грѣший, богѣто рѣс тан'ц'овѣе из молодых. Та тко ни мѣе грѣший, та рѣс затан'ц'уйе та.

Но а староста идѣ грѣши зберѣйучи выд л'удий, покладут ус'ых л'удий, котр'і приглашен'і на свѣл'бу, та кладуд за стул, та паг дѣ староста грѣши зберѣе, а тко кул'ко. По възможности

лодым.. молодойе пить, чтобы дети такие были голосистые, как этот звонок. Ворожили. Как этот звонок, чтобы дети такие были голосистые. [...] Вечером, когда.. на гусках, когда завтра должна быть свадьба. А они вечером эту кураговь шьют, и поют, там венки еще на курагови так кладут. И поют. И украшают и поют крестные матери. Крестные матери, ага. А жених идет, и за это платит им. Поллитра, чтобы не даром это делали, чтобы заплатить им поллитрой. Но и так.. что еще делают, когда [...] делят вечером, я уже вам говорила. [...] давали, дома.. оставляли дома этот звончок, хозяйке этой, где эта свадьба была. [...] Разбирали. Эти платки разбирали и давали... <А кто разбираал?> Тоже эти крестные матери. Те самые, которые делали эту, и это и разбирали. И пели, пели, танцевали, когда разберут этот платок, шеринку, эту кураговь разберут, и потом танец! Танец невесты начинается. Эта «Чья невеста», поют, «Чья невеста». Ну у кого было много денег, много раз танцевал с невестой. А у кого не было денег, то один раз станцует и всё.

Ну а староста [свадебный чин] идет и собирает деньги у людей, посадят всех людей, кто приглашен на свадьбу, и сажают за стол, где староста собирает деньги, и кто сколько. По воз-

³ Гулянье с музыкой и танцами накануне свадьбы.

ткó кúл'ко поклáде. Тар'ílка накрýта гáрным платкóм, носовým, или рушник такýй бýв, спецiално, малýй вýшитый. Тá.. збéрут грóшi, а тты́ грóшi дайé молодým, женихú i нев'ис'ц'и, выдданi-ци, дайé грóшi старóста. Пол'ичат, нó вже тогды́.. Тан'ц'ýйт ужé. I другýй дéн' тан'ц'ýйт, справл'áют вес'íl'л'а. Дóвго.

I друшкý, по дв'i друшкы, двá дружбý бýли. <А шо они робили?> Нó друшкý сид'или б'íl'а молодóй, друшкý шчó, посúду приносили, мáли принéсти посúду на вс'ý свáд'бу, выд л'удий напросiти, та.. Потóму сид'áд за столóм коло нев'iсты. Друшкý, з другóго бóку дружбý. Тепéр'кы кумы сид'áт, а тогды́ сид'или друшкý з дру.. ис.. дружбáми кóло молодýх.

[...] Потóму вже на вéчур, колi.. кóнчат.. гóстити с'а у нев'iсты, а потóму йдúт та вс'i йi, ткó шчó.. с хáты напарúют родiн'i, рóдичам напарúют ус'ó такé придане. Та вс'i несúт у бесáгах, на плéчах тот[ы] придан[e] до женихá, ведúт нев'iстку, та тотý придан[e], но жених ни пов'iнен в'ид'ити, колi йi привéдут. Привéдут нев'iстку, пак убéрут ход'-йакý бáбу л'ачнý на молодý, на нев'iстку, та ведúт – «Ци такá бýла твóйа.. нев'iстка?» – «Н'i, ни такá». Выткáзуе с'а, нó. Ведúт i по тр'óх такýх л'ачныг бaбiй, укáзовати женихú, и жених усé выткáзуе с'а – «Ссé ни мóйа, ни такá бýла». А потóму вжé

можности, кто сколько положит. Тарелка покрыта красивым платком, носовым, или рушник такой был, специально, небольшой вышитый. И... соберут деньги, а эти деньги дает молодым, жениху и невесте, *выдданице*, дает деньги староста. Посчитают, ну уже тогда.. Танцуют уже. И на другой день танцуют, справляют свадьбу. Долго.

И дружки, по две дружки, два дружки были [свадебные чины]. <А что они делали?> Ну дружки сидели около невесты, дружки что, посуду приносили, должны были принести посуду на всю свадьбу, попросить у людей, и.. Потом сидят за столом около невесты. Дружки, с другой стороны дружбы. Теперь кумы сидят, а тогда сидели дружки с дружбами около молодых.

[...] Потом уже вечером, когда кончат угощаться у невесты, потом идут и все ей, кто что... из хаты соберут семье, родным соберут всё такое приданое. И все несут в бесагах, на спине это приданое к жениху, ведут невесту, и это приданое, но жених не должен видеть, когда ее приведут. Приведут невесту, потом оденут какую попало бабу страшную как невесту, и ведут: «Такая была твоя невеста?» – «Нет, не такая». Отказывается, ну. Ведут и по три такие страшные бабы, показывать жениху, и жених всё отказывается – «Это не моя, не такая была». А потом уже дают ему его невесту, сно-

дають му йего.. н'ів'эсту, та знóв кладу́д за столы́, кла́ли за столы́ та го́стили с'а, пи́ли, йи́ли, гул'а́ли, тан'цо́вали вже та́м, тан'цо́вали до.. ц'ілу ну́ч та́м уже, до́вго, го́стили с'а.

[...] та каза́ли, шчо шча́с'ца ни бу́де, коли́ до́шч паде́. «Ой, якый до́шч, ни бду́т шчасли́в'и, – ка́же, – тты́ молод'и́».

[...] В'ішайут ус'а́к'и г'ілки, ле́нты на воро́тах, та йду́т уже́ [іт] ты́ воро́та, та зрыва́ют тто́ вс'о. <То коли?> Коли́ з молодóв иду́т, до жени́ха, зрыва́ют. Ї ни пуска́йуд до ха́ты молоду́, до́кы жени́х ни запла́ти́т.. бутылку́. А до́вго, і по пучасови в воро́тах не дайу́т прохода́ молоды́м у ха́ту [...].

[...] са́хар, ста́нут, коли́ веду́т ис це́рки молодых, та ста́нут на.. двер'а́х, по́варка ста́не на двер'а́х, та ме́че.. са́хар, рис, іли рис ис са́харом пом'іша́йут, та притр'іса́йут молодых ты́м. [...] д'івча́та ймн'а́йут то́т рис ци са́хар, та дайе́ сво́му хло́пц'ови, абы ско́ро йшо́в йи́ свата́ти.

[...] тар'ілку́ бы́ли. Пе́ред молодых, йа́к присы́плут і́х ис тар'ілки ты́м рисо́м ци са́харом, та пак ве́рже на шча́с'ца молоды́м пуд но́гы тар'ілку тту́.

[...] так'і да́вно... йа́к-йа́к-йа́к.. зва́ли с'а, чека́йте... [...] Пе́тек. <А що то?> Гу́н'а така́ была, іс.. шерсти́ вовечойи́, та́к шчо вно́ ни ви́дно, шчо вно́ тка́не; одна́ сторо́на зовс'ім та́к йа́к на.. овці́

ва садят за столы, садились за столы и угощались, пили, гуляли, танцевали уже там, танцевали до.. целую ночь там уже, долго, угощались.

[...] говорили, что счастья не будет, когда дождь идет [во время свадьбы]. «Ой, какой дождь, не будут счастливы, – говорят, – эти молодожены».

[...] Вешают всякие ветки, ленты на воротах, и идут уже к этим воротам, и срывают это всё. <Это когда?> Когда с невестой идут, к жениху, срывают. И не пускают в хату молодую, пока жених не заплатит на бутылку. А долго, и по полчаса в воротах не дают прохода молодым в хату [...].

[...] сахар, встанут, когда ведут из церкви молодых, встанут в дверях, кухарка встанет в дверях, и кидает.. сахар, рис, или рис с сахаром смешают, и осыпают молодых этим. [...] Девчата ловят этот рис и сахар, и даёт своему парню, чтобы быстрее шел ее сватать.

[...] тарелку разбивали. Перед молодыми, как осыплют их из тарелки этим рисом или сахаром, и потом бросает на счастье молодоженам под ноги тарелку эту.

[...] такие раньше.. как-как-как.. назывались, подождите... [...] *Петек*. <А что это?> *Гуня* [бурка] такая была, из шерсти овечьей, так что оно не видно, что оно тканое; одна сторона совсем так, как на овце шерсть эта лежит. И эту..

шэрс' тотá лежйт. Та тотý... у ттó с'а уберáв, женíх обов'йаскóво мýс'ів в ттó уберáти. Та тáм.. Тým укывáли с'а, абы так'і богáт'і бýли, йак вúц'і на.. шэрс'ц'. Нý, такá дурнíc'а... <Так казали, абы богáтí были?> Абы тák, тák примовл'áli, шчо у ттó мóлод'ат [обвивáли], абý так'і бýли богáт'í, йак.. [...] А то пустé, то такé.

[...] д'івчина виходíла взáмуш, та с'ц'áгнут ужé рубáшку, з.. женихá, та прикладáли на.. у сундýк рукавý, шчо.. та примовл'áli, «Шчоп тý.. тák тво́йí рúкы бýли прибít'í», шóбы н'í-кóли вún ни бív жíнку. Шóбы ни мáв мóц'í рúкы пудн'áти, тák йак тá со.. рубáшка спут тóго сундука. [...] П'ís'л'а свáл'бы на вéчур, у вопúночи ттó.. розберáли с'а, йák то вбýчно розберáют с'а молод'í. Тó вже дрýгый дéн' тóт, рáно, понад рáно, пере..д'івáйе с'а; тý рубáшку, у котрóйí в'íнчáв с'а, втотý клáли.. пут сундýк тák. [...]

[...] Бýв звýчай тóт, шо.. у йеврéйу колí поберáли с'а молод'í та клáли йих у кóйку спáти на б'íлу прóстын', та в'íd'или, ци чéсна нив'íстка, ци ничéсна. То в йеврéйу бýло. <А у вас не было такого?> Нí, у нáс н'í.

[...] Пёршу нúч, котрá бýла д'івка чéсна, ни йшлá л'íгáти с хлóпц'ом. Пёршу нúч н'í, ни л'íгáли, до рáно тан'ц'овáли, гул'áli. А ни л'íгáли, ни йшли спáти. Í котрá д'івка бýла чéсна та ган'бýла с'а, ттá ни пушлá спáти.

в это одевался, жених обязательно должен был в это одеться. И там.. Этим покрывались, чтобы быть такими богатыми, как овцы на шерсть. Ну, такая *дурница*... <Так говорили, чтобы богатые были?> Чтобы так, так приговаривали, что в это молодоженов [обвивали], чтобы такие были богатые, как.. А это пустое, такое.

[...] (когда) девушка выходила замуж, то стянут уже рубашку с жениха, и закладывали на... в сундук рукава, что... и приговаривали: «Чтоб ты... так твои руки были прибитые», чтобы никогда он не бил жену. Чтобы у него не было сил руки поднять, так, как эта рубашка из-под этого сундука. [...] После свадьбы вечером, в полночь это... раздевались, как это обычно раздеваются молодожены. И уже на другой день, утром, под утро, переодевается, ту рубашку, в которой венчался, ту клали под сундук так. [...]

[...] Был обычай тот, что... у евреев, когда женились молодые, клали их спать на белую простыню, и видели, честная невеста или нечестная. Это у евреев было. <А у вас не было такого?> Нé, у нас нет.

[...] Первую ночь, какая была девушка честная, не ложилась с парнем. Первую ночь нет, не ложились, до утра танцевали, гуляли. А не ложились, не шли спать. И которая девушка была честная и стеснялась, та не шла спать.

А котра́ была май така́, та пушли́ спа́ти соб'і́, лішат го́с'ц'у в хат'і́, го́с'ц'і́ гул'а́ют, п'я́т, а воны́ соб'і́ спл'а́т. [...] трéту нуч, та́к шчо и ліши́т йі́ же́нїх, на́ нуч. «Ни хо́чеш изо́ мно́в спа́ти, та йду́ да́ли с'ка́ти с'а».

[...] йако́гос' патса́на тако́го, котро́ый.. та́кый шіко́вный хло́пец', та то́го вбе́рут на мо́лоду́, за́в'я́т та́к. «Та тто́ ни мо́йе», – ка́же. Ге́т мно́го шу́тили, а тпе́р'кы..

[...] Но то́то ко́ліи.. при сва́д'би. Ну́, та шу́тили та́к, шчо уберáли н'ів'эску́ на паца́на йако́гоз' буд' йако́го, а.. же́ни-ха́ на ба́бу йаку́с'. Но́, та ве́дуть. «Чи́йа, – ка́жут, – чи́йа мо́лода́?» Та вун.. но то зна́йе, вже то́д же́нїх, шо́ ссе ні́ йего́. Ка́же: «Ссе́ ни мо́йа, йди́т соб'і́ ге́т». Та й по трира́с та́к, фсе́ пере..кла́дуют, шчо то вдну́ приве́дуд ба́бу, то дру́гу, а па́к н'ів'эсту́ приве́дут, ка́жут: «Чи́йа мо́лода́?», мо́лодый закри́чит «Мо́йа!». [...]ра́ли йі́ в ша́пку, а чо́ловіка в пла́т'а. Бо́же, ту́й оден та́кый стра́шный бы́в, но́гы заро́шші, су́х'і, мушчи́на, но йа́к'і в мушчи́н но́гы быва́ють л'ачн'і! Та та́д вбра́ли го на н'ів'эсту. Но́ то́то бы́ло ц'і́ле чу́до на ту́й сва́д'б'і. Л'ачне́ таке́.. Но́ та ка́жу, «[С] ты́, неборе́, аж би́з' бы́в д'івков, та шу́га бис' с'а ни вы́дда́в», ни вы́йшов взáмуш. «Та́кый ис' л'ачный».

[...] Кла́дут хло́пчика на кол'і́на не-в'іс'ц'і́, абы пе́ршого хло́пчика ро́дила, воро́жили тто́, йо́. Но́, то́ така́ бы́ла

А которая́ была́ больше́ такая́, то шли́ себе́ спа́ть, оста́вят госте́й в хате́, го-сти гу́ляют, пьют, а они́ себе́ спят. [...] тре́тью но́чь, та́к что́ и оста́вит ее же́них, на но́чь. «Не хо́чеш со мно́й спа́ть, то́гда иду́ да́льше и́скать себе́».

[...] како́го-нибу́дь паца́на тако́го, кото́рый.. та́кой бойки́й хло́пец, и его́ оденут ка́к невесту́, пове́ют та́к. «Да это́ не мо́е», – гово́рит. Оче́нь мно́го шу́тили, а тепе́рь...

[...] Ну это́ ко́гда... на сва́дбе. Ну, и шу́тили та́к, что оде́вали невесту́ паца́ном ка́ким-нибу́дь ка́ким по́пало, а же́ниха ба́бой ка́кой-нибу́дь. Ну и ве́дут. «Чья́, – гово́рят, – чья́ невеста́?» И он.. ну это́ зна́ет, уже́ это́т же́них, что это́ не его́. Гово́рит: «Это́ не мо́я, иди́те себе́ про́чь». И три́жды та́к, все́ переменя́ют, что́ то одну́ приве́дут ба́бу, то дру́гую, а по́том невесту́ приве́дут, гово́рят: «Чья́ невеста́?», же́них закри́чит: «Мо́я!» [На же́нщину наде́вали] ша́пку, а на мужчи́ну пла́тье. Бо́же, здесь́ один та́кой стра́шный бы́л, но́ги заросши́е, су́хие, мужчи́на, ну ка́кие у мужчи́н но́ги быва́ют стра́шные! Ну и оде́ли его́ невестой. Ну это́ бы́ло насто́ящее чу́дище на это́й сва́дбе. Стра́нное та́кое.. Ну я гово́рю: «Ты, *неборе*, е́сли бы́ бы́л де́вушкой, то́ нико́гда бы́ не вы́шел заму́ж». «Та́кой ты́ стра́шный».

[...] Са́жают ма́льчика на колени́ не-весте́, что́бы пе́рвого ма́льчика ро́дила, воро́жили это́, да. Ну, это́ та́кая бы́ла

лиш.. забобона, ворошка пустá. [...] У Лопухово трéба бы вам пуйтí до старýх, тамтам вам мно́го-мно́го шче скажут, май бúrше, ги йá. Дуже мно́го в нiх такýг забобон бýло при свáд'би.

Родинная обрядность

[...] [*беременной женщине*] б'íлiти ни слóбудно бýло, поб'íлку робiти ни слóбудно бýло берéменнуй жiн'ц'i. А iнче... робi йаг берúеш. [...] Запришчéно бýло чéрес.. вóду выливáти чéрес порúх, абы д'iтiна йак с'а нарóдит, абы не рвáла д'iтiна. Тó абы ни выливáли вóду чéрес порúх. I.. чéрез вер'óвку ни переступáти, бо пупóвина дóвкола шiiйi обýв'йе с'а д'iтiн'i, та т'ашк'i рóды. Ворóжили с тýм.

[...] берéменна та брáла.. нý струшки, йак у нас кáжут, д'áловiн'а. [...] Та брáла у.. йúпку, та абы д'iтiна кучер'áва бýла. Тó так'i ворошкý робiли, пус'ц'áк'и, вс'ó. [... бе]рém'ин'н'йе жонá, та тогдý берé струшки в йúпку та несé до хáты, абы д'iтiна бýла кучер'áва.

[...] [отливать воду в колодец] ни мóж бýло, абы д'iтiна ни бл'увáла. Тотó всé сокотiти тó.. трéба бýло.

[...] [*Нельзя*] бýло на мер'ц'á смотр'iти берéменнуй, казáли, шчо д'iтiна такá бде жóвта, йак мертвéц'. Йак iшлá до.. там де мертвéц', та на л'iвый пáлец' соб'i крáсну нiточку йазáла. <А зачем?> Нó абы моглá подiвити с'а

только *забобона* [предрассудок], *ворожка* пустая. [...] В Лопухово надо бы вам пойти к старикам, там вам много-много еще скажут, больше, чем я. Очень много у них таких *забобон* было на свадьбе.

[...] [Беременной женщине] белить нельзя было, побелку делать нельзя было беременной женщине. А остальное... работай, если в силах. [...] Запрещено было через... воду выливать через порог, чтобы когда родится ребенок, чтобы его не рвало. И через веревку не переступать, потому что пуповина вокруг шеи обовьется ребенку, и тяжелые роды. *Ворожили* с этим.

[...] беременная и брала.. ну стружки, у нас говорят *дяловиня*. [...] И брала в юбку, чтобы ребенок был кудрявый. Это такие *ворожки* делали, пустяки, всё. [...] Когда женщина забеременеет, тогда берет стружки в юбку и несет в хату, чтобы ребенок был кудрявый.

[...] [отливать воду в колодец] нельзя было, чтобы ребенка не рвало. Этого всего надо было остерегаться.

[...] [Нельзя] было на покойника смотреть беременной, говорили, что ребенок такой будет желтый, как мертвец. Если шла к... туда, где покойник, то на левый палец себе красную ниточку вязала. <А зачем?> Ну чтобы

на мер'ц'а. То так.. было в привыцц'і давнó.

[...] мóж было, ліш шоб ни напудити с'а, гада. Бо йак с'а напудила, то.. вл'йало на д'ігину, гада аш напудила с'а.

[...] К'іт йакіс', ни мóж было ногóв.. толкати, бо така д'ігіна.. зарóшша бде, сёр'с'т'ов. <Яка?> Така бде д'ігіна вбрóсла, йак кутка, аш ногóв жінка берéнна. Дóкы ни знала, шчо берéнна, та трéба с'а дúже б́ло сокотіти, аб́ы ногóв ни кóпала кóту.

[...] Давнó берéнна жінка – та ткáli верéты. Нó дорóшки так'і соб'і ткáli. Та.. тотó шчо вже [...] та пускáli ниткы тоты, та казáli ттó зб́.. зб́йвеч, йакóс' йа й самá ни зна́ю выказа-ти. Та.. іс тым б'ігар'ом, йак кóнчат.. нав́ют верéты на крóсна, тóд б'ігар' берúт вон, идúд дивіти с'а, берéнна жінка йде дивіти с'а, когó пёрвый рás побáчит – мушч́ину ци жéншчину. Та когó по.. ув́идит, тогд́.. будé рóдити, вад' д'івочку, ват' хлóпц'а. Аш мушч'кóгó пóла ув́идит, та хлóпчика рóдит, а аж жінку, та вжé д'івочку.

[...] ба́бы, так'і жінкы прóс'ц'і, котр́.. рóды принимáli. Котр́а самá мно́го рóдила д'ітій, та тгá йде.. ішла прин'імáти. А птóму ужé б́ла однá вчéна така, шчо б́ла на кúрсах, при чéхах ужé. Тотá рóды принимála вс'úгды, й дúже дóбра б́ла, н'імка однá. Ход́ила до вс'іх... жун рóды принимáти.

могла посмотреть на покойника. Это так.. было в привычке давно.

[...] можно было, только чтобы не испугаться, змеи. Потому что если испугалась, то влияло на ребенка, змеи если испугалась.

[...] Кот какой-нибудь, нельзя было ногой толкать, потому что такой ребенок заросший будет, шерстью. <Какой?> Такой будет ребенок обросший, как кошка, если ногой женщина беременная. Пока не знала, что беременная, надо очень было беречься, чтобы ногой не пинать кошек.

[...] Раньше беременная женщина – ткали *вереты* [полотна]. Ну дорожки такие себе ткали. И... это что уже [...] пускали нитки эти, и говорили, это *збойвеч*, что-то я и сама не умею произнести. И с этим прутком, когда кончат.. нав́ют полотна на красна, этот пруток берут на улицу, идут смотреть, беременная женщина идет смотреть, кого первый раз увидит – мужчину или женщину. И кого увидит, тогда... будет родить, или девочку, или мальчика. Если мужского пола увидит, то мальчик родит, а если женщину, то девочку.

[...] Бабы, такие женщины простые, которые роды принимали. Которая сама много родила детей, и она идет.. шла принимать [роды]. А потом уже была одна ученая такая, которая была на курсах, при чехах уже. Эта роды принимала всегда, и очень хорошая была, немка одна. Ход́ила ко всем женщинам роды принимать.

[...] [Послед] та закоповали в зéмл'у. Брали та в зéмл'у закопали ттó. <А за-чем?> Абы ттó соба́кы ни терза́ли.

[... Пупо]вину сэмого дн'а, коли вытпаде пуповина, та ттó пр'ачут, ту пуповину, до с'ім го́ду то схóване до́ма, ма́ти ка́жжа схова́йе, у с'ім го́ду да́йе роз'язати д'іти́ни, йак іде́ в шко́лу д'іти́на, тод'і да́йе роз'язати тту́ пупо-вину, абы до́бре с'а учи́ла. [...] Де́с' у.. кру́шку, покла́дут у кру́шку в сар-ва́н'т'і, та та́м сто́йит ттó за с'ім го́ду, до́к ни йде́ д'іти́на в шко́лу.

[...] Каза́ли, дес' каза́ли, шчо в со-ро́цц'і, в рубас'ц'і с'а ро́дила, іли.. у чіпці́, шчо йака́з' бы́ла.. шку́ра на го-лов'і в д'іти́ны. Їли по д'іти́ни та́ка́йа, пл'іва́ об'йе́, та =дн[і́] каза́ли, шчо ттó сорочка́, в соро́цц'і ро́жено.

[...] та́к измыва́ли, давно́ ни та́к, йак тепе́р, давно́ чім с'а вро́дила д'іти́на, та́кой зра́зу мы́ли. Кла́ли в ва́нночку, покупа́ли, і пови́ли. То зра́зу змыва́ли з д'іти́ны. Ну пе́рвый ку́п'іл' ни сы́пали на со́нце, де со́нце загл'ада́йе. Ай де́ т'ін'а та́ка, абы со́нце ни загл'ада́ло, абы ни поно́сила д'іти́на. Бо аш та́м де пе́рвый ку́п'іл' вы́сыпл'ут та со́[н'і]чко гр'йе́, та д'іти́на бде́ поно́сити. Та́г го-ворі́ли.

[...] Сэ́мойі дні́ны кресті́ли, а да-ва́ли імена́ так'і йак у це́ркви. Мар'йа, Їва́н.. йак'і с'а́га пухто́д'ат. На йакы́й ден' ро́дит с'а, так'і імн'а́ дава́ли. [...] Гаф'йа, Миха́йло, Степа́н, Іва́н, Ва-

[...] [Послед] ну закапывали в землю. Брали в землю закапывали это. <А за-чем?> Чтобы это собаки не терзали.

[...] Пуповину на седьмой день, когда отпадет пуповина, то это прячут, эту пуповину, до семи лет это спрятано дома, мать каждая спрячет, в семь лет дает развязать ребенка, когда идет в школу ребенок, тогда дает развязать эту пуповину, чтобы хорошо учился. [...] Где-нибудь в кружку, положат в кружку в серванте, и там лежит это в течение семи лет, пока не идет ребенок в школу.

[...] Говорили, говорили иногда, что в сорочке, в рубашке родился, или.. в чепце, что какая-то была.. шкурка на голове у ребенка. Или на ребенке такая, плева обовьет, и некоторые говорили, что это сорочка, в сорочке родился.

[...] Так омывали, раньше не так, как теперь, раньше как только родился ребенок, так сразу мыли. Клали в ванночку, купали, и пеленали. Это сразу смывали с ребенка. Ну первую воду от купания не выливали на солнце, где солнце бывает. А где тень такая, чтобы солнце не заглядывало, чтобы не было поноса у ребенка. Потому что если там, где первую воду от купания выльют, солнце пригревает, у этого ребенка будет понос. Так говорили.

[...] На седьмой день крестили, а давали имена такие, как в церкви. Мария, Иван.. какие праздники подходят. В какой день родится, такие имена давали. [...] Гафия, Михайло, Степан, Иван, Ва-

сил'. То в чѣс'ц'. [реплика со стороны: То в чѣс'ц' с'атѣх.] Но таг говорили, воно соб'і.. перенѣсло соб'і імн'а. На такѣй дѣн' рѣжен[оѣе], та на такѣй.. імн'а крестіли.

[...] д'ітіну часто потинало⁴. Так, н'і ш чо́го на́чне пла́каги д'ітіна, и дѹже пла́че й пла́че. Но аш ишли́ з нив по́вон дѣс'. Та пак.. дава́ли на.. спѹдне шчо́с', на л'іву сто́рону вжѣ, од'іва́ли тту́ д'ітіну шчо́с' на́рубы. На тту́ д'ітіну наг'іга́ли йаку́с'.. рубашку вже, йийі́ д'ітінс'ку рубашку, лиш на л'іву сто́рону переверта́ли. <То абы не плакала?> Абы́ ни потина́ло, бо тто́... [реплика со стороны: Абы́ ни врожіли.] Не врожіли, абы́ ни врожіли. [...] основне́ до́кы зу́бы ни по́явл'а́т с'а в д'ітіны, до́ты дѹже.. ізгла́зити мо́жут.

[...] д'ітіну, та кладу́т су́л' с'ачѣну, часно́к, дору́ – дору́, шчо в це́ркви на пра́зники, йаг за́втра будѹд дава́ти тѹй, та кладу́т коло д'ітіны с'ачени́ну таку́ вс'аку. Та тта́ с'аченина́ у д'ітіны та́к в вѹгол заші́йеме, у поду́шку. Но поду́шка, йак.. у нас у поду́шку завива́йуд д'ітіну, у вас у.. вод'ія́лчики. <У поду́шку?> Таку́ поду́шку, вѹс'імдис'ат на вѹс'імдис'ат, то пак фа́йно поші́ют ис.. <То спеціально́ шьют?> Сп'іціально́ шійут поду́шкы́ д'іт'ом такѣм ма-

силь. Это в честь.. [реплика со стороны: Это в честь святых.] Ну так говорили, оно себе... принесло себе имя. В какой день рожден [ребенок], таким именем крестили.

[...] детей часто *потинало*. Так, ни с того ни с сего начинает плакать ребенок, и очень плачет и плачет. Ну если ходили с ним где-то вне дома. Ну и... применяли на... исподнее что-нибудь, на левую сторону уже, надевали на ребенка что-нибудь наизнанку. На этого ребенка натягивали какую-нибудь рубашку уже, его детскую рубашку, только *на левую сторону* выворачивали. <Это чтобы не плакал?> Чтобы не *потинало*, потому что это... [реплика со стороны: Чтобы не сглазили.] Не сглазили, чтобы не сглазили. [...] в основном пока зубы не появятся у ребенка, до тех пор очень сглазить могут.

[...] ребенка, то кладут соль освященную, чеснок, прософору – что в церкви на праздники, как завтра будут давать тут, – и кладут возле ребенка освященное такое всякое. И это освященное у ребенка так в угол зашиваем, в подушку [перинку]. Ну подушка, как.. у нас в подушку пеленают ребенка, у вас в одеяльца. <В подушку?> Такую подушку, семьдесят на семьдесят, ну и красиво шьют из... <Это специально шьют?> Специально шьют подушки детям таким маленьким. <А из чего шили?> Чтобы.. ну, ког-

⁴ *Потяти* — насрать порчу, болезнь. Ср. [Толстая 2012].

лѣн'кым. <А с чого шили?> Абы.. нѡ, колї крестїти, абы тто фѣйне бѣло. Та ттѡ тѡкой тѡм і зашивѣют тоту с'аченїну вс'у, у тту подушку. То тѡк, шчо при д'їтїн'ї ттѡ йѣ постойѡнно. Дѡкы уповивѣюд д'їтїну. <А то специально шїют или як обычна подушка?> Туй с'п'їціѡлно шїйдут.. дл'а нѡворожзѣнных. С'п'їціѡлно тѡкѣ, абы бѣло... Однѡ перед другов шїйѣ май фѣйно, абы тто «мѡйа д'їтїна, мѡйа май фѣйну мѡла», тѡ... [...] Тѡкѡ подушка, тѡк туй выр'їзѡйдут у головы.. у голов'ї тѡк укрѡх оссѣ вчїн'ат, а туйкы тѡк'ї кру.жева нашїйдут, по двѡ шѡры кружева. Тѡй на тѡм, туй дѣ зайѡзовати трѣба, кружево. <А то и давно тѡк робїли?> І давнѡ ттѡ робїли, й давнѡ. <А шо потом з тою подушкою?> Та тѡ пак стѡйїт из' д'їтѣй нѡ д'їтѣй, кѡл'ко рѡдїд жїнка, тѡл'ко й вту подушку. <Однѡ подушка...> Аш.. однѡ подушка, аш усокѡтит мѡти, а аш н'ї, та шїйдут на кѡжзу д'їтїну новѡ.

[...] <Чеснок> выд нечїстойї сїлы трїмайдут коло д'їтїны, йѡг д'їтїна нарѡдїт с'ѡ, та завивѣйдут в п'їл.. тѡкѡ тр'ѡпочку часнѡк, дорѡ, тѡ шчо бѡт'ушка в цѣрквї мѡлїт с'ѡ на нїм, шчо дайдут тѡк'ї кускѡ хл'їба. Тѡй... с'ачѣну водѡ, та дорѡ, та сѡл' с'ачѣну. Кладут коло д'їтїны. Абы н'їчѡго с'ѡ до д'їтїны ни брѡло.

[...] д'їтїна, н'їйѡкых їмѣн ни давали. Колї давнѡ д'їтїна некрещѣна умѣрла, та ходїла у нѡчї ревучї, за

да крестить, чтобы это было красиво. Ну и так туда и зашивают это освященное всё, в эту подушку. Так что при ребенке это постоянно есть. Пока ребенка пеленают. <А это специально шьют или как обычная подушка?> Здесь специально шьют для новорожденных. Специальное такое, чтобы было... Друг перед другом стараются по красивее шить, чтобы это «мой ребенок, у моего самое красивое было», и... [...] Такая подушка, так тут вырезают у головы... вокруг головы так все сделают, а здесь такие кружева нашьют, по два ряда кружев. И на этом, здесь, где нужно завязывать, кружево. <А это и раньше так делали?> И раньше так делали, и раньше. <А что потом с этой подушкой?> Потом это хранится от ребенка к ребенку, сколько родит женщина, столько и эта подушка. <Однѡ подушка...> Если... однѡ подушка, если убережет мать, а если нет, то шьют на каждого ребенка новую.

[...] [Чеснок] от нечистой силы держат около ребенка, когда ребенок родится, заматывают в такую тряпочку чеснок, просфору, то, что батюшка в церкви молится над ним, что дают такие куски хлеба. И святую воду, и просфору, и соль освященную. Кладут около ребенка. Чтобы ничего ребенка не могло взять.

[...] [некрещеному ребенку] никаких имен не давали. Когда раньше ребенок некрещеный умирал, то ходил

хрестом. У ночі ходіла ревучі, пла́чу-чи, за хрестом. Тод'ї треба было вз'ати кусо́г б'їлої мате́рийї, перекрестіти, та упов'істи: «Аш из' д'ївка, бут' Мар'їчка, аш ис' хло́пез', бут' Іва́н», йак чу́йут ту́ д'їтіну рева́ти, та.. кі-нути то́т плато́к – б'їл'ше вна́ ни йде пак пла́кати. [*Хоронили некрещеных детей*] пут цы́нтар'ом, у цы́нтари ни хорони́ли никреще́ну д'їтіну, та́к ізбо́ку цы́нтар'а.

[...] [*Что говорили детям, откуда берутся дети:*] з базара́, купіли, на базар'ї купіли д'їтіну. Или.. аіст прин'іс, такé, но, всё говори́ли.

[...] во́лосы, та дёржат, д'їтін'ї на памн'ятку. Ужé йак вели́ка, та показу́ют, йакый во́лоз быв у д'їтіны. Стрїчи до го́да ни стрїгли, йак р'їг было́ д'їтін'ї, тогды́ стрїгли. [...] Стрїгла ци ма́ти, котра́ была.. сам'ї соб'ї стрїгли бат'кы́ д'їтій.

[...] Ну́хт'ї стрїгли, та кла́ли у пап'їр-чик, та зра́зу пали́ли. [...] [*Волосы*] то́же та́к, дэс' у ву́злик завя́жут, та йаг д'їтіна вели́ка, та даду́т, показу́ют то́т во́лоз д'їтін'ї, та пото́му пал'ят.

[...] Д'їтіна ро́жена, до́кы была́ ни-хреще́на, ни слобудно́ было́ тако́йї жінц'ї у ха́ту зайті при менструа́ції, котра́ ма́ла менструа́цію, ци жінка, ци д'ївчина, та́м ни слобудно́ было́ йті, до́кы д'їтіну ни покрес'ц'ят. Бо́ аш за́йде, та покрес'ц'ят.. до никреще́нойї д'їтіны, та... йа́к каза́ли.. ну́, пран'а, ни

по ночам и плакал, по кресту. Ночью ходил плакал, по кресту. Тогда надо было взять кусок белой материи, перекрестить и сказать: «Если ты девочка, будь Маричка, если ты мальчик, будь Иван», когда слышат плач этого ребенка, и кинуть этот платок – больше она не ходит и не плачет. [*Хоронили некрещеных детей*] под кладбищем, на кладбище не хоронили некрещеного ребенка, так сбоку кладбища.

[...] [*Что говорили детям, откуда берутся дети:*] с базара, купили, на базаре купили ребенка. Или аист принес, ну, всё время говорили.

[...] Волосы сохраняют ребенку на память. Уже когда большой, показывают, какие волосы были у ребенка. Стричь до года не стригли, когда год был ребенку, тогда стригли. [...] Стригла или мать, какая была... сами себе стригли родители детей.

[...] Ногти стригли и клали в бумажку, и сразу сжигали. [...] [*Волосы*] тоже так, где-нибудь в узелок завяжут, и когда ребенок вырастет, дадут, показывают эти волосы ребенку, потом сжигают.

[...] Ребёнок родился, пока был некрещёный, нельзя было такой женщине в хату зайти при менструации, у которой была менструация, или женщина, или девушка, туда нельзя было идти, пока ребенка не покрестят. Потому что если зайдет, и покрестят... к некрещёному ребенку, и... как говорили.. ну, *пран-*

зна́йу, йа́к то́то, та́кый стру́п учі́нит с'а на.. на лиц'ови, на голо́в'і, та́ка д'і-ті́на стру́пава. То тто́ тепе́р' бы́ло в на́шой Ан'кы, се́йі, шо вче́ра туй бы́ла [...]. Та́ке бы́ло на лиці́ стру́пу по́вно. Та йа́ка́з' ба́ба [...] обмыва́ла тту́ д'і́тін-ну. [...] Обмыва́ла, купа́ла, та снесла на дев'я́ту ме́жу, он' за дев'я́ту ме́жу, та сы́пала то́ту во́ду. [...] Йа́к обмыва́ют то́т стру́п, абы́ ни бы́в на д'і́тін'і, та несé тта́, котра́ обмыва́ти зна́йе, – то-то́ шчо́с' та́м шéпчут, йа́ не зна́йу, шчо́, – та тто́ пак несúт на дев'я́тый горóт на ме́жу, та та́м высыпа́ют то́ту во́ду. Пак то́ пропада́йе в д'і́тій. Пропада́йе, в на́шого В'іг'і ту́л'ко бы́ло то́го, та́кый бы́в, па́к пропада́ли, а ваг'.. А аж зна́йе, ко́тра пришла́ в ха́ту, та́ка приго́лосит с'а: «Йа́ нибо́ре в те́бе та́ка бы́ла, при менструа́ційі, та йа́г д'і́ті́на?» Аж д'і́ті́на стру́пава, та кладúт на порóх, на двéр'ах, та трира́с переступа́йе д'і́тін-ну. <Кто переступает?> Тотайа́ жінка ци д'івчина, котра́ бы́ла при менструа́ційі до.. коло́ д'і́тіны неиршче́нойі, а пот'ім берé пак.. руба́шку та втера́йе д'і́тін-ну. [...] Переступа́ти трира́с, ага́.

[...] Капу́сту заклада́ти ни мо́ш у бо́чку при менструа́ційі, бо мн'акне капу́ста. Мн'акка́ станові́т с'а. Та́к ка-за́ли.

[...] д'і́тін-ну держа́ти не мо́же, іті́ до це́ркви хресті́ти д'і́тін-ну, при менструа́ційі. Кресті́ти д'і́тін-ну нел'з'а́ при менструа́ційі, та́куй нанас'ц'і.

ные, не знаю, как это, такой струп делается на... на лице, на голове, так ребенок в струпях. Это теперь было у нашей Аньки, той, что вчера здесь была [...]. Так было на лице много струпьев. И какая-нибудь баба [...] обмывала этого ребенка. [...] Обмывала, купала, и относила на девятую между, аж за девятую между, и выливала эту воду. [...] Когда обмывают этот струп, чтобы не было его на ребенке, и несет та, которая умеет обмывать, – это что-то там шепчут, я не знаю, что, – и это потом несут на девятый огород на между, и там выливают эту воду. И потом это пропадает у детей. Пропадает, у нашего Вити столько было этого, такой был, потом пропадали, или... А если знает [та], которая пришла в хату, такая признается: «Я, ох, у тебя *такая* была [с менструацией], как там ребенок?» Если ребенок в струпях, кладут на порог, в дверях, и трижды переступает через ребенка. <Кто переступает?> Эта женщина или девочка, которая была с менструацией у... около ребенка некрещеного, потом берет рубашку и утирает ребенка. [...] Переступать трижды, ага.

[...] Капусту закладывать нельзя в бочку при менструации, потому что мякнет капуста. Мягкая становится. Так говорили.

[...] Ребенка крестить нельзя, идти в церковь крестить ребенка, при менструации. Крестить ребенка нельзя при менструации, такой крестной матери.

[...] (Ни) мо́ш.. б́ыло до́кы ни введе с'а в це́ркви по́с'л'і ро́ду.. Но́ йак по́с'л'і ро́ду, йак уро́дид д'ітїну, та йде до це́ркви, вже́ йаг беру́йе. Тепе́р' у ши́с' нед'і́л' увод'ат, а давно́ вводі́ли в дв'і́, в трі́ нед'і́л'і, коли́ берова́ла. Та не.. ни мо́ж б́ыло йти́ на ву́лиц'у. Тому́ шчо.. вс'а́к'і ава́р'її става́ли с'а, жі́нка, котра́ ни бы́ла в це́ркви, із' з'ітїно́в котра́ ни ввела́ с'а, та пере́йшла́ л'уді́й – то вбов'йаско́во йака́с' ава́р'їя бы́ла. [...] Б́ыло таке́, шчо поб'і́ло в л'ісу́ л'уді́й, ци та́м маши́на зве́рнула́ с'а, шчос' таке́ б́ыло. І вбі́ло чолов'і́ка.

Похоронная обрядность

[...] стру́шки. Бо каза́ли с'іно́ ни сло́будно кла́сти. С'іно́ ни сло́будно кла́сти в тру́ну, за тто́ шчо тто́ коше́не, та мно́го бде́ л'уді́й умера́ти за тым, кол'і́ поклада́т с'іно́ у дереви́шче, в тру́ну, ку́л мер'ц'а́, тогды́ мно́го, то́ коше́не, бде́ сме́р'т' косі́ти л'уді́й.

[...] Спеціа́лно ши́ли вс'о́ нове́. І тепе́р тто́ шийут, ус'о́ нове́. [...] Тот, тко́ помера́йе, та шчо́ бажа́йе, ци поду́шку таку́ кла́сти, ци из.. стру́шку. [...] <Не шили́ ли в обратную́ сторо́ну?> Н'і́, пр'а́мо ши́ли, лиш вузл'ы́ ни в'йаза́ли. Ни тре́ба вузл'ы́ в'йаза́ти, та́к ши́ти без вузлу́.

[...] <Кто́ кладет́ покойника́ в гроб?> Мужчы́ны кладу́т, а ход' же́нщины. Аш.. здоро́ва жо́на умре́, та

[...] Нельзя́ было́, пока́ не *введеться* в це́ркви после́ родов. Ну́ как после́ родов, как роди́т ребен́ка, иде́т в це́рковь, уже́ если́ в сила́х. Тепе́р через́ шесть́ неде́ль вводят, а раньше́ вводили́ через́ две, три неде́ли, если́ была́ в сила́х. И не... нельзя́ было́ иди́ти на ули́цу. Потому́ что вся́кие ава́рии случали́сь, же́нщина, кото́рая не бы́ла в це́ркви, с ребен́ком, кото́рая не *ввелься* и пере́шла доро́гу лю́дям – это́ обяза́тельно ка́кая-нибу́дь ава́рия бы́ла. [...] Б́ыло та́кое, что побі́ло в лесу́ лю́дей, или́ там маши́на переверну́лась, что-то́ та́кое бы́ло. И уби́ло мужчи́ну.

[...] стру́жки. Говори́ли, сено́ нельзя́ класть. Сено́ нельзя́ класть в гроб, потому́ что это́ скошенное́, и мно́го бу́дет лю́дей умира́ть от того́, если́ поло́жат сено́ в гроб, к поко́йнику, то́гда мно́го, это́ кошено́е, бу́дет сме́рть ко́сить лю́дей.

[...] Спеціа́льно шили́ все́ новое́. І тепе́р это́ шьют, все́ новое́. [...] Тот, кто умира́ет, и что́ пожела́ет, или́ поду́шку та́кую положи́ть, или́ из... стру́жку. <Не шили́ ли в обратную́ сторо́ну?> Не́т, прямо́ шили́, то́лько узло́в не завязыва́ли. Не́ надо́ узлы́ вяза́ть, та́к шить́ без узло́в.

[...] <Кто́ кладет́ покойника́ в гроб?> Мужчи́ны кладу́т, а хо́ть же́нщины. Если́ здоро́вая же́нщина умре́т, то

мушчыны кладут. Аш май мала, та жоны кладут у.. труну.

[...] Аш низамужна д'івчина коли вмерайе, та так йак ни.. н'евесту, йак молоду, убэрут у фату, то так хорон'ят. [...] хлопец' умрэ, то кос'ц'ум гярный, косяц'у кладут, так йаг женихови.

[...] Но бывайе, шчо.. то но, не босоркуны, с'ут так'і л'уде шчо просто так т'ашко вмерайут. [...] Давно клали на пол, а йа тепер'кы коли вмерайе та [...] но оливц'ом хрест лиш учин'у – на голов'і, коло н'ух, на правуй сторон'і й на л'ивуй. І тоды л'удина дуже лэхко вмерайе. [...] жінка не могла н'ййак умерти. Та вмерайе, но вже в'идит с'а, шчо вна умерла, а май ужийе. Та йа пушла та хресты похрестила-м, покрайниц'і, – сходу спочила, то было просто убид'ител'но, шчо зразу. [...] подушку с-пуд головы ис кур'ачым п'іром, казали, шчо на кур'ачому п'іри не може спочити, та клали буд' йакую куфайку пуд голу. <Чому не можна на курячому п'іри?> Ни знайу, казали, шчо т'ашко спочивайе на кур'ачому п'іри. Выберали подушкы. [...] или такэ.. ткане, шчо ткане.. йак вам казати, пойаснити, – чыновато, шчо тчэ с'а. Та тото мусай выбраати было спут мер'ц'а, бо ни могло спочити.

[...] йе шчо т'ашко умерайут. Без.. Шчо й ни знайеме, ци ворожили, ци ни ворожили. А умерайут т'ашко. Туй одна мойа подруга так с'а мучила за с'ут-

мужчины кладут. А если поменьше, то женщины кладут в гроб.

[...] Если незамужняя девушка когда умирает, но так, как невесту, как *молodu* одевают, в фату, и так хоронят. [...] парень умрет, то костюм красивый, цветок кладут, так, как жениху.

[...] Бывает, что... это ну, не босоркунны, есть такие люди, что просто так тяжело умирают. [...] Раньше клали на пол, а я теперь, когда умирает и [тяжело умирает], ну карандашом крест только делаю – на голове, около ног, на правой стороне и на левой. И тогда человек очень легко умирает. [...] женщина не могла никак умереть. И умирает, ну уже выглядит, что она умерла, а еще оживает. И я пошла и кресты покрестила, *покрайницы* [боковые доски кровати] – сходу умерла, это было просто убедительно, что сразу. [...] подушку из-под головы с куриным пером, говорили, что на курином пере не может умереть, и клали абы какую фуфайку под голову. <Почему нельзя на курином пере?> Не знаю, говорили, что тяжело умирает на курином пере. Вынимали подушки, [...] или такое тканое, что тканое... как вам сказать, пояснить, – *чыновато*, что ткут. И это нужно вынимать было из-под койника, потому что не мог умереть.

[...] бывает, что тяжело умирают. Без... что не знаем, ворожили они или не ворожили. А умирают тяжело. Здесь одна моя подруга так мучилась сутки!

ку, шчо. Н'йя́к ни могла́ умёрти. А йя́ пак п[ри]по́мнила соб'и, йя́к мен'и то́т мана́х каза́в, шчо коли́ л'удина́ так му́чит с'а, та тре́ба в покра́йниці, на крава́т'и, вс'ї.. хрест учини́ти на вс'ї чотыри.. сто́роны уже, та́м на вс'ї.. дошкы́ тоты́, на покра́йниці, йя́к у на́с ка́жут, – та тогды́ лёхко спочи́не. То туй́ было р'а́дом у ме́не. Мо́йя подру́га. Та́к с'а ду́же му́чила, йя́к-им учини́ла хрест – на покра́йниці, на крава́т'и до́вкола не́йї, – та́г зра́зу спочи́ла.

[...] У на́с на столáх, лежи́т на стол'и́ мертвы́й, йя́к умре́, та черес.. дв'и́ годи́ны кладу́т на сту́л, убера́йут, мый́ут, убера́йут, кладу́т на сту́л, там йе́.. до́кы.. ма́йе пе́рет похоро́на ма́йе ба́т'ушка уже, пуп при́йти похоро́н служи́ти, тогды́ кладу́т у дереви́шче, ра́но. [...] ме́ртваго, та помый́ут то́т сту́л, тай за.. насте́л'ат.. ска́терт'ов.

[...] Но́гы з'йа́зуйут. <Чим?> Б'и́нто́м, б'и́нто́м із'йа́зуйуд, до́кы лежи́т на стол'и́. Та йя́к кладу́т у дереви́шче, тогды́ вбов'йаско́во тре́ба роз'йа́зати.

[...] С'п'и́ц'ально но стра́вы гото́вл'ат, коли́ на кома́шн'у, гото́вл'ат ус'о́го. Та́к йя́к коли́ пу́ст, йя́к тепе́р' ус'о́ по́сне, на по́сному ма́с'л'и. А коли́ нийе́ по́ста, та гото́вл'ат мн'áсо, вс'о́ такé, гул'áш...

[...] дру́гый йя́к похоро́н'ат, та лишáйут на стол'и́ вече́р'у. Ну́ у́жин лишáйут на стол'и́ ме́ртвому, ка́жут, шчо пе́ршу ну́ч при́йде вече́р'ати. Но тто́ вже лиж бр'ихн'á така́, бо мин'и́ каза́ли, коли́

Никак не могла умереть. А я тогда припомнила, как мне тот монах говорил, что когда человек так мучится, надо на *покрайнице* [боковая доска], на кровати, все.. крест сделать на все четыре стороны уже, там на все... доски эти, на *покрайнице*, как у нас говорят, – и тогда легко скончается. Это здесь было рядом у меня. Моя подруга. Так сильно мучилась, как я сделала крест – на *покрайнице*, на кровати вокруг нее, – так сразу скончалась.

[...] У нас на столах, лежит на столе мертвый, когда умрет, то через два часа кладут на стол, убирают, моют, убирают, кладут на стол, там есть... пока... должен перед панихидой, должен батюшка уже, поп прийти служить панихиду, тогда кладут в гроб, утром. [...] мертвого, и помоют этот стол, и застелят скатертью.

[...] Ноги связывают. <Чем?> Бинтом, бинтом связывают, пока лежит на столе. А когда кладут в гроб, тогда обязательно надо развязать.

[...] Специально блюда готовят, когда на поминки, готовят всего. Так если когда пост, как теперь всё постное, на постном масле. А когда нет поста, готовят мясо, всё такое, гуляш...

[...] другой как похоронят, оставляют на столе ужин. Ну ужин оставляют на столе мертвому, говорят, что в первую ночь придет ужинать. Ну это уже только брехня такая, потому что

дóчка помéлла, абíм нас'йяла мукы́ на газéту, та́г гáрно примн'а́цкала, му́шу йи в'íд'íti, с'л'íда йийи́, на ту́й муц'и – го́ой! Тó бр'íхн'а така́. Йа́ ттó робы́ла, н'íчо́го йа́ с'л'íда ни в'íд'íла. Í хот'íла бы была-м йи в'íд'íti, í тепер' бим хот'íла, í.. ни в'íд'íла-м.

[...] Тóго, котрýй сáмовбийством, та тóму ни слúжат пóхорон. Та́к, йак тако́му, л'удíн'и, тóму лиш с'п'íва́ют «С'атый Бóже, с'атый кр'íпкий, с'атый бессмéртный, помíлуй нас». Лиш тó с'п'íва́ют. А бúрше н'íчо́го.

[...] поде́йа́к'и кáжут: «Йóй, тó обов'йаскóво прíйде мертвый до.. у хату́». Н'íгда шúга! Нипрáвда ттó⁵.

[...] [Душу] в'íд'íti... Кáжут, шчо душá нас вíдит. Та́ шчо умрé, душá возл'и т'íла, коло т'íла стойít, до грóба íдúчи. Нó внá вíдит ус'ó, лиш мý йийи́ ни вíдиме. Ни мóжеме йи в'íд'íti, дúшу ту́ помéршу.

[...] Шчó.. або ссé вже такé, ф'íлóсофы йак'íс' кáжут, шчо перерожжáйе с'а л'удíна. Умерáйе та перерожжáйе с'а, ци в жáбу, ци у.. но ттó.. нийé написано в Б'íбл'ийи н'íгдé, шчо вонó так йé. [...] шо так йак жонá с косóв, прихóдит.. за тým – á, ни вíтко йи н'íгда, йакá прихóдит.

[...] Сороковóго дн'á поминáют, томú шчо сороковый ден' íде на сýд душá. Та вже дé соб'и заслужила в

мне говорили, когда дочка умерла, чтобы я насеяла муки на газету, так хорошо примяла, должна ее увидеть, ее след на той муке – го-ой! Это брехня такая. Я это делала, ничего я следа не видела. И хотела бы ее видеть, и сейчас бы хотела, и... не видела.

[...] Того, который самоубийством, тому не служат панихиду. Так, если такому, человеку, тому только поют «Святый Боже, святой крепкий, святой бессмертный, помилуй нас». Только это поют. А больше ничего.

[...] Некоторые говорят: «Ой, это обязательно придет мертвый в хату». Никогда в жизни! Неправда это.

[...] [Душу] видеть... Говорят, что душа нас видит. Та, что умрет, душа возле тела, около тела стоит, идя в могилу. Но она видит всё, только мы ее не видим. Не можем ее видеть, душу эту помершую.

[...] Что... но это уже такое, философы какие-то говорят, что перерождается человек. Умирает и перерождается, или в жабу, или в... Ну это не написано в Библии нигде, что оно так есть. [...] что так, как жена с косой, приходит за этим – а, не видно ее никогда, когда приходит.

[...] На сороковой день поминают, потому что на сороковой день идет на суд душа. И уже где себе заслужила в

⁵ См. здесь быличку о ходячем покойнике [Толстая 2021: 29].

Бога. Ци в рай попада́йе, в ца́рство, ци в а́т. Де соб'і заслужит, сорокового́ дн'а. Йой... [...] чин'ат об'іт у хат'і, заклічут с'ашчєнника тай д'акá, вытслужат панахїду. Йá не робїла йїсти тепєр'к[a] ничо́го, абы лиш у цєркви. Спеклá-м так'і булочки дєв'йат', тай грóші, дєв'йат' одовиц'-им заклікала старых, вдóв, до цєркви. Там-им им дала булкы тты́ та. По двáццит' пйáт' тис'ач кáжжуй. Шчо пришлі помоліти с'а.

[...] Д'ідус'каа субóта кліче с'а. <Як?> Д'ідус'ка субóта. Шчó вже за д'ідáми, за помєршими сєє служит с'а перєт.. Пушчан'а, тóт тьжжен', колї.. перєт тóго, йак мáйє начинáти с'а пóст. Та там служит с'а д'ідус'ка субóта. [...] йдут на Фтóмину нед'іл'у на цы́нтар', там слу.. <Як?> Фтóмину, на Фóмину нед'іл'у йдут на цы́нтар', там служат, на кáжжому грóб'і, мо́лит с'а бáт'ушко пуп, с'п'івáйут, с'атїт кáжжый груп.

[...] му́й чолов'ік снїв с'а дужє бога́то, шчо тák ходїв ід мєн'і, мы спáли вм'іс'ц'і, вс'ó. Йак-им с'а нáчала дужє за нєго молїти, йигó імн'á поминáти, вытòд'і мєн'і с'а ни снїт. Ни снїв ми с'а й рáс. А дóк-им с'а тák.. Нó колї мо́лила-м с'а, колї й ни мо́лила, колї ни б́ыло часу́, то всє ми с'а снїв. Шчо приходїв до н'а. А тепєр уже давнó ни снїт ми с'а.

Святки

Нá Рожжєствó хóд'ат кол'адуйучи с... <А як то?> Нó, п'іс'н'і с'п'івáйут,

Бога. Или в рай попадет, в царство, или в ад. Где себе заслужит, на сороковой день. Ох... [...] делают обед в хате, позовут священника и дяка, отслужат панихиду. Я не готовила есть теперь ничего, чтобы только в церкви. Я испекла такие булочки, девять, и деньги, девять вдов я позвала старых, вдовиц, в церковь. Там я им дала булки эти и всё. По двадцать пять тысяч каждой. Что пришли помолиться.

[...] *Дедовская суббота* называется. <Как?> *Дедовская суббота*. Что уже по дедам, по умершим это служат перед *Пушчаня*, та неделя, когда... перед тем, как должен начинаться пост. И там служат *дедовскую субботу*. [...] Идут на *Фтомино воскресенье* на кладбище, там служат... <Как?> *Фтомино*, на Фомино воскресенье идут на кладбище, там служат, на каждой могиле, молится багюшка поп, поют, освящает каждую могилу.

[...] мой муж снился очень много, что так ходил ко мне, мы спали вместе, всё. Как я начала очень за него молиться, его имя поминать, с тех пор мне не снится. Не снился мне ни разу. А пока я так.. Ну когда я молилась, когда и не молилась, когда не было времени, то всё время мне снился. Что приходил ко мне. А теперь уже давно не снится мне.

На Рождество ходят колядуют с... <А как это?> Ну, песни поют, кра-

фа́йно с'п'іва́ют, хо́д'ат... <А які пісні?> Рожэ́ствен'н'і. Рожэ́ствен'н'і п'іс'н'і с'п'іва́ют. Фа́йн'і. <То діти ходят?> И взро́с'л'і хо́д'ат, но вс'а́к'і, йду́т, избе́ра́ют с'а роді́на вс'а́, одны́ до дру́гих, та йду́т та с'п'іва́ют, дуже́ фа́йно пра́знуе́ с'а. Рожэ́ство Христо́во.

[...] на С'ат'ы́й ве́чер. О́й, а́нде де́в'я́т стра́в ма́йе бы́ти, на С'ат'ы́й ве́чур. Вс'о́го.. пома́лы, вс'о́го пома́лы пригото́вме. Де́в'я́т стра́в... С'іда́ют ус'і.. за сту́л, помо́лиме с'а, с'а́деме. Вс'і прийшлі́, с'в'і́чку запáлиме, ве́че́р'а́е-ме. Но́ дес' тко́.. беру́йе, та дес' по р'у́моц'ц'і вы́п'іе пе́ред ве́че́р'і, та то́д ден' по́стит, та ма́ло й вы́п'іе. «Ма́ло», тко ма́ло, а тко́ дес' і ма́й бу́рш йак тре́ба! Вс'а́ко выпива́ют.

[...] в це́ркви, на вс'іно́чнуй, с'п'іва́-йут. Кол'аду́ют, вс'а́ це́р'ков, но тó послуха́ли бисте, йа́г га́рно! Йа́к красно́ кол'аду́ют ус'і л'у́де, вс'ы́й наро́т, тко́ живы́й лиш у це́ркви, вс'і с'п'іва́ют. П'іс'н'у ту́ вдну́. Кол'аду́.

[...] пра́зника та́к пра́знуют. <Три дны?> Тры́ дны́ пра́зник. То́же Рожэ́-ство Христо́во пе́рвы́й ден', дру́гый и тре́тый.

[...] (па)стыр'і хо́д'ат, йе́ и анге́лы ме́жи ні́ми, й чо́рт ме́жи пастыр'а́ми ты́ми, и тко? <реплика со стороны: Д'ідо шче.> Йо́, д'ідо, но пастыр'і, д'ідо са́мый ста́рший йе́. Анге́лы то́же та́м мо́л'ат с'а, «Чу́йте, – ка́же, – чу́йте, пастыр'і, сполні́ла с'а ва́ша над'і́я, бо

сиво поют, ходят... <А какие песни?> Рождественские. Рождественские песни поют. Красивые. <Это дети ходят?> И взрослые ходят, ну всякие, идут, собирается вся родня, одни к другим, и идут и поют, очень красиво празднуется Рождество Христово.

[...] В Сочельник. Ой, там девять блюд должно быть, в Сочельник. Всего понемножку, всего понемножку приготовим. Девять блюд. Садятся все за стол, помолимся, сядем. Все пришли, свечку зажжем, ужинаем. Ну где-то кто в силах, то где-то по рюмочке выпьет перед ужином, и в тот день постится, и немножко выпьет. «Немножко», кто немножко, а кто где-то и больше, чем надо! Всяко выпивают.

[...] в церкви, на всенощной, поют. Колядуют, вся церковь, ну это вы бы слышали, как красиво! Как красиво колядуют все люди, весь народ, кто только живой у церкви есть, все поют. Песню эту одну. Коляду.

[...] (Три дня) праздника так празднуют. <Три дня?> Три дня праздник. Тоже Рождество Христово первый день, второй и третий.

[...] пастыри [«пастухи»] ходят, есть и ангелы среди них, и черт среди пастырей этих, и кто? <реплика со стороны: Дідо еще.> Да, дідо, ну пастыри, дідо самый старший. Ангелы тоже там молятся, «Слушайте, – говорит, – слушайте, пастыри, исполнилась ваша

Христос рódив с'а, на с'в'ит прихóдид давнó бажáнный мес'йя». Ссé ишчé и йá ходила дэс' у кол'адú с пастыр'ами т'ými. <А зараз ходят?> Пак хóд'ат и тепér, áле вжé д'івчáта ни хóд'ат. То мý давнó ходили, то бýло.. читáн'н'а «Прос'в'іты», та кол'адникý ходили. Соберáли с'а тák і д'івчáта... мáла йá фото.кáрточку такú. Á вже нáс' с'а встáло лиш кó... Двóйе нáс ис т'ых, шчо ходили в кол'адú. Йá тай шчé одін чол'в'ік туй.

[...] (вер)тép, вертép рóбл'ат. Вертép такій, йак у нáс казáли, бетлегém, такú хáтку. Там прикрашáют. Л'áл'ку в йáс'л'і, йак Младéнца, тáм чин'ат так'і пастыр'і, фотокáрточкы так'і сýт, фотогрáфийі, шчо... Тó кладúт, прибéрут тák йак йáлинку в хýжи, тák і в вертép'і прибéрут. Идúт и з' з'в'іздов. Но идúт, кол'адúйт, з'в'издá такá.. п'йáт'кúтна, ци шіс'ц', давнó бýла шіс'ц'кúтна, а потóму йак рúс'к'і зайшли, та лиш п'йáтикúтну клáли з'в'издú. Та отáм у туй з'в'из'з'і с'в'ічка, такій б'ігáр', а на тод б'ігáр' наг'áгнена с'в'ічка, та тым крутили та кол'адовáли. Та обл'іплéна рáзными пап'ір'ами, ц'в'ігнými, з'в'издá, та ттó так фáйно на с'в'іц'ц'і закрутит с'а, рас однá.. фáрба, дрúга, трéта. На вс'іх тых.. бýло крáска дрúга пап'ір'а тóго, колерóвого.

Хýжа выт хýжі, йó, ходили. Идúт, (пут) хýжов гóйкают, из звонкóм идúт гóйкают «Веселіти, пане гáздо, ци

надежда, ибо Христос родился, на свет приходит долгожданный мессия». Это еще и я ходила когда-то в коляду с *пастырями* этими. <А сейчас ходят?> Ну ходят и сейчас, но уже девчата не ходят. Это мы раньше ходили, это было... чтения «Просвiты», и колядники ходили. Собирались так и девчата... у меня было фото... карточка такая. А уже нас осталось только кто... Двое нас из тех, что ходили в коляду. Я и еще один мужчина тут.

[...] вертеп, вертеп делают. Вертеп такой, как у нас говорили, *бетлегем*, такая хатка. Там украшают. Куклу в ясли, как Младенца, там делают таких пастухов, фотокарточки такие есть, фотографии, что... Это кладут, украсят так, как елочку в доме, так и вертеп украсят. Ходят и со звездой. Ну идут, колядуют, звезда такая.. пятиконечная, или шести-, раньше была шестиконечная, а потом, когда русские *зашли*, то только пятиконечную делали звезду. И там в той звезде свечка, такая палочка, а на эту палочку надеята свечка, и этим крутили и колядовали. И обклеена разными бумагами, цветными, звезда, и это так красиво на свечке крутится, один цвет, другой, третий. На всех этих... был цвет разных бумаги этой, цветной.

От хаты к хате, да, ходили. Идут, под хатой кричат, со звонком идут, кричат: «Веселить, пан хозяин, или

йти да́ле», но́ тко хо́че абы́ йшли́, гово́рит: «Веселі́ти, веселі́ти!» А тко́ вже ни ма́йе гро́ший ту́л'ко, та ка́же: «Да́ле, да́ле», бо та́м тре́ба гро́ший мо́ре. Бо иде́ йих і по два́ц'ц'ат' кол'а́дій за ве́чур. А д'і́тій асо́бенно. А та́к фа́йно кол'а́ду́ют, поде́йа́к'і нау́чили с'а вже вс'а́ких кол'а́до́к тепе́ркы. Мы́ давно́ лиш церко́вн'і, лиш церко́вн'і. А пото́му л'у́де соб'і доду́мали кол'а́дова́ти. «Ци до́ма, до́ма па́не господа́р'у, ра́дуй с'а, йой ра́ду́й с'а, зе́мле, Сы́н Бо́жий наро́дів с'а». А па́к ишче та́м выклика́ют: «О́й, печі́ кола́чи, бо прі́йдут до т'а го́с'.. з йа́ройі пше́ніц'і, прі́йдуд до т'а го́с'ц'і»... Вже́ й забы́ла, йа́к то́то с'п'і́вали давно́. Фа́йно.

[...] У нас йа́к иду́т пасты́р'і, та та́м йе́ й коро́л' ме́жи ні́ми, і пасты́р'і, котро́р'і приходи́ли... <реплика со стороны: Баба.> Баба та́ка йде́. [...] Ро́л'і ни бы́ли, п'і́сн'і с'п'і́вали лиш та́м бы́ли. Йа́к.. «Чу́йте, чу́йте, пасты́р'і, сполні́ла с'а ва́ша над'і́я. Го́спот' с'а ро́див на с'в'і́т, приходи́в давно́ бажа́ный мес'і́я». А ос'с'і́ вже, дру́гый ка́же: «Пос'п'і́шай м'а до В'і́флийе́му Христу́ да́ры п[од]не́сти». Но́, а та́м мно́го тако́го гово́рили, чоты́ри пасты́р'і, і а́нгелы, с'п'і́вали: «Не бо́йте с'а, па́стыр'і», «не бо́йте с'а», йа́к лиш.. тепе́р дон'ка́ поме́рла, йа́ вс'о́ забы́ла... Вс'о́-м забы́ла.

[...] [Кутью́] гото́вили, гото́вили. <А яка она́ была?> Но́, гото́вл'ат ме́ду,

идти дальше?», ну кто хочет, чтобы шли, говорит: «Веселить, веселить!» А у кого уже нет денег столько, говорит: «Дальше, дальше», потому что там надо денег море. Потому что идут они и по двадцать коляд за вечер. А детей особенно. А так красиво колядуют, некоторые научились уже всяким колядкам теперь. Мы раньше только церковные, только церковные. А потом люди себе додумали колядование. «Дома ли, дома, пан хозяин, радуйся, ой радуйся, земля, Сын Божий родился». А потом еще там выкликают: «Ой, пеки пироги, потому что придут к тебе гос... из яровой пшеницы, придут к тебе гости...» Уже и забыла, как это пели раньше. Красиво.

[...] У нас когда идут *пастыри*, то там есть и король среди них, и *пастыри*, которые приходили... <реплика со стороны: Баба.> Баба такая идет. [...] Ролей не было, песни только пели. Как... «Слушайте, слушайте, *пастыри*, исполнилась ваша надежда. Господь родился на свет, приходил долгожданный мессия». А эти уже, другой говорит: «Поспешим в Вифлеем Христу поднести дары». Ну, а там много такого говорили, четыре *пастыря*, и ангелы, пели: «Не бойтесь, *пастыри*», «не бойтесь», как там... теперь дочка умерла, я всё забыла... Всё я забыла.

[...] [Кутью́] гото́вили, гото́вили. <А какая она́ была?> Ну, гото́вят ме́д,

на мѣдови. Там приправл'ат мѣдом та йд'ат, тотó в цѣркви даѣе кут'у пуп. <Там мед, а що ще? С чо́го она?> Пшеніц'а. Пшеніц'а, та вода, та мѣдом засолод'ат, та ттó вже йд'ут ц'іл'ова́ти в цѣркви, та по лыс'ц'і ка́жже то́го вѣз'ме, кут'у. Тепѣр уже й ттó полишили. Вже ни.. ни готóвл'ат у цѣркви, н'ѣ, давнó бѣли мона́хы так'і, по́пы, шчо ттó приготóвл'али. Тепѣр н'і вже. [...] з остáтками то́ пуп забера́в та дава́в сво́йим ку́р'ом, сво́йуй худóб'і.

[...] Тад' бѣли сс'і, йа́к у на́с ка́жут, кол'адникы́, та вні тто ході́ли шчедрова́ти. Шчедр'івку...

[...] крѣчун печемѣ. <Як-як?> Крѣчун, крѣчун то клі́че с'а. <А як його пекли?> Но́ так йак па́ску. Така́й хл'ібец', та́м покла́дуд дѣв'я́д' зерѣн пшеніц'і, дѣв'я́т', и трі зупкы́ часны́ка с'а кладе́ в ттó, й то́ дѣржит с'а выд Рожжества́ до.. Ново́го го́да, до Васи́лиа. [...] вже пак на стол'і, йак кладу́т на сту́л, то на вдно́му м'іс'ц'і ма́йе сто́я́ти. Там прикрас'ат из йа́лінкы.. в'іточку, а потóму дѣвл'ат с'а, йаг беру́т на Ново́ый р'ік, хот'ат йісти, та дѣвл'ат с'а, шчо́ там с'л'ідно, пут тым крѣчуном. А тотó вс'о чеп.. таке́, пус'ц'акы́ бѣли, бо.. йа́к, хл'іп нийѣ ру́ный, та йа́к та́м сто́йит за ц'ілу нед'і́л'у на.. полотѣн[ц'атови] та́к, та́м тоты́ ям-кы́ встайу́т с'а, вні вже давнó то́ каза́ли, шчо.. ву́чі, ла́бы корóвл'ачи, ла́бы, таке́. Ворóжили на

на меду. Там заправляют медом и едят, это в церкви дает кутью священник. <Там мед, а что еще? Из чего она?> Пшеница. Пшеница, и вода, и медом посластят, и это уже идут целовать в церкви, и по ложке каждый этого возьмет, кутью. Теперь уже и это бросили. Уже не... не готовят в церкви, нет, раньше были монахи такие, священники, что это приготавливали. Теперь нет уже. [...] с остатками это священник забирал и давал своим курам, своей скотине.

[...] Да были эти, как у нас говорят, колядники, и они это ходити щедровать. Щедровку...

[...] *кречун* печем. <Как-как?> *Кречун, кречун* это называется. <А как его пекли?> Ну так, как кулич. Такой небольшой хлеб, там положат девять зерен пшеницы, девять, и три зубчика чеснока кладется туда, и это сохраняется от Рождества до Нового года, до Василия. [...] уже потом на столе, как поставят на стол, то на одном месте должен стоять. Там украсят с елки веточку, а потом смотрят, когда берут на Новый год, собираются есть, то смотрят, что там видно, под этим кречуном. А это все... так, пустяки были, потому что... как, хлеб неровный, и пока там лежит целую неделю на полотенце, то [...] так, там эти ямки остаются, они уже раньше так говорили, что глаза, ноги коровьи, ноги, такое. Гадали на этом. Ну, это уже потом на Новый год

то́му. Но́, то́то вже пак на Новы́й р'іт бра́ли та на́встр'іт' со́н'ц'а р'ізали, так'ї.. трі ку́скы зр'іза́ют із.. із дна́ то́го кречу́на. Та тым мыйу́т с'а, дайу́т то́то худо́б'і, абы́ тучна́ бы́ла худо́ба, и.. мыйу́т с'а, но́. Кречу́ном та гроши́-ма. Давно́ коп'ійо́г бы́ло, та в коп'ій-ка́х мы́ли с'а л'у́де, абы́ с'а ве́ло грóші йім, абы́ ма́ли грóші. Та мы́ли с'а тым кречу́ном.

[...] Кла́ли ота́ву пут.. <Ота́ву кла-ли?> Ота́ву пут кречу́н то́т, кла́ли ота́ву, ага́, кла́ли ота́ву, та на туй ота́в'і дэв'яат'... до Ново́го го́да стои́т то́т кречу́н, пак то́ту вта́ву дайу́т худо́б'і, в хл'ів несу́т. Дайу́т попо.. жме́н'ц'і, абы́ ка́жжа поку́шала то́го. Но́, та давн[е] тто́ бы́ло вс'а́кых такы́г забобóн, ишчэ май бу́рж бы́ло, ги тепе́р'к[а].

[...] На Водóршчі, на Водохрэ́шча. Ёду́т во́ду с'ати́ти. <Куды?> Давно́ с'а-ти́ли во́ду на р'іц'і, Йо́рдан. Но та́к, шчо прійду́д до це́ркви, вытслу́жат у́трен'у, потóму фс'і л'у́де йду́т на р'іку́, та́м пос'ашче́нийе во́ды ро́бл'ат... <А як то ро́блят?> Но́ так слу́жат, выдмо́л'ат с'а, потóму пуп с'ати́т во́ду, с'аче́нов во́дов бры́ска́е на во́ду, і вс'ї.. беру́т во́ду, черпа́ют ту во́ду, беру́т соб'і до до́му тто́. Ду́же до́бре то́та с'аче́на во́да, чу́йте, мо́я до́чка ра́с та́к йі.. пришл́а бы́ла с ко́манд'іро́вки, та́к йі по́т'ало бы́ло! А в ме́не йка́с' монашкы́н'а, но йа́ йі ни позна́ла, йка́с' попроси́ла с'а спа́ти, бо туй р'а́дом авто́бусна. О́й,

бра́ли и *навстречу солнцу* [против часо-вой стрелки] резали, такие... три куска срезают со дна этого *кречуна*. И этим умываются, дают это скотине, чтобы дородная была скотина, и умываются, ну. *Кречуном* и деньгами. Раньше были копейки, и люди умывались в копейках, чтобы водились у них деньги, чтобы у них были деньги. И умывались этим *кречуном*.

[...] Клали отаву под... <Отаву клали?> Отаву под *кречун* этот, клали отаву, ага, клали отаву, и на этой отаве девять... до Нового года стоит этот *кречун*, потом эту отаву дают скотине, в хлев несут. Дают по горстке, чтобы каждая [скотинка] попробовала это. Ну, раньше были всякие такие *забобы*, еще больше было, чем теперь.

[...] На Крещение, на Водохрестие. Идут воду освящать. <Куда?> Раньше освящали воду на реке, *Йордан*. Ну так, что придет в церковь, отслужат утреню, потом все люди идут на реку, там освящение воды делают. <А как это делают?> Ну так служат, помолятся, потом священник освящает воду, святой водой брызгает на воду, и все берут воду, черпают эту воду, берут себе домой это. Очень хорошо эта святая вода, знаете, моя дочка однажды так ее... приехала из командировки, так ее *потяло*! А у меня какая-то монашка, ну я ее не знала, какая-то попросилась ночевать, потому что тут рядом автобусная оста-

а мойу Ирінку так пог'ало, так нача-
ло йи вс'о бол'іти. «Нó, – каже, – дай-
те воду с'ачену, ци майете». Тат' йе в
н'а, де бы ни б'ыло, в мене шче йе мóже
сóрогодóвойи с'аченойи воды, шчо все
долива́йу. Йа́ дала тту́ с'ачену во́ду, и
зр́азу, вна́ помоли́ла с'а нат то́в водóв,
дала вы́пити, зр́азу йуй тто́ пройшлó,
бол'і тты́. Шчóс' йи пог'ало б'ыло, йак
кажут.

[...] йак ужé давнó ходи́ли.. на Йор-
дан на р'іку с'ати́ти, а потóму ни мóж
б'ыло, вжé йак рус'к'і зайшли́ бóже бо-
роні́ б'ыло йти́.. на р'іку с'ати́ти во́ду.
Та с'ати́ли в цéркви, та так то́т.. тоту́
соб'і́ привы́чку вз'али, шчо й тепе́р у
цéркви с'ат'ат во́ду, хоч тепе́р бы могли́
йти́ на р'іку́. Давнó с'ме йшли́ с цéрк-
ви аш коло мóста туй долу́, ни́же села́,
там с'ати́ли во́ду. Та так фáйно йшли́
с'п'ивáйучи л'уде селóм, там пос'ат'ат,
ис пра́порами, з вс'ым. Там пос'ат'ат
во́ду, пак идуд до до́му. До цéркви шче,
с цéркви пак бла́гословéн'йе дайé пуп,
та вс'і́ йдут пак.. до до́му.

[...] Ё́, коли́ вели́кий с'н'іх вы́паде,
та такы́х накача́ют пуд двéр'і.. [качара-
ну́], шчо ни мо́ш вы́йти с хаты́. Йе́. <То
коли?> То́ зимóв, зимóв хот' коли́ тто́
рóбл'ат. А берут ворóта знимáют, коло
хатий ворóта. Ку́л'ко рас мо́йи вы́сади-
ли б'ыли, та т'ашк'і, жел'із'н'і, он' óде
на автобусну ста́н'ц'і́йу. [...] <В любой,
да?> [Айно], в любой ден'.

новка. Ой, а мою Ирінку так *потяло*,
так начало у нее всё болеть. «Ну, – го-
ворит, – дайте святую воду, есть у
вас?» Да есть у меня, как не быть, у
меня еще, может, есть сорокалетняя
святая вода, что всё доливаю. Я дала
эту святую воду, и сразу, она помоли-
лась над этой водой, дала выпить,
сразу у нее это прошло, боли эти. Что-
то ее *потяло*, как говорят.

[...] как уже раньше ходили... на
Йордан на реку освящать, а потом не-
льзя было, уже когда русские *зашли*,
боже сохрани было идти на реку освя-
щать воду. И освящали в церкви, и так
эту себе привычку взяли, что и теперь
в церкви освящают воду, хотя теперь
бы могли идти на реку. Раньше мы шли
из церкви аж к мосту здесь внизу, ниже
села, там освящали воду. И так красиво
шли с песнями люди по селу, там освя-
тят, и с хоругвями, и со всем. Там освя-
тят воду, потом идут домой. В церковь
еще, из церкви потом благословение да-
ет священник, и потом все идут домой.

[...] Э́, когда много снега выпадет,
то таких подкатят под двери [*качара-
нов*], что из хаты не выйти. <Это ког-
да?> Это зимой, зимой когда угодно это
делают. И берут ворота снимают, око-
ло хат ворота. Сколько раз мои [воро-
та] высаживали, и тяжелые, железные,
аж туда на автобусную остановку. [...] <
В любой, да?> Да, в любой день.

Гадания

[...] На=ндр'їа ворожіли д'ївкы, на=ндр'їа. Но варіли галушкы, у кажзу галушку напише кажза своїих хлопцу. Но та тто кладут варіти тты галушкы, та выберут, та кладут на тарілку, та коту, там соб'ї.. изведут коту, та котройі май скоро галушку выз'ме кут, та подивл'ат с'а, на яке ймн'а хлопца тта галушка, та вже жж'ае того хлопца в сватач'ї, шо прійде сватати йї тот хлопец'. [...] то хапл'ут котови з зубу гет, абы прочитати могли, йакэ ймн'а там было. [...] Тай идут [ли]чїти. Знайте, йаг давно городили.. заборы, плоты городили, та кул'а такэ били. А на тто вже кл'али.. ворын'а, та идут тоты кул'а [л'ї]чїти. Див'йатый кул, йакэго д'ївчина пол'ичит – ци выс'окого, ци нис'кого. Та тто такый йї прійде сватати. Та коли котра д'ївка ни л'убила нис'кого, тай по трирас верне с'а л'ичїти, та все на нис'кого попаде, пак нис'кий і чол'в'їк у нейї, такый малый р'остом. [...] ни было за мойейї т'амкы.

Сретение

[...] Встр'їг'їн'а? То п'їатнац'ц'атого феврал'а. Но тот'о.. Встр'їг'їн'а, коли.. Симеон ни мух.. умерти, докы ни ввїдит Спасїтел'а на руках. Вун б'ыв.. с'ашч'енник, такый благочестївый Симеон. А коли.. Прис'ата Д'їва родила Ісуса Христа, тогды пришл'а в ц'еркву вводити с'а. Та пришл'а ис.. Младенц'ом,

[...] На Андрея гадали девушки, на Андрея. Ну варили вареники, в каждый вареник напишет каждая своих парней. Ну и ставят варить эти вареники, и вынут, и кладут на тарелку, и котов, там себе приведут котов, и чей быстрее всего вареник возьмет кот, то посмотрят, с каким именем парня этот вареник, и уже ожидает этого парня в сваты, что придет сватать ее этот парень. [...] это выхватывают у кота из зубов, чтобы можно было прочитать, какое имя там было. [...] И идут считать. Знаете, как давно городили... ограды, заборы городили, и колья такие вбивали. А к ним уже прибывали жерди, и идут колья считать. Девятый кол, какой девушка насчитает – высокий ли, низкий ли. И это такой придет ее сватать. И если какая девушка не хотела низко, то и по три раза возвращалась считать, и всё на низкого попадет, потом низкий муж у нее, такой малорослый. [...] не было на моей памяти.

[...] *Встр'їтїня?* Это пятнадцатого февраля. Ну это *Встр'їтїня*, когда Симеон не мог умереть, пока не увидит Спасителя на руках. Он был священник, такой благочестивый Симеон. А когда Пресвятая Дева родила Иисуса Христа, тогда пришла в церковь на вводины. И пришла с Младенцем. И как

та йак ув'ів тогды Симеон, [приняв] д'і-
тину у райс'ких двэрий и кáже: «Нын'і
утпушчайеши раба Твоёго, Владыко,
ібо по глаголу Твоёму су міром.
Яко від'істе очи моїі спасэніе Твоёе.
Йёже исі уготовáл нам. Вс'ім перед ли-
цем вс'іх л'удій. С'в'іт во откровэніи
йязыков и слáвы л'удій Израйїл'а». Та
с'п'івають тто. Йак поклав, Дит'á дав
Прис'атуй Д'ів'і Мар'ійи, і пак пошóв
и скончáв с'а. Вун дóты молив Бóга,
абы ни помёр, Симеон, дóкы ни увидит
Христá на руках у себе.

[...] [*На Сретение*] с'в'ічкы с'ат'ат у
цэркви, принэсуд до цэркви с'в'ічкы
л'уде, йак обычно купуйут та несуд до
цэркви, там пуп с'атит с'в'ічкы, и тоты
с'в'ічкы встають с'а в цэркви, тко.. соб'і
по вду выз'мут л'уде, а друге лишá-
ють у цэркви. То пал'ат с'а тоты с'в'іч-
кы в цэркви, гор'ат. Колі.. вытправа с'а
служит, богослужэніе, то в цэркви
с'в'ічкы тты пал'ат.

[...] Тоты с'в'ічкы, колі л'удина вме-
раіе, тоту с'в'ічку с'а палит. [...чур] на
вечэр'у, пал'ат на Пáску тту с'в'ічку..
коло цэркви, йак с'атит паскы, та с'в'іч-
кы с'а на пáску кладé та.. палит с'а ттá
с'в'ічка. Та вс'ó идé на пол'зу таку, у
богослужэніе.

Предпостные недели

[...] постом, пэрет.. Мác'л'аниц'а йé,
тотó вже йé Нед'іл'а.. мытар'а й фари-
сэйа, блудного сына, Мн'асопустна и

ввел тогда Симеон, принял ребенка у
райских дверей и говорит: «Ныне от-
пускаешь раба Твоего, Владыко, ибо
по глаголу Твоему с миром. Яко виде-
ста очи мои спасение Твое. Еже еси
уготовал нам. Всем пред лицом всех
людей. Свет во откровение языков и
славы людей Израиля». И поют это.
Как положил, Ребенка дал Пресвятой
Деве Марии, и после этого пошел и
скончался. Он до тех пор молил Бога,
чтобы не умереть, Симеон, пока не
увидит Христа на руках у себя.

[...] [*На Сретение*] свечи освящают
в церкви, принесут в церковь свечи
люди, как обычно покупают и несут в
церковь, там священник освящает све-
чи, и эти свечи остаются в церкви,
кто... себе по одной возьмут люди, а
остальное оставляют в церкви. Это за-
жигают эти свечи в церкви, горят. Ко-
гда службу служат, богослужение, то в
церкви свечи эти зажигают.

[...] Эти свечи, когда человек уми-
рает, эту свечу зажигают. [...] [*на Свя-
той вечер*] на ужин, зажигают на Пас-
ху эту свечу... около церкви, когда ос-
вящают куличи, то свечу вставляют в
кулич и зажигают эту свечу. И всё идет
на пользу такую, в богослужение.

[...] постом, перед... Масленица
есть, это уже есть Неделя... мытаря и
фарисея, блудного сына, Мясопустная

Сыропúсна нед'íл'а, вс'í чоты́ри нед'íл'í. Ужé.. тáм однá нед'éл'а йé, шчо.. нé.. пéред Мн'асопúснои, шчо́ вже ни трéба гов'íти, пóстити н'í п'йáтниц'у, н'í сéреду, íсти вс'ó. Тóт ты́жжен'. А потóму ужé пúст náчне с'а, та перет Сыройí.. Сыропúснои нед'íл'í тó вже Молóчна, пóрз'нат с'а л'ýде, йíд'áт.. мн'аснé вже ни йíд'áт. А пак.. тко́ шчо мóже, тепér уже нийé тák йаг давнó. Давнó с'ме мáли посúду.. окрémну на.. пóст. Колí прихóдид гов'ín'а, йак кáжут, Велике гов'ín'а, тó посúда на.. на.. стойáла окрéме, и на тóй посúд'í мы вс'ó, в туй посúд'í готóвили, абы́ ни бýло н'íчóго.. мн'аснóго у [нé], у туй посúд'í. То тепér ужé нийé тóго. Дéс'-дéс' ишчé ткóс' то додérжуйе, шчо́.. тák трíмайт пóст.

[...] мóл'ат с'а за впокой, сес'í пéрет. Нед'íл'í мытар'а й фарисéя й блúдно-го сы́на, и Сыропúстну.. Мн'асопúснои нед'íл'í й Сыропúснои, с'í субóты вс'í слúжат. Службý за впокой. За впокой, за помéршыми. Йак áш ткóс' хóче, мáйе бажán'а, та платít слúжбу, йо, й о здрав'ийи за вс'у сво́ю родíну. Тоты́ ты́жн'í.. но осóбенно в субóту лиж за впокой слúжат. Вс'í. Í ц'íлé гов'ín'а тák идé. Шчо кáжзу.. сéреду, п'йáтниц'у в цéркви слúжат í в субóту. За впокой.

Великий пост

[...] нед'íл'а с'а бýла, прóшла. Хрèс-топоклóнна, тáм вынóс'ат хрèст из ол-тар'а, кладúт серет цéркви, с'п'íвайт

и Сыропустная неделя, все четыре недели. Уже... там одна неделя есть, что не... перед Мясопустной, что уже не надо говеть, поститься ни в пятницу, ни в среду, есть всё. В эту неделю. А потом уже пост начнется, и перед Сырой... Сыропустной неделей это уже Молочная, люди едят скоромное, едят... мясное уже не едят. А потом... кто что может, теперь уже не так, как раньше. Раньше у нас была посуда особая для поста. Когда приходит пост, как говорят, *Велике говíня*, то посуда стояла отдельно, и на этой посуде мы всё, в той посуде готовили, чтобы не было ничего мясного в этой посуде. Теперь уже этого нет. Редко-редко еще кто-то этого придерживается, что так держат пост.

[...] молятся за упокой, эти перед... Неделей мытаря и фарисея и блудного сына, и Сыропустную... В Мясопустную неделю и Сыропустную, эти субботы все служат. Службы за упокой. За упокой, по умершим. Если кто-то хочет, имеет желание, то платит за службу, да, и о здравии для всей своей семьи. Эти недели... ну особенно в субботу только за упокой служат. Все. И целый пост так идет. Что каждую среду, пятницу в церкви служат и в субботу. За упокой.

[...] неделя эта была, прошлая. Крестопоклонная, там выносят крест из алтаря, ставят посередине церкви,

фáйно, «Кресту твойёму поклан'а́йем с'а, влад'ыко, й с'атойе воскресёнийе твое по́йем и сла́вим». То вс'і л'уде с'п'іва́йут у цёркви, йд'ут ц'і́л'у́ют то́т хрест. Д'уже га́рно. Вытпра́ва вели́ка.

[...] Ц'в'ітна́ прійде Нед'і́л'а ва́йі, то́же перет Па́схы тта́ нед'і́л'а, та́м да́й'ут мыцкы́ [*веточки вербы*] в цёркви. Лозу́. Там миру́йе.. пуп, но ми́рван'а йе́ [всё] на вели́к'і пра́зныкы миру́йут. Мыцкы́ да́й'ут. Мыцка́ми... Дёржыме ц'і́лыы г'ут, а ко́лы гроза́ вели́ка, на́чына́йе с'а, тогды́ то́йі мы́цкы кладу́ в шпо́р, запáл'у, и ско́ро ро́сходит с'а тта́ гроза́. Йак та́ с'ачёна мы́цка, п'у́йде д'ы́м, та ско́ро конча́йе с'а гроза́.

[...] Ц'в'ітна́ нед'і́л'а, Нед'і́л'а ва́йі. [...] <А що́ треба робити на Цві́тну неде́лю?> На С'ату́ нед'і́л'у но́ сл'ужат.. на тто́, на Ц'в'ітну́ нед'і́л'у. Сл'ужат у цёркви та́к вбы́чно, с'ато́ вели́ке. Та пак да́йе пуп мы́цкы, тоты́.. лозу́. Церкувни́к, котры́й у цёркви прибера́йе, то́т иде́ та на́носит кучу́ гру́бу то́го, лозы́ то́йі, та ва́йі, та.. пак с'ат'ит то́ с'ашчённик. Та да́й'ут л'уд'ом. То да́й'ут ус'ім, но ту́л'ко д'і́тій, шчо. Д'уже мно́го на́рода йде́ до цёркви, та́к шчо лё́двы перечека́йут, до́к ус'і п'у́йдут та прійму́т тто́. Миру́йут.. Д'уже фáйну вытпра́ву сл'ужит с'а.

[...] Стра́с'ц'а. <А що́ треба робити?> Шчо́? Иду́т.. по́с'ц'ат то́т т'ы́ж'ен', та йду́д до цёркви, мо́л'ат с'а. Ё́ни на Стра́с'ц', а на Ц'в'ітну́ нед'і́л'у [пру́т'а].

поют красиво, «Кресту Твоему поклоняемся, Владыко, и святое Воскресение Твое поем и славим». Это все люди поют в церкви, идут целуют этот крест. Очень красиво. Служба большая.

[...] Цветная придет Неделя ваий, тоже перед Пасхой эта неделя, там дают мыцки [веточки вербы] в церкви. Лозу. Там миропомазует священник, ну миропомазание есть всегда на великие праздники, миропомазуют. Мыцки дают. Мыцками... Сохраняем целый год, а когда гроза большая начинается, тогда [кусочек] этой мыцки кладу в печь, подожгу, и быстро стихает эта гроза. Когда эта освященная мыцка, пойдет дым, и быстро кончается гроза.

[...] Цві́тна неде́ля, Неделя ва́йі. [...] <А что́ надо́ делать на Цвітну́ неде́лю?> На Святу́ю неде́лю ну́ сл'ужат.. на это, на Цві́тну неде́лю. Сл'ужат в цёркви та́к обы́чно, пра́здык большо́й. И потом да́ет священник мы́цкы, эти... лозу. Церковник, котры́й в цёркви прибирает, идет и наносит кучу большую этого, лозы этой, и ваий, и потом это освящает священник. И дают людям. Это дают всем, но столько детей, что... Очень много народу идет в церковь, так что едва дождутся, пока все пойдут и примут это. Миропомазуют. Очень красивую службу служат.

Стра́стьє. <А что́ надо́ делать?> Что́? Иду́т.. по́стят'я в эту неде́лю, иду́т в цёрковь, мо́лят'я. И не на Стра́стьє, а на Цві́тну неде́лю прутья.

Чистый четверг

[...] четвѣр'. <То є такое?> То йѣ-йѣ, перет Пáсхов.. Жівный четвѣр', йак кáжу, шчо на Стрáс'ц'а йдѹт у Жівный четвѣр'. Идѹт на Стрáс'ц'а до цѣркви тáм. У ночі тто слѹжит с'а. Ўтрэн'а велі́ка. [...] на йáйц'а хóд'ад' д'іти. Йáйц'а даі́е с'а в Жівный четвѣр, до-пѹс'ц'ім у мѣне умѣрли.. двóйе д'ітій, та вжѣ прійѣдуд д'іти, дайѹ й за од-ным йайѣчко й за дрѹгим, уже тепѣр д'в'і буду мáти дáти. Двóйім д'іт'ом, хóд'ат.. д'іти на йáйц'а. Í тó.. тák шчо í мушчїны подѣколи ф'ігл'ѹйт. Кáжут, шчо «Прійѹдо до т'а на йáйц'а, віжу в т'а мно́го курій». Йó, йдѹт. [...] Сырѣ йайцѣ вбыкновѣнне, йак.. даі́е с'а, вні соб'і тáм навар'ат тоты́ йáйц'а.

[...] четвѣр' ус'ó скрómне, вс'ó скрómне мáйе бѹти, такѣ, шчо бес ф'ігл'ѹ, бес.. шѹтку втакы́х ус'áкых. Мóл'ат с'а, пóс'ц'ат, тко́ берѹйе пóстити. Сѣреду пóстит, перет Пáсхов, четвѣр', і п'я́тниц'ѹ, й субóту. Крómі ча́йу і ку-скá хл'їба н'ѣчóго [sic] ни йімѣ. Ужѣ.. на Вели́гден' рáно у воскресѣн'а, то-гдѹ.. пой'їст, нѹ вже тогдѹ й не хóче с'а й'їсти, бо л'удїна перемл'їе, тák шчо вѹз'меш кусóк там мáсла с'ачѣ-ного, часныкá покѹшайе, хрѣн'ѹ, абѹ не.. ни бол'ів, кáжут, шчо хрѣн' за ттó с'а с'атїт, абѹ ни бол'їти, тай часнóк. Абѹ ни бол'їли л'ѹде. Тó йїсти трѣба пѣрвый рáс на Вели́гден'. Часнóк та хр'їн', агá.

[...] четверг. <Это есть такое?> Это есть, есть, перед Пасхой. *Живный чет-верг*, как говорю, что на *Страсть*е идут в *Живный четверг*. Идут на *Страсть*е в церковь там. Ночью это служат. Ут-рени великая. [...] по яйца ходят дети. Яйца дают в *Живный четверг*, допус-тим, у меня умерли двое детей, и уже придут дети, даю им в память одного яичко и в память другого, уже теперь два буду должна дать. Двоим детям, ходят дети по яйца. И это... так что и мужчины иногда шутят. Говорят: «Приду к тебе по яйца, вижу, у тебя много кур». Да, идут. [...] Сырое яйцо обыкновенное, как... дают, они себе там наварят эти яйца.

[...] четверг всё скромное, всё скромное должно быть, такое, что без шуток, без шуток таких всяких. Мо-лятся, постятся, кто в силах постить-ся. В среду постится, перед Пасхой, в четверг и в пятницу, и субботу. Кроме чаю и куска хлеба ничего не едим. Уже... на Пасху утром в воскресенье, тогда поест, ну уже тогда и не хочется есть, потому что человек *перемлеет*, так что возьмешь кусок там масла освя-щенного, чеснока попробует, хрену, что-бы не... не болел, говорят, что хрен для того освящается, чтобы не болеть, и чеснок. Чтобы не болели люди. Это есть надо первый раз на Пасху. Чес-нок и хрен, ага.

Пасха⁶

Ту нед'іл'у перет Пасхы, но тепер загов'ін'а, то.. ус'ї, сєреду, п'їятниц'у і понед'їлок мног'ї пос'ц'ат, напусно йїд'ат. <И понедїлок?> Йї понед'їлок, на ангела-хранїтел'а. І сєреду й п'їятниц'у, а тту нед'їл'у пєрет Паскы ц'їлу нед'їл'у пуснє йїд'ат. Чай, картóшку, такє лиш. Р'їпы мáло в кóго йє, тепєр' зàрас немáйє. Нó Пасху... У четвєр' на Стрáс'ц'а йдемє в ночї до цєркви. У п'їятниц'у вынóс'ат грóбниц'у, тóже плáшчєнниц'у, йáк кáжут, та йдемє до цєркви на вечóрн'у. А в нед'їл'у, субóту в ночї в дванáццїт' чáсу начїнаїє с'а полу.. полуночниц'а, пóт'їм тáкoй воскресєнийє, вытправл'áют úтрєн'у. Á пак пос'ачєнийє пасóк, слúжбу вытправл.. ужє слúжат, об'їд'н'у. Í пос'ачєнийє пасóк, л'удїй пóвно коло цєркви, такы́й велїкы́й горóт. Та вжє ни вм'їшчáют с'а л'удє, вжє двомá шóрами или трóмá стáвл'ат пасóк, тáг богáто нáрода с'а.. привєрнуло до цєркви тепєр'кы. [...] б'їжáт пєршї, тко пєршый, абы.. зádный ни б'їв, н'їткó, змáгáют с'а, кáжут, шчo.. Та тáм ужє ворóжат! шчo пєршї хóт'ат т'їкáти с тóго, ис-выт цєркви. Йдúт ис паскáми, звóн'ат. Ус'ї колоколá, звóны вс'ї звóн'ат. Дúжє гáрно. Хóд'ат л'удє, фотограф'їруйут. Дáжє из Гермán'їйї прїхóд'ат, та фотограф'їруйут, йáк

В ту недєлю перед Пасхой, ну тепєрь заговєньє, то.. все, в сєреду, пятницу и понедєльник многїє постяся, едят постное. <И в понедєльник?> И понедєльник, на [дєнь] Ангєла-хранїтєля. И в сєреду и пятницу, а в ту недєлю перед Пасхой цєлую недєлю постное едят. Чай, картошку, такое только. Картошки мало у кого есть, тепєрь сєйчас нєт. Ну Пасху... В четвєрг на *Страстьє* идєм ночью в цєрковь. В пятницу выносят *грóбницю*, тожє плáшаницу, как говорят, и идєм в цєрковь на вечєрню. А в воскресєньє, в субóту ночью в двєнадцать часов начинаєся полу.. полунощница, потом так воскресєньє, служат утрєню. А потом освящєнїє куличєй, службу служат, обєдню. И освящєнїє куличєй, людєй полно у цєркви, такой большoй *горóт* [двор]. И ужє нє вмєщáются людї, ужє двумя рядами или трємя ставят куличї, так много народа повєрнулось к цєркви тепєрь. [...] бєгут пєрвыє, кто пєрвы́й, чтобы.. послєдним нє был, нїкто, старáются, говорят, что.. Да там ужє ворóжат! что пєрвыє хотят бєжãть оттуда, от цєркви. Идут с куличами, звонят. Все колокола, звоны все звонят. Очєнь красїво. Ходят людї, фотографїруют. Дáжє из Германиї прїезжáют и фотографїруют, как людї освящáют

⁶ О совпадении Благовещения и Пасхи см. [Толстая 2001: 491].

л'уде с'ат'ат пасхы, йак уже с'ашчѣнник [к'уп'йе], мы казали давно, с'атит файно. Йой, Бог знайе... Кажу, шчо кобѣ-м хот' раз гѣдна пуйтѣ до цѣркви, абѣ-м беровала. Так мен'ѣ вѣсело в цѣркви д'уже. Шчѣ тепе'рки... помѣлла дѣчка, не беруѣу йтѣ. Туман в голов'ѣ, паду ход' дѣ.

[...] (пе)чеме пасхы, так'ѣи прибран'ѣи вс'акыми хрестами, рѣзы, косиц'ами такыми приберайеме, в'инками, плетемѣ в'инки. Д'уже г'арн'ѣи пасхы печут. <реплика со стороны: Йаййчка та крас'ат.> Кѣ? Йѣ-йо, а йаййчка красиме, с'ыр, м'асло кладѣ с'а т п'ас'ц'ѣи, коли йдемѣ с'атитѣ. Ткѣ шчѣ м'айе. Ткѣ шчѣ м'айе, ттѣ с'атит. Мн'аса м'ало, с'ала м'ало, аш йѣ, аш нийѣ.. ну бо.. п'ише, шчѣ пос'атитѣ с'ыр, м'асло й йаййц'а, с'атитѣ с'а м'айут, нѣ, к'аже, «и прѣчи ййды». Ишчѣ й д'ругѣ й аш ткѣс' шчѣс' м'айе, а ссѣ в'же в'бов'йаскѣво. Часнѣк зелѣный, хр'ѣн' кладемѣ, тотѣ пер'выѣ р'ас йѣс' с'а на П'асху, абѣ л'уде ни хвор'ѣли. С'атимѣ й с'ул'... Нѣ шчѣ шче, д'ѣвки? Па.. д'а, д'а, та кладут, тко м'айе, й винѣ, дѣбре, бутылку кладут у кѣшик та с'ат'ат. Вс'ѣ, ткѣ шчѣ м'айе, лиш вѣтку н'ѣ, а винѣ йѣ. [...] (йайй)ц'а красиме, йѣи, давно.. иссѣжу ц'ѣлу н'уч, док в'ымал'уѣу йаййц'а, в'ыпишу. <А як?> Но вс'ак'ѣи кв'ѣты на ттѣ, кладемѣ зварѣитѣ йаййц'а, потѣму тѣпл'ѣи вѣском обмал'уѣеме, пак кладемѣ в краску, в'жѣ в йаку, в л'убу

куличи, как уже священник *купле*, мы говорили раньше, освящает красиво. Ой, Бог знает... Говорю, что если б я хоть раз смогла пойти в церковь, если бы была в силах. Так мне весело в церкви очень. Что теперь... умерла дочка, я не всилах ийти. Туман в голове, падаю где угодно.

[...] печем куличи, такие украшенные всякими крестами, розы, цветами такими украшаем, венками, плетем венки. Очень красивые куличи пекут. <реплика со стороны: Яички эти красят.> Что? Да-да, и яички красим, творог, масло кладется к куличу, когда идем освящать. Что у кого есть. Что у кого есть, то освящают. Мяса немного, сала немного, если есть, если нет... ну потому что... пишется, что освятить творог, масло и яйца, должны освящаться, ну, говорится, «и прочие еды». Еще и другое, если что-то у кого-то есть, а это уже обязательно. Чеснок зеленый, хрен кладем, это первый раз едят на Пасху, чтобы люди не болели. Освящаем и соль.. Ну что еще, девушки? На... да, да, и кладут, у кого есть, и вино, хорошее, бутылку кладут в корзинку и освящают. Всѣ, что у кого есть, только водку нет, а вино да. [...] яйца красим, ой, раньше просижу целую ночь, пока выкрашу яйца, выпишу. <А как?> Ну всякие цветы на это, ставим варить яйца, потом теплые воском обмажем, потом кладем в краску, уже в какую, в любую

краску. А пак.. то постойит там, уже в теплуи крас'ц'и йайц'а, потому ссуче-ме тот воск, тепле йайце ссуче-ме, воск изыйде, и лиш тоты кв'иты встанут с'а, б'ил'и, на йайц'ох. Та вже тепер лиш... [...] (й)айц'а.. но йид'ат, докы ни.. док с'а ни спорт'ат. А потому котр'и май ф'айн'и, та кладеме на.. абы стойали. На красу у.. сарван'т'и. Стойат. [...] д'ит'ом дар'ат, йак майе йак'ис', но, хр'есна мати вже, нанашка, йак мы кажеме, та дарит св'ойим хр'есным йайец', вад' б'ид'н'и с'ут, шчо ид'ут.. ид'ут ит ц'еркве, та дае-ме так'у мал'у пасочку р'обиме б'ид'ным, та дае-ме йайце, колач'а по-кладеме, йа колач'и н'и.. не л'убл'у с'а-тити, зач'им колач, кой там йе пасха. А так так'и мал'и паскы та дае-ме тым б'ид'ным, коло ц'еркви. Но дотепер ни б'ыло ком'у дав'ати, бо вс'и жили д'обре, а тепер ни зна'ю, вже в пр'ошл'ум роц'и б'ыло, б'ыло такыг б'ид'ных, шчо йшли прос'ити. А тепер уже нав'ерно б'де, мно-го такых, шчо ни б'д'ут мати.. пасхы. Выткы.. вз'ала-м м'ш'ок мукы за п'увд'руга мил'иона. Мил'ион с поло-винов. Тад.. назычила-м тоты гр'оши, а тепер жур'у с'а, йак выд'дам. Выд'дати [ш] мушу л'уд'ом.

[...] кошику ни б'ыло, корзинок, у ска'терти или в бесагах. Бесагы. Такый м'ш'ок, но на плеч'и розр'изаныи. Май мало того йе, та туйкы, то так'и ф'айн'и давно тк'али так'и м'шкы, та в тоты м'шкы кл'али, та на пл'ецох нес-

краску. А потом это постоит там, уже в теплой краске яйца, потом стираем этот воск, теплое яйцо оботрем, воск сой-дет, и только эти цветы останутся, белые, на яйцах. Ну уже теперь только... [...] яйца... ну едят, пока не... пока не испортятся. А потом которые самые красивые, кладем на... чтобы лежали. Для красоты в серванте. Лежат. [...] детям дарят, если есть какие-то, ну, крестная мать уже, *нанашка*, как мы говорим, дарит своим крестным яйца, или бедные есть, которые идут... идут к церкви, и даем такой маленький куличик делаем для бедных, и даем яйцо, пирог положим, я пироги не... не люблю освящать, зачем пирог, если там есть кулич. А так такие маленькие куличи даем этим бедным, около церкви. Ну до сих пор было некому давать, потому что все жили хорошо, а теперь не знаю, уже в прошлом году были, были такие бедные, что шли просить. А теперь уже наверное будет, много таких, у которых не будет кулича. Откуда... я взяла мешок муки за полтора миллиона. Миллион с половиной. И... набрала в долг эти деньги, а теперь беспокоюсь, как отдам. Отдать же я должна людям.

[...] Коробов не было, корзинок, в ска-терти [носили] или в *бесагах*. *Бесаги*. Такой мешок, ну на плечах разрезанный. Немного меньше этого, и здесь, это такие красивые раньше ткали такие мешки, и в эти мешки клали, и на спине нес-

ли паску, с'атіти до цёркви. А ват' у скатерти зав'язану, та.. ф прóстын'.

[...] [Если кто-то] с'а заблуділо в хашчи, та в нáз бра́ли с'в'ічку тоту́ шчо на Пáсху кладу́т коли́ с'ат'ат пасхы́, та ту́ с'в'ічку кла́ли.. бра́ли та йшли́ йс'кати... іли худóбу йаку́с', іли аж д'ітіна пропáла, шчо пропáло, та с то́в с'в'ічков ишли́ йс'кати. <Шо сячена на Великдень?> Ё́б, шчо с'ачéна на Вели́гден', на Пáс'ц'і. Бо вже с'ат'ат паскы́ та с'в'ічкы́ пáл'ат. Та тту́ с'в'ічку соко́тима на такé, дёржима в хáт'і.

[...] (ко)ло цёркви пáл'ат, пáл'ат, дéшчо.. [...] вáтру на Пáсху, ис субóты, в субóту увéчep'і. Запáл'ат вáтру, та така вáтра на вс'о село́ с'в'ітит, сі́лна. О́ндекы на дéбр'у йду́т на.. ид гóр'і выт хатій далéко. Та.. там иду́т, молод'óш изы́йде с'а, гра́й-ут с'а.. <реплика со стороны: И пуп идé.> С'ашчéнник идé, док трéба йті до цёркви, тай пуп идé там подівити с'а на молод'óш, шчо рóбл'ат. Нó вс'ак'і л'уде йду́т, дейáк'і с'ідáйут та дóвкола вáтры.. кáрты гра́йут с'а, котр'і карт'аші, тко́ чім занима́е с'а, ттáм тто́ й рóбит. [...] тóже там иду́т, хлóпц'і, вс'á молод'óш.

[...] дóвкола вáтры ку́л'ко йіх йé, та вс'і сид'ат. [...] Скáты з машин подéр'т'і так'і. Скáты, дéрево, сух'і так'і на.. напару́йуд, д'іти вже тепéр пару́йуд давнó. Д'іти, абы мáли шчо́ на вáтру кла́сти на Пáсху. Та везу́т скáты туды́,

ли пасхальный кулич, освящать в церкви. Или в скатерть завязанный, и в простыню.

[...] [Если кто-то] заблудился в лесу, то у нас брали свечку, ту, что на Пасху ставят, когда освящают куличи, и эту свечку ставили... брали и шли искать. Или скотину какую-нибудь, или если ребенок пропал, что пропало, то с этой свечкой шли искать. <Та, которая освящена на Пасху?> Да, что освящена на Пасху. Потому что уже освящают куличи и свечки зажигают. И эту свечку бережем для такого, держим в хате.

[...] около церкви жгут, жгут, что-нибудь... [...] костер на Пасху, с субботы, в субботу вечером. Зажгут костер, и такой костер на все село светит, сильный. Там вот на склон идут на... выше домов далеко. И туда идут, молодежь соберется, играют. <реплика со стороны: И священник идет.> Священник идет, как нужно идти в церковь, и священник идет туда посмотреть на молодежь, что делают. Ну всякие люди идут, некоторые садятся и около костра... в карты играют, которые картежники, кто чем занимается, там это и делают. [...] тоже туда идут, парни, вся молодежь.

[...] вокруг костра сколько их есть, все сидят. [...] Покрышки с машин драные такие. Покрышки, дерево, сухие такие на... наготовят, дети уже сейчас готовят давно. Дети, чтобы было у них что в костер класть на Пасху. И везут по-

кача́йут. Паца́н'н'а́. Їду́т попри́ р'іку, та нахо́д'ат ска́ту. [...] Та дымы́ пр'а́мо в не́бо йду́т, та стр'і́л'а́йут пото́му та́м д'іти, кладу́т патро́ны у ва́тру тту́, та та́к стр'і́л'а́йут, шчо́. Оде́н у на́з б'ыв ба́г'ушко та́кый, шчо́ дуже́ бойа́в с'а, коли́ стр'і́л'а́ли. «Закл'а́т'і бисте, – ка́же, – йа́к-исте стр'і́лили». [...] Ко́ли Христа́ распина́ли, та йевре́їи пали́ли ва́тру. Та в че́с' то́го й л'уде па́л'ат.

[...] У на́с ни полива́йут с'а на Вели́гден', у на́с иду́т полива́ти, мушчи́ны йду́т ха́та в.. <А чим поливати?> Во́до́в, хто́ одиколо́ном, тко́ водичко́в. Иде́, тко́ вже ма́йе сво́йих та́кых жи́нок до́брых, ну́, роді́ну йа́ку́с', та йду́т та полива́йут у ха́т'і, в поне́д'ілок мушчи́ны жи́нок, а у вуторо́к жо́ны йду́т полива́ти мушчи́н. Выдда́йут ім тто́. [...] На Вели́гден' у на́с, а долу́ туды́ на Йу́р'я́а, на пра́зник, на Йу́р'а полива́йут с'а, а в на́с на Вели́гден'. Пе́рв.. пе́рвый ден' н'е́, н'іхто́ так, а дру́гий поне́д'ілок та вуторо́к. Поне́д'ілок жу́н полива́йут, а вуторо́к жо́ны мушчи́н. А да́вно, да́вно та́ке твори́ли, Бо́же бо́роні́! Де́.. мушчи́ны йду́т, та ймн'а́йут жи́нок, та та́м бы́ла коло́ це́ркви та́ка ку́ча высо́ка, та беру́т та ве́ржут жо́нов на тту́ ку́чу, а жо́ны т'ічу́т, дру́г'і та та.. о́н' о́ндекы да́леко д го́р'і ймн'а́йут их. Го́р'і де́бр'ов т'ічу́т жо́ны, та́й вс'о́ равнó, ци дивкы́, та йму́т их мушчи́ны, [с'а] ма́й беру́е поб'ічи, та йму́т та с'ц'а́гнут, та в мла́ку та́м за́б'йут. Жу́н.

крышки туда, катят. Пацаньё. Идут к реке и находят покрывки. [...] И дымы прямо в небо идут, и стреляют потом там дети, кладут патроны в костер этот, и так стреляют, что... Один у нас был багюшка такой, что очень боялся, когда стреляли. «Чтоб вы были прокляты, – говорит, – как вы выстрелили». [...] Когда Христа распинали, евреи жгли костер. И в честь этого и люди жгут.

[...] У нас не поливаются на Пасху, у нас идут поливать, мужчины идут... <А чем поливали?> Водой, кто одеколоном, кто водичкой. Идет, у кого уже есть свои такие женщины хорошо знакомые, ну, родню какую-нибудь, и идут и поливают в доме, в понедельник мужчины женщин, а во вторник женщины идут поливать мужчин. Возвращают им это. [...] На Пасху у нас, а внизу там на Юрия, на праздник, на Юрия поливаются, а у нас на Пасху. Первый день нет, никто так, а второй понедельник и вторник. В понедельник женщин поливают, а во вторник женщины мужчин. А раньше, раньше такое творили, Боже сохрани! Где... мужчины идут, и ловят женщин, и там была около церкви куча высокая, и берут и бросают женщину на эту кучу, а женщины убегают, другие и... аж там далеко в гору ловят их. Вверх по склону убегают женщины, и всё равно, или девушки, и поймают их мужчины, [даже] кто хорошо может бегать, поймают и стянут, и в болотину там всадят. Женщин.

[...] Фтомина нед'іл'а приходит, то вже.. <А що треба робити?> А, на тот т'їжжен' ніч такé вже ни рóбл'ат, там на Фтомину нед'іл'у знóв ідúд до цёрк-ви так уже, йак об'їчно, хóд'ад до цёрк-ви, с'п'ївайут Фóми, слúжат. [...] Фтоми-ну нед'іл'у йдúт на цýнтар', та там слú-жат, парастас на цýнтар'ї, коло кáжзого грóба йдúт, пúп та там кадít ис кад'їл-ниц'ов, покадít вс'їх.. грóбы, вс'ýгды слúжат, с'п'ївайут, мóл'ат с'а. С'в'їчкы пáл'ат на вс'їх грóбáх. В'їнки кладúт, тко мáйе в'їтки возмóжнос'ц'... <Что?> В'їнки на хресты на грóб'ї кладúт. <А яки в'їнки?> В'їнки, так'ї, купúйт.. в'їнки, та кладúт. Тко гóден сáм соб'ї сплести, а тко... Берúт чатýну с смере-кы, так'ї в'їткы, та плетúт в'їнки. Ко-сїц'ї мáло. Аш молодый, та так'ї рáз'-н'ї ц'в'їты, аш старый, та сїн'ї так'ї кв'їты кладúт у тот в'їнок, та на хрест кладúт.

Троица, Иван Купала

[...] На С'атú нед'іл'у, на Трóйц'у. Солóмов, с'їном посыпáют полы вс'ýгды. Шчé и на склá л'їпл'ат листкы так'ї ис косїц', из л'убїст-ка. Нал'їпл'áют на склá листкы зе-лén'ї, с'в'їжі. Украшáют.. домá, на С'атú нед'іл'у, на Трóйц'у украшá-ют л'їшчїнов, де л'їскы, ор'їхы де рóд'ат с'а. А на (Й)вáндел', на Йвáна Крестїтел'а, на.. но так, на Йвáндел' у нас кáжут. Пéрет.. пóсл'ї Трóйц'ї. Та

[...] *Фтомина неділя* приходит, это уже.. <А что надо делать?> А, в эту неде-лю ничего такого уже не делают, там на *Фтомину неділю* опять идут в церковь так уже, как обычно, ходят в церковь, поют Фоме, служат. [...] на *Фтомино* воскресенье идут на кладбище, там слу-жат, поминальная служба на кладбище, около каждой могилы, идут, священник там кадит кадилом, покадит всех... мо-гилы, всюду служат, поют, молятся. Свечки зажигают на всех могилах. Вен-ки вешают, у кого есть возможность... <Что?> Венки на кресты на могиле ве-шают. <А какие венки?> Венки, такие, покупают венки, и вешают. Кто спосо-бен сам себе сплести, а кто... Берут хвою с елки, такие ветки, и плетут венки. Цветов немножко. Если молодой, то та-кие разные цветы, если старый, синие такие цветы вставляют в этот венок и вешают на крест.

[...] На *Святую неделю*, на Троицу. Соломой, сеном посыпают поля везде. Еще и на стекла прилепляют листочки такие из цветов, из любистка. Налеп-ляют на стекла листочки зеленые, све-жие. Украшают дома, на *Святую неде-лю*, на Троицу, украшают орешником, где орехи рождаются. А на *Ивандель*, на Ивана Крестителя, на... ну так, на *Ивандель* у нас говорят. Перед... после Троицы. И украшают на Троицу ли-

дес'.. б'ыло. У Й'вано-Франк'івс'ку. <А у вас такого не было?> У нас н'е.

[...] [На Ивана Купалу] ни сл'обудно б'ыло йт'и в р'ічку куп'ати с'а. Аж йак'а жар'а б'ыла, та ни м'ож б'ыло в р'ічку куп'ати с'а. На Й'вана Куп'ала [...] д'ев'йат'.. кам'ен'у м'етали в р'ічку ч'ерес плеч'е, й'ак'.. <На Ивана Купалу?> Н'о. «Ч'орте, в'ыйди з вод'ы, бо й'а йд'у в вод'у». М'етали кам'ін'н'а, ч'ерес пл'єчи. [...] ци д'ев'йат' кам'ен'у, тк'о.. ск'іл'к'і х'оче. Та пак к'аже: «Ч'орте, в'ыйди з вод'ы, бо й'а йд'у в вод'у», та йд'е тогд'ы лиш куп'ати с'а. [...] пр'аве. <Через правое?> Так пр'авов рук'ов м'ече. [...] Куп'али с'а до.. до.. у н'аз до по П'єтр'іх т'ам, но в нас м'ало куп'али с'а, бо в нас студ'єна д'уже вод'а з г'ор. [...] та т'ам до Їл'л'у, до Йил'їя куп'али с'а. А пот'ому р'ітко вж'є кол'і с'а куп'али д'о Богор'одиц'і, до дв'ацц'ит' в'ос'мог'=авг'уста.

Выгон скота

[...] так'і в'інкы на р'огы накл'адут кор'овам, в'інкы, кос'іц'і, й'ак жен'ут у полонин'у худ'об'у. <А як'і в'інкы?> С кос'іц'. Ис' ц'в'іт'у, вс'аких ц'в'іт'у в'ыплетут та на р'огы на.. прив'й'ажут, так'і г'арн'і кор'овы йд'ут у полонин'у. Тай и с полонин'ы тк'ос', д'ес' тк'ос' и прикраш'ав.. кор'ов т'оже так в'інками. [...] Кол'і выган'а'йут у полонин'у, т'ам ид'е на дв'а м'іс'ац'і ци на тр'і т'та худ'об'ина, кор'овы, та т'то вбер'айут у в'інкы, там ид'уд' д'івч'ата дойти,

где-то... было. В Ивано-Франковске. <А у вас такого не было?> У нас нет.

[...] [На Ивана Купалу] не позволялось идти на речку купаться. Какая бы ни была жара, нельзя было в речку [идти] купаться. На Ивана Купала [...] девять камней кидали в речку через плечо, как... <На Ивана Купалу?> Ну. «Черт, выйди из воды, я иду в воду». Бросали камешки, через плечо. [...] или девять камней, кто сколько хочет. И говорит: «Черт, выйди из воды, я иду в воду», и идет тогда только купаться. [...] правое. <Через правое?> Так правой рукой кидает. [...] Купались до... до... у нас до после Петрова дня там, ну у нас мало купались, потому что у нас холодная очень вода с гор. [...] И там до Ильи, до Ильи купались. А потом редко уже когда купались до Богородицы, до 28 августа.

[...] такие венки на рога навесят коровам, венки, цветы, когда гонят в полонину [на горные пастбища]. <А какие венки?> Из цветов. Из цветов, всяких цветов сплетут и на рога привяжут, такие красивые коровы идут в полонину. И с полонины кто-то, иногда кто-то и украшал коров тоже так венками. [...] Когда выгоняют в полонину, туда идет на два месяца или на три эта скотина, коровы, и украшают венками, туда идут девочки доить, ско-

скотар'кы тты, корóвы. А л'уде по двá-трí йдут пáсти ййх тáм ужé, в полонин'í. [...] Нó пастыр' идé, такый мушчíна, шчó догл'адáйе тоты корóвы, за ц'íлы́й дéн'. Сокóтит, та на вéчур женé до дóму, бережé та женé до дóму на вéчур, то кáжут сокóт'ат корóвы.

Строительство

[...] Начинáли хыжу стрóйити, на вс'íх чотыр'óх вуглáх клáли дорú, дорá, шчо в цéркви слúжит с'а проскомéдийа нат тым хл'íбом, та клáли у кáжзый [вугóл], тотó заверт'íли свéрдлом, í тáм заклáли с'ачéну сýл', дорú, часнóк. То дýже нáтвердо чóпиком таким заткáли ттó тáм. Та ходíли молíли с'а, на тум фундамéнтови, тák стрóйити начинáли.

[...] Дéрево такé закладáли, шчо дв'í сер'ц'á мáйе. Но бывáйе в дéрево-ви, в смерéц'í, дв'í сер'ц'á. Ну тотó ни слóбудно бýло закладáти в дóm. Бо тáм.. не везлó в тóму дóm'í.

[...] лиш ни мóж бýло заходíти спáти, дóкы не поклáли.. кóшку, чóрну к.. кóшку, котá чóрного в хáту. Тáм мýс'ив пёршу нýч чóрный кút ночовáти, в хáт'í. Такé ттó давнó бýло.

[...] Обов'йаскóво, йак ус'ó гáрно при-бéрут, икóны, вс'ó, хресты́ поклáдут, тод'í йдúт ф хáту, ночовáти.

[...] Хрéст клáли на хáту колí.. колí пуднимáли крýшу, тогдí хрéст стáвили. Такый хрéстик малéнкый, йак óнде у мéне йé. На хáту.

тарки эти, коров. А мужчины по двое-трое идут пасти их там уже, в полонине. [...] Ну пастух идет, такой мужчина, который смотрит за этими коровами, целый день. Стережет, а вечером гонит домой, охраняет и гонит домой вечером, это говорят *сокотит коров*.

[...] Начинали хату строить, на всех четырех углах клали просфору, просфора, что в церкви служат проскомидию над этим хлебом, и клали в каждый угол, это крутили сверлом [дырку], и туда закладывали освященную соль, просфору, чеснок. И очень плотно затычкой такой затыкали это там. И ходили молились, на этом фундаменте, так начинали строить.

[...] Дерево такое закладывали, у которого *два сердца* [двойная сердцевина]. Ну бывает в дереве, в елке, *два сердца*. Ну это нельзя было закладывать в дом. Потому что там не везло, в том доме.

[...] только нельзя было заходить ночевать, пока не поместили... кошку, черную кошку, коту черного в хату. Там должен был первую ночь черный кот ночевать, в хате. Так это раньше было.

[...] Обязательно, как всё красиво приберут, иконы, всё, кресты поставят, тогда идут в хату ночевать.

[...] Крест ставили на хату, когда возводили крышу, тогда крест ставили. Такой крестик маленький, как там у меня есть. На хату.

Ткачество, запреты

[...] Давно так было, с'їйали лён, колопн'ї. Тепер ни с'їюд, бо нийе. Шчо нийе ш чїм тто ктати.

[...] [*Костру*] в гр'аткаг, де садїли гр'аткы, цибул'у, ото таке, та там посыпали тто. [...] Но говорили шчо мушка ни бде йїсти, мушкарá, абы ни йїла, тым с'аченым посыпáли.

[...] На дергун'цї дер'гали го, на.. товкли такымы.. йак.. кликали, се вже й не мóжу с'а нагадати. Рас на тóму вѣбїли, а потóму на дергун'цї на такуй, шчо с самóго гвѣз'з'а зрòблено, на тым пере.. чин'али, розбивали тто. Так на кудел'у вїли та пр'али. [...] Но шїли испудне б'їл'ó.

[...] Пѣрвый понед'їлок п'їсл'а.. йак начинáйе с'а Великий пост. Та ни мóш пр'астї, ан'ї шїти, н'їчóго з ниткáми робїти. <А чому?> Кáжут, шчо червакы в молоцї рóбл'ат с'а, аш рóбл'ат из ниткáми тóй понед'їлок, – нó тто й прáвда бýло. <Было так?> Бýло, тто прáвда. Йá скотáрила коло.. дойїла-м у полонин'ї корóвы, та мáла-м шїс' корóв, йá шче малá бýла, в чотырнáццид' гóду йá дойїла там шїс'ц' корóв. Та в мéне ус'угды чїсте молоко, а в однойї жїнкы червакы. Йá так плáчу, нó ттá мáйе прїйтї за молоко́м, а там червакы. Ї вс'ó закрьїте, вс'ó.. гáрне, нó чистен'ке. Пришла вна за молоко́м, а йá так плáчу, шчо ни мóжу з нїв говорїти, кáжу: «Л'ена, шчо бýде? У вас у молоцї червакы, бер'їт мóйе молоко з

[...] Давно так было, сеяли лён, коноплю. Теперь не сеют, потому что нет. Что нечем это ткать.

[...] [*Костру*] в грядках, где сажали грядки, лук, такое, там этим посыпали. [...] Ну говорили, что мошка не будет есть, мошкара чтобы не ела, этим освященным посыпали.

[...] На *дергунке* [щети] его дергали, толкли такими... как называли, это я уже и не могу вспомнить. Сначала выбивали на этом, а потом на *дергунке* на такой, что из одних гвоздей сделано, на этом пере... дельвали, разбивали это. Так на кудель вили и пряли. [...] Ну шили нижнее белье.

[...] Первый понедельник после... как начинается Великий пост. Нельзя прясть или шить, ничего с нитками делать. <А почему?> Говорят, что червяки в молоке делаются, если работают с нитками в этот понедельник, – ну это и правда было. <Было так?> Было, это правда. Я *скотарила*... я доила на полонине коров, и у меня было шесть коров, я еще была маленькая, в четырнадцать лет я доила там шесть коров. И у меня везде чистое молоко, а у одной женщины черви. Я так плачу, ну она должна прийти за молоком, а там черви. И всё закрытое, всё... красивое, ну чистенькое. Пришла она за молоком, а я так плачу, что не могу с ней говорить, говорю: «Лена, что будет? У вас в молоке черви, возьмите мое молоко з

дому». Она засмеялась: «Н'ї, Ан'ко, – каже, – ни жури с'а тым. Йа знала, шчо в мене ссе майе с'а случити, бо йа, – каже, – забыла та в понед'їлок пошивала по Пушчан'у». [...] Ніч! Один рас учиніли с'а, а потому ни б'їли б'їл'ше. Один рас. Так'ї довгі, л'ачн'ї червак'ї л'їзали отак у молюц'ї, такé было страшнэ.

[...] Варвара... вус'їмн'їц'ятого грудн'а. Перед Ник'ул, Савы, Варвары, Ник'олы, Анбр'осія, но с'ї дн'ї не.. ни м'ож было пр'асти. <А чому?> Ни зна'їу, чо'го запр'їчали. Т'о стар'ї л'уде ни давали т'т'о роб'їти. [...] Ни казали, лиш.. ни зна'їу, в ч'ес' чо'го тот'о.. ни дозвол'али пр'асти. Так, ш'обы ни было йако'їис' пр'їшты, д'ома ш'ч'ос' ни ст'ало с'а поган'ого. Выт т'ого сокот'їли.

[...] А та т'т'о казали, шчо.. нидо-роблено ни вставл'ати, бо.. ш'о там было... На базар'ї п'їйдеш, та ни бд'ут выт т'а купов'ати ніч.

Утварь

[...] в нас т'о.. кол'ї помр'е л'уд'їна та нес'ут ужé т'їло, іс х'аты. Та дол'у – т'то в нас нийé, айбо на с'їх с'елах, дол'у, йé, шчо розбива'їут тар'їлку. <То в яких с'елах?> А в Калинах-им б'їла на похорон'ї. Та там розб'їли тар'їлку, яг заб'рали ба'пку с х'аты. А в нас т'ого нийé.

[...] Та вдн'о д'ержат кор'їто спиц'ї-ално лиш п'асху м'їс'їти, бурш н'їчо'го з ним ни робл'ат.

дому». Она засмеялась: «Нет, Анько, – говорит, – не беспокойся об этом. Я знала, что у меня это должно случиться, потому что я, – говорит, – забыла и в понедельник шила после *Пушчя* [заговенья]». [...] Ничего! Один раз сделали, а потом их не было больше. Один раз. Такие длинные, страшные черви ползали так в молоке, такое было страшное.

[...] Варвара... восемнадцатого декабря. Перед *Николами, Савы, Варвары, Николы, Анбросия*, ну в эти дни не... нельзя было пряхть. <А почему?> Не знаю, почему запрещали. Это старые люди не давали это делать. [...] Не говорили, только... не знаю, в честь чего это... не разрешали пряхть. Так, чтобы не было какой-то неожиданности, дома чего-то не случилось плохого. Этого опасались.

[...] А это говорили, что недоделанное не оставлять, потому что... что там было... На базар пойдешь, и не будут у тебя покупать ничего.

[...] у нас это... когда умрет человек и выносят уже тело из хаты. И ниже – этого у нас нет, но в этих селах, ниже, есть, что разбивают тарелку. <Это в каких селах?> А в Калинах я была на похоронах. И там разбили тарелку, когда забрали бабушку из хаты. А у нас этого нет.

[...] И одну держат дежу специально только для того, чтобы тесто для пасхального кулича месить, больше ничего с ней не делали.

[...] [Ложки] не лишáли у.. горшкú на нуч, бо казáли, шчо спáти ни мój. Тотú.. н'íчов, коли лышка встайé с'а в горшкú. Нý допус'ц'ím йá óнде горнец' майу та лышки в мéне. Та на нуч выберáйу, абí-м моглá спáти.

Демонология

Донбасский домовой

[...] Дочкá была в Домбáсах, тáм [йí] сказáла йакáз' бáба. Шчо домов[йí]й тáм на квартíр'í, дé вни жíли. Нó й д'íйсно, казáла мóйа дочкá пок'íйна, шчо кúл'ко гл'áнула в ночí на óболок, í в'íd'íла тáм йакúс'.. бáбу стойáти. Йакóгос' т'íпа в'íd'íла стойáти. Вонá кáже: «Л'íгáй в дрúгый, – бáба йуý, старá такá, рус'ка. – Л'íгáй в дрúгый конéз' головóв, куды нóгы, туды гóлув кладí. Ни бдéш бурш в'íd'íти. И держí на сóб'í трусý нá.. нáрубы». [...] или рубáшку, шчóс' нáрубы трéба бýло мáти.

Женщина-волколак

[...] шчо жíнка перебрóшовала с'а на вóвка. <А як то было?> Но та тák, то такýй бýв момéнт, шчо внá ставáла вóвком. <А який то момент?> У ночí. В ночí, в вопуночи стáне вóвком... Потóм йí дúже вбíли бýли. Убíли йí бýли л'úде. Ужé взнáли, шчо внá перекидыáе с'а на вóвка. Пак тák йí убíли бýли, шчó. [...] Íшла та кусáла! Л'удíй! Кусáла. [...] перек[йí]-

[...] [Ложки] не оставяли в горшке на ночь, потому что говорили, что спать невозможно. Эту... ночью, когда ложка остается в горшке (кастрюле). Ну допустим у меня здесь горшок есть и ложки у меня. И на ночь вынимаю, чтобы я могла спать.

[...] Дочка была в Донбассах, там ей сказала какая-то баба. Что домовый там на квартире, где они жили. Ну и действительно, говорила моя дочка покойная, что только глянула ночью на окно, и увидела, что там стоит какая-то баба. Видела, что стоял какой-то тип. Она говорит: «Ложись в другой, – баба ей, старая такая, русская. – Ложись в другой конец головой, где ноги, туда голову клади. Не будешь больше ее видеть. И держи на себе труссы наизнанку». [...] или рубашку, что-то наизнанку нужно было иметь.

[...] что женщина превращалась в волка. <А как это было?> Ну так, такой был момент, что она становилась волком. <А какой это момент?> Ночью. Ночью, в полночь станет волком... Потом ее сильно избивали. Избивали ее люди. Уже узнали, что она превращается в волка. И так ее избивали, что. [= очень сильно]. [...] Шла и кусала! Людей! Кусала. [...] Превращалась, и ее пой-

довала с'а, та йийі йміли, та здёрли з нэйі кóжу тоту́, шу́бу такú, та спали́ли. Бúрше ни перекы́довала с'а. Но каза́ли, шчо так тотá тр'ішчала́, так шу́ба кой гор'іла, та кóжа вóвча на н'у́й была. То з нэйі з'н'али бы́ли, ни зна́йу, пра́вда ци нипра́вда, бо тто́ шче бы́ло до мóйойі.. т'амкы. [...] Тогды́ упóзнали, шчо тто́ котра́ жінка с'а перек[і́]-довала на вóвка. [...] Лиш так наби́ли! Зделли шку́ру, она просі́ла с'а «Ни бийте н'а», та зделли з нэйі тту́ шку́ру та спали́ли. [...] То давнó туй бы́ло, ни зна́йу, пра́вда ци нипра́вда, така́ поговорка́ бы́ла.

Годованець

[...] Туйкы в одно́го... так н'іко́ли в но́чі ни замыка́ли ха́ту. Лишáли откры́ту. Та д'ітіна ма́ла, хлопчиг бы́в, – то́ быв хлопчик му́й двойор'ідный брат. Та на вéчур найів с'а часныку́. А в но́чі ткóз' заходит, йакес' малé такé в ха́ту. Дівит с'а ба́ба – то́ з рога́ми. Прийшо́в ит хлопц'ови, так спáв за по́с'ц'іл'[y]. «Гéх', – ка́же. – Найі́в-ис' с'а часныку, встих-ис' ни йісти часныку́, то́ бы бы́в бы́в му́й тепе́р». И так пушо́в то́т, ис ха́ты чо́рт, долú вулиц'ов. А там у д'іда бы́ли хлопц'и в ха́т'і, та поді́вили с'а, куды́ пуйде, та пак там до вдно́йі жоны́ пушо́в тако́йі, шчо каза́ли, шчо вна́ го вы́ключила. Вз'ала, кури́ца йак изне́се такé малéньке йайі́чко, тто́ малé, та дэ́в'яд'

мали, и содрали с нее кожу эту, шубу такую, и сожгли. Больше не превращалась. Но говорили, что так эта трещала, так шуба когда горела, эта кожа волчья на ней была. Это с нее сняли, не знаю, правда или неправда, потому что это еще было до моей памяти. [...] Тогда узнали, что это которая женщина превращалась в волка. [...] Только так избили! Содрали шкуру, она просилась «Не бейте меня», и содрали с нее эту шкуру и сожгли. [...] Это давно здесь было, не знаю, правда или неправда, такая *поговорка* была [= рассказывали такое].

[...] Здесь у одного... так никогда ночью не запирали хату. Оставляли открытой. И ребенок маленький, мальчик был, – это был мальчик мой двоюродный брат. И вечером наелся чесноку. А ночью кто-то заходит, какое-то маленькое такое в хату. Смотрит баба – оно с рогами. Подошел к мальчику, так спал за постелью. «Эх, – говорит. – Ты наелся чесноку, не наелся бы ты чесноку [букв.: удалось бы тебе не есть чесноку], был бы ты мой теперь». И так пошел тот, из хаты черт, вниз по улице. А там у деда были парни в хате, и посмотрели, куда пойдет, и потом там к одной женщине пошел такой, что говорили, что она его высидела. Взяла, курица когда снедет такое маленькое яичко, это малень-

днў держала, на печи сид'іла, за п'ічов, та держала дэв'яд' днў пут плечом тотó йайцэ, нэ мбыла с'а й ни йіла, лиш шчос' máло на вéчур. Та.. выключила ббыла чóрта. То й так тóго чóрта клікала, Вайдішином йакымос'. [...] знэсла йайцэ, а жінка вз'ала пут плечэ, та держала ттó дэв'яд' днў, дэв'ят' нóчий пут плечом йайцэ. С тóго выйшов чóрт, йайц'а. [...] Ббыла вдна жінка туй. Та, шчо хóт'іла máти свóго слугу. Така ббыла зл'ука ттá жінка. Хóт'іла máти свóго слугу! Шчó вона му казала, ттó вун робів. [...] выключила йайцэ, гóворили л'уде: «Йó! Выключила, ги Вайдиха». Чóрта. [...] Шчó робів? Ббыло так, шчо.. гé д'іти máли.. епел'іпс'ійу. Та казали, шчо ттó выд нéго. И в ййх родин'и ишчé й зáрас ведé с'а ттá пел'іпс'іа. [...] Вобыкновénного йак мал'уйут чóрта, та такый вун выгл'адав. Малéнкый, чóрный, рогáтый. С хвостом. [...] Чóрт.. кынув с'а колі го Христос выган'ав іс.. чолов'іка, котрый ббыв б'існовáтый. Та Христóз го выгнав, а вун кынув с'а межи свін'и. Ї вс'і свін'и загнав у мóре. Вун велику влáс'ц' мав искушáти л'удий. Но котрый чолов'ік Бóга бойáв с'а, шчо в'ірив у Бóга, до тóго ни мұх с'а до.. коснұти.

[Тот же рассказ в другой день:] Така.. бáба. Шчó выключила.. соб'і чóрта, дэв'яд' днў держала йайцэ, такé малéнке йак знэсе кúриц'а, малé такé, шчó го выбрашуйут. А вна вз'ала, та ттó пут

кое, и девять дней держала, на печи сидела, за печью, и держала девять дней под мышкой это яйцо, не мылась и не ела, только что-то немножко вечером. И... высидела черта. И так этого черта и звали, Вайдишином каким-то. [...] снесла яйцо, а женщина взяла под мышку и держала его девять дней, девять ночей под мышкой, яйцо. Из того вышел черт, яйца. [...] Была одна женщина здесь. Та, что хотела иметь своего слугу. Такая была злока эта женщина. Хотела иметь своего слугу! Что она ему говорила, то он делал. [...] высидела яйцо, говорили люди: «О! Высидела, как Вайдиха». Чёрта. [...] Что делал? Было так, что... вот у детей была эпилепсия. И говорили, что это от него. И в их семье еще и сейчас водится эта эпилепсия. [...] Обыкновенного как рисуют чёрта, так он и выглядел. Маленький, черный, рогатый. С хвостом. [...] Черт... двинулся, когда его Христос выгонял из человека, который был бесноватый. И Христос его выгнал, а он двинулся меж свиной. И всех свиной загнал в море. У него большая власть была искушать людей. Но который человек Бога боялся, верил в Бога, к тому [черт] не мог прикоснуться.

[Тот же рассказ в другой день:] Такая баба. Что высидела себе черта, девять дней держала яйцо, такое маленькое когда снесет курица, маленькое такое, что его выбрасывают. А она взяла,

плечом держала, пуд л'вым, за дев'яд днү. Но дев'яд днү.. не кұшала, лиш водічк(у) піла, та ни м'бла с'а, н'і че-сала, н'і ніч, сид'іла на печі та ттo клочила. У дев'яд днү в'йшов чорт ис того яйц'а. Но, в'ін так йийі слухав, шчо она.. приказовала му, ттo вун ус'o робив. Тот. И такій мален'кий б'в, ун настойа.. тотo мойа даже бабушка го в'ід'іла. В'ід'іла.. <А шчо робив тот маленький?> Тот мален'кий шчо робив. У бабушки хлопчик такій б'в – ну най [с']с'а не приказуйе, – йак наш Вас'ко. А тот хлопчик спав так на лавици за крават'ов. А там в'іс'ів часнок у бабы, та так йак н'іколи тот пацанчик уз'ав та найв с'а того часныкү. А вні то в вечер'і ни закрывали таг двер'і, йак тепер уже мы закрываеме на н'іч двер'і. Запелли так лиш.. без замка. Заходит.. м'іс'ачно, с'в'ітла ни было так йак тепер', лиш при лампах. Заходит také малышатко до хыш. Бабушка с'а з'л'акала, шчо ссе зайшло, каже она: «Тко ты? Чий ты?» – «Йа Вайдішин», – каже. А туй одну бабу, тотү.. тотү бабу звали, шчо го выключила. Вайдихов. «Та шчо ти треба?» – «Ніч». Та на того малыша, там йак спав за крават'ов, – нагнув с'а: «Ой, ты ни муй, – каже, – ты часныкү нажер с'а. Ты ни муй». И так пропав тот. Но.. вс'o ж баба така была мойа.. бодра, шчо.. м'іс'ачно, вон дуже лунно было. Йак в'ін пушов с хаты, она пушла дивіти с'а, куды тот

и это под мышкой держала, под левой, в течение девяти дней. Ну девять дней не ела, только водичку пила, и не мылась, не причесывалась, ничего, сидела на печи и это высиживала. Через девять дней вышел черт из этого яйца. Ну, он так ее слушался, что она приказывала ему, то он всё делал. Этот. И такой маленький был, он настоя... это моя даже бабушка его видела. Видела. <А что делал этот маленький?> Этот маленький что делал. У бабушки хлопчик такой был – ну *най ся не приказує* [формула берега], – как наш Васко. А тот хлопчик спал так на лавке за кроватью. А там висел чеснок у бабы, и на редкость этот пацанчик взял и наелся этого чесноку. А они это вечером не запирали так двери, как теперь уже мы запираем на ночь дверь. Закрыли так только... без замка. Заходит... луна светит, света не было так, как теперь, только при лампах. Заходит такой малыш в хату. Бабушка испугалась, что это зашло, говорит она: «Кто ты? Чей ты?» – «Я Вайдихин», – говорит. А здесь одну бабу, эту... эту бабу звали, которая его высидела. Вайдихой. «Да что тебе нужно?» – «Ничего». И над тем малышом, там что спал за кроватью, нагнул: «Ой, ты не мой, – говорит, – ты чесноку нажрался. Ты не мой». И так пропал он. Ну... всё же бабушка такая была моя бодрая, что... луна светит, на дворе ярко светила луна. Как он вышел из хаты, она пошла смот-

пацáн пуйде. Ї пр'áмо до тóйї бáбы, до Вайдíхы, йак вун казáв, шчо вун Вайдíшин. Но у нíх ус'á йíх сiм'йá хвор'ийут епел'iнс'ийов. То вжé, йак у нáс кáжут, лихýй чáс мáйут. Ус'и у йíх родiн'и. Шо вс'ó повл'ийáло на йíх родiну, тóт.. дийáвол. [...] На тý Вайдíшину! На ттý, котрá го выклучила. На ттý. Ишче дáже и тепér по.. поговóрка такá йе – «Айó, чóрт Вайдíшин, – кáже, – тý чóрт Вайдíшин». Шче й тепér ттó споминáйут л'уде. <А де та бáба жила, в Мокрой?> Туй, втуй ниже мóста туй долý жiла, ттá бáба. <В Мокрой.> Агá. И тáм мóйа бáба жiла, почтi у сус'идах жiли.

Нечистая сила ночью

[...] У ночi.. вбыкновéнно перек[и]-дуйе с'а шчóс', л'удий перестревáло, кун' йакыс'... <Як?> Кун'. У вопúночи, йшли л'уде давнó на робóту, та кун', та не мóжут перед нiм пруйтi через вóлиц'у. Док не нáчнут с'а молiти. Йак с'а нáчнут молiти, тогдý тóт кун' ишчезáв. [...] с'ц'инóв вёрло такóв, шчо ни моглi пруйтi н'ийáк. С'ц'инý такý поклáло на вóлици, шчо ни моглi л'уде пруйтi на робóту. Давнó йшли п'iшкóм, по триццит' – по сóрок кiломéтру, та трéба бýло ц'iлу нýч iтi, у нед'iл'у, абý на рáно на понед'iлог бýли на робóт'и, бо.. карáли, аш ни бýв вóвремн'а на робóт'и. Та переставáло л'удий такé нипéвне. [...] л'уде ужé привыкли бýли до тóго, шчо нáчнут

реть, куда этот пацан пойдет. И прямо к той бабе, к Вайдихе, как он говорил, что он Вайдишин. Но у них вся их семья болеют эпилепсией. Это уже, как у нас говорят, *лихый час мают*. Все в их семье. Что всё повлияло на их семью, этот... дьявол. [...] На эту Вайдишину! На эту, которая его высидела. На эту. Еще даже и теперь поговорка такая есть – «Ай, черт Вайдишин, – говорят, – ты черт Вайдишин». Еще и теперь это вспоминают люди. <А где жила эта баба, в Мокрой?> Тут, вот тут ниже моста тут внизу жила, эта баба. <В Мокрой.> Ага. И там моя бабушка жила, почти по соседству жили.

[...] Ночью... обыкновенно превращается что-то, людям преграждало путь, конь какой-то. <Как?> Конь. В полночь, шли люди раньше на работу, и конь, и не могут из-за него пройти через улицу. Пока не начнут молиться. Как начнут молиться, тогда этот конь исчезал. [...] Стену бросило такую, что не могли пройти никак. Стена такая сделалась на улице, что не могли люди пройти на работу. Раньше шли пешком, по тридцать – по сорок километров, и надо было целую ночь идти, в воскресенье, чтобы утром в понедельник быть на работе, потому что наказывали, если не был вовремя на работе. И преграждало путь людям, такое *непевное* [нечистая сила]. [...] люди уже привыкли к этому, что

моли́ти с'а, тто пропада́йе. Ишчеза́йе. [...] (Обык)новѐнный кун'. Но вни вид'ат йего йак кон'ом у но́чи. А ни вид'ат, йак вун выгл'ада́йе. Бо тѐмно. [...] вы́тки вун б́ыв. То йа шче ма́ла бы́ла тогды́, слухала-м, йак л'уде го-вори́ли. [...] Б'́лый. Б'́лый кун'. Б'́лый кун'.

[...] Так на́ша, мо́я Ири́на пок'йна. А вни туй, сус'ітка ма́ла туй сара́й. Во́з'л'і на́шого.. до́ма. Сара́й б́ыв. А д'івча́та, в ни́г бы́ло тро́йе д'івча́т, та шлі́ на нуч.. спа́ти в то́т сара́й, там хло́пц'і д ним приході́ли, но й мо́я И́ра вже та́ка бы́ла д'івчина, ма́ло май ма́ла йак Л'ѐна. Та воні́ все йийі.. пригласа́ли д ним спа́ти в сара́й. А до́шч б́ыв та́кый, те́мна-те́мна н'іч. А И́ра, туй шче кор'ідо́ра в ме́не ни бы́ло, та́к йак тепе́р, вера́нды се́йі. Ай лиш та́к. А И́ра... У ме́не б́ыв одѐн л'існичий на квар-тір'і, а И́ра д́ивит с'а в обо́лок – коли́ вже тты́ д'івча́та прійду́т ф хл'ів то́т спа́ти, в сара́й, тогды́ и вна́ хо́че йти́. Йа ка́жу: «Ири́нко, ни йди́ ты н'ікуды тепе́р у с'ум ви́хрови туды́ спа́ти». А л'існичий уже спа́в, го́споди. А И́ра ни слуха́йе ме́не. Д́ивит с'а, коли́ д'івча́та прійду́т. Та коли́ шчо́с', ка́же, лиш ру́ку ув'ід'іла, йак йі ручи́шчов гру́бов хо́т'іло ухва́тити за волос'а. Шчо́ тотá зрева́ла бы́ла та́к, шчо л'існичий схопив с'а: «Шчо́, Ири́нко, с тобо́в, шчо́ с тобо́в?» – «Йой, йакы́с' н'а д'ідо хо́т'ів т'агну́ти, – ка́же, – у кор'ідо́р че́рес.. в'і-

начнут моли́ться, это пропа́дет. Исче-зает. [...] Обыкновенный конь. Ну они видят его так, будто конь, ночью. А не видят, как он выглядит. Потому что темно. [...] откуда он был. Это я еще маленькая была тогда, слушала, что люди говорили. [...] Белый. Белый конь. Белый конь.

[...] Так наша, моя Ирина покойная. А у них здесь, у соседки был здесь сарай. Возле нашего дома. Сарай был. А девочки, у них было трое девчат, шли на ночь спать в этот сарай, там хлопцы к ним приходили, ну и моя Ира уже такая была девушка, немножко моложе Лены. И они всё время ее приглашали к ним спать в сарай. А дождь был такой, темная-темная ночь. А Ира, здесь еще коридора у меня не было, так, как сейчас, веранды этой. А только так. А Ира.. У меня снимал угол один лесничий, а Ира смотрит в окно – когда уже эти девочки придут в хлев тот ночевать, в сарай, тогда и она хочет пойти. Я говорю: «Иринка, не ходи ты куда сейчас в таком вихре туда ночевать». А лесничий уже спал, господи. А Ира не слушает меня. Смотрит, когда девочки придут. Так вдруг, говорит, только руку увидела, как ее ручищей грубой хотело схватить за волосы. И она закричала так, что лесничий вскочил: «Что, Иринка, с тобой, что с тобой?» – «Ой, какой-то дед хотел меня утянуть», – говорит, – в кори-

кно́». Но́. Но́ та пак уже́ ни пушла́ н'і-кúды, вже́ л'агла́ ми пуд б́ук тай бойáла с'а вже́ й сама́ спáти в крава́т'і.

Но́, то́го было́ мно́го тако́го. Нипéв-ного, йак у нас ка́жут. Але́.. так йа з мона́хом одні́м.. говори́ла. Ка́же, тепéр уже́ то́го нийé, бо вже́ вс'і нипéвн'і. Бо́гу ни мо́л'ат с'а, ни слúжад Бо́гу. Уже́, ка́же, вс'і ста́ли так'і йак нипéвн'і, вже́ тепéр н'ішчо нипéвного бойáти с'а, ай пéвного, живы́х, ка́же, вже́ трéба бойáти с'а. Тод ба́т'ушка ми роска́зу-вав. [...] Вúн тúй у нас служы́в, бо с'а-шчénнику ма́ло бы́ло, та вúн у нас слу-жы́в у цéркви. Ка́же... <А откуда́ он сам родом?> У-ун.. вúн с.. иш Чумáл'ова б́ыв, Хúс'кого райо́на. То́т мона́х. [...] З Їзы. Не́ ш Чумáл'ова, з Їзы. Їза, село́ за Хúстом.

Быличка о музыканте

[...] Одна́ д'івчина в Вул'хúвц'ох с'а зав'ісила́ бы́ла. Та ма́ти йийі́ дúже пла́кала. За то́в д'івчинов, йак ма́ти, та мо́лила с'а, та.. По́пум платі́ла, абы́ с'а за н'ú мо́лили. А вдén быв музи-ка́нт, дúже такы́й фа́йный музикáнт. Пришо́в ис свáл'бы, з Лопухóва, та с'ів, в Вул'хувц'óх вúн жы́в, та с'ів: «Йóй, – ка́же, – жы́нко, йакы́й йа фа-радны́й, йак йа встáв». Та вна́ да́ла му й'істи, жы́нка, дывит с'а – йде́ йакы́с' пан, до нй́х, попут ха́ту. Но́ сéс' уже́ и напу́див с'а, шчо за нй́м іде́, да́ле йті гуслáти. Пришо́в. Но́, «В п'я́тниц'у

дор через окно́». Ну.. Ну и она́ уже́ не пошла́ никуда́, уже́ легла́ мне под бок и боя́лась уже́ и одна́ спáть в кровати́.

Ну, этого́ было́ мно́го тако́го. *Не-певного* [нечистого], как у нас говорят. Но... так я с монахом одним говори́ла. Говорит, теперь́ уже́ этого́ нет, потому́ что уже́ все *непевные*. Богу́ не молятся, не служат Богу́. Уже́, говорит, все стали такие, как *непевные*, уже́ теперь́ нечего *непевного* боя́ться, а *певного*, живых, говорит, уже́ надо́ боя́ться. Этот батю́шка мне рассказы́вал. [...] Он здесь у нас служил, потому́ что священников было́ мало, и он у нас служил в церкви. Говорит... <А откуда́ он сам родом?> О-он... он из Чумалéва был, Хустского райо́на. Этот мона́х. [...] Из Изы. Не из Чу-малéва, из Изы. Иза, село́ за Хустом.

[...] Одна́ девушка́ в Ольховцах по-весилась. И ее́ мать сильно́ плакала. О той девушке́, как мать, и молилась, и... Священникам платила, чтобы́ за нее́ мо-лились. А один был музыкант, очень такой хороший музыкант. Пришел со свадьбы, из Лопухова, и сел, в Ольховцах он жил, и сел: «Ой, – говорит, – женщи́на, какой я усталый, как я устал». И она́ дала́ ему́ поесть, женщина́, смот-рит – идет какой-то пан, к ним, к хате. Ну́ этот уже́ и испугался, что за ним идет, дальше́ идти́ играть. Пришел. Ну, «В пятницу́ ты должен́ быть у нас,

ма́йеж бы́ти в на́с, гус'л'а́ти». – «Йа́ лиш тепе́р пришо́в, у четве́р сва́л'бу ігра́в у Лопухо́вум, йа́ тепе́р пришо́в, йа́ ни беру́йу, хлопці́, йа́ ни йду́ н'і-где́ гус'л'а́ти, йгра́ти». – «А му́сиш, а́ш ни йде́ш, лі́хо ти бде́». Но́ тай шчо́. Гро́ший вы́тяг, да́йе му – «Ни тре́ба ми ва́ших гро́ший, н'і ні́ч». То́ йего́ шча́с'ца́ бы́ло, шчо́ ву́н ни вз'ав, вы́т то́го дийа́вола, а тто́ быв чо́рт. Гро́ші. Іде́ вун – «Та та́м і та́м на́ша ха́та». Но́ то́т туды́ зна́йе сво́йі зе́мл'і вс'і, ву́н не розум'і́е с'а, ні́ч, то́т чолов'і́к, іде́ та йде́. Ра́з диві́т с'а – б'і́жид д'івчина́ навстре́чу му – то́та шчо́ с'а заві́сила. «Йой, – ка́же, – йде́ш на сва́л'бу гус'л'а́ти?» [...] Д'івчина́ ка́же: «Иди́ не-бо́ре та гус'л'а́й йим та́к, йаг бду́т ка-за́ти. Бо йа́ з ні́ми, – ка́же, – бо йа́ с'а заві́сила, та йа́ сво́йу ду́шу преда́ла чо́рту. Гус'л'а́й фэ́ст, і гро́ші а́біс' у ні́х не бра́в». Но́ та́к вун і зробі́в. Пу-шо́в, но́ йгра́в ці́лу ну́ч, та коли́ тто́ за-чало, вы́д дэ́в'яг ча́су на ве́чур, исхо-ді́ти с'а, то́ты дийа́волы́ вс'і. У то́ту ха́ту, а ву́н пото́му то́йі ха́ты ни зна́в, н'і до́ты н'і пото́му. Де́ тто́ бы́ло. Но́ а йа́к когу́т зап'ів, то́то за́чало шче́зати́ с хы́жі вс'о́. И в'ін.. до дн'а́, до б'і́лойі дні́ны досі́д'ів, абы́ в'ід'ів, куды́ йті́, та пришо́в, а та́м йакэ́с' о́зеро, шчо́ н'і́гда ни в'ід'ів то́го о́зера. У груні́ дес'. А вз'ав та сво́йі скри́пки на кол'ін'і поло-мі́в, та ве́р у тто́ о́зеро. Та ка́зав, шчо́ та́к то́то о́зеро... скри́пка то́та шче́ ув

играть». – «Я только сейчас пришел, в четверг свадьбу играл в Лопухове, я только что пришел, я не могу, хлопцы, я не пойду никуда играть». – «А придется, если не пойдешь, худо тебе будет». Ну что делать.. Деньги вынул, дает ему – «Не надо мне ваших денег, ничего». Это его счастье было, что он не взял, от этого дьявола, а это был черт. Деньги. Идет он – там-то и там-то наша хата. Но тот там знает свои земли все, он не ориентируется ничего, этот человек, идет и идет. Вдруг видит – бежит девушка навстречу ему – та, что повесилась. «Ой, – говорит, – идешь на свадьбу играть?» [...] Девушка говорит: «Ох, иди и играй так, как будут говорить. Потому что я с ними, – говорит, – потому что я повесилась, и я свою душу передала чёрту. Играй во всю мочь, и деньги у них не бери». Ну так он и сделал. Пошел, ну играл целую ночь, и когда это начало, с девяти вечера, сходиться, эти дьяволы все. В эту хату, а он потом этой хаты не знал, ни до того, ни потом. Где это было. Ну а когда петух запел, это начало исчезать из хаты всё. И он... до дня, до белого дня досидел, чтобы видеть, куда идти, и пришел, а там какое-то озеро, что он никогда не видел этого озера. На горе где-то. А он взял свою скрипку и сломал об колено, и бросил в это озеро. И говорил, что так это озеро... скрипка эта еще в озере играла

óзер'і гра́ла л'áчно, шчо ни мóж б'ýло й сл'úхати. В'ýн в'ёр та тák т'íкáв в'ытты. Шчо в'ýн б'ýрше ни хóт'ів иті на свáл'бу. Í та д'івчина му казала: «Б'ýрше н'íкóли ни йді.. осторóжно. Б'ýрше н'íкóли ни йді іс субóты на нед'іл'у.. гра́ти, бо ттó вели́кий гр'íх». Но́ в'ýн уже потóму ни ход'ів н'íйáк, н'í в субóту, н'í.. н'í в йáк'і дн'ы. Бойáв с'а вжé ход'іти.

Чем пугали детей

[...] Йó, или.. ишла́ д'ес' л'уд'ина, йó, п'ёрвый рáз д'ес' у л'ís – «Иди́, тáм бд'еж д'ída шмарко..», д'івц'і казáли, шчо д'ída сóмплавого бд'еш ц'íл'овáти, а мáлчику та – «Бáба сóмплава, бд'еш йі ц'íл'овáти, лиш иди́ туд'ы», пугáли, абы тó.. д'іти ни йшли́ в л'ís. Бабáми та д'ídaми. Сóмплавыми. [...] Пугáли йих, шчо медв'ít' тáм, ци вóвк, ци шчó, ни мóш иті в л'ís. Нáш і теп'ёр мал'ый: «Йá ни йд'у, бо тáм вóвк, у л'ísу, йá ни йд'у», – кáже, Вас'кó.

[...] аш ишóв, та пугáли, шчо втóпит с'а, втóне в р'іц'і. «Та умр'еш тай гóтóво, ни йді до р'іц'і». Пугáли т'ым.

Ворожба

[...] У нáс у сел'і то так'ым, ч'уйете, ни занимáли с'а, у нас р'ítко так'ыми д'ес' тко́ знáв шчóс' ворóжити. У нáс у сел'і, но́ Лопухóво вже на сс'е, і Кáлины д'уже б'ýли.. прослáвлен'і, шчо ворóжити знáли. Забобóны вс'áк'і. [...] (вс')áк'і ворóшк'ы тáмкы б'ýли. У м'ене

страшно, что невозможно было и слушать. Он бросил и так бежал отсюда. Что он больше не хотел ходить на свадьбу. И эта девушка ему сказала: «Больше никогда не ходи... осторожно. Больше никогда не ходи с субботы на воскресенье играть, потому что это большой грех». Ну он уже потом не ходил никак, ни в субботу, ни... ни в какие дни. Боялся уже ходить.

[...] Да, или... Шел куда-нибудь человек, да, первый раз куда-нибудь в лес – «Иди, там будешь деда *шмарко*...», девочке говорили, что деда сопливого будет целовать, а мальчику – «Баба сопливая, будешь ее целовать, только походи туда», пугали, чтобы это... дети не шли в лес. Бабами и дедами. Сопливыми. [...] Пугали их, что медведь там, или волк, или что, нельзя идти в лес. Наш и теперь малой: «Я не пойду, потому что там волк, в лесу, я не пойду», – говорит, Вас'ко.

[...] если шел, то пугали, что утопится, утонет в реке. «Умрешь и всё, не иди на реку». Пугали этим.

[...] У нас в селе таким, знаете, не занимались, у нас редко такое где-то кто-то умел что-нибудь ворожить. У нас в селе, но Лопухово уже на этот счет, и Калины очень славились, что умели ворожить. Забобоны всякие. [...] всякая ворожба там была. У меня

у брата жінка была с.. Лопухова. А. йа ни знайу, шчо тото в них там было, (йа)кыс' хлѡпец' ийі.. хот'ів, сватав йі, лопух'івскый. Ну вна вже з братом с'а познакомила. А там йего ма́ти йаку́з' б'іду ворожила. Натыкала дев'ят' игѡл, у йаку́з' тр'япку, та шчо́с' там ворожила, но ни знайу йак вам розказа́ти тто́, ту́лко йа запѡмнила, шчо дев'ят' игѡл, та йийі та́г дуже кололо, шчо, братову жінку, шчо ма́ло ни.. ма́ло ни поме́рла. Но шче сва́ха пок'їйна то́же шчо́з' знала ворожити, та вні тто́ вже зна́ли, шчо йу́й наворѡжили. Та пак шчо́с' сва́ха чиніла, та пак та́к. Вернула здоро́вл'а сво́йуй дон'ц'ї. Туды́ в Лопуховум дуже мно́го. Давали́ ц'ум.. вы́пити, но йаг д'ївчина йака́с' ул'убила́ с'а в хлѡ́пца, та рту́т' давали. Пїти. <Як то можно?> Ка́пку в во́тку кла́ли рту́ти, и.. но шѡс' там ворожили, шчо́с' там примовл'али, ни знайу, шчо́. Та па́к то́т хлѡ́пез' жени́в с'а на ту́й д'ївчин'ї. <Так было?> Но́ тат' та́г было, говори́ли та́к, ни знайу, ци тто́ было в са́мом д'їл'ї, ци н'ї. А тепе́рк'ы ка́жут та́к – рту́ти напїй с'а, та вмерайеш. Угу́. Або давно́ тто́...

Отбирание молока⁷

[...] Вс'їй хосѣн, сметана, ма́нна, то́то вс'ѡ выт коро́вы.. <То всеѡ «манна» казали?> То́ ма́нна каза́ли, йѡ. Выт.. то́то лиш та́к, выд.. шчо выдберайут. Ма́нну, выдобра́ли ма́нну выт коро́вы.

у брата жена была из Лопухова. А... я не знаю, что там у них было, какой-то парень ее... хотел, сватал ее, лопуховский. Ну она уже с братом познакомилась. А там его мать какую-то беду ворожила. Натыкала девять иголок, в какую-то тряпку, и что-то там ворожила, ну я не знаю, как вам это рассказать, только я запомнила, что девять иголок, и ее так сильно кололо, жену брата, что чуть не умерла. Ну еще сваха покойная тоже что-то умела ворожить, и они это уже знали, что ей наворожали. И сваха что-то делала, и так. Вернула здоровья своей дочке. Там в Лопухове очень много. Давали выпить, ну если девушка какая-нибудь влюбилась в парня, давали ртуть. Выпить. <Как это можно?> Капельку в водку клали ртути, и... ну что-то там ворожили, что-то там приговаривали, не знаю, что. Ну и тот парень женился на той девушке. <Так было?> Ну так было, говорили так, не знаю, было это на самом деле или нет. А теперь говорят так – ртуть напейся, и умрешь. Ага. Но раньше это...

[...] Всю пользу, сметана, *манна* [жирность, удои], это всё от коровы... <Это всё *манна* называлось?> Это *манна* называлось, да. От... это только так, что отбирают. *Манну*, отобрали *манну* у

⁷ См. еще [Толстая 2001: 492–493].

Ни казали, шчо молоко ват' шчо. Но «манну» то значит' ус'ый хосен, выт коровы выз'мут, шчо.. пол'зу! Шчо н'йякой пол'зы с коровы нийе. [...] Туй у нас у сел'и было. <В Русской Мокрой было?> У нас се было, у нас у сел'и. Два годы тому ват' три назат. То вже тепер' было, сс'и.. годы. [...] И тепер' жийе. Но та лиш шчос' она мала розум'гити, кой.. кой ишла в хл'ив. Та корова ни дала с'а дойти, та рыкала так шчо гор'и с'ц'инов велла с'а лабми... Бывають л'уде вс'ак'и.

[...] Босоркуны казали, шчо были, шчо масло выдберали выт коров та.. А такэ ни было, были л'ичили як'ис', йак то тепер.. Кашпировс'кий л'ичит, тай шчэ так'и, а давнó ни было.

[...] за босоркан'у, а та.. в нас такого ни было, абы босоркан'а л'итала ват' шчо. <А гад?> Но й гада ни в'ид'или с'ме. Так, л'итати, гада.

Оберег при первом отеле

[...] Осика. Но йа ни знайу йак того вам роз'яснити, то дерево такэ велике росте. Та с того брали.. бóту такú, б'и-гар', та коли корова с'а мала телити, та чинили свердлом, просвердл'или у пороз'и, та здойили першой кулайстры, коли телиц'а с'а перший рас телила. Та в тотú д'рку сыпали той кулайстры, та тым чопом из осики забивали. Абы н'йяка босоркан'а, в'ид'ма, ни могла забрати манну выт той коровы.

коровы. Не говорили, что «молоко» или что. Ну манну это значит всю пользу, у коровы отберут. Что никакой пользы от коровы нет. [...] Здесь у нас в селе было. <В Русской Мокрой было?> У нас это было, у нас в селе. Два года или три назад. Это уже теперь было, в эти годы. [...] Жива до сих пор. Но такая только что-то она должна была понимать, когда шла в хлев. И корова не давалась ее подоить, и ревела так, что на стену бросалась ногами... Бывают люди всякие.

[...] Босоркуны говорили, что были, что масло отбирали у коров, и... А такого не было, чтобы лечили какие-нибудь, как это теперь... Кашпировский лечит, и еще такие, а раньше не было.

[...] босорканю, а... у нас такого не было, чтобы босоркая летала или что. <А змея?> Ну и змею мы не видели. Так, чтобы летала змея.

[...] Осина. Ну я не знаю, как это вам объяснить, это дерево такое большое растет. А из него брали... палку такую, и когда корова должна была телиться, то делали сверлом, просверливали в пороге, сдавали первое молозиво, когда телка первый раз телилась. И в эту дырку лили это молозиво, и этой затычкой из осины забивали. Чтобы никакая ведьма не могла забрать манну от этой коровы [т. е. молоко, удои].

Астрономия

[...] жінка, ни зна́йу, мо́же шче й те-
пéр жійе, шчо гада́ла на з'в'іздах. <Як
вона гадала?> Но зна́ла.. шчо бу́де с..
л'уді́н'і туй, котра́ до не́йі йшла́, абы́
с'а диві́ла на з'в'ізды.

[...] (На м'і)с'ац'ови посто́йа́нно п'я́т-
на су́т. Ка́йин из А́вел'ом, йак убі́в бра́д
бра́та, Ка́йин А́вел'а вбі́в, та та́м с'а тто́
вста́ло на м'іс'ац'ови, сл'іда́ тты́.

[...] М'іс'ац' но не́ та́к... Ко́лі м'і́н'а́йе
с'а м'іс'ац', ко́лі затм'і́н'на́ м'іс'ац'а,
та диві́ли с'а на м'іс'ац' через ма́рл'у.
Та тто́ в'ід'іли та́мки, йак.. та́м лежі́т
убі́тый. Та́г говорі́ли, йа́ ни в'ід'іла,
лиж говорі́ли, тко́ диві́в с'а.

Время

[...] [Полдень] то́же.. опа́сный, йак
пі́ше у.. пса́лм'і, там «живы́й о по́мо-
шчи ви́шн'аго», дев'яно́ста пса́лма, а
та́м соко́тїти с'а й «б'іса полуденна-
го». «Падéт от стра́ни, – ка́же, – тїс'а-
ча. И тма́ одесну́ю тебе́ те́б'і же ни
приблїжїт с'а. Обаче очі́ма смотре́-
ши й возда́йя́ни́е гр'ішнику узрї́ши.
Яко ты́ Го́споди.. помóчник муй [...]»

[...] Со́нце садї́т с'а – д'і́тїну ни мо́ш
кла́сти спа́ти. <А чому?> Шо тогды́
мо́же по́т'ати д'і́тїну, пла́кати будé,
рева́ти, шчо трéба бде ва́тру пудга́шо-
вати. Д'і́тїн'і. То́ йак-им пéрше ва́м
каза́ла, шчо с'ачéну во́ду та ву́гл'а кї-
дати в во́ду с'ачéну. Но а та́к ни зна́йу

[...] женщина, не знаю, может, она
еще и теперь жива, что гадала по звез-
дам. <Как она гадала?> Ну знала... что
будет с... человеку этому, который к ней
приходил, чтобы она смотрела на звезды.

[...] На луне постоянно есть пятна.
Каин с Авелем, как убил брат брата,
Каин Авеля убил, и там это осталось
на луне, следы эти.

[...] Луна ну не так... Когда меняет-
ся луна, когда затмение луны, то смо-
трели на луну через марлю. И это ви-
дели там, как... там лежит убитый. Так
говорили, я не видела, только говори-
ли, кто смотрел.

[...] [Полдень] тоже опасный, как
написано в псалме, там «живый о по-
мощи Вышнего», девяностый псалом,
а там опасаться и «беса полуденного».
«Падет от страны, – говорит, – тысяча.
И тма одесную тебе, к тебе же не при-
близится. Обаче очима смотриши и
воздаяние грешнику узриши. Яко ты,
Господи... помощник мой [...]»

[...] Солнце садится – ребенка не-
льзя укладывать спать. <А почему?>
Тогда может *потать* ребенка, плакать
будет, реветь, что надо будет *огонь под-
гашивать*. Ребенку. Это как я вам рань-
ше говорила, что святую воду и угли
кидать в святую воду. Ну а так не знаю

б'іл'ше. [...] А ну, попробуйте, як'і встáнете п'іс'л'а.. йак ид вéчeру л'ага́йте, ко́лі со́нце захо́дит. <А шо буде?> То сла́бос'ц' та́ка в л'удíны.

Дни недели

[...] [*Чеснок*] ка́жут, се́реду та п'я́тниц'у сажа́ти трéба. Цибу́лу... шчо́с' та́кэ говорíли.

[...] (п)ога́не тай уто́рок. <Почему?> Ни зна́йу. Ни зна́йу, почому́ тто́, та́г говорíли баба́, тай йá та́к ка́жу.

[...] вутóрок, четвeр' та субóта, порос'áта р'ізати. <А почему?> Но а в се́реду та в п'я́тниц'у – то по́сний дeн', та́м уже трéба кúшати мн'áсо, то вже гр'іх.

[...] [*Яйца под наседку*] то́же в се́реду та в п'я́тниц'у кла́сти, тогд́ь бдут са́м'і куричкы́, ко́лі накладáти кúриц'у, клóчку. Кла́сти йáйц'а пут клóчку в се́реду та в п'я́тниц'у. То в'ічно, і йá чинíла. [...] б'іл'ше когуту́, п'ігуху́, н'іж курíй.

[...] спúзу ни выберáют. Спúзу, п'е́п'ел іс пéчки ни выберáют, тому́ шчо ка́жут, шчо йáстр'ап кúры несé. У се́реду та в п'я́тниц'у ни мóжно выберáти спúзу, бо йáстр'ап кúри крадé. Давно́ выберáли спúзу на С'атый вéчур. Та то́в спúзов капúсту притр'асáли, абы гусилкы́, гúселниц'і ни пойдáли капúсту. На С'атый вéчур выберáли тту́ спúзу.

больше. [...] А ну, попробуйте, какие вы встанете после... как под вечер ложитесь, когда солнце заходит. <А что будет?> Ну слабость такая у человека.

[...] [*Чеснок*] говорят, в среду и в пятницу сажать нужно. Лук... что-то такое говорили.

[...] плохо и вторник. <Почему?> Не знаю. Не знаю, почему это, так говорили бабушки, и я так говорю.

[...] вторник, четверг и суббота, поросят резать. <А почему?> Ну а в среду и в пятницу – это постный день, там уже надо пробовать мясо, это уже грех.

[...] [*Яйца под наседку*] тоже в среду и в пятницу класть, тогда будут одни курочки, когда класть [под] курицу, наседку. Класть яйца под наседку в среду и в пятницу. Это всегда, и я делала. [...] [*Иначе будет*] больше пехухов, чем кур.

[...] золу не выгребают. Золу, пепел из печи не выгребают, потому что говорят, что ястреб кур уносит. В среду и в пятницу нельзя выгребать золу, потому что ястреб кур крадет. Раньше выгребали золу на *Святый вечер*. И этой золой посыпали капусту, чтобы гусеницы не поедали капусту. На *Святый вечер* выгребали эту золу.

Дождь, гроза

[...] [Крест] бра́ти выд л'удіны з грóба та замочіти в р'ічку... <З якого грóба?> Но дé утóпит с'а, дé йе потоплѣник похоронѣный, та бра́ти хрѣст тóт та затоп.. замочіти в р'ічку, прив'язати, дóк не.. náчне с'а дóшч пáдати. Дóшч náчне пáдати скóро. Тўйкы одна жінка намочіла б́ыла, і поплыв тóт хрѣст, та́кой пáдав та пáдав дóшч, дóвго-дóвго, дóкы ни найшли тóт хрѣст т́ко зна́йе дé. [...] Потóм нѣсли на́зат на грóп хрѣст.

[...] Й́ак náчнеме полива́ти в горóтци вс'ó, тогды́ с'а на́чинат и дóшч. У нас особенно, сé в нас, у на́шум огорóд'и таké. <А шо треба поливати?> Но вс'ó, цибу́лу, вс'ó полива́еме в горóтци, шчо́ посаже́но. При за́сус'и. Ко́ли за́суха, та пўл'л'еме, а пак та́к, и náчне с'а на дрóгый дѣн' дóшч.

[...] Розгр'іба́ют тóже, дé муравл'і ма́йут сво́ю кўпину, тту́ кўпину розгр'іба́ют, абы дóшч пáдав. [...] та́к робіли, и ттó зна́ю, шчо.. ишчѣ-м малá б́ыла, та д'іти йшли́ розгр'іба́ючи кўпины, тт́ы мурав'їі, та стар'і жін.. жінкы́ стар'і крича́ли... но, стар'і жінкы́ крича́ли на д'ітий: «Ни роб'іт, бо дóж бде пáдати».

[...] дóшч пак идé, й́аг жа́бу уб'їе́ [с'а]. <Кажут так?> Ка́жут та́к, ага́.

[...] Сухы́й [дѣнь]? Нийѣ тако́го, й́е молитв́ы, абы́ ни б́ыла за́суха, й́е в книшкáх молі́твы выд за́сухы, выд злыв[у], выд дожж́а, сўт молитв́ы. Ко́ли

[...] [Крест] взя́ть у человека с моги́лы и замочить в реке. <С какой моги́лы?> Ну где утопитс́я, где утоплени́к похоронен, и взя́ть крест этот и затоп... замочить в речке, привязать, пока не начнется дождь. Дождь начнется скоро. Тут одна женщина замочила, и уплыл этот крест, так шел и шел дождь, долго-долго, пока не нашли этот крест кто знает где. [...] потом несли назад на могилу крест.

[...] Как начнем поливать в огороде всё, тогда и дождь начинается. У нас особенно, это у нас, в нашем огороде такое. <А что нужно поливать?> Ну всё, лук, всё поливаем в огороде, что посажено. При засухе. Когда засуха, польем, а потом так, и начнется на другой день дождь.

[...] Разгребают тоже, где у муравьев своя куча, эту кучу разгребают, чтобы дождь шел. [...] так делали, и это знаю, что... я еще маленькая была, дети шли и разгребали кучи, этих муравьев, и старые женщины кричали... ну, старые женщины кричали на детей: «Не делайте [этого], дождь пойдет».

[...] дождь идет, если жабу убить. <Говорят так?> Говорят так, ага.

[...] Сухой [дѣнь]? Нет такого, есть молитвы, чтобы не было засухи, есть в книжках молитвы от засухи, от ливня, от дождя, есть молитвы. Когда ви-

відиме, шчо дўже з́асуха, та мо́лиме с'а, молитв́ы, то́ йе в кни́с'ц'і на́писан'і молитв́ы, а пото́му при́йде до́шч. А йа́ вь.. йа вьв'ід'іла, коли́ дўже з́асуха, а йа́ зелéный-зелéный ц'в'іток у шпóр.. бросáйу. З́разу до́шч пўйде.

[...] Коли́ с'а хма́рит, та береме́ мы́цкы́, тту́ лозу́, шчо в це́ркви дайу́т, на Нед'іл'у ва́йі, та тто́ па́лиме в шпóр'і. Та тто́ росхо́дит с'а, гроза́.

[...] ніч ни ро́бл'ат, лиш.. кладеме́ мы́цку в шпóр, тотó коли́ с'ачéн'і, йó, мы́цкы́ ве́ржеме, запáлиме, в шпóр, та пак хма́ры росхо́д'ат с'а, та.. нийé гра́ду.

[...] беру́т коли́ гроза́ йде́. Кочéргу та ші́ргу⁸ ме́чут на́вхрест на дву́р, коли́ гроза́ ма́йе йті́. [...] Но́, тто́ нидóбре. [...] та [выд]бросáйут на дву́р, на́вхрест, ші́рга, но́. Абы́ гроза́.. переставáла. Коли́ грат паде́. Коли́ грат паде́, то тогды́ тто́.. кладу́т на дву́р. [...] Лопáту? Í лопáту то́же, давнó лопáту ме́тали та кочéргу на дву́р. А тепе́р лопáты ма́ло в ко́го йе́, тепе́р та́к лиш сажа́йеме хл'і́п у п'іч, аш печеме́, та тепе́р коли́ печеме́ на.. на Па́сху лиш, паскы́ у печі́, а бу́рш нийé ш чо́го печі́.

[...](ди)ві́ли с'а, бы́ло та́к, шчо в гра́дови так'і сте́бла, траві́чка йе́. Упа́де грат такы́й, тай трава́ в не́му зелéна. Бы́ло тто́. <И шо, дивили́ся на то?> Диві́ли с'ме с'а на тто́, йó. Тотó одéн ра́с та́к та то́го бы́ло мно́го.. упá-

дим, что сильная засуха, то молимся, молитвы это есть в книжке написанные молитвы, а потом придет дождь. А я вы... я выведала, когда сильная засуха, я зеленый-зеленый цветок в печку (плиту) бросаю. Сразу дождь пойдет.

[...] Когда нахмуливается, берем веточки, эту лозу, которую в церкви дают, на Неделю вайи, и это сжигаем в печке (плите). И это расходится, гроза.

[...] ничего не делают, только... кладем вербовую ветку в печку, это освященные, да, ветки кидаем, зажжем, в печь, и тучи расходятся, и... града нет.

[...] берут, когда гроза идет. Кочергу и ші́ргу кидают крест-накрест на двор, когда гроза приближается. [...] Ну, это нехорошо. [...] И выбрасывают на двор, крест-накрест, ші́рга, ну. Чтобы гроза перестала. Когда град идет. Когда град идет, то тогда это кладут на двор. [...] [Хлебную] лопату? И лопату тоже, раньше лопату кидали и кочергу на двор. А теперь лопаты мало у кого есть, теперь так только сажаем хлеб в печь, если печем, да теперь когда печем, на Пасху только, куличи в печи, а больше не с чего печь.

[...] смотрели, бывало так, что в граде такие стебельки, травка есть. Выпадет град такой, и трава в нем зеленая. Было это. <И что, смотрели на это?> Смотрели мы на это, да. Это один раз этого много выпало в селе.

⁸ Ср. ші́рга 'палица для перевертання вугілля або соломи, що горить у печі' [АУМ 3: 521, 3-й столбец].

дало в сел'ї. Граду с травов. [...] А Бог знайе, акурат мы ссе говорили, шо выткы ссе. Но та каже де по полонинах избере с'а вихор, в'їгер, та.. тод грат.. застывайе, дошч тот, та грат с'а чинит та паде долу.

[...] [*Дерево, в которое попала*] молния, та де быв сучок на дерев'ї, та тоту дырку забрали, та коли приходили тс'уды тоты циркусанты, так'ї шчо цїрк клали... <Яки циркусанты?> Ну шчо.. у цирку робл'ат. Та приходили так'ї концерты ставити, а котр'ї хот'їли, но вс'ако, йак тот, шчо быв.. шчо промыкав, шчо тто.. Л'єно? Но, вс'аке такє. Та паг дивїли с'а крус ту дырку, а вун ни мұх робити за тото. Свою роботу тот у цїрку ни мұх робити. И пр'амо пудыйшов ит тому чолов'їкови: «Выйди с сїм вон. Дobre й заплачу ти, лиш выйди вон». Шчо в громовиц'у подивити с'а, н'їткo ни може тогды.. таку махи.. механизацийу робити. <реплика со стороны: Махинацийу.> Махинацийу, ци яку б'їду...

[...] Дерево, шчо майе дв'ї сер'ц'а, та тото ни мош класти в дом, н'їгдє, н'ї в йаку.. попутстройку, н'ї в йаку. Бо дє дв'ї сер'ц'а, в дерев'ї йє, та там молния. Б'їє. Там б'їє молния, тото говорили л'уде. [...] дерево положити з двомá сер'ц'ами – убов'ясково в тту хыжу бде молния бити.

[...] [*Ветролом* –] вытты брали л'уде, с тых стройили соб'ї. У нас кул'ко году

Граду с травой. [...] А Бог знает, как раз мы это говорили, что откуда это. Ну, говорят, где-то по полонинам соберется вихрь, ветер, и этот град застывает, дождь этот, и делается град и выпадает вниз.

[...] [*Дерево, в которое попала*] молния, и где был сучок в дереве, и эту дырку брали, и когда приезжали сюда эти циркачи, те, что цирк устраивали... <Какие циркачи?> Ну что.. в цирке работают. Приезжали такие концерты устраивать, а кто хотел, ну по-всякому, как тот, что был... что проглатывал, что это, Лена? Ну, всякое такое. И смотрели через эту дырку, а он не мог работать из-за этого. Свою работу тот в цирке не мог делать. И прямо подошел к тому мужчине: «Выйди с этим отсюда. Хорошо и заплачу тебе, только выйди отсюда». Что в громовицу посмотреть, никто не может тогда такую махи... механизацию делать. <реплика со стороны: Махинацию.> Махинацию, или беда его знает...

[...] Дерево, в котором две сердцевинны, нельзя использовать в строительстве дома, нигде, ни в какой-нибудь пристройке, ни в какой. Потому что будет *два сердца*, в дереве есть, и туда молния бьет. Туда молния бьет, это говорили люди. [...] дерево заложить с двумя сердцевинами – обязательно в эту хату будет молния бить.

[...] [*Ветролом* –] оттуда брали люди, из этих строили себе. У нас не-

тому́ назáт, та туй зовс'ім така́ б́ыла... в'ітролом такый, шо туй тул'ко д́ерева зваліло б́ыло, б́оже! Туй у нас ќоло селá та́кой, о́де нат.. жел'ізнов доро́гов. А́бо забра́ли л'уде вс'о тто.

[...] [*При первом громе весной стучали*] ка́мн'ом у чо́ло, та каза́ли «Ка́м'ин' голова́», аб́ы ка́м'ин'.. аб́ы голова́ ни бол'іла за той р'ік н'іко́го. Шчо така́ ма́йе б́ыти муцна́ голова́, йак ка́м'ин'. <То коли первый гром был?> Угу, коли чу́ли п́ервый грóм. Мо́лнийу.

Вихрь на меже

[...] Д'ітіну ни мо́жна кла́сти на ме́жу, д'ітіну. Малу́ д'ітіну ни мо́ш кла́сти на ме́жу, аб́ы спáла. С́е б́ыв сл́учай неда́вно й у ме́не та́кой. Йá там на сотінах на́ших робі́ла, а вдна́ молодá така́ поклáла д'ітіну на са́му ме́жу. У кол'ас'ц'і. Та до́шч хóт'ів па́дати, она пушлá отáву.. с'іно згр'іба́ти. Б́оже, коли начáв с'а в'ітер, та зна́йте тта́.. пов'ітру́л'а, йак ка́жут, та́к менé обн'ала отáвов, шчо йá стáла йак йа-ка́с' коп'іц'а с с'іна, ни в'ітко н'а б́ыло в'ытты. Йá [...] лédвы убалі́ла і гл'а.. поді́вила с'а та́кой на тту́ д'ітіну. Го́йкайу: «С'в'это, бері́ д'ітіну, скóро бері́ гét из межі́ дітіну!» Бо тогды́ бы сохтовáло д'ітіну спарал'ізовáти, пудв'ійати ка́зали, шчо пудв'і́е д'ітіну. Но́ внá тул'ко вст'ігла тоту́ д'ітіну выдв́ести, і там.. тотá, с'іно гét выд ме́не забра́ло до н́их с'іно. А внá

сколько лет назад здесь совсем такая была... *ветролом* такой, что здесь столько деревьев свалило, боже! Здесь у нас около села так, здесь над железной дорогой. Но забрали люди всё это.

[...] [При первом громе весной стучали] камнем в лоб, и говорили: «Камень-голова», чтобы камень... чтобы голова не болела в этом году ни у кого. Что такая должна быть крепкая голова, как камень. <Это когда первый гром был?> Ага, когда слышали первый гром. Молнию.

[...] Ребенка нельзя класть на межу, ребенка. Маленького ребенка нельзя класть на межу спать. Это был случай недавно и у меня такой. Я там на сотках наших работала, а одна такая молодая положила ребенка на самую межу. В коляске. И дождь стал собираться, она пошла отаву... сено сгребать. Боже, как начался ветер, и знаете эта... *повітруля* [вихрь], как говорят, так меня обьяла отавой, что я стала как какая-нибудь копна сена, не видно меня было оттуда. Я едва отряхнулась и посмотрела так на этого ребенка. Кричу: «Света, забирай ребенка, быстро забирай прочь с межи ребенка!» Потому что тогда бы [бывало, что] могло ребенка парализовать, *пудвійати* говорили, что *пудвііе* ребенка. Но она только успела этого ребенка отвести, и там... эта, всё сено от меня забрало к ним. А она успе-

встигла тту́ д'ітіну вхóпити. А то́ бы́ было щчóз' бы́ло д'ітін'і. [...] б'ыв дес'.. т'ри го́ды тепе́р'кы. Йак за́чав.. О́на поклáла д'ітіну та грéпти пушлá... Бóже, коли́ то́т в'ітер тым с'іном, інде[...] т'іхо бы́ло, н'ігдé. Лиш ч'істо в нáс тáм. Тотó й[і]х угорóт тай нáш тáкой. Та на тту́ д'ітіну понéсло с'а с с'іном. Нó вна встигла.. устигла захвaт'ити д'ітіну в'ытты. Йá закричáла на н'у – «Хáб д'ітіну, т'іка́й із д'ітінов гет!» Та.. А йá вс'á бы́ла тák йак йакáс' коп'иц'а, у с'ін'і. Бо ж менé.. гét і óчи ми, й голóвá, вс'ó зак'рыто. Внá кáже, внá думáла, шчо ттó йá тaкóго плáста нагрéбла. [О]н' ув'ід'іла, коли йá вже с'а зáчала к'ывати в тóму с'ін'і.

Медицина

[...] шчо с'ут так'і л'уде, шчо под'ивл'ат с'а на д'ітіну та зглáз'ат. Шо ттá д'ітіна плáче-плáче, плáче дóкы вáтру ни выдгáс'ат. Так вáтру, бер'ут вóду с'ачéну, та н'уш, та в'угл'а. [...] да-й'ут йáсне в вóду с'ачéну, та тáм мóл'ат с'а, щчóс' шéпчут, йá ни знáйу, шчó. Бо мн'і ттó ни приход'ило с'а, бо йá в ттó н'ікóли ни в'ір'іла. Та тák в'угл'а реvé, он' в'івкaт ттó в'угл'а, коли́ п'утне д'і-тіну, зглáзит ткóс'. Та тáг д'уже шум'ит ттó в'угл'а в вод'і с'ачéнуй.

[...] л'іч'или с'а, а вс'áкыми. Пукавк'ы так'і с'ут, шчо нáчнут б'ілым.. ц'в'ітом ц'в'істи, а на н'іх уч'ін'ат с'а так'і.. уботк'ы. Уботк'ы давнó с'ме отáк пó

ла этого ребенка схватить. А то бы что-нибудь случилось с ребенком. [...] было где-то три года теперь. Как начал... Она положила ребенка и пошла грести... Боже, как этот ветер с этим сеном, в других местах [...] тихо было, нигде. Только чисто у нас там. Это их делянка, и наша так. И на этого ребенка понесло сеном. Ну она успела... успела схватить ребенка оттуда. Я кричала на нее – «Хватай ребенка, беги с ребенком прочь!» И... А я вся была как какая-нибудь копна, в сене. Потому что меня же... сплошь и глаза у меня, и голова, всё закрыто. Она говорит, она думала, что это я такой пласт [сена] нагрела. Увидела, только когда я уже начала двигаться в этом сене.

[...] что есть такие люди, что посмотрят на ребенка и сглазят. Что этот ребенок плачет-плачет, плачет, пока *огонь не отгасят*. Так огонь, берут воду святую, и нож, и угли. [...] (угли) кидают раскаленные в воду святую, и там молятся, что-то шепчут, я не знаю, что. Потому что мне не приходилось, потому что я в это никогда не верила. И так угли ревут, аж пищит, когда *потнет* ребенка, сглазит кто-нибудь. И так сильно шумят эти угли в воде святой.

[...] лечились, а всякими. *Пукавки* такие есть, что начинают белым цветом цвести, а на них сделаются такие *уботкы*. *Уботкы* раньше мы так о го-

голов'і, оні так пúкали. Пукавки звúт' с'а. Та тотó пили л'úде, та польын, мн'а-тú... <А от чего?> Пóчки, жóвч, печу́нку тым л'ичіли. Мн'атá...

[...] струпом забол'іє, на йакы́с' стру́п, та дúмає, шчо ттó йе́му. пут-сы́пали. Це́ вже воро́шка. Шчо пут-сы́пали, та потóму вún обмыва́є с'а водóв, та ттú воду несé перет цéркви сы́пле, бо там ужé вс'і на прáзники велі́к'і, на Рожжéствó, на.. на Пáсху, ус'і тут л'úде йдúд до цéркви. Та пак тотó воду котрýй изробív, то там перéйде, дрúгому н'ікóму ніч ни бúде, лише тóму, тко зробív тотó л'удин'і зло, та навéрне с'а на нéго. Тák кáжут.

[...] бабы́ бýли, шчо бáйали, коли́ впúхла выд зúба л'уді́на, та потóму шчóс' там шептáли йак'із' бабы́, шéпчуд, бáйут.

[...] бабы́ спиціáлно лишáли кóсем ни.. рошчísовали, абы́ ни бол'іли.. рéвмов ци чím. <Як?> Кóсем лишáли одéн такýй, шчо такýй, шчо ни мóж го бýло вжé рошчесáти н'ікóли. Абы́ ни бол'іти рéвмов. Тóт кóсем лишáли давнó дес' л'úде в голов'і.

[...] бýли бородавкы́ на рука́х, та росóв, йак йé росá на стéклах, на.. ок-на́х, та тóв росóв масті́ли. Їли кáм'ін', йакýй мáв такú йáмку, та дóшч па-дáв, та встало с'а бýло отó водичкa у йáмци́ тúй. С'-пс'-пс'-пс'-пс'! [вероятно, брызгать этой водой на бородавки].

[...] д'іт'гом л'ичіти. <Як?> Л'ичіти, шчитáти тоты́ бородавкы́, кúл'ко йé

лову, и они так лопались. *Пукавки* называются. И это пили люди, и польнь и мяту. <А от чего?> Почки, желчный пузырь, печень этим лечили. Мята...

[...] струпом заболéет, делается какой-нибудь стру́п, то думает, что это ему подсыпали. Это уже ворожба. Что подсыпали, и потом он омывается водой, и эту воду несет и выливает перед церковью, потому что там уже все на большие праздники, на Рождество, на Пасху, все тут люди идут в церковь. И эту воду кто сделал, там пройдет, другому никому ничего не будет, только тому, кто сделал это человеку зло, и оно повернется на него. Так говорят.

[...] бабы были, что *байли*, когда опух от зуба человек, и потом что-то там шептали какие-то бабы, шепчут, *байут*.

[...] бабы специально оставляли прядь, не расчесывали, чтобы не болеть ревматизмом или чем. <Как?> Прядь оставляли одну такую, что такая, что нельзя было ее уже расчесать никогда. Чтобы не болеть ревматизмом. Эту прядь оставляли раньше люди где-нибудь на голове.

[...] были бородавки на руках, и росой, когда есть роса на стеклах, на окнах, этой росой мазали. Или камень, в котором была такая ямка, и дождь шел, и оставалась там водичка в ямке этой. С'-пс'-пс'-пс'-пс'! [вероятно, брызгать этой водой на бородавки].

[...] детям считать. <Как?> Считать эти бородавки, сколько есть на руке, и

на руц'і, тай так пропадали, таг говорили. <А кто это делал?> Но д'іти. Но зрѳбл'ат с'а в д'ітій с'ае б'іл'ше бы-вайт тоты бородавкы. То к'ажут шчо жаба с'ікнула водѳв на р'уку д'іт'ін'і, та выт тѳго бородавкы. А таг дайѳе, котр'ый був х'ытрый, тай дайѳе – «Ну, пол'ічй мойй бородавкы, к'ул'ко йѳе». Та пол'ічит, та пак у нѳго с'ут, у тѳго, ткѳ пол'ічит тоты бородавкы.

[...] (Вес)нушкы... водичку с..пуд берѳзы. Та т'ым м'ыли с'а. Водичку из.. берѳзы. Выд веснушок.

[...] каз'али, й'а забыла вже, й'ак каз'али, шчо.. абы забр'ала вн'а веснушку. «Кукушка, заберй выд н'а веснушку».

Сны

[...] (ж)аба ни зн'айу, а каз'али, шчо коли медв'іт' приснит с'а, тогды ткѳс' умрѳе в роду. <Казали так?> Угу, йѳо, говорйли, шчо ткѳс' умрѳе в род'ін'і. Коли медв'іт'. <А псы, коли псы?> Тѳ ткѳс' кус'айе, й'ак'ыс' йѳе так'ый чол'в'ік, шчо напад'айе на кѳгѳс', та снит с'а соб'ака, шчо кус'айе. Тѳ вже зн'ай, шчо ттѳ ткѳс' кус'айе т'а, шо хѳче ти злѳ зрѳб'іти. То дѳколи снит с'а р'ыба, та тѳ на дѳшч. На з'аливу, коли р'ыбы с'н'ат с'а. [...] л'уб'а р'ыба снит с'а, та дѳшч падѳе.

[...] Нидѳбре. <Корова недѳбре?> Хворѳта, ткѳз' захвор'йе, коли таг каз'али л'уде, нѳ ни зн'айу, пр'авда ттѳ ци нипр'авда. Ткѳз' захвор'йе. [...] Кѳн'і

пропадали, говорили так. <А кто это делал?> Ну дети. Ну сделаются, у детей больше всего бывают эти бородавki. Это говорят, что жаба прыснула водой на руку ребенку, и от этого бородавki. А так дает, который был хитрый, дает – «Ну, посчитай мои бородавki, сколько есть». И посчитает, и потом у него они, у того, кто посчитает эти бородавki.

[...] веснушки... водичку из берѳзы. Этим умывались. Водичку из берѳзы. От веснушек.

[...] говорили, я забыла уже, как говорили, что... чтобы забрала она веснушку. «Кукушка, забери у меня веснушку».

[...] (ж)аба не знаю, а говорили, что когда медведь приснится, тогда кто-то умрет из родственников. <Говорили так?> Угу, да, говорили, что кто-то умрет в семье. Если медведь. <А собаки, если собаки?> Это кто-то кусает, какой-то есть такой человек, что нападает на кого-то, и снится собака, что кусает. Это уже знай, что это кто-то кусает тебя, что хочет тебе зло сделать. Это иногда снится рыба, то это к дождю. К наводнению, когда рыбы снятся. [...] любая рыба снится, и дождь идет.

[...] Не к добру. <Корова не к добру?> Болезнь, кто-то заболѳет, когда, так говорили люди, но не знаю, пр'авда это или неправда. Кто-то заболѳет. [...]

йак с'н'ат с'а, тогды в'ітер великый
в'іе, коли кон'і с'н'ат с'а.

Кони если снятся, тогда ветер сильный
дует, когда кони снятся.

Разное

Двойные плоды

[...] Казáли, шчо вр'іхы, котр'і б'ыли
близ'н'ата, тák и звáли тоты вр'іхы
близниц'і, та ни йісти д'івчátум, бо
пáг будé рóдити близ'н'ата. <Так и
казали?> Тák и говоріли, йó. Шóбы
д'івчина ни йіла тоты.. вр'ішкы. Бо
бдé родіти близ'н'ата, двóйе нарáс. То
вже т'áшко. Йóй... Взагал'і казáли, шчо
двойен'ата абы ни йісти.

[...] говорили, что орехи, которые бы-
ли «близнецы», так и звали эти орехи
«близнецы», что не надо их есть девуш-
кам, потому что потом у нее родятся близ-
нецы. <Так и говорили?> Так и говорили,
да. Чтобы девушка не ела эти орешки.
Потому что родит близнецов, двоих сра-
зу. Это уже тяжело. Ой... вообще гово-
рили, что двойные плоды не надо есть.

Домовая змея⁹

[...] Лиш кáжут, шчо тóго б'іти ни
слóбудно, бо.. ват' корóва здóхне, ват'
ткóс' умрé.

[...] Говорят только, что этого уби-
вать нельзя, потому что... или корова
сдохнет, или кто-нибудь умрет.

Первая кукушка

[...] (ліч)іли.. кúл'ко рáс, на вéс'н'і
пéрвый рáс йак уч'уйут кукúшку, та
л'ічат, кúл'ко рáз за.кúкайе, тúл'ко
гóду будé ж'іти. Нó а ттó мóже, ч'уйе-
те, й правда б'ыти, бо.. мóйа дóчка
в прóшлому гóд'і пок'ійна: «Мáмо,
йá вже ч'úла.. кукúшку, айбо, – кáже,
– лиш рáз закúкала». – «А, – кáжу, –
мóже д'іти-с' ч'úла у дéбри óнде кúка-
ти». Йá вже йейі... Онá йакóс' с'а за..
сумн'івáла, шчо лиш рáз закúкала.
«А, – кáжу, – д'іти óнде кúкайуд да..
бáвл'ат с'а». Нó та ттó мин'і прийшлó

[...] считали... сколько раз, весной
первый раз когда услышат кукушку,
считают, сколько раз прокукует, столь-
ко лет будет жить. Ну а это может, зна-
ете, быть и правда, потому что... моя
дочка в прошлом году покойная: «Ма-
ма, я уже слышала кукушку, но, – гово-
рит, – только раз прокуковала». – «А, –
говорю, – может, ты слышала, как дети
там на склоне куковали». Я уже ее...
Она как-то загрустила, что только раз
прокуковала. «А, – говорю, дети там
кукуют да... играют». Ну и это мне при-

⁹ О змеях см. [Толстая 2001: 491–492, 494; 2017: 124, 126, 129, 136].

в го́лов. Шчо вна́ то́же говори́ла, пок'йна́, шчо лиш ра́с куку́шка кукнула. Йой, бо́же му́й бо́же...

Посадка картошки

[...] Карто́шку сад'ят, та с'ида́йут, котра́ ма́й здоро́ва ба́ба, та с'ида́йут на ниву́, йаг посад'ят карто́шку, та примовл'а́йут, абы́ така́ карто́шка здоро́ва бы́ла, йаг ба́ба тотá, котра́ садити, котр[и́] ма́й здоро́ва, та та́м убалиме́ йи, на нив'и́, та примовл'а́йеме, шчо́бы така́ карто́шка бы́ла. <Это рiпа, да?> Р'iпа в на́с ка́жут, йо́.

шло в голову. Что она тоже говорила, покойная, что только раз кукушка прокуковала. Ой, боже мой боже...

Картошку сажают, и садятся, которая баба поздоровее, садятся на ниву, как посадят картошку, и приговаривают, чтобы такая картошка здоровая была, как баба эта, которая сажает, которая поздоровее, и там повалим ее, на ниве, и приговариваем, чтобы такая картошка была. <Это рiпа, да?> Pina [диалектное название картофеля] у нас говорят, да.

Литература

- АУМ 3 — Атлас української мови. Т. 3: Слобожанщина, Донеччина, Нижня Наддніпрянина, Причорномор'я і суміжні землі. Київ, 2001.
- Николаев, Толстая 2021 — Николаев С.Л., Толстая М.Н. Диалектные тексты из закарпатского села Русская Мокрая // Исследования по славянской диалектологии. Вып. 23. М., 2021. С. 238–280.
- Толстая 2001 — Толстая М. Н. Из материалов Карпатских экспедиций // Восточнославянский этнолингвистический сборник. Исследования и материалы. М., 2001. С. 477–495.
- Толстая 2012 — Толстая М. Н. Потинка и баяние в закарпатском селе Синевир // Славянский и балканский фольклор: Виноградье. К юбилею Людмилы Николаевны Виноградовой. М., 2011. С. 149–156.
- Толстая 2017 — Толстая М. Н. Люди и змеи в центральном Закарпатье (по полевым материалам рубежа XX–XXI вв.) // Антропоцентризм в языке и культуре. М., 2017. С. 107–156.
- Толстая 2021 — Толстая М. Н. Священники и монахи как «знающие» люди в народной традиции Закарпатья (по полевым материалам) // Живая старина. 2021. № 2. С. 29–33.

*Summary**Sergey L. Nikolaev,
Marfa N. Tolstaya***Dialectal texts from Russkaya Mokraya (Transcarpathia, Ukraine).****2. Traditional culture**

The Transcarpathian village of Russkaya Mokraya is located in the historic Northern Maramorosh and has been known since the 17th century. The published texts were recorded during an expedition of the Institute of Slavic Studies in 1995 from one informant and contain answers to questions and stories about traditional folk culture — family, calendar, and household rituals, mythological perception of nature, folk demonology, and medicine. The phonetics of the Russkaya Mokraya dialect is briefly characterized in the first part of the publication in the last issue of the series. The texts are of considerable interest because of the dialectal archaic grammatical system, in particular, they contain a number of examples of the pluperfect, accusativus cum infinitivo and dativus possessivus constructions. The “cultural register” of the speaker’s speech is also interesting, it appears in communication with researchers from Russia and is manifested in a number of lexical and phonetic borrowings from Russian and literary Ukrainian. All texts are provided with Russian translations.

Keywords: dialectal texts, Transcarpathian dialect, Maramorosh dialects, World War II, oral history

Научное издание

Исследования по славянской диалектологии.

24

М.: Институт славяноведения РАН, 2023. – 314 с.

Утверждено к печати Ученым советом
Института славяноведения РАН

Отв. редактор серии: *А. Ф. Журавлев*
Отв. редакторы выпуска: *М. М. Алексеева, М. Н. Толстая*

Компьютерная верстка: *М. Н. Толстая*
Обложка: *М. И. Ленъшина, М. Н. Толстая*

Подписано в печать 20.12.2023. Усл. печ. л. 19,6.
Формат 60×84¹/₁₆. Тираж 500 экз. Заказ № 24.
ООО «Пробел-2000»
121069 Москва, ул. Поварская, д. 36